

П.П.Черкасов

Лафайет

ПОЛИТИЧЕСКАЯ
БИОГРАФИЯ

П.П.Черкасов

Лафайет

ПОЛИТИЧЕСКАЯ
БИОГРАФИЯ

Москва
«Мысль»
1991

ББК 63.3(4Фр)5

Ч-48

РЕДАКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ
ПО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

0503030000-051
ч ————— 33-91
004(01)-91

ISBN 5-244-00505-7

© Издательство «Мысль». 1991

*ПАМЯТИ МОЕГО ОТЦА –
ОФИЦЕРА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ*

ОТ АВТОРА

Наверное, у каждой книги есть своя история. Почему внимание автора привлекла та, а не иная тема? Что определило его выбор?

Свою историю имеет и предлагаемая читателю работа о Лафайете. Еще в студенческие годы в «Книжной лавке писателей» на Кузнецком мосту в Москве мне удалось приобрести книгу В. Я. Богучарского «Маркиз Лафайет — деятель трех революций (Исторический очерк)», изданную в 1899 г. Ее написал историк прогрессивно-либерального направления, в прошлом казачий офицер-народоволец. Он с искренней симпатией и уважением рассказал о человеке, которого современники называли героем Нового и Старого Света, об активном участнике войны североамериканских колоний Великобритании за независимость, видном деятеле Великой французской революции 1789–1799 гг. и Июльской революции 1830 г., национальном герое Франции и США.

Желание глубже изучить все, что связано с жизнью и деятельностью маркиза-революционера, побудило меня обратиться к трудам советских ученых по истории Великой французской революции. Каково же было мое удивление, когда во всех публикациях я не встретил по сути ни одного положительного отзыва о нем! Преобладающими были негативные оценки Лафайета как личности с искусственно раздутой репутацией, убежденного роялиста, даже контрреволюционера и изменника, хотевшего задуть ту самую революцию, началу которой он активно содействовал и в которой играл одну из главных ролей вплоть до августа 1792 г.

Во втором издании БСЭ (1953 г.) можно прочитать о «ненависти Лафайета к народу и революции», о том, что Лафайет уже с осени 1789 г. «стал искать сбли-

*Историк и политический деятель Франции XIX в.

жения с силами контрреволюции», о его намерении «использовать армию для подавления революции»¹.

В третьем издании БСЭ (1973 г.) и в Исторической энциклопедии (1965 г.) эта оценка роли Лафайета в Великой французской революции повторяется, хотя и в несколько сглаженном виде². О его «ненависти к народу и революции» уже не говорится, но по-прежнему сохраняются обвинения в контрреволюционности.

По-иному изображен Лафайет в зарубежных (прежде всего французских и американских) энциклопедических изданиях — последователь философии просветителей, неутомимый поборник идей независимости, социального равенства и прав человека, достойный гражданин, филантроп и альтруист. Сорок городов и населенных пунктов США носят имя Лафайета, а опросы общественного мнения во Франции неизменно указывают на него как на самого популярного и уважаемого деятеля Великой французской революции. Как же так?..

Уже тогда, в конце 60-х гг., под впечатлением прочитанного у меня возникло желание разобраться в этих диаметрально противоположных оценках личности Лафайета, но по разным причинам вплотную заняться этим сюжетом мне удалось лишь в 80-х гг., в преддверии 200-летия Великой французской революции, когда не без противодействия «ревнителей устоев» мне удалось опубликовать в издательстве «Наука» краткий биографический очерк о Лафайете³.

В процессе работы над книгой стали ясны причины отрицательного отношения к Лафайету в советской историографии. Справедливости ради следует отметить, что наши американисты более благосклонно, чем франковеды, относились к герою Войны за независимость США.

Прежде всего выяснилось, что ни один советский историк не исследовал биографию Лафайета и уже по этой причине принятые в историографии оценки и суждения нельзя считать достаточно научно обоснованными. То же самое следует сказать и об оценках других, более умеренных деятелей Великой французской революции — фейянов, жирондистов или термидорианцев, биографии которых не изучались на широком документальном материале, равно как и все, что выходило за рамки якобинского периода революции. Были, разумеется, отдельные исключения, но они не влияли на общее направление исследований. Марат, Ро-

беспьер, Сен-Жюст и Бабёф безраздельно господствовали в нашей историко-художественной литературе.

Конечно, само по себе всестороннее изучение якобинской диктатуры и почтительное внимание к ее вождям, свойственное советской историографии 20–70-х гг., можно было бы только приветствовать (здесь действительно сделано много), если бы это изучение и освещение не имели односторонней направленности. В самом деле, наша историография немало потрудились в доказательстве прогрессивного, революционно-демократического характера якобинской диктатуры. Вместе с тем не давалось подлинно научной интерпретации такого феномена, как террор, жертвами которого стали более 40 тыс. человек, в большинстве своем не имевших никакого отношения ни к контрреволюционным силам, ни к привилегированным слоям общества.

Удивительное дело. Наша строгая историография десятилетиями не могла простить Лафайету и Байи расстрела демонстрации на Марсовом поле 17 июля 1791 г., когда погибли от 50 до 60 человек, по существу обманутых и преданных вождями кордельеров — Дантоном и Демуленом. При этом она же пыталась оправдать соображениями «революционной необходимости» бойню, устроенную в парижских тюрьмах в сентябре 1792 г., когда в своих камерах было убито более 1300 беззащитных заключенных; казни на гильотине почти 17 тыс. «контрреволюционеров»; умерщвление еще 25 тыс. «врагов народа», наконец, репрессии в отношении полумиллиона французов, брошенных в тюрьмы по доносам и наветам, чаще всего необоснованным. Привычные ссылки на классовый подход в данном случае не могут быть признаны удовлетворительными, если вспомнить, что более 70% казненных по приговорам революционных трибуналов составляли рабочие, крестьяне, ремесленники и мелкие буржуа и лишь 29% принадлежали к привилегированным группам и состоятельным гражданам.

Однозначность в оценках якобинской диктатуры и идеализация ее вождей сочетались с не менее односторонней интерпретацией всех других периодов революции — либерального, жирондистского и термидорианского. Все это существенно обедняло наши представления о Великой французской революции. К счастью, в самый канун ее 200-летия у нас намести-

лись позитивные перемены в подходе к исследованию этих проблем.

Но вернемся к Лафайету. Почему же в советской историографии преобладало крайне негативное к нему отношение?

Помимо общих соображений, о которых уже сказано, назову две главные причины: суждения современников из числа непримиримых противников Лафайета, т. е. жирондистов и якобинцев, а также мимолетно брошенные по адресу Лафайета замечания К. Маркса и Ф. Энгельса. И те и другие мнения были безоговорочно приняты нашими историками 20-х гг., которые передали «эстафету» неприятия Лафайета последующим поколениям ученых.

Если ознакомиться с теми оценками, которые давали Лафайету Марат, Робеспьер или Дантон (читатель найдет их в книге в достаточном количестве), то эпитеты «мнимый патриот» или «враг свободы» будут не самыми обидными. У них постоянно встречаются такие определения, как «политическое насекомое», «ничтожный паладин», «хитрый царедворец», «приспешник деспотизма», «подлый лакей», «равнодушный философ, только и помышляющий об обогащении» и т. д.

Эти суждения, выдвинутые два столетия назад в пылу острой политической борьбы, были некритически восприняты советскими историками, не попытавшимися проверить справедливость подобного рода обвинений. В то же время не упоминались позитивные и даже восторженные оценки Лафайета такими авторитетами, как Вольтер и Жермена де Сталь, Беранже и Гейне, Гюго, Бальзак, Жорес, не говоря уже о серьезных французских и американских историках, по документам изучавших политическую биографию Лафайета.

К. Маркс и Ф. Энгельс специально не исследовали жизнь Лафайета. В их трудах можно найти лишь единичные упоминания о нем, навеянные, по всей видимости, оценками Марата. В работе «Господин Форт» К. Маркс обронил фразу, которой, судя по его же последующему признанию, он не придавал особого значения: «В революциях офицеры — самый опасный элемент. От Лафайета до Наполеона — цепь предателей и предательств»⁴. Трудно сказать, почему Маркс поставил знак равенства между Лафайетом и Наполеоном. Это были антиподы во всех отношениях, и прежде всего в нравственном. Скорее всего Маркс оказался во власти

легенды об измене Лафайета, созданной жирондистами и якобинцами.

В работе «Маркс и «Новая Рейнская газета»» Ф.Энгельс обмолвился, говоря о книге Бужара, посвященной Марату: «...Он (Марат. — П.Ч.) безжалостно срывал маску с тогдашних кумиров — Лафайета, Байи и других, разоблачая в их лице уже законченных изменников революции...»⁵ Как видим, и здесь оценка навеяна высказываниями Марата.

В случайности упоминаний К. Марксом и Ф. Энгельсом имени Лафайета вряд ли можно сомневаться, тем не менее эти высказывания приобрели у нас директивный характер и сказались на оценке его как личности сомнительной и даже контрреволюционной. Ссылками на эти же авторитетные мнения пытались воспрепятствовать реабилитации Лафайета в нашей исторнографии, предпринятой автором в уже упомянутом биографическом очерке.

* * *

Пользуясь случаем, хочу поблагодарить тех, кто на разных этапах работы над книгой оказывал мне помощь советами и критическими замечаниями, — А. С. Черняева, А. Г. Арбатова, Н. К. Александрову, Э. А. Позднякова, И. С. Трахтенберг, Л. А. Зуеву и Б. Е. Косолапова.

ЧЕРНЫЙ МУШКЕТЕР

ЗАМОК ШАВАНЬЯК

Мать родила его в траурном одеянии. Когда маркиза пришла в себя, она сказала, слабо улыбнувшись:

— Дитя родилось под знаком Девы, и я хочу назвать его Мари.

— Но это же мальчик! — в один голос воскликнули обе золовки молодой роженицы, вытягивая свои длинные носы с горбинкой, отличавшие всех представителей рода Лафайетов.

— Мы назовем его Мари, — настаивала маркиза. — Пресвятая Дева подарила мне этого малыша как посмертную память о моем дорогом муже.

— Все будет так, как вы хотите, мадам, — прервал ее доктор, — но прошу вас, ни слова больше. Не утомляйте себя¹.

6 сентября 1757 г. в старинном замке Шаваньяк, расположенном в самом центре Оверни — между Бриудом и Ле-Пюи, появился на свет его новый хозяин — Мари Жозеф Поль Ив Рок Жильбер дю Мотье маркиз де Ла Файет. Вскоре после рождения из шести унаследованных имен мальчику выбрали одно основное — Жильбер — в память об отце и знаменитом предке из рода Ла Файет. После 14 июля 1789 г. — штурма Бастилии — маркиз «демократизирует» свою аристократическую фамилию, начав писать ее слитно — Лафайет. С тех пор по установившейся традиции эта фамилия имеет такое написание.

Отец новорожденного с апреля 1757 г. находился в действующей армии. Шла Семилетняя война. 26 июля 1757 г. двадцатисемилетний гренадерский полковник, кавалер ордена Св. Людовика Луи Кристоф Рок Жильбер дю Мотье маркиз де Ла Файет был разорван на части английским ядром в сражении при Хастенбеке, что дало основание Лафайетумладшему в автобиографических записках назвать себя «посмертным сыном». Правда, он ошибочно полагал, что его отец погиб в сражении при Миндене, происшедшем двумя годами позднее. По мнению ав-

торитетных биографов Лафайета, он перепутал эти два сражения.

На предыдущей войне — за Австрийское наследство — при осаде Милана погиб дядя Лафайета, не оставивший по мужской линии потомства. Так волею судеб новорожденный маркиз стал единственным наследником древнего, хотя и небогатого, рода Ла Файет.

Мать Лафайета — Мария-Луиза-Юлия, урожденная маркиза де Ла Ривьер, принадлежала к знатному дворянству Бретани. Ее отец был капитаном мушкетеров и генерал-лейтенантом королевской армии.

Через два года после рождения сына двадцатидвухлетняя мадам де Лафайет поселилась в Париже, в Люксембургском дворце — у своих родителей. Они ввели ее в круг версальской знати, с помощью которой маркиза была намерена подготовить будущее своего единственного сына. Имя Лафайет не должно быть забыто до тех пор, пока подрастет наследник рода.

Мальчик же был оставлен в родовом замке Шаваньяк на попечении трех любящих женщин — бабушки по отцу и двух ее дочерей, старательно поддерживавших в замке культ своего погибшего сына и брата. Опекун юного Лафайета был назначен один из его родственников — монсеньор де Буйе, епископ Отенский.

Когда мальчику исполнилось пять лет, дядя-епископ поручил его воспитание иезуиту аббату Файону. Наставник Лафайета был широко образованным человеком. Он первым посвятил мальчика в историю его рода, умело вплетая ее в ткань национальной истории Франции. Тогда это считалось лучшим средством воспитания у дворянской молодежи того, что позднее назовут патриотизмом. Увлекательные рассказы аббата уносили детское воображение в окрашенное романтическим ореолом средневековье, когда его предки участвовали в крестовых походах. От своего учителя мальчик узнал, что принадлежит к младшей ветви древнего рода Ла Файет.

Наибольшее восхищение и чувство гордости вызывал у него Жильбер де Лафайет (в память о котором он был назван) — маршал Франции, соратник легендарной Жанны д'Арк и ближайший советник короля Карла VII². В его воображении возникали картины герои-

ческих сражений, которые его пращур вел вместе с Орлеанской Девой.

В близком родстве с семейством Лафайетов находился знаменитый отец Жозеф, соратник кардинала Ришелье.

В XVII в. известность, хотя и иного характера, роду Лафайетов принесли две женщины.

Одна из них была прекрасная Луиза, графиня де Лафайет, придворная дама Анны Австрийской, пленившая воображение впечатлительного Людовика XIII. На протяжении двух лет она была платонической фавориткой короля и имела на него большое влияние, крайне беспокоившее кардинала Ришелье. Луиза предпочла уйти в монастырь, нежели стать любовницей Людовика XIII. Уже будучи монахиней, она сумела убедить короля помириться с Анной Австрийской. Результатом состоявшегося примирения было появление на свет долгожданного наследника — будущего «короля-солнца» Людовика XIV. В роду Лафайетов гордились «причастностью» к этому историческому событию. Что касается Луизы де Лафайет, то она тихо закончила свои дни в монастыре близ Шайо под именем матери Анжелики.

Европейскую известность семейству Лафайетов принесла другая его представительница — Мари-Мадлен Пиош де Ла Вернь, в замужестве графиня де Лафайет, на которой прерывается старшая ветвь этого древнего рода. Дочь полевого маршала Эймара де Ла Вернь, губернатора Гавра, Мари-Мадлен с юных лет обнаруживала незаурядные литературные способности. Под руководством отца она рано познакомилась с французской литературой, изучила латинский и итальянский языки. В 1655 г. м-ль де Ла Вернь вышла замуж за графа де Лафайета, брата прекрасной Луизы. Будущая писательница нередко навещала свою золовку в монастыре, где встретилась с Генриеттой Английской, свергнутой с престола у себя на родине. Встреча вдохновила молодую графиню де Лафайет создать «Жизнеописание Генриетты Английской». Это и все последующие литературные произведения графиня де Лафайет публиковала анонимно или под псевдонимом. Ей принадлежат «Мемуары французского двора за 1688 и 1689 гг.» и множество романов, лучший из которых — «Принцесса Клевская», — ярко раскрывающий душевную драму светской женщины XVII в., пережил

века. Мари-Мадлен де Лафайет связывала длительная дружба со знаменитым Ларошфуко, смерть которого явилась для нее тяжелым ударом. В последние годы жизни (она умерла в 1693 г.) писательница не занималась литературой и целиком посвятила себя религии.

По завещанию мадам Лафайет все ее состояние перешло младшей ветви рода. Жильбер познакомился с литературным творчеством своей родственницы в одиннадцатилетнем возрасте.

В роду матери Жильбера де Лафайета также преобладали военные. Таким образом, и по отцу, и по матери Лафайет принадлежал к так называемому дворянству шпаги.

Мальчик часто наведывался в семейную библиотеку, где штудировал Горация, но, как только его наставник удалялся, Жильбер доставал с полки свою любимую книгу — старинный фолиант под названием «Зеркало астрологии», — которую многократно перечитывал. Из этой книги он узнал, что ему, родившемуся под знаком Девы, уготована необычная судьба. Многие знаменитости, в том числе кардинал Ришелье, родились под этим знаком. К десяти годам благодаря настойчивости аббата Жильбер довольно свободно читал по-латыни. Но в 1764 г. события круто изменили жизнь юного маркиза: король издал указ об изгнании иезуитов из Франции³. У Жильбера сменился наставник, который по своим познаниям был весьма далек от эрудированного иезуита аббата Файона.

В мемуарах Лафайет очень скупо описывал свои детские годы в Шаваньяке. Нет и подробных описаний его внешности того периода. Известно лишь, что уже тогда он выделялся среди своих сверстников высоким ростом. Его светлые волосы, которые с годами потемнеют и приобретут рыжеватый оттенок, по тогдашней моде были завиты и локонами спускались на уши. В коллеже он получит прозвище Блондинчик. О развитости и сильном характере юного Лафайета впоследствии вспоминал его кузен — маркиз де Буйе, гостивший несколько дней в замке Шаваньяк. Его удивили обширные познания, хладнокровие, рассудительность и одновременно возвышенная душа и обостренное чувство собственного достоинства — редкий набор качеств для мальчика, едва достигшего десяти лет. Известный литературный критик Ш.-О. Сент-Бёв, внимательно изучавший мемуары Лафайета, усмотрел в характере

юного Жильбера две главные черты, получившие развитие, — чувство независимости и поэтическую натуру, которые он связывал с деревенским детством в Оверни.

Независимо от соображений, по которым мать Жильбера держала сына вдали от себя, в замке Шаваньяк, он должен был быть признателен ей за это. Кто знает, что получилось бы из мальчика, окажись он с раннего детства в аристократическом Версале времен Людовика XV?

ПАРИЖ

В 1768 г. спокойная, размеренная жизнь в замке Шаваньяк была прервана переездом в Париж.

Маркиза де Лафайет сочла, что настало время всерьез заняться карьерой своего сына. За истекшие годы она лишь трижды видела его в свои летние наезды в Шаваньяк. Теперь перед ней предстал долговязый, угловатый мальчик, не обнаруживавший должных манер. Это крайне огорчило мадам Лафайет: ведь в Версале могут простить многое, но только не отсутствие манер. Без этого нельзя было надеяться на успешную карьеру при французском дворе.

И Жильбера де Лафайета определяют в одно из самых аристократических учебных заведений тогдашней Франции — коллеж Плесси (с XIX в. и до настоящего времени лицей Людовика Великого).

Основанный в 1322 г. монахом Жоффруа дю Плесси, коллеж с 1646 г. находился в ведении Сорбонны. Время четырехлетней учебы Лафайета пришлось на либеральные послабления, вызванные чисткой преподавательского состава от иезуитов. По всей стране тогда было закрыто 124 средних учебных заведения, руководимых иезуитами. Образование приобретало более светский и относительно демократичный характер. Иден, бродившие в обществе, начинали проникать и в такие закрытые учебные заведения, как коллеж Плесси, где получало необходимые знания и светские навыки молодое поколение французской знати.

Как и о жизни в замке Шаваньяк, Лафайет очень скупко пишет в своих мемуарах о годах учебы в коллеже Плесси: «В коллеже я не был ленивым учеником — горел желанием учиться без принуждения»⁴. Он преуспевал в латыни и искренне сожалел, что не мог

изучать греческий. Особенно нравилась ему риторика. Его уважали как учителя, так и товарищи — за добрый нрав, отзывчивое сердце и обостренное чувство справедливости, побуждавшее его всякий раз становиться на сторону слабого или незаслуженно обижаемого.

Жильбер был дисциплинированным учеником и за год учебы в коллеже ни разу не был наказан. «Я почти не заслуживал наказаний, — вспоминал Лафайет пятнадцать лет спустя, — но, несмотря на мое всегдашнее спокойствие, было бы опасно его искушать»⁵.

Его независимость в сочетании с серьезностью импонировала учителям. Однажды на уроке риторики ученикам показали картину, на которой был изображен всадник, укрощающий необъезженного коня, и предложили написать сочинение на тему «О превосходстве духа над силой на примере всадника и лошади». Не в пример классу юный маркиз де Лафайет написал не о всаднике, а о гордом коне, сбросившем наземь своего мучителя и вернувшем себе свободу⁶. Если бы подобную дерзость позволил себе любой другой ученик, его непременно ожидало бы наказание хлыстом. Но для Лафайета его проступок не имел последствий. Быть может, руководству коллежа стало известно, что Лафайет дал клятву вонзить кинжал в грудь всякого, кто посмеет хоть раз ударить его хлыстом.

Ученики коллежа Плесси основательно изучали героическую историю своей страны со времен Хлодвиги, но мало что знали о ее настоящем — о росте общественного недовольства, о крайней бедности простого люда, о пьяных дебошах распутного короля, о том, что Франция находится на грани финансового краха.

Однако и в эту замкнутую среду постепенно проникают брошюры и листовки, обличающие деспотизм и преступления двора. При желании их можно было купить из-под полы на окраинах Парижа во время каникул или в выходные дни, когда ученикам разрешалось покидать стены коллежа. Тринадцатилетний Лафайет читает язвительные памфлеты месье де Бомарше, написанные столь остроумно, что над ними смеялись даже король и сама мадам дю Барри. Полиция не успевала конфисковывать все новые и новые экземпляры обличительных памфлетов, с быстротой вируса распространявшихся по Парижу и провинции. А через год он лично познакомится со знаменитым автором «Женитьбы

Фигаро». В это время Лафайет увлекается первыми стихотворными опытами мевалье де Парни, который через несколько лет восславит «героя Нового Света».

Сильное впечатление на Жильбера, сохранившееся до преклонных лет, произвела попавшаяся на глаза в это же время книга «Эссе о законодательстве и торговле зерном», принадлежавшая перу швейцарца Неккера. Впечатлительный подросток глубоко проникся мыслью автора о бедственном положении крестьян и необходимости изменения законов, утверждающих власть сильных над слабыми. Впоследствии жизненные дороги сведут Лафайета и Неккера, ставшего министром финансов Людовика XVI.

Мифологии Лафайет явно предпочитал «Новую Элоизу» и другие сочинения Жан Жака Руссо. Ему был близок призыв писателя-философа к социальной справедливости, к утверждению гармонии человека и человеческих отношений с природой.

3 апреля 1770 г. в возрасте 33 лет скоропостижно скончалась мать Лафайета, а неделю спустя новая утрата — умирает его дед маркиз де Ла Ривьер, оставивший Жильберу все свое состояние. «Его смерть, — запишет в мемуарах Лафайет, — превращает меня, рожденного бедным, в богача»⁷. Доставшееся юному маркизу огромное наследство, обеспечивавшее ему ежегодную ренту в 120–150 тыс. ливров, оставило его равнодушным⁸. Ни в молодости, ни в зрелые годы Лафайет не интересовался деньгами: часть своего обширного состояния он пожертвовал на дело Американской революции, другая пропала в годы революционных бурь в самой Франции. Но тогда, в 70-е гг., он был одним из самых богатых молодых людей при французском дворе.

В апреле 1771 г. 13-летний маркиз де Лафайет зачисляется во вторую роту мушкетеров короля — элитарную гвардейскую часть, известную под названием «черные мушкетеры».

Мушкетеры, прославленные в известном романе Дюма-отца, были учреждены в качестве личной гвардии Генрихом IV в 1600 г. и просуществовали в таком виде до 1775 г., когда были расформированы Людовиком XVI из соображений экономии. Лафайет был одним из последних мушкетеров.

В мушкетеры принимались молодые люди из лучших дворянских семей. Состоять в мушкетерах было высо-

кой честью, которой удостаивались немногие избранные. Королевские мушкетеры — их численность в разное время колебалась от 300 до 450 человек — распределялись по двум ротам — «серых» и «черных» мушкетеров. Любопытное описание мушкетеров, относящееся к эпохе Людовика XIV, оставил нам русский дипломат Андрей Артамонович Матвеев, отправленный Петром I с секретной миссией во Францию в 1705 г. «Первой компании (роты. — П.Ч.) мушкетеры, — писал А. А. Матвеев в отчете о поездке, — имеют платье из красного сукна, с галуном золотным, а наверх надевают тунику (короткий плащ. — П.Ч.) из темно-лазоревого сукна... на ней с обеих сторон вышиты великия широкия кресты серебром и со всех сторон крестов по три пламеня красных. Они имеют ружье, мушкеты и пистолеты, для того что конную и пехотную при случае нужды отправляют службы... Та выше поименованная компания имеет лошадей одношерстных серых цветных без отметины»⁹. По масти лошадей мушкетеров первой роты называли серыми мушкетерами. Их численность колебалась от 150 до 250 человек.

Вторая рота была сформирована позднее, при Людовике XIII, из личной гвардии кардинала Ришелье. В ней состояло от 100 до 150 человек. «Та компания, — писал А. А. Матвеев, — имеет лошадей одношерстных всех вороных»¹⁰. Отсюда и название мушкетеров второй роты — «черные». «Платье той второй компании, — читаем мы у того же Матвеева, — мушкетеры имеют слово в слово такое же, как первой, только для отметины положены галуны серебряныя на красном платье, а на туниках верхних около крестов по пяти пламень желтых. На шляпах обе те компании носят перье белос и желтос... Из тех сбеих компаний по половине большей посылаются на службу, когда ходит двор весь королевской, а по другой всегда остаются при короле. Отставшия те всегда обучаются в назначенныя дни трожды в неделю воинским наукам и строям»¹¹. В каждой роте числилось по два лейтенанта. Одним из них и станет вскоре маркиз де Лафайет.

Служба у мушкетеров была необременительной, оставляя им много свободного времени. Это позволило Лафайету завершить учебу в коллеже, который он покидал главным образом для участия в смотрах, облачаясь по этому случаю в нарядный мушкетерский мундир. В 1772 г., не достигнув еще и пятнадцати лет,

он завершил обучение и начал самостоятельную жизнь. Известное имя, усилия покойной матери, а главное — значительное состояние, обеспечивавшее прочное положение при дворе, сулили ему блестящую карьеру, достойную его знаменитых предков. Ничто, казалось, не предвещало будущих крутых перемен в его судьбе.

ВЕРСАЛЬ

Время, когда перед маркизом Лафайетом распахнулись чугунные с позолотой ворота Версаля, пришлось на последние полтора года правления Людовика XV. Версальский период имел важное значение в жизненном выборе Лафайета. Близкое соприкосновение с придворной камарильей глубоко разочаровало будущего героя революции. Поэтому совершив хотя бы беглое знакомство с Версалем первой половины 70-х гг. XVIII в.

Со времен Римской империи падение нравов, глубокое моральное разложение верхов наряду с бедственным положением народа, застойной экономикой и расстроенными финансами, авантюристичной внешней политикой всегда и везде было верным симптомом, отличительной чертой одряхлевших, исторически обреченных обществ. Все это было характерно и для Франции последних десятилетий существования Старого порядка, на котором лежала неизгладимая печать глубокого кризиса, отраженного в изнеженном искусстве рококо, в живописи Буше и Фрагонара, в романах де Лакло и де Сада, навесных или взятых из реальной жизни французского двора, в вычурной томности, доходящей до пресыщенности, в музыке Рамо и Пиччини, в сравнении с которыми музыка Глюка и Гретри казалась версальским меломанам простоватой.

Версальский двор с полным основанием имел репутацию самого легкомысленного в тогдашней Европе. Впрочем, слово «легкомысленный» весьма неточно характеризует нравы французского двора «позднего» Людовика XV. Со времен маркизы де Помпадур, «процарствовавшей» в Версале без малого двадцать лет, до самой своей смерти в 1764 г., здесь, по определению одного из историков, прочно установилась атмосфера эротического магнетизма. Неутолимая жажда наслаждений составляла главное, если не единственное, содержание жизни. Внешнее изящество форм и

утонченность вкусов скрывали извращенность чувств, а за безобидной с виду легкостью нравов — полное забвение всех норм морали. Женское целомудрие считалось здесь непростительным грехом, признаком глубокого провинциализма.

Законодателями мод и нравов в версальском обществе нередко становились различные авантюристы вроде Казановы — сына бродячих актеров, присвоившего себе дворянский титул, или «графа» Калиостро — «профессора» магии и демонологии, наживавшего деньги на расстроенных нервах своих светских почитательниц. Наглядное представление о жизни французского двора дают не лишённые остроумия и тонкой наблюдательности мемуары того же Казановы, а также сочинения растленного и душевно больного графа де Сада — создателя порнографического жанра в литературе, неоднократно судимого и даже приговоренного в 1772 г. к смертной казни за «содомию и отравление», но всякий раз спасаемого самим Людовиком XV. Кстати, конец литературной деятельности «маркиза де Сада» (так он подписывал свои романы) положит в 1801 г. Бонапарт. Тщеславный автор направил первому консулу собрание своих сочинений с дарственной надписью. Просмотрев книги, Бонапарт с отращиванием бросил их в камин и немедленно распорядился о запрещении и изъятии «произведений» де Сада, а самого автора отправил в тюрьму, где тот и умер в 1814 г. в отделении для умалишенных. Добавим к этому, что Бонапартов запрет действовал во Франции до середины 50-х гг. нашего столетия, когда власти сочли возможным дать «зеленый свет» сочинениям де Сада. На Западе начиналась так называемая сексуальная революция, и в Париже поспешили застолбить свой приоритет в «открытии» одного из самых первых ее «теоретиков».

Но вернемся в век восемнадцатый, когда Версаль был признанным в Европе законодателем мод. Сам Фридрих Великий вознамерился создать в своей резиденции в Потсдаме копию Версаля — дворцовый парк, названный им на французский манер «Сан-Суси», отмеченный, впрочем, истинно прусским вкусом.

Тон в Версале задавал сам король, окруженный метрессами, часто далеко не голубых кровей, что не мешало им именоваться графинями или маркизами¹². Бездарный и легкомысленный правнук Людовика XIV не

любил утруждать себя государственными делами, предпочитая общество бесчисленных фавориток, в чьи алчные руки текли миллионы из государственной казны. По подсчетам историков, на подарки своим любовницам и устройство пьяных оргий Людовик XV израсходовал 120 млн франков¹³. А в это же самое время подавляющее большинство его подданных едва сводили концы с концами. Привычным явлением в стране была голодная смерть. То в одном, то в другом конце королевства вспыхивали стихийные голодные бунты, жестоко подавлявшиеся армией.

В августе 1744 г. Людовик XV тяжело заболел, но неожиданно для всех выздоровел, и придворные льстецы поспешили добавить к его имени эпитет «горячо любимый» (имелось в виду народом). Были в истории Франции Людовик IX Святой и Людовик XII Отец Народа, были Филипп IV Красивый и Людовик XIV Великий, он же Богом Данный... Теперь появился Людовик XV Горячо Любимый (Louis le Bien Aimé). Всенародное бедствие, каковым стало выздоровление ненавистного короля, услужливые куртизаны превратили едва ли не в национальный праздник.

Бездумная, а точнее, преступная с точки зрения интересов Франции политика «горячо любимого Людовика» обернулась для страны полным расстройством финансов, утратой Канады, Вест-Индских островов, владений в Индии, невиданным доселе падением престижа королевской власти. Граф Луи Филипп де Сегюр вспоминал об этом времени: «...не было больше ни достоинства в правительстве, ни порядка в финансах, ни твердости в политике. Франция потеряла свое влияние в Европе, а Англия спокойно доминировала на морях и без труда захватила Индию... Французская монархия утратила первый ранг...»¹⁴

А в это время король твердил получившую широкую известность циничную фразу: «После нас хоть потоп».

В 1757 г. Людовик XV был ранен неким Дамьеном, после чего стал совершенно невыносим. Он целиком сосредоточился на своих любовных утехах. Его дворец превратился в очаг разнузданного разврата. В лесах и парках вокруг Парижа появилось множество павильонов и домиков-беседок, скопированных с известного «Оленьего парка», принадлежавшего самому королю. Дурная слава о них распространялась по всей стране. Тайные агенты короля рыскали по городам и

села, отлавливали десяти-двенадцатилетних девочек и поставляли их в «Олений парк». По оценкам современников, через этот павильон прошло от 6 до 7 тыс. малолетних детей¹⁵.

Король пережил смерть сына-дофина, дочери, внука, мадам де Помпадур. Старая, он становился еще более несносным. Им овладела патологическая жадность, странным образом сочетавшаяся с миллионными тратами на любовниц. Он пустился в крупные финансовые спекуляции.

В 1768 г. умирает королева Мария Лещинская, и Людовик XV, ко всеобщему удивлению, внезапно обнаруживает в себе отцовские чувства, вспомнив о своих дочерях, которых он в свойственной ему манере «ласково» именвал Тряпка, Лоскут, Подтирка и Поросянок¹⁶. Многочисленные метрессы и собутыльнички-куртизаны не на шутку встревожились. В самом деле, с королем происходили странные вещи. Он демонстративно уединился со своими дочерьми, удалившись от шумных дворцовых пиршеств и оргий.

Иностранные послы при Версальском дворе поспешили сообщить своим монархам о растущем влиянии на государственные дела Франции принцессы Аделаиды — старшей дочери Людовика XV, в доме которой он отныне поселился. Действительно, в Версале стала чувствоваться ее властная рука.

Встревоженные куртизаны и покинутые фаворитки обдумывают план новой женитьбы короля, рассчитывая, что супружеские чувства будут не столь прочны, как неожиданно проснувшееся отцовство. А пока маршалу де Ришелье было поручено отыскать для короля новое занятие, способное отвлечь его от дочерей. Тогда-то и появилась при дворе дотоле никому не известная графиня дю Барри. Очень скоро она станет полновластной хозяйкой Версаля, прочно заняв сразу два вакантных места — усопшей королевы и маркизы де Помпадур.

Подлинное имя новоявленной «графини» — Жанна Бекю. Она была незаконнорожденной дочерью бедного аббата Гомара и еще более бедной женщины Анны Бекю. Как и многие женщины легкого поведения, будущая мадам дю Барри была тихой, скромной и послушной девочкой, росшей в семье отчима-протестанта по фамилии Вобернье. Одно время она даже жила в монастыре, сыгравшем, видимо, определенную роль в ее

дальнейшей судьбе. Покинув монастырь, смазливая деревушка отправилась в Париж и поступила в заведение некоего Гурдана, где сразу же приобрела широкую известность. Ее именovali мадмуазель Ланж. На не-то и обратили внимание куртизаны, хорошо знавшие вкусы Людовика XV. По давно введенному порядку приобщения безродных девиц легкого поведения к Версальскому двору м-ль Ланж срочно выдали замуж за гарнизонного офицера графа Гийома дю Барри, обедневшего гасконского дворянина. После бракосочетания молодой супруг был произведен в капитаны швейцарского полка графа д'Артуа и немедленно отправлен к месту службы подальше от Парижа – разумеется, без супруги.

Двадцатипятилетняя графиня дю Барри сразу же приглянулась стареющему развратнику. Оставалось лишь провести церемонию ее официального представления двору, без чего она не могла находиться в Версале, но этому сопротивлялись почуявшие неладное дочери Людовика XV. Они попытались устроить брак своего отца с сестрой Марии Антуанетты – австрийской эрцгерцогиней, но по совету все того же Ришелье пришли к рискованному заключению, что дю Барри представит для них меньшую угрозу, чем новая королева. Вскоре им пришлось воочию убедиться в их рековой ошибке.

22 апреля 1769 г. представительница древнейшей профессии была официально представлена королевской семье и двору. Первой жертвой новой придворной дамы стала принцесса Аделаида, которой пришлось освободить свои апартаменты для фаворитки. Унижение было тем большим, что принцессе предложили поселиться в пустовавшем с 1764 г. доме де Помпадур. Отныне этот дом превратился в центр дворцовой оппозиции, группировавшейся вокруг опальной Аделаиды. Именно сюда будет часто приходить молодой маркиз де Лафайет – постоянный участник музыкальных вечеров, устраивавшихся вездесущим Бомарше.

А в Версале воцарилась вчерашняя уличная женщина мадам дю Барри, которая в течение шести лет была нескоронованной королевой Франции. По данным французских историков, подтвержденным архивными документами, за эти годы она вытянула из казны 12,5 млн ливров¹⁷. Подлинные же масштабы финансового ущерба, нанесенного дю Барри Франции, трудно оценить.

Что касается самого Людовика XV, то он превратился в послушное орудие титулованной кокотки.

Как очевидно, ошибочными оказались расчеты не только дочерей короля, но и тех, кто, подобно маршалу Ришелье и герцогу Шуазелю, принимал активное участие в сводничестве. Всесильный Шуазель, умело ладивший с Помпадур и другими фаворитками Людовика XV, с появлением дю Барри постепенно утратил былое влияние. Играя роль одного из сводников, многоопытный министр не учел двух моментов — цепкого характера новой фаворитки и того, что страсть короля окажется столь длительной. Он уже ничего не предпринимал без предварительного согласия дю Барри. В своей спальне мадам приказала повесить портрет английского короля Карла I кисти Ван Дейка, подарок герцога д'Эгийона, и всякий раз, когда Людовик XV входил туда, дю Барри, указывая на портрет, в назидание напоминала ему об участии монарха, проявившего слабость в отношении парламента. Дю Барри немало содействовала обострению конфликта с Парижским парламентом, отказывавшимся одобрять финансовые аферы Людовика¹⁸.

Революция воздаст последней фаворитке Людовика XV: в 1793 г. она будет публично гильотинирована.

А в начале 1773 г., когда выпускник коллежа Плесси маркиз де Лафайет появился в Версале, дю Барри была в зените своего могущества. Некоторые историки утверждали, что Жильбер де Лафайет сразу же был замечен в Версале самой «хозяйкой»¹⁹.

Молодость, блестящее имя, природный ум, образованность, а главное — богатое состояние привлекли к Лафайету всеобщее внимание. Особый интерес проявляли отцы семейств, озабоченные устройством судьбы своих дочерей. Одним из них был Жан Поль Франсуа де Ноайль, герцог д'Айен — будущий тесть Лафайета.

Вместе с тем уже тогда обратили внимание на то, что на светских приемах и балах маркиз танцам предпочитает беседы на политические темы, избегая общества влиятельных светских кокотов и искавших их расположения министров.

После коллежа Лафайет продолжил образование в Военной академии Версаля. Он совершенствовался в школе верховой езды вместе с графом д'Артуа, будущим королем Карлом X. Одновременно он нес необременительную службу как лейтенант королевских мушкете-

ров. Его обычный маршрут пролегал между Версалем и Сент-Антуанским предместьем, где в красивой казарме, специально построенной Людовиком XIV, располагались «черные мушкетеры». Первая рота — «серые мушкетеры» — была расквартирована на улице Бак, в центре Парижа.

В Версале Лафайет стал постоянным посетителем салона принцессы Аделаиды, где собирался круг людей, отличных от завсегдатаев дворца дю Барри. Между 16-летним маркизом и 39-летней принцессой установились доверительные, дружеские отношения. Одним из первых Лафайет узнал о готовящемся браке дофина — герцога Беррийского, внука Людовика XV, и австрийской эрцгерцогини Марии Антуанетты. От Аделаиды же он впервые услышит пренебрежительное Австриячка — слово, подхваченное Парижем и всей Францией и навсегда закрепившееся за очень скоро ставшей непопулярной в стране Марией Антуанеттой.

Передовая светская молодежь того времени поголовно увлекалась Вольтером и Руссо. Один из тогдашних друзей Лафайета, граф де Сегюр, вспоминал в своих мемуарах: «Вольтер владел нашим разумом; Руссо затрагивал наши сердца»²⁰. Были произнесены слова «свобода, собственность, равенство»²¹.

Некоторые биографы Лафайета отмечают, что к 1775 г. он окончательно преодолел мучившие его религиозные сомнения: разрешил их в пользу разума. Круг чтения Лафайета — остроумные памфлеты Бомарше, сочинения аббата Рейналя (кстати, это был любимый автор его покойной матери), «Новая Элоиза» и «Общественный договор» Жан Жака Руссо...

Но при всей своей серьезности он был еще совсем молод. Время от времени в первые два года версальской жизни он принимал участие в шумных увеселениях, но при этом всегда в «своем» кругу. Среди тогдашних друзей Лафайета — граф де Сегюр, в недалеком будущем посланник при дворе Екатерины II, пэр Франции и член Французской Академии, герцог де Ларошфуко — внук знаменитого моралиста, будущий филантроп, виконт де Ноайль — известный светский бонвиван и одновременно блестящий кавалерийский офицер, отмеченный самим Фридрихом II. Одно время Лафайет неумело пытался покорять де Ноайлю. Известен случай, когда он выпил лишнего и всю дорогу, пока его везли домой, повторял: «Не забудьте передать де

Но айлю, что я хорошо пил»²². Сам факт, что столь невинный и даже банальный с точки зрения версальских нравов случай из жизни Лафайета был не только замечен современниками, но и удостоился занесения в дневники и мемуары, свидетельствует о его чрезвычайности. Случись подобное с кем-либо другим, на это не обратили бы внимания. Лафайет же имел прочную репутацию холодного, сдержанного и непьющего молодого человека, лишенного, казалось, всех человеческих страстей, столь естественных в его возрасте.

И все же шестнадцатилетнего маркиза не миновало сильное увлечение, также не оставшееся в тайне от общества. Маркиз де Лафайет всерьез увлекся графиней Аглаей д'Юнольштайн. Ошибочно считая своим счастливым соперником графа де Сегюра, однажды ночью он ворвался в его дом в крайне возбужденном состоянии и потребовал немедленной дуэли. Сегюр до утра успокаивал строптивого друга, и конфликт был улажен²³. Впоследствии версальские сплетники будут объяснять его отъезд в Северную Америку несчастной любовью.

Образ юного Лафайета нарисовал в своих записках граф де Ла Марк, князь Аренберг-австриец, находившийся на французской службе. «Я хорошо знал Лафайета задолго до 1789 г., в самом начале его деятельности, — пишет мемуарист. — Г-н де Лафайет всегда искал в людях и вещах то, что соответствовало его представлению о хорошем тоне. Но, несмотря на присущий ему вкус к хорошему тону, в манерах он был неловким. Он был очень высокого роста, с ярко-рыжими волосами. Танцевал без должного изящества, неумело садился на лошадь. Молодые люди, с которыми он общался, явно превосходили его во всевозможных модных играх... Большинство молодых людей — приятелей де Лафайета, — вспоминал граф де Ла Марк, — зависели еще от родителей и не имели собственных денег, в то время как он был абсолютно независим и позволял себе расходы, немыслимые для других. У него было много лошадей, и он великодушно предоставлял их в распоряжение своих друзей. Он содержал большой и красивый дом, где принимал множество гостей, щедро угощая их»²⁴. А вот что писал о тогдашнем Лафайете его друг де Сегюр: «Лафайет во все времена, но особенно в молодые годы был холодно

сдержан и серьезен, что многими совершенно ошибочно принималось за стеснительность и неуверенность в себе... но за всем этим скрывался самый активный дух, самый твердый характер и самая страстная душа» 25.

Светская жизнь очень скоро наскучила Жильберу. Он сократил свои визиты к мадам Аделаиде, заметив повышенный интерес стареющей принцессы к своей особе. Однако маркиз де Лафайет был умен и хорошо воспитан, чтобы дать повод для упреков его во фронтдестве.

Он мечтал о военной карьере, надеясь вписать свое имя в летопись подвигов, свершенных его предками во имя Франции. В этом стремлении его неожиданно поддержал влиятельный герцог д'Айен — отец пятерых дочерей, с некоторых пор оказывавший протекцию не искушенному в дворцовых интригах юноше.

ЖЕНИТЬБА

В аристократическом Версале маркиз Жильбер де Лафайет несомненно считался «блестящей партией». Знатность и в особенности состояние, оценивавшееся в 3,5 млн франков, с лихвой компенсировали некоторую угловатость и недостаточную светскость лейтенанта «черных мушкетеров».

То было время, когда браки определялись исключительно родителями, нередко представлявшими будущих супругов друг другу лишь накануне свадьбы, после того как были урегулированы все остальные вопросы. Неудивительно поэтому, что почти до самого бракосочетания Жильбер не был даже знаком с той, которая на протяжении тридцати четырех лет будет ему верной спутницей жизни, преданным другом и помощником, матерью троих его детей.

...Но все это впереди, и о будущем еще не ведают ни Жильбер, ни Адриена.

На улице Сент-Оноре, в центре Парижа, на том самом месте, где в 50-60-х гг. XX в. находился дом под номером 211, в середине XVIII в. в обрамлении роскошных парков и садов возвышался красивый дворец герцога д'Айена, который унаследовал после смерти своего престарелого отца титул герцога де Ноайля. Современники называли дворец Ноайлей маленьким Версалем. Достопримечательностью дворца была богатей-

шая картинная галерея, соперничавшая с лучшими коллекциями Франции.

Герцог — светский бонвиван и воинствующий атеист, друг философов и одновременно один из конфидентов мадам дю Барри — предпочитал проводить время в Версале, изредка наведываясь в свой парижский дом. Полной противоположностью мужу была герцогиня д'Айен — кроткая женщина, избегавшая светских развлечений и предпочитавшая домашний уют в обществе пятерых дочерей. Поглощенный светской жизнью и постоянными похождениями, герцог д'Айен тем не менее не забывал об отцовских обязанностях, тщательно подыскивая двум старшим дочерям достойные партии.

Появившийся при дворе маркиз де Лафайет сразу же привлек внимание почтенного отца семейства, который поспешил установить контакты с ним и его родственниками. Адриена д'Айен, которой суждено было стать женой Лафайета, впоследствии вспоминала об этом периоде: «Мне и сестре едва исполнилось двенадцать лет, когда возникла кандидатура месье де Лафайета в качестве жениха для одной из нас. Самому ему было только четырнадцать. Его крайняя молодость, одиночество, в котором он пребывал, потеряв всех своих близких и не имея никакого наставника в жизни, его высокое предназначение в обществе и богатое состояние, в котором моя мать усматривала самую большую опасность, — все эти соображения побудили ее поначалу отказать ему, несмотря на лестные характеристики, которые она повсюду слышала в его адрес. В течение нескольких месяцев она упорствовала в своем отказе, но мой отец не терял надежды...»²⁶ «Она никогда не уступит, — сказал герцог д'Айен, — пока не увидит его»²⁷. И в самом деле, знакомство герцогини с маркизом изменило ее решение. Серьезный молодой человек понравился ей. Очень скоро, пишет Адриена, «она навсегда полюбит его как самого нежно любимого сына»²⁸. Тем не менее герцогиня настаивала на отсрочке брака, ссылаясь на совсем еще юный возраст невесты.

После переговоров между герцогом д'Айеном и родственниками Жильбера по материнской линии было решено отложить бракосочетание на два года.

А будущий тесть тем временем старательно хлопотал о карьере Лафайета. Знатный род Ноайлей из века

вск поставлял Франции маршалов. Во французской армии существовал кавалерийский полк, носивший это имя. Старания герцога увенчались успехом. В 16 лет маркиз де Лафайет получает назначение на должность командира эскадрона в полк Ноайль.

Тем временем Жильбер продолжал вести беззаботную светскую жизнь, мало думая о предстоящих переменах. Знакомство жениха и невесты состоялось незадолго до венчания. Маркиз стал ежедневно появляться в «маленьком Версале» и сопровождать юную герцогиню в прогулках по парку, а иной раз и участвовать вместе с ней в ее полудетских играх.

Адриена д'Айсен с первого взгляда полюбила маркиза. В своих записках, опубликованных много лет спустя после ее смерти, она пишет о «влечении» своего сердца, «предвосхитившем то глубокое чувство, которое связывало нас самыми тесными и нежными узами среди всех превратностей этой жизни, посреди благополучия и несчастий, которые наполняли ее в течение двадцати четырех лет. С какой радостью, — признается Адриена, — я увидела, что уже через год моя мать любила его как своего сына»²⁹. О нежной любви своей матери к отцу говорит младшая дочь Лафайета Виржиния (в замужестве — маркиза де Ластейри), которая осуществила публикацию материнских и собственных воспоминаний об их семье. «Ее чувства к моему отцу были выше всех ее привязанностей... Можно сказать, что это была самая страстная любовь...»

Что касается жениха, то его чувства к той, кого ему избрали в жены, возникнут чуть позже, а пока он страстно увлечен графиней д'Юнольштайн, не подозревая, что крепость уже взята герцогом Шартрским — будущим Филиппом Эгалите.

11 апреля 1774 г. в домашней церкви Ноайлей родственник Лафайета аббат Поль де Мюрат обвенчал молодых. Со стороны жениха свидетелями были граф де Люзиньяк и кузен Лафайета маркиз де Буйе — тот самый, который впоследствии будет одним из главных организаторов неудачного бегства Людовика XVI из революционного Парижа.

А спустя месяц, 10 мая того же года, в возрасте 64 лет умер Людовик XV, заразившись ветряной оспой от крестьянской девочки, доставленной по его требованию в «Олений парк». Франция вздохнула с облегче-

нием. Ни один из французских королей не вызывал к себе столько ненависти и презрения. Любопытен такой факт: когда в 1744 г. король тяжело заболел, в соборе Нотр-Дам прихожанами было заказано 6 тыс. молебнов о его выздоровлении; в 1757 г., после покушения на короля, когда он был ранен Дамьеном, число заказанных молебнов уже сократилось до 600, т. е. в 10 раз; к моменту смерти Людовика XV лишь три человека заказали молебны об исцелении «горячо любимого».

«С Людовиком XV, — констатировал французский историк Ф. Рокэн, — исчез престиж королевской власти, монархия Божьей милостью сделалась более невозможной во Франции. Этот последний четырехлетний период (1770–1774 гг. — П.Ч.), когда народ видел, как наряду с опозоренным развратом королем царствует г-жа Дюбари, когда на сцене оставались одни только негодяи и развратники, когда повсюду царили беспорядки, неправосудие и насилия, когда принципы, нравы, обязанности — все было позабыто, этот короткий и постыдный период закончил то, что подготовляло все царствование Людовика XV»³⁰.

Аналогичные оценки давали современники описываемых событий. Австрийский посол при Версальском дворе граф де Мерси в донесении императрице Марии Терезии от 11 сентября 1774 г. писал: «Достойные сожаления излишества короля в последние четыре года его жизни вконец опозорили его царствование. Государство оказалось во власти презренного создания, родственники которого и все его окружение представляли собой сборище гнусных ничтожеств, а Франция была отдана под их иго. Честные люди постарались отойти в сторону, предоставив место всякого рода негодяям, наводнявшим двор. С этого момента начались только смуты, беззакония и скандалы. Все было опрокинуто, не было ни руководства принципов, ни традиций — все предоставлено воле случая. Унижение, которому подверглась нация, вызывало в ней чувство стыда и невыразимого уныния»³¹.

ВОЛОНТЕР РЕСПУБЛИКИ

ЛЮДОВИК XVI: ОБМАНУТЫЕ НАДЕЖДЫ

Своцарением нового короля Людовика XVI в обществе связывали большие надежды. Престол унаследовал герцог Беррийский, внук Людовика XV. В известном смысле корона досталась ему случайно, благодаря тому что Людовик XV пережил своего сына-дофина и двух старших внуков, рано умерших. Герцог Беррийский носил титул дофина с 1765 г., тем не менее при дворе многие полагали, что преемником Людовика XV станет один из его младших внуков — граф Прованский или граф д'Артуа, поскольку дофин (будущий Людовик XVI) с детских лет страдал гипертонией и несварением желудка по причине редкой прожорливости и вызванной этим тучности. Он часто болел и однажды был даже на грани смерти.

Молодой король, человек весьма заурядный, плохо подходил к возложенной на него миссии¹. Наделенный банальной внешностью и простоватыми манерами, Людовик XVI обладал нерешительным характером и слабой волей. Правда, не в пример своему распутному деду Людовик XVI отличался религиозным благочестием. Известно было также, что он добр и незлопамятен.

Шестнадцать лет его женили на четырнадцатилетней Марии Антуанетте — дочери австрийской императрицы Марии Терезии. Брак этот был устроен в целях укрепления союза с Австрией. Народный праздник с фейерверком по случаю бракосочетания дофина и австрийской эрцгерцогини на Гревской площади в Париже закончился трагично: несколько сот человек погибли в давке. Власти не приняли мер безопасности, с тем чтобы предотвратить катастрофу. Кое-кто усмотрел в этом дурное предзнаменование. Пройдет 23 года, и на той же площади Людовик XVI и Мария Антуанетта будут обезглавлены. Трудно сказать, может ли человек предвидеть свою судьбу, но известно, что с юных лет Людовик XVI интересовался личностью Карла I Стюарта. Он даже перевел с английского историю его царствования.

С самого начала жизнерадостная, энергичная и

обаятельная Мария Антуанетта приобрела неограниченное влияние на своего безвольного и ленивого супруга, который иной раз засыпал прямо за столом.

С воцарением Людовика XVI и Марии Антуанетты в версальских нравах произошли перемены. Набожный король искренне осуждал грязное распутство своего деда и его камарильи. Версальский двор продолжал беззаботно веселиться, но уже в более благопристойных формах. Душой и организатором дворцовых развлечений стала молодая королева. Мадам дю Барри покинула Версаль и отбыла в ссылку. «Олсний парк» и аналогичные ему светские притоны были закрыты.

Большим влиянием при новом дворе пользовались младшие братья короля — граф Прованский и граф д'Артуа (будущие Людовик XVIII и Карл X). Ввиду затянувшейся бездетности королевской семьи граф Прованский считался дофином и по старой французской традиции именовался Монсеньором. Он был убежден в том, что именно ему предстоит стать преемником старшего брата, и проявлял в связи с этим явное нетерпение.

Каково же было негодование Монсеньора, когда на седьмом году супружества после деликатной хирургической операции у Людовика XVI Мария Антуанетта стала матерью. Вслед за дочерью у нее родился сын, затем еще один. Появление прямого наследника престола лишило графа Прованского титула дофина и надежд на корону, и он воспылил едва скрываемой ненавистью к «виновнице» крушения его заветной мечты. Граф Прованский распространял грязные слухи о сомнительном происхождении сына Марии Антуанетты, в присутствии короля и королевы, а также придворных устроил форменный скандал на крестинах новорожденного дофина, сделав замечание архиепископу Парижскому за допущенное якобы им нарушение обряда крещения. «Ваше высокопресвященство забыли осведомиться об именах родителей младенца», — демонстративно заявил он опешившему священнику. Архиепископ заметил, что в данном случае он считает это излишним, поскольку имена родителей хорошо известны. «А вы уверены в этом?» — дерзко парировал граф, повергнув присутствующих в смятение².

И в дальнейшем он будет распространять самые грязные сплетни о неполноценности своего старшего брата, а также об аморальности Марии Антуанетты,

приписывая ей многочисленных любовников и наперсниц-лесбиянок. Именно графу Прованскому королева в немалой степени была обязана той непопулярностью в обществе, которую она приобрела к началу революции.

К слову сказать, не сложились отношения с графом Прованским и у Лафайета. Однажды на костюмированном балу маркиз принужден был уступить свое место Монсеньору, хотя наличие масок как бы отменяло придворный этикет и уравнивало всех присутствующих. Усевшись на место Лафайета, граф Прованский по своему обыкновению стал похвастаться своей отличной памятью (будучи человеком крайне ограниченным, он тем не менее обладал феноменальной памятью). «Всем известно, что дуракам память заменяет ум», — достаточно громко, чтобы слышали окружающие, заметил Лафайет. Круглое лицо графа Прованского, прикрытое маской, побагровело, он вскочил с кресла и поспешно покинул зал вместе с окружавшей его компанией, злобно прошептав маркизу: «Я не забуду ваших слов»³. А Лафайет, спокойно заняв свое законное место, с невозмутимым видом продолжал наблюдать маскарад. С этой минуты он нажил себе смертельного врага. Много лет спустя, в 1814 г., пятидесятилетний граф Прованский станет наконец королем Франции под именем Людовика XVIII, но никогда не забудет он дерзости Лафайета, ранившей его душу в большей степени, нежели все революционные «преступления» маркиза-республиканца.

Напуганный скандалом, герцог д'Айен поспешит отправить своего строптивого зятя в Мец, подальше от наскучившего Лафайету двора и ненавидящих глаз графа Прованского. Но все это произойдет позднее, а в первые месяцы нового правления небо над головой Лафайета было безоблачным.

Молодая королева находилась в дружеских отношениях с семейным кланом д'Айен-Ноайлей. Родная тетка Адриены де Лафайет была первой фрейлиной Марии Антуанетты, ее называли Мадам Этикет. Мария Антуанетта проявила внимание к молодоженам, лично представив их в новом качестве двору. Юная маркиза де Лафайет была равнодушна к светским развлечениям, она явно тяготилась ими, предпочитая общество мужа, сестер и матери. Лафайет, полностью солидарный с Адриеной, вынужден был чаще бывать в свете, уступая настояниям тестя.

В некоторых беллетризованных биографиях Лафайета можно прочесть об идиллических, а то и романтических отношениях, существовавших якобы в это время между маркизом и юной королевой. Отдельные авторы говорят даже о дуэли, состоявшейся у Лафайета с неким английским лордом, непочтительно отозвавшимся о Марии Антуанетте. Подобные легенды лишены оснований, они не подтверждаются никакими документами. Зато достоверно известно, что королева, особенно ценившая у кавалеров ловкость в танцах, всегда недолюбливала слишком серьезного лейтенанта мушкетеров, избегавшего участия в придворных балах. Лафайет никогда не научился красиво танцевать. Как рассказывали очевидцы, он окончательно утратил расположение королевы, когда на одном из балов неудачно дебютировал в роли ее партнера. «Я больше не танцую с вами, вы слишком неловки», — с досадой сказала Мария Антуанетта смущенному Лафайету⁴, которому и без того было неуютно в этом обществе прожигателей жизни. «Молодой и степенный Лафайет, уже снедаемый желанием отличиться, — отмечал один из его биографов, — выглядел резким контрастом в этой среде жуиров. Его холодная сдержанность, размеренные жесты служили объектом шуток в компании графа д'Артуа, о котором говорили, что он заменяет своего старшего брата в покоях Марии Антуанетты. Порочный круг неизбежно принуждал его отвечать на уколы самолюбия высокомерной непреклонностью, и от этого его манеры становились еще более неловкими и угловатыми, что в свою очередь усиливало иронию»⁵.

С воцарением Людовика XVI накопившееся недовольство выходило наружу. С молодым королем связывали надежды на реформы, способные вывести страну из кризиса. В просвещенных кругах открыто обсуждали «Общественный договор» Руссо, ставший новым Евангелием. Возникло множество масонских лож и всевозможных философских обществ. Идея нравственного совершенствования человечества все более привлекала умы. Отчетливо назревал конфликт между обществом и церковью. Повсюду велись разговоры о равенстве. «Старое социальное здание было полностью заминировано в своих глубоких основах»⁶, — замечал современник. Французское общество жаждало обновления. «Теперь, — писал популярный французский литератор Мельхиор Гримм, — не найдешь ни одного молодого че-

ловска, который по окончании коллежа не составлял бы проектов новой системы правления, ни одного автора, который не считал бы своей обязанностью доказывать правительству наилучший способ управления государством»⁷.

Но общественные настроения имели и совершенно определенную направленность: увольнение ненавистных министров, восстановление распущенной Людовиком XV в 1771 г. старой парижской магистратуры и ликвидация вновь созданной, реформа финансовой системы, неотложные меры по преодолению голода, искусственно вызываемого государственной монополией на хлебную торговлю. Эти и другие пожелания были доведены до сведения молодого короля. «К несчастью для него и для всей Франции, — отмечал Ф. Рокэн, — никто при самом вступлении его на престол не посоветовал ему созвать Генеральные штаты, которые просветили бы его ум и поддержали бы его волю... Если бы генеральные штаты были созваны на заре нового царствования молодого монарха, которого знали только с хорошей стороны, — утверждал Ф. Рокэн, — то они, быть может, имели бы действие того умеряющего элемента, которого они не в силах уже были представить в равной степени в 1789 г. По крайней мере они не имели бы за собой давления последующих пятнадцати лет, на протяжении которых, после бесплодных попыток улучшения и неоконченных реформ, общее расстройство только усилилось и страсти разгорелись еще сильнее»⁸.

Первое время казалось, что Людовик XVI оправдывает связанные с ним надежды. Он подкрепил свою популярность, отказавшись от суммы в 24 млн ливров, положенных ему по традиции при вступлении на трон (*Le droit joyeux avènement*). Мария Антуанетта последовала примеру супруга и тоже отказалась от полагавшихся ей денег (*Le droit de ceinture de la Reine*). Под давлением общественного мнения 25 августа 1774 г., в день св. Людовика, король дал отставку непопулярным министрам своего покойного деда — Мопу и аббату Терре — и отправил их в ссылку. Вслед за этим было объявлено о роспуске «парламента Мопу» и восстановлении старой магистратуры. Вскоре Парижский парламент возобновил свою деятельность. На место Мопу был призван популярный в обществе лидер «партии экономистов» Тюрго. Он давно

выступал против введения новых налогов и займов, надеясь улучшить финансы мерами жесткой экономики. Это был честный и энергичный человек, склонный, правда, к доктринерству, — не столько политик, сколько энциклопедист.

Министром королевского двора стал Мальзерб — друг и единомышленник Тюрго. «*Мы на заре более ясных дней*», — писал философ-просветитель д'Аламбер прусскому королю Фридриху II в связи с назначением Тюрго и Мальзерба⁹. «...Еще вчера гонимая философия заняла свое место в совете королей», — констатировал Ф. Рокэн¹⁰.

Первой мерой нового министерства стала отмена монополии на торговлю хлебом. Генеральный контролер финансов добился запрета государственных закупок и складирования зерновых, что должно было развязать руки сельскохозяйственным производителям и частным торговцам. Эта мера была встречена с энтузиазмом в обществе и с нескрываемой ненавистью теми, кто баснословно наживался на хлебной монополии. Вчерашние монополисты начали организованный саботаж правительственного решения и сумели, взвинтив цены на продовольствие, спровоцировать голодные бунты. Их цель — свалить министерство Тюрго, занятого в то время подготовкой королевских эдиктов о ликвидации барщины, изживших себя цеховых корпораций, а также о восстановлении в гражданских правах протестантов в соответствии с Нантским эдиктом 1598 г., фактически отмененным Людовиком XIV в 1685 г.

Мальзерб сумел добиться согласия короля на уничтожение позорной практики «*lettres de cachet*» — тайных приказов об аресте и тюремном заключении без суда и следствия. Министр лично явился в Бастилию и освободил содержащихся там многочисленных заключенных, арестованных на основании «*lettres de cachet*». В 1794 г. семидесятитрехлетний филантроп, осмелившийся выступить защитником на процессе Людовика XVI, будет гильотинирован якобинцами вместе с дочерью и зятем.

Энергичная деятельность либерального министерства Тюрго-Мальзерба не на шутку встревожила все консервативные силы — духовенство, бюрократию, земельных собственников, а также многочисленных получателей пенсий и королевских бенефиций. Очень скоро эти силы консолидировались и перешли в контр-

наступление, заручившись поддержкой Парижского парламента. В феврале 1776 г. Парижский парламент, возобновивший противоборство с королевской властью и правительством, принял постановление об изъятии и сожжении брошюры «Неудобства феодальных прав», изданной под покровительством Тюрго. Вольтер называл это сочинение «полным сводом гуманности», зато в постановлении парламента брошюре инкриминировалось оскорбление законов и обычаев Франции, священных и неприкосновенных прав короны и права собственности частных лиц, подрыв всей системы монархического правления. Парламент высказал и свое отрицательное отношение к подготовленным эдиктам об уничтожении последних феодальных повинностей, а также цеховых корпораций (сословия так называемых цеховых присяжных). Магистраты отправили даже соответствующую депутацию к королю с выражением протеста. Выслушав их, король сокрушенно сказал: «Я вижу, что никто, кроме меня и Тюрго, не любит народ»¹¹.

У Людовика XVI еще хватило духа утвердить 12 марта 1776 г. подготовленные эдикты, но он оказался бессилён перед мощным напором противников Тюрго. Парижский парламент в решении, принятом 30 мая 1776 г., потребовал от всех находящихся в оброчной, вассальной или подведомственной повинности у частных лиц отправлять все их обязанности перед королем и своими господами, пригрозив непокорным и возмутителям спокойствия неминуемой карой.

К тому времени противники генерального контролера финансов, поддержанные Марией Антуанеттой, сумели склонить слабовольного короля 12 мая 1776 г. дать отставку Тюрго¹². Затравленный клеветой и интригами, Мальзерб вынужден был уйти еще раньше. Из своего Фернейского уединения Вольтер отозвался на падение Тюрго и Мальзерба горькими строками: «Франция была бы слишком счастлива. Союз этих двух министров мог сделать чудеса. Я никогда не утешусь, увидев зарождение и гибель Золотого Века, который они нам готовили»¹³.

С падением Тюрго были отменены разработанные им либеральные эдикты, с политикой реформ было покончено. Надежды, связанные с Людовиком XVI, рассеялись как дым. Сам король пока еще сохранял благорасположение своих подданных, но очень скоро всем станет ясно, что он не в состоянии изменить к луч-

шему ход вещей. У него не было для этого ни способностей, ни твердой воли.

Руководство делами сосредоточилось в руках графа де Морепа — семидесятипятилетнего старца, начавшего карьеру еще при Людовике XIV и попавшего в опалу при Людовике XV за фривольную песенку о мадам Помпадур, которую ему ошибочно приписали. Трудно было ожидать от графа свежих идей или хотя бы каких-то энергичных действий, способных существенно изменить положение страны. Единственное, чем новый министр был серьезно озабочен, — так это, ничего не меняя, спокойно умереть на высоком посту, что ему и удалось.

Именно графу Морепа и поступил донос о «крамоле» и «духе Фронды», царящих в харчевне «Деревянная шпага», находившейся в Булонском лесу, на полпути из тогдашнего Парижа в Версаль. Министр поначалу не поверил. Безукоризненная репутация «Деревянной шпаги» была ему хорошо известна. Харчевня и имевшийся при ней постоялый двор служили местом ночных развлечений для интимного кружка Марии Антуанетты. Политикой здесь не занимались. Тем не менее осведомители доносили, что днем в харчевне нередко можно было видеть группу горячо спорящих молодых людей из золотой версальской молодежи, сидящих чаще не за бутылкой бургундского, а с текстом «Общественного договора» Руссо. Они вели бурные споры о непонятных для осведомительских ушей вещах: обсуждались системы натуралистов, политические новости, литературно-философские книжные новинки. Среди этих молодых людей — маркиз де Лафайет, граф де Сегюр, герцог де Ларошфуко, виконт де Ноайль, шевалье де Куаньи...

Серьезные разговоры сменялись шумным весельем и импровизированными спектаклями. Молодая компания остроумно и едко пародировала заседание Парижского парламента, показывая его беспомощность перед абсолютной властью короля. Лафайет при этом постоянно выступал в роли генерального прокурора. Не надо было кончать курс в Сорбонне (основная масса тогдашних осведомителей едва справлялась с пером и бумагой), чтобы усмотреть в подобных выходках опасное противогосударственное злоумышление.

Встревоженный Морепа информировал Людовика XVI о проделках молодых дворян, однако благодушный король, только входивший в новую для себя роль, не

придал значения этим встречам. Сегюр, друг детства Людовика XVI, сумел все обратить в шутку: он так остроумно пересказал королю содержание встреч в «Деревянной шпаге», что тот долго и от души смеялся. «Теперь я их соучастник, — заявил Людовик XVI озадаченному Морепе, — поскольку я тоже смеялся, слушая рассказ»¹⁴. Король вспомнит о предупреждениях Морепе через два года, когда маркиз де Лафайет тайно покинет пределы Французского королевства и отправится в Северную Америку сражаться за идеалы свободы.

Неумение, а главное, нежелание Лафайета приспособиться к нравам Версаля, превратиться в ловкого дворцового интригана, каковым был его тесть, искренне огорчали герцога д'Айена. Его своенравный зять категорически отвергал отведенную ему роль. Независимый нрав и собственные твердые воззрения на происходящее не могли, разумеется, снискать маркизу особой благосклонности двора. «Эта высокомерная сдержанность и почти патологический страх быть обвиненным самим собой в эгоизме, — отмечает биограф Лафайета, — разрушат позднее его карьеру. Он не воспользуется случаями, пропустит решающие моменты, и все из соображений личной деликатности. Часто он больше беспокоится о своей репутации, чем о своей миссии, в противоположность Дантону, гораздо менее безупречному, но конечно же более полезному для своего дела, ответившему на брошенное на него подозрение: «Пусть погибнет память обо мне, лишь бы Франция была свободной»»¹⁵.

К горькому сожалению тестя, царедворца из Лафайета сделать не удалось. Молодому маркизу явно не хватало гибкости в спине, зато были странные, с точки зрения искушенного куртизана д'Айена, представления о чести и достоинстве. Инцидент с графом Прованским не на шутку напугал герцога, озабоченного судьбой своего зятя. Ему уже казалось, что он просчитался в своем выборе. Тем не менее, используя обширные связи, ловкий герцог выхлопотал Лафайету повышение по службе, связанное, правда, с переводом в гарнизон города Меца.

В 1775 г. новоиспеченный семнадцатилетний капитан де Лафайет с радостью покидает Версаль. Единственное, о чем он искренне сожалеет, так это о разлуке с Адриеной, оставленной им на попечение ее

матери. Уже в первые месяцы их совместной жизни Жильбер успел искренне привязаться к жене и оценить ее высокие душевные качества. Чем больше он узнавал Адриену, тем больше достоинств открывал в ней. Поистине это был дар судьбы! Никто не понимал его лучше, чем она, никто так не переживал за него, как она. Отъезд Лафайета в Мец был лишь первой из многочисленных разлук, которые им предстояло пережить в их совместной жизни ¹⁶.

ВЫБОР

В гарнизоне Меца Лафайет сразу же почувствовал себя как в родной среде. Кавалерийским полком, в который он попал, командовал кузен Адриены князь де Пуа — Малыш Пуа, как шутливо называли его офицеры за маленький рост. Впрочем, малый рост не отразился на характере полковника — жизнерадостного и остроумного человека, общительного с друзьями и к тому же не оставлявшего своим вниманием прекрасный пол.

Военным округом Меца командовал другой родственник Лафайета, граф де Бройль — неудачливый военачальник, проигравший ряд сражений в последней, Семилетней войне, но тем не менее удостоенный маршальского жезла. Он был известен крутым нравом и поддерживал строгую дисциплину среди офицеров, по большей части принадлежавших к высшей знати. Лафайет удостоился редкой для скромного капитана чести — обедать у маршала, любившего вспомнить за бокалом вина о военных кампаниях, проведенных им вместе с отцом и дядей Жильбера.

Жизнь капитана де Лафайета в Меце протекала между учениями, смотрами и избранным офицерским обществом. Времени было мало, и все же маркиз грустил без своей Адриены, к которой он успел проникнуться глубоким чувством. Они обмениваются частыми нежными письмами.

8 сентября 1776 г. произошло событие, ставшее поворотным в относительно беззаботной, но постоянно не удовлетворявшей Лафайета жизни. В этот день маршал де Бройль давал обед в честь совершавших путешествие по Франции герцога и герцогини Глостер, сделавших остановку в Меце. Де Бройль пригласил на обед нескольких офицеров из самых знатных аристократических фамилий. В их числе

оказались маркиз де Лафайет и его свояк виконт де Ноайль.

Для французских офицеров не было секретом, что герцог Глостер открыто враждовал со своим старшим братом — английским королем Георгом III. В компании молодых аристократов под влиянием выпитых отборных вин герцог Глостер разговорился и не преминул вновь пройтись по своему венценосному братцу, политику которого он без всякого стеснения называл глупой. От него-то присутствовавшие и узнали впервые о событиях, начавшихся в североамериканских колониях Великобритании, часть которых еще совсем недавно принадлежала французской короне. Герцог говорил о «людях из Бостона», выдвинувших требование политической независимости для тринадцати британских владений в Северной Америке, о памфлетах Томаса Пейна, призывавших американских колонистов к оружию, о неразумности Георга III, отказывающегося идти на малейшие уступки североамериканским колониям. Главную причину возникновения конфликта в Северной Америке герцог Глостер видел в упрямстве своего брата, в его нежелании удовлетворить во многом справедливые требования заокеанских поселенцев. Никакого конфликта, как считал герцог Глостер, не возникло бы, если бы Георг III предоставил несколько лишних мест в английском парламенте американским колонистам и согласился уважать их право платить налоги в британскую казну только с предварительного одобрения их представителей. Офицеры забросали герцога вопросами, на которые тот охотно отвечал.

Лафайет слушал словно зачарованный. Природное чувство справедливости с самого начала определило его симпатию к делу инсургентов. Душа и ум молодого маркиза давно уже были подготовлены к взрыву. Банкет у де Бройля вызвал этот взрыв. Лафайет провел бессонную ночь.

На следующее утро герцог Глостер в сопровождении французских офицеров, среди которых находился и Лафайет, осматривал фортификационные укрепления. В этот момент ему доставили срочный пакет из Лондона. Глостер тут же вскрыл его и, ознакомившись с содержанием, не смог сдержать торжествующего злорадства. В письме сообщалось о начале восстания в североамериканских колониях и принятии Декларации независимости. Здесь же был приложен текст «Еди-

ногласной декларации тринадцати Соединенных Штатов Америки», принятой 4 июля 1776 г. Континентальным конгрессом молодой республики. Своим высоким голосом Глостер зачитал документ окружившим его французским офицерам. «Мы, — говорилось в Декларации, — считаем очевидными следующие истины: все люди сотворены равными, и все они одарены своим создателем некоторыми неотчуждаемыми правами, к числу которых принадлежат жизнь, свобода и стремление к счастью. Правительство получает свою власть от управляемых. Право народа — изменить или уничтожить его...»¹⁷

«При первом же известии об этой войне, — запишет впоследствии Лафайет, — мое сердце было завербовано...»¹⁸ Вспоминая два года спустя о впечатлении, произведенном на него известием о восстании в Северной Америке, Лафайет писал: «Как только при мне было произнесено слово «Америка», я полюбил ее: едва я узнал, что она борется за свою свободу, как меня охватило желание пролить за нее мою кровь...»¹⁹ Жильбер живо представил себе горстку героев-фермеров, вооруженных старыми охотничьими ружьями, сражающихся против профессиональной армии английского короля. До сих пор он лишь читал о естественных правах народа в «Общественном договоре» Жан Жака Руссо. Теперь же, оказывается, нашлись люди, решившие осуществить идеи «одинокого мечтателя» из Эрменонвиля. Лафайет всегда чувствовал глубокое влечение к этим идеям, но считал их столь же благородными, сколь, увы, и утопическими.

Он еще ничего не знал о людях из Бостона, но сразу же понял, что их дело близко ему. Что может быть более достойным молодого образованного дворянина, не видящего вокруг ничего, что отвечало бы его идеалам и представлениям, чем встать в ряды этих мужественных борцов. «Республиканские отношения очаровали меня, — вспоминал о том периоде Лафайет, — и, когда мои новые родители (тесть и теща. — П.Ч.) выхлопотали мне место при дворе, я не колебался в том, чтобы ради сохранения моей независимости вызвать чье-либо неудовольствие»²⁰.

Решение пришло сразу и бесповоротно. Не медля ни дня, капитан де Лафайет обратился к командующему войсками округа с просьбой отпустить его в Северную Америку сражаться за правое дело колоний. Маршал де

Бройль сочувственно посмотрел на всегда спокойного, а теперь необычайно возбужденного маркиза и решительным тоном заявил: «Я видел гибель вашего дяди в Итальянском походе, я был свидетелем кончины вашего отца в сражении при Миндене и потому не желаю принимать участие в уничтожении единственной ветви, оставшейся от вашей семьи» 21.

Разумеется, разумные доводы старого маршала не могли охладить горячность Лафайета; он решает возвратиться в Париж и там готовить свой отъезд в Америку. Намерение его непреклонно, и ничто не заставит его отступить от задуманного. Лафайет подал прошение о долгосрочном отпуске, которое было удовлетворено. Желание маркиза было понято как стремление вернуться из провинциально скучного Меча в вечно праздничный Версаль. Никто, кроме маршала де Бройля, пока не подозревал об истинных планах Лафайета.

...Зима 1776 г. надолго запомнилась избалованным мягким климатом французам. Вслед за обильными снегопадами ударили жестокие морозы. На улицах появились окоченевшие трупы. В течение десяти недель снег покрывал парки Версаля, во дворцах которого после некоторого затишья возобновилось обычное веселье. Одно развлечение сменялось другим. Фантазия устроителей празднеств, казалось, не имела предела. Каждую неделю — по вторникам и четвергам — давались три спектакля, два бала и два больших ужина. И так круглый год. Лица все те же. Место мадам дю Барри, сосланной в аббатство Понт-о-Дам, заняла при дворе м-ль де Ламбаль, ставшая ближайшей компаньонкой молодой королевы. О ее темном происхождении ходили всевозможные слухи.

Таким увидел Версаль маркиз де Лафайет, вынужденный вновь проводить долгие часы в изнурительном заучивании танцевальных фигур. За время его отсутствия появились новые танцы, а, как известно, «noblesse oblige» — дворянство обязывает. Он старательно выделяет замысловатые па, желая доставить удовольствие родне и, что самое главное, скрыть свои намерения. К своему удивлению, Лафайет обнаружил, что в Версале входило в моду все американское: при дворе теперь вместо виста играли в бостон, велись разговоры о Томасе Пейне и Декларации независимости, всюду, кроме двора, охотно принимали пред-

ставителей Континентального конгресса Бенджамина Франклина, Сайласа Дина и Артура Ли, только что прибывших в Париж добиваться поддержки со стороны Франции в войне, которую Североамериканская республика начала против Англии. «Я вспоминаю, — пишет в своих мемуарах граф де Сегюр, — что американцев называли тогда инсургентами и бостонцами. Их мужественная решимость электризовала умы, возбуждала всеобщее восхищение, особенно среди молодежи...»²² «...Только двор, — продолжает Сегюр, — сохранял еще свое обычное высокомерие. Но поскольку известно, что куртизаны во Франции в большей мере служители моды, чем слуги государя, они считали хорошим тоном спускаться с высот своего положения до общения с Мармонтелем, д'Аламбером или Рейналем в надежде возвыситься тем самым в глазах общественного мнения»²³.

По этой же причине перед Франклином и его коллегами гостеприимно открылись двери дворцов и особняков знати. Стало модным принимать американца у себя. Даже его чудаковатые очки и весь простоватый облик во вкусе Руссо не вызывал никаких прежде неизбежных презрительных насмешек. Доходило до курьезов. Однажды Франклин, принимая в своей резиденции делегацию, впопыхах забыл про свой парик с булями. Этого было достаточно, чтобы его примеру последовали наиболее отчаянные парижские модники.

Волна увлечения всем американским сопровождалась вспышкой англофобии. Французы не забыли потери Канады и Индии, перешедших к Англии. Унизительные условия Утрехтского (1713 г.) и Парижского (1763 г.) мирных договоров оскорбляли их национальное чувство. Посольство Его Величества Георга III в Париже имело все основания для беспокойства.

В Версале Лафайет узнал, что его начальник маршал де Бройль хлопочет о своем назначении главнокомандующим французскими войсками в Северной Америке. Он предлагал открыто поддержать инсургентов и попытаться вернуть Франции позиции на Американском континенте, утраченные при Людовике XIV и Людовике XV. Однако при дворе предложения де Бройля не были приняты, а после соответствующего демарша английского посольства, до которого дошли слухи об активности маршала, король запретил де Бройлю всякие разговоры на эту тему. Франция в тот момент не была готова

непосредственно ввязаться в войну с Англией. Правительство, преодолев колебания, выберет позицию скрытой поддержки восставших колоний, на словах демонстрируя нейтралитет.

Это побудило Лафайета быть более осторожным. С полным основанием он предвидел самое решительное противодействие реализации своих намерений со стороны могущественного семейства Ноайлей. За это время восемнадцатилетний Лафайет уже успел стать отцом маленькой Генриетты, а его шестнадцатилетняя жена ожидала второго ребенка. Ей, единственной, открыл он свои планы. Потрясенная Адриена, пряча слезы, согласилась быть его молчаливой сообщницей, обрекая себя на годы одиночества. Никто не знал, чего ей это стоило. Ведь там, куда намеревался отправиться Жильбер, разгоралась война, и она не могла не сознавать всю степень опасности, которой он себя подвергал. Лафайет по достоинству оценил самоотверженность своей супруги. В этот день в их взаимоотношениях появилась еще одна прочная нить.

Посол Его Величества Георга III лорд Стормонт внимательно следил за тем, чтобы не допустить вовлечения Франции в конфликт в Северной Америке. Неоднократно он делал соответствующие представления в связи с начавшимся тайным вывозом из Франции оружия американским инсургентам.

Тем временем Лафайет сумел-таки склонить на свою сторону маршала де Бройля, обещавшего ему помощь и содействие. Де Бройль познакомил Лафайета с бароном Жаном Кальбом, также мечтавшим выехать в Северную Америку. Пятидесятилетний немецкий мещанин Иоганн Кальб долгие годы прослужил во французской армии под командованием маршала де Бройля, который исключил ему подполковничий чин и баронский титул за заслуги перед королем Франции. Французское правительство не раз доверяло Кальбу секретные миссии в различные страны, используя знание им нескольких европейских языков. Бывал Кальб и в Северной Америке, куда его в 1767 г. направил граф Шуазель, министр Людовика XV, с целью собрать там информацию об антианглийских настроениях. Поездка в Америку оказала глубокое влияние на Кальба, лично воспринявшего идеи американской независимости.

Узнав о начале войны в Северной Америке, Кальб решил вступить в армию генерала Вашингтона. Маршал

де Бройль рекомендовал своего офицера Сайласу Дину — первому агенту американского Конгресса, посланному во Францию в 1776 г. для закупки оружия и вербовки волонтеров. Дин записал подполковника Кальба в североамериканскую армию в звании майора. Вместе с Кальбом готовились отплыть в Америку еще 15 французских офицеров. Посольство Великобритании прознало о приготовлениях Кальба и заявило версальскому кабинету столь решительный протест, что король вынужден был воспрепятствовать отправлению этой экспедиции.

Кальб и познакомил Лафайета с Дином. Вспоминая эту встречу, Лафайет впоследствии писал: «Представляя г-ну Дину свою персону, я, едва достигший девятнадцати лет, говорил больше о моем рвении, чем о моем опыте. Я удивил его своим решением, но он все же подписал соглашение. Семья, друзья, министры, французские и английские шпионы — все были введены в заблуждение. Среди немногих посвященных я весьма обязан г-ну де Буамартену, секретарю графа де Бройля, и самому графу, сердце которого, после тщетных попыток остановить меня, с отцовской нежностью следило за мной»²⁴.

Прибывший в Париж 18 декабря 1776 г. Б. Франклин привез неутешительные известия. Армия Вашингтона в течение августа понесла серию поражений под Нью-Йорком, Уайт-Плейси и фортом Вашингтон, а у Лонг-Айленда она едва вырвалась из окружения. Под ружьем у Вашингтона оставалось не более 3 тыс. человек, непрерывно преследуемых 33-тысячной армией генерала Хоу.

Данное обстоятельство в решающей степени и охладило прежнюю благосклонность французского короля к североамериканским повстанцам. Все, включая самого Франклина, со дня на день ожидали сообщения о подавлении восстания. Число желающих отправиться в Америку во Франции резко упало. Как Франклин, так и Дин сами уговаривают маркиза отказаться от его ранее выраженного намерения. Но они не знали характера Лафайета. Он настаивает на своем. «Если ваши дела действительно так плохи, — заявил он Франклину, — тем более я могу быть полезным. Я уже предлагал вам свои услуги, когда ваши соотечественники еще не нуждались в помощи. Насколько же больше я тверд в моем настойчивом предложении теперь, когда

вы действительно нуждаетесь в помощи»²⁵. «До сих пор, месье, — повторял он Дину, — вы видели лишь мое рвение; очень скоро оно может оказаться полезным. Я покупаю судно, которое перевезет ваших офицеров. Верьте мне, что именно перед лицом опасности я желал бы разделить вашу судьбу»²⁶.

В переговорах с Франклином и Дином Лафайет поставил два условия: он отправится в Америку на купленном им самим и полностью оснащенном корабле; он отказывается от всякого жалования и какой-либо иной материальной компенсации за свою службу²⁷. По окончании переговоров Лафайет подал просьбу о временном увольнении его в запас «по состоянию здоровья». Будучи крайне щепетилен во всем, что относится к этическим нормам, он не желал быть обвиненным в дезертирстве из армии. «Довольно примечательно, — запишет Лафайет в мемуарах, — что в то самое время, когда генерал Вашингтон, который никогда не выезжал из Америки, с армией, сократившейся до 2 тыс. человек, не переставал верить в общественное дело, то же чувство вдохновляло в тысячах лье от него девятнадцатилетнего юношу, которому предназначено было стать его ближайшим другом, разделить с ним все превратности судьбы, пережить счастливое завершение этой революции и перенести затем в другое полушарие принципы свободы и равенства, на которых она была основана»²⁸.

В разгар подготовки к отъезду Лафайету пришлось совершить запланированную ранее поездку в Лондон. «Я не мог, — объяснял он впоследствии, — отказаться от этого путешествия, чтобы не выдать мою тайну, а, согласившись на него, я сумел скрыть мои приготовления...»²⁹ Лафайет прибыл в Лондон 24 февраля 1777 г. в компании упоминавшегося уже князя де Пуа. Молодые люди провели там три недели в качестве гостей родственника Лафайета по линии жены маркиза де Ноайля, посла Франции при дворе Георга III. Характерно, что свой первый визит в Лондоне Лафайет нанес не кому-нибудь, а американцу, доктору Банкрофту. Об этом он сообщает в письме к жене: «Прибыв в Лондон, я прежде всего встретился там с американцем Банкрофтом и уже затем с Его Величеством британским королем...»³⁰ Георгу III Лафайета представил лично посол де Ноайль.

Британский «бэмонд» радушно принял двух фран-

цузских аристократов. Одно развлечение сменяло другое — балы, ужины, опера. Лафайет едва находит время, чтобы написать жене. Между прочим, он сообщает ей, что его друг Малыш Пуа приобрел у английских дам репутацию знатока модных туалетов и причесок: они во всем следуют его советам. «Прощайте, душа моя, я так тороплюсь, что имею время лишь на то, чтобы сказать Вам: люблю Вас всем сердцем»³¹.

Маркиз танцует на балу у министра колоний лорда Джермена, где знакомится с лордом Рендоном, только что вернувшимся из Нью-Йорка, завтракает у лорда Шелберна, благоволящего инсургентам, а в Опере он сидит рядом с генералом Клинтоном, с которым очень скоро скрестит оружие на поле боя. Желая избежать возможных обвинений в шпионаже в пользу генерала Вашингтона (опять та же щепетильность!), Лафайет уклоняется от всех приглашений наблюдать за военными маневрами и смотрами английской армии, осматривать порты и гавани, любые военные объекты³².

Из Лондона же он пишет 9 марта письмо тестю, ставя его в известность относительно своих намерений. Лафайет понимает весь возможный риск, но бежать, не уведомив об этом родителей жены, он не считал для себя возможным. «...Я нашел единственный случай отличиться и овладеть моим ремеслом, — сообщает Лафайет герцогу д'Айену. — Я — генерал армии Соединенных Штатов Америки. Моя приверженность их делу и моя искренность снискали мне доверие. Со своей стороны, я сделаю для них все, что смогу, и их интересы мне всегда будут дороже моих собственных... Ваш нежно любящий сын Жильбер де Лафайет»³³.

Представляясь генералом армии Вашингтона, Лафайет несколько грешил против истины. Это звание он получит от американского Конгресса позднее. Пока же Дин и Франклин лишь ходатайствовали перед Конгрессом о присвоении Лафайету генеральского чина. Но Жильбер хорошо знал своего тщеславного тестя и хотел хотя бы слегка подсластить пилюлю. Искренность Лафайета едва не расстроила его планы. По получении письма герцог д'Айен поднял невероятный шум. Он немедленно посетил первого министра Морепа и потребовал от него всеми средствами воспрепятствовать отъезду маркиза де Лафайета. А ведь совсем недавно герцог и его отец маршал де Ноайль даже жаловались

другу Лафайета графу де Сегюру на апатичность и безразличие их зятя ко всему на свете. Сегюр вспоминал: «...я не мог сдерживать улыбки, слушая маршала де Ноайля и других членов его семьи, просивших меня оказать на него (Лафайета. — П.Ч.) все мое влияние, с тем чтобы растопить его холодность, пробудить его от безразличия и сообщить хотя бы немного огня его характеру. Представьте теперь, каково было их удивление, когда однажды они узнали, что этот степенный молодой человек девятнадцати лет, холодный, беззаботный, охваченный жаждой славы и опасностей, намерен пересечь океан для того, чтобы принять участие в сражении за американскую свободу» ³⁴.

ОТЪЕЗД

Вернувшись во Францию, Лафайет остановился не в своем доме, а у барона Кальба. «Я скрывался в Шайо в течение трех дней, — вспоминал Лафайет, — и встречался там с некоторыми американцами и кое с кем из друзей» ³⁵. Он поручил брату секретаря де Бройля приобрести корабль на имя де Мотье, шевалье де Шаваньяка, и полностью оснастить его всем необходимым. Одновременно он дал указание закупить большую партию оружия. Покупка судна обошлась Лафайету в 110 тыс. ливров. Он дал ему многозначительное имя «Виктуар».

Граф де Сегюр вспоминал, что в один из весенних дней в семь часов утра «он (Лафайет. — П.Ч.) внезапно появляется в моей комнате, плотно закрывает двери и, присев возле моей кровати, говорит: «Я уезжаю в Америку. Никто об этом не знает, но я слишком тебя люблю, чтобы уехать, не поведав моей тайны»».

«Но что ты предпринял для того, чтобы осуществить свой план?» — задал ему вопрос вмиг проснувшийся от такой новости Сегюр. «Я узнал от него, — продолжает в своих воспоминаниях Сегюр, — что под благовидным предлогом он выехал из Франции и приобрел корабль, который дожидается его в одном из портов Испании. Он вооружил его, набрал хороший экипаж и заполнил трюмы оружием и снаряжением, а также собрал отряд офицеров, согласившихся разделить его судьбу» ³⁶.

Сегюр, успевший к тому времени породниться с Лафайетом (он женился на тетке Адриены — младшей сестре герцогини д'Айен, став таким образом «дядей» своему другу), также загорелся идеей поехать в Америку. И он действительно отправился туда, но только в самом конце Войны за независимость — в 1782 г. По возвращении же из Америки граф де Сегюр получит высокое назначение посланником в Санкт-Петербург.

Тем временем разгневанный герцог д'Айен пытается найти исчезнувшего зятя. Все члены семьи д'Айен — Ноайль осуждали безрассудство маркиза. «Только его жена, — свидетельствует де Сегюр, — безусловно удрученная больше, чем кто-либо другой, но слишком любившая его, не разделяла этих чувств и одобрила его благородное решение»³⁷. Адриена была в это время в середине второй беременности. «Легко понять, — пишет ее младшая дочь, Виржиния, — всю ее душевную боль от этой столь же неожиданной, сколь и ужасной новости. Помимо собственных страданий она переживала гнев моего деда» и должна была «скрывать мучения своего сердца»³⁸. «Я была беременна, — вспоминала сама мадам Лафайет, — и нежно любила его. Мой отец и остальная семья были в неистовом гневе против него, узнав об этой новости. Моя мать беспокоилась о том, какое впечатление произведет на меня его отъезд...»³⁹ Никто не догадывался, что Адриена не только знала о планах мужа, но и благословила его.

19 марта 1777 г. Лафайет и Кальб тайно прибыли в Бордо, в гавани которого стоял «Виктуар». В это время сюда уже дошли слухи о готовящемся бегстве Лафайета. Полиция повсюду разыскивает маркиза. Она имеет приказ об аресте Лафайета в случае его попытки покинуть территорию Франции. Правда, ничего еще не знают о купленном им корабле. И все же встревоженный Лафайет отдаст распоряжение капитану судна покинуть гавань Бордо и ожидать его с поднятыми парусами в испанском порту Лос-Пассакес. Мера предосторожности оказалась своевременной. В Бордо Лафайета обнаруживают и вручают приказ короля следовать в Марсель, где он должен дожидаться маршала де Ноайля, а затем сопровождать его в качестве адъютанта в поездке в Италию. Данную «командировку» ему организовал герцог д'Айен.

Маркиз вынужден собрать багаж и сесть в почтовую карету в компании молодого офицера графа де Моруа, своего единомышленника. В пути, на одной из остановок, молодым людям удалось незаметно скрыться. Купив лошадей, они верхом добираются до франко-испанской границы и пересекают ее. В Байонне Лафайет узнает, что его исчезновение замечено. Король подписывает приказ о его аресте («*lettre de cachet*»).

26 апреля 1777 г. «Виктуар» с шестнадцатью пассажирами на борту покинул порт Лос-Пассахес и вышел в открытое море. На его борту 15 французских офицеров — Жан Кальб (50 лет), Франсуа Огюстен Дюбуа-Мартен (32 года), Луи-Анж де Ла Коломб (22 года), Шарль Бедуль (25 лет), Филипп-Луи Кандон (26 лет), Жак Франваль (26 лет), Луи де Жима (22 года), Леонар Прис (22 года), Луи Девриньи (36 лет), Жан-Пьер Руссо (27 лет), Жан Капитен (38 лет), шевалье де Бюиссон (25 лет), граф де Моруа, возраст которого установить не удалось. Самым младшим по возрасту был руководитель экспедиции маркиз де Лафайет (19 лет) ⁴⁰.

Из соображений конспирации в судовых документах значилось, что «Виктуар» следует в колонии Западных Индий. Но как только судно вышло в открытое море, Лафайет приказал капитану взять курс на Северную Америку.

Капитан запротестовал: в районе Северной Атлантики много английских военных кораблей и «Виктуар» легко может стать их добычей. На напоминание Лафайета, что владельцем судна является все же он, капитан заметил, что в море только он может отдавать приказы. Спор мог затянуться, но Лафайет пустил в ход неотразимый аргумент. Он прибавил 8 тыс. долларов к жалованью капитана, после чего тот был готов с двумя своими пушками дать бой всему британскому флоту ⁴¹.

Едва уладилось недоразумение с капитаном, как разыгрались жестокие штормы, с трудом переносимые Лафайетом и его спутниками.

Лафайет и здесь остается верен выработанной привычке. Он регулярно пишет письма жене. Первое письмо мадам Лафайет получит от него лишь 2 августа 1777 г., через три с лишним месяца после его отъезда. Все это время она томилась неизвестностью. Сама

же Адриена пережила два события – смерть двухлетней Генриетты и рождение второй дочери, которую, по предварительному уговору с Жильбером, она назовет редким во Франции именем Анастасия. Малышка оправдывает значение своего имени. Анастасии де Лафайет, в замужестве графиня де Латур-Мобур, суждена будет долгая жизнь: она проживет 86 лет.

...Лафайет ничего не знает о происходящих в его доме событиях. 30 мая 1777 г. он пишет с борта «Виктуар»: «Удаляюсь от Вас все более и более, душа моя, и к тяжелому чувству разлуки присоединяется теперь томительная неизвестность: когда-то получу от Вас письмо?.. А разлука с близким – чувство само по себе очень горькое. Как приняли Вы известие о моем тайном отъезде? Не разлюбили ли Вы меня за это? Простили ли?..

Ваше горе при разлуке, сожаление друзей, мысли о Генриетте – все это не дает мне покоя. Мне иногда кажется, что нет для меня оправданий. Если бы Вы знали, как мне тяжело, сколько бессонных ночей провел я, думая о Вас!..

Я нахожусь в самой скучнейшей из стран. Море так печально! И мне кажется, что мы огорчаем друг друга – оно меня, а я его...

Но поговорим о вещах более важных. Поговорим о Вас, о Генриетте, о ее брате или сестре, которые должны появиться на свет. Генриетта так мила, что располагает меня к желанию иметь еще одну дочь. Но кто бы ни был наш второй ребенок, я приму с величайшей радостью известие о его рождении. Поспешите немедленно уведомить меня об этом счастливом событии. Не знаю, потому ли, что теперь я отец двоих детей, или почему другому, но я нахожу в себе столько отцовских чувств, как никогда прежде...»⁴²

Письмо от 7 июня 1777 г.: «Я все еще в этой печальной равнине. Чтобы хоть как-то утешить себя, я думаю о Вас, о моих друзьях. Я думаю о нашей встрече. Что за чудная будет минута, когда я однажды брошусь в Ваши объятия, появившись совсем неожиданно! С Вами, быть может, будут тогда наши дети. Я люблю тешить себя этой мыслью. И поверьте мне, что это будет гораздо скорее, чем Вы думаете...

Вы конечно же сознаете, душа моя, что дело, которое мне предстоит здесь, не имеет ничего общего с тем бездельем, которое мне хотели навязать, посылая

меня в Италию. Быть защитником свободы, перед которой я преклоняюсь, быть свободным самому, явиться другом, предложить свои услуги славной Республике, явиться без всякого честолюбия, без всякой задней мысли и сознавать, что, работая для своей славы, ты трудишься и для их счастья...

До свидания. Наступившая ночь не позволяет мне продолжать письмо, так как вот уже несколько дней я запретил всякое освещение на моем корабле. Видите, как я благоразумен! Поскольку моей рукой водит мое сердце, то мне не нужно света для того, чтобы написать Вам, что я люблю Вас и буду любить вечно»⁴³.

Лафайет ведет судовой журнал. Вот одна из записей: «В сорока лье от берега мы были настигнуты небольшим судном... и приняли необходимые меры оборонительного характера. К счастью, это были американцы, которые напрасно старались нас сопровождать»⁴⁴. К слову сказать, это американское судно через несколько часов было захвачено англичанами, о чем станет известно Лафайету и его спутникам. Однако об этом факте он ничего не сообщает в письмах к Адриене. Лафайет пишет, чтобы она не беспокоилась, уверяя Адриену, что его высокое звание не предполагает прямого участия в боевых действиях и что, следовательно, опасности для жизни практически нет.

На рассвете 13 июня 1777 г. взору Лафайета и его спутников предстали берега Южной Каролины. Семь недель плавания остались позади.

...А в Париже все это время не утихает скандал, вызванный бегством маркиза. Называются самые невероятные причины его поступка. Тогда-то и рождается легенда об «акте отчаяния» Лафайета, не добившегося расположения графини д'Юнольштайн. В аристократических салонах недоумевают — маркиз де Лафайет, будто задолжавший офицерик из мелких дворян, надеющийся поправить свои дела наемничеством, — невероятно, кто другой, но он... чье состояние составило бы честь принцу крови...? В Версале предпочтут поверить в амурное дело.

Новость о бегстве Лафайета немедленно облетела весь Париж, породив шуточные куплеты, которые распевали никогда не унывающие парижане.

Лорд Стормонт сообщает в Лондон о вспышке антианглийских настроений, охвативших даже высшее общество. «Французские дамы, — пишет он министру

иностранных дел, — порицают родных месье де Лафайета за то, что они пытались остановить его в столь благородном предприятии. «Если бы герцог д'Айсен, — сказала одна из них, — сумел воспрепятствовать отъезду зятя, то вряд ли он смог бы рассчитывать найти мужей остальным своим дочерям»» 45.

Некий шевалье де Маре в письме к матери среди новостей версальской жизни сообщает следующее: «В Париже только и говорят о приключении с молодым офицером, который оставил свою красивую жену с двумя малолетними детьми и отправился сражаться на стороне мятежников Америки. Принятый при дворе и располагающий рентой по меньшей мере в 50 тысяч эку, он мог бы вести самую красивую жизнь и сделать блестящую карьеру в Версале, если бы он не помчался на помощь восставшим Нового Света. Речь идет о маркизе де Лафайете».

Пожилая дама не преминула выразить в ответном письме свое удовлетворение тем, что ее сын так не похож на легкомысленного Лафайета: «Я счастлива видеть, сын мой, что, несмотря на Вашу молодость, Вы признаете и осуждаете экстравагантность такого поведения. Как мне жаль бедную мать этого молодого авантюриста...» 46

Долго еще не смолкнут разговоры вокруг Лафайета. В них будет столько же осуждения, сколько и восхищения его поступком. «Когда до Парижа дошли слухи о первых сражениях, в которых Лафайет и его соратники по оружию вновь заставили сверкать французское имя, — сообщает нам современник тех дней, — то одобрение стало всеобщим: те же самые люди, которые больше всех порицали его дерзкое предприятие, теперь громче всех аплодировали ему. Двор почти не скрывал своей гордости, а молодежь поголовно завидовала ему» 47.

А Лафайет был далек от всего этого отделяющим его от Франции пространством и своими мыслями, которые уносили его только вперед. 15 июня 1777 г. вместе со своими спутниками он ступил на американскую землю в бухте Джорджтауна, близ маленького городка Чарлстоун. Начиналась новая страница его жизни. Очень скоро он поймет, что все предшествующие годы были лишь подготовкой к тому главному, что предстояло ему свершить.

ГЕРОЙ НОВОГО СВЕТА

ЗНАКОМСТВО С АМЕРИКОЙ

Первый человек, с которым Лафайет познакомился в Чарлстоуне, был хозяин небольшой фермы мистер Хьюггер, оказавшийся, к счастью, майором армии Конгресса. Он тепло встретил Лафайета и его спутников. Внимание маркиза привлек пятилетний сын Хьюггера, сразу же проявивший интерес к отделанной золотом шпаге Лафайета. Маркиз охотно играл с мальчиком, вспоминая крошку Генриетту. Менее всего Лафайет мог предположить, что спустя много лет студент медицинского факультета Хьюггер предпримет дерзкую попытку освободить из австрийской тюрьмы в Ольмюце того, кто пленил его детское воображение в далекое лето 1777 г. Вскоре в доме Хьюггера Лафайета посетил губернатор Чарлстоуна. Узнав о том, что в Филадельфии заседает Конгресс, маркиз принял решение отправиться туда. Радужные чарлстоунцы выделили гостю лучших лошадей и экипаж. За время короткого пребывания в Чарлстоуне Лафайет получает первое впечатление об Америке и американцах. После чопорных версальских салонов и танцзалов он открывает для себя новый мир. Лафайета поражает простота нравов американцев, о чем он пишет в письмах к жене.

Наконец сборы закончены. Лафайет и его спутники покидают гостеприимный Чарлстоун. Их путь в Филадельфию лежит через штаты Южная и Северная Каролина, Вирджиния, Мэриленд и Делавэр. В дороге Лафайет продолжает заниматься английским языком.

27 июля 1777 г. усталый караван прибыл в столицу Пенсильвании. Позади осталось 900 миль пути. Уже через час, приведя в порядок свою одежду, Лафайет, имея при себе ркомендательные письма С. Дина, поспешил в здание, где заседал Конгресс. Лафайета и его спутников принял председатель комитета по иностранным делам мистер Лоуэлл, но он не проявил никакого интереса к прибывшим французам и даже не прочитал письмо Дина. Сухим, безразличным тоном Лоуэлл сообщил Лафайету, что Конгресс известит

прибывших о своем решении в удобное для него время. Такой прием оставил французов в полной растерянности. Лафайет явно не рассчитывал на столь официальную встречу. Стоило ли всем рисковать — оставить семьи, службу, родину, пересекать океан — для того, чтобы почувствовать на себе бюрократическое равнодушие. Кое-кто из спутников Лафайета захотел вернуться во Францию. И все же подобный прием не охладил решимости Лафайета, и он пишет обращение к Конгрессу: «После всех жертв, принесенных мною, я считаю себя вправе просить о следующем: разрешить мне служить в вашей армии, во-первых, на мой собственный счет и, во-вторых, в качестве простого волонтера»¹.

При следующей встрече Лафайет передал обращение мистеру Лоуэллу, а заодно попросил его содействовать все же ознакомиться с рекомендательным письмом Дина, в котором, между прочим, говорилось: «Маркиз де Лафайет, молодой дворянин из состоятельной семьи, обладающей большими связями, отбыл в Америку на собственном судне в сопровождении знатных офицеров для того, чтобы служить в нашей армии. Он пользуется всеобщей любовью, и мы смеем надеяться, что он и его экспедиция встретят такой же прием в стране, куда он направляется... Мы были бы рады, если бы ему были оказаны соответствующие услуги и уважение, что имело бы для нас здесь большое значение...»²

Необычная просьба Лафайета вызвала интерес у конгрессменов, привыкших к далеким от альтруизма предложениям европейских наемников, домогавшихся высоких должностей в американской армии и соответствующего жалованья. Именно за наемников-авантюристов и приняли поначалу конгрессмены Лафайета и его офицеров. К слову сказать, среди спутников маркиза были не только волонтеры свободы, но и искатели приключений.

Лафайет прибыл в Северную Америку в трудный для повстанцев период. Армия Вашингтона потерпела ряд поражений, и Конгресс со дня на день ожидал от главнокомандующего рокового известия о невозможности продолжать военные действия. 18-тысячной регулярной и хорошо оснащенной армии англичан противостояли 11 тыс. плохо вооруженных и недисциплинированных повстанцев, сильных лишь своими граждан-

скими чувствами да военным талантом своего руководителя — Вашингтона. Сам главнокомандующий в это время спешил в Филадельфию, опасаясь захвата ее англичанами.

Буквально накануне его приезда в столицу Пенсильвании Конгресс, ознакомившись с обращением Лафайета и рекомендательным письмом С. Дина, утвердил 31 июля 1777 г. следующее постановление: «Принимая во внимание, что маркиз де Лафайет из преданности предпринятому Соединенными Штатами делу освобождения покинул семейство и всех своих друзей, прибыл в Америку на собственный счет для того, чтобы предложить свои услуги Соединенным Штатам, не испрашивая за это никакого вознаграждения и решившись пожертвовать за наше дело своей жизнью, Конгресс постановляет: услуги эти принять и, признавая энергию и знатность рода маркиза де Лафайета, назначить его начальником штаба армии Соединенных Штатов»³. Тем же постановлением девятнадцатилетнему Лафайету присваивалось звание генерал-майора североамериканской армии.

На следующий день в Филадельфию прибыл генерал Вашингтон. На банкете, устроенном в его честь Конгрессом, главнокомандующий с неудовольствием обнаружил молодого иностранца, сидящего за столом вместе с офицерами его штаба. «Опять какой-нибудь авантюрист», — с раздражением подумал Вашингтон. Каково же было его изумление, когда он узнал, что это его начальник штаба. Уже много раз главнокомандующий просил Конгресс в его отсутствие и без его ведома не принимать иностранцев на военную службу, и вот опять, да еще с присвоением генеральского чина. Первая встреча Лафайета и Вашингтона не сулила будущей дружбы.

2 августа генерал Вашингтон устроил смотр своей изрядно поредевшей армии. Взору Лафайета предстали плохо вооруженные, имеющие лишь самое общее представление о строе люди, одетые в охотничьи рубашки или куртки из серого сукна. Вашингтон не мог скрыть смущения и извинился за непрезентабельный вид своего воинства перед вчерашним королевским мушкетером. «Я здесь для того, чтобы учиться, а не поучать», — ответил главнокомандующему Лафайет⁴. Ответ понравился Вашингтону и несколько поколебал первое неблагоприятное впечатление о молодом фран-

цузе. Тем не менее Вашингтон направил президенту Конгресса Бенджамину Харрисону письмо, в котором выразил свое неудовольствие: «Или я неправильно понял то, что мне сказали Вы и другие члены Конгресса по поводу назначения маркиза де Лафайета, или он сам впал в ошибку... быть может, по той причине, что Конгресс не был с ним откровенен? У меня, во всяком случае, не осталось никакого сомнения в том, что он всерьез воспринял свой чин и ожидает назначения принять под командование дивизию. Он никогда не упускает случая напомнить о своей молодости и неопытности с подобающей скромностью, но вместе с тем дает понять, что ожидает от меня, когда я сам сочту, что его способности соответствуют его высокой миссии, командного поста, который будет не ниже его чина. В ожидании же этого он, кажется, готов удовлетвориться более скромным назначением»⁵.

Надо сказать, что пост начальника штаба армии, полученный Лафайетом от Конгресса, не имел практически реального значения. Это было нечто вроде должности старшего адъютанта главнокомандующего. Умный Лафайет это понимал и именно поэтому добивался назначения командиром дивизии.

Тем временем первый министр Морепла и министр иностранных дел Верженн по указанию Людовика XVI официально обратились к Франклину с просьбой сообщить Конгрессу о нежелательности принятия маркиза де Лафайета на американскую службу. Однако Франклин не спешил уведомить Конгресс о воле короля Франции.

Тем временем Лафайет томился без реального дела. Генеральские эполеты представлялись ему не более чем театральным атрибутом.

В конце августа 1777 г. в Северную Америку прибыл лорд Корнуоллис — тот самый, с которым еще совсем недавно маркиз де Лафайет вел светскую беседу в лондонской Опере. Новый английский главнокомандующий был полон решимости покончить с инсургентами. По его мнению, главный удар должен быть нанесен по Филадельфии, где он разобьет армию Вашингтона и захватит всех членов Конгресса.

Узнав о прибытии Корнуоллиса и его намерениях, Вашингтон созвал военный совет, в котором участвовал и Лафайет. Совет принял решение дать сражение Корнуоллису. После недолгих сборов армия Конгресса

выступила в поход и в парадном строю прошла по улицам Филадельфии. Впереди — главнокомандующий Вашингтон и юноша в генеральском мундире. Это — Лафайет.

ИСПЫТАНИЯ

Боевое крещение Лафайет получил в сражении при Брендивайне, которое произошло 11 сентября 1777 г. в 26 милях от Филадельфии⁶. Английскую армию численностью 12,5 тыс. человек возглавлял генерал Хоу; 11-тысячную американскую — Вашингтон. Англичанам удалось обойти повстанцев с флангов, и положение последних стало безнадежным: не выдержав удара, армия Вашингтона в беспорядке стала отступать. В разгар сражения Лафайет находился в дивизии генерала Стирлинга, занимавшей позицию на центральном участке фронта. Когда началось беспорядочное бегство, генерал Лафайет попытался остановить отступающих. Со шпагой в руке он метался по полю боя, и его яркий мундир привлек внимание противника. По нему открыли прицельный огонь, и одна из пуль попала в бедро. Тем не менее Лафайет оставался на поле боя до тех пор, пока не потерял сознания. В это время на центральный участок сражения подошли подкрепления во главе с самим Вашингтоном. Солдаты вынесли Лафайета с поля боя и укрыли в безопасном месте.

К концу дня стало ясно, что американцы потерпели поражение. Вашингтон спешно выводил свою армию из готового сомкнуться кольца окружения. В обозе среди раненых находился генерал Лафайет.

Английское правительство постаралось раздуть до предела победу при Брендивайне, пытаясь создать в Европе впечатление, что с инсургентами покончено⁷. В английской печати был опубликован доклад генерала Хоу министру колоний лорду Джермену, в котором явно преувеличивалось значение одержанной победы⁸. Российский посланник в Париже князь И.С. Барятинский сообщал в Петербург 7 декабря 1777 г.: «Лорд Стормонт (посол Георга III во Франции. — П.Ч.) третьего дня получил от своего министерства через нарочного курьера известие, что от генерала Гау (Хоу. — П.Ч.) прислан его адъютант, с которым он доносит из Филадельфии от 25 октября, что он 11 сентября атаковал американские войска, предводительствуемые генералом

Вашингтоном при урочище Брандивен, в близости от Филадельфии, что по долготе сражения одержал он место баталии и 26-го того же месяца завладел городом Филадельфией. Генерал Вашингтон отступил за Филадельфию и 6-го числа октября покушался-таки атаковать генсрала Гау в Филадельфии, но сей последний, выйдя из города, встретил его при городе Фермонстон, в нескольких милях от Филадельфии, и таки одержал над ним победу. После чего генерал Вашингтон отступил к горам, в верх реки Делаваара. Урон с обеих сторон почитают не весьма великим»⁹. По уточненным данным, в сражении при Брендивайне американцы потеряли убитыми и ранеными до 1300 человек, а англичане — 577 и 6 человек пропавших без вести¹⁰. Непосредственным результатом поражения армии Вашингтона была сдача Филадельфии.

Однако английскому командованию не удалось выполнить поставленные задачи: армия Конгресса не была уничтожена, как об этом поспешили объявить генералы Хоу и Корнуоллис. Вашингтон проводил ускоренную реорганизацию своей армии и готовился к новым сражениям.

Лафайет шесть томительных недель провел в постели, восстанавливая силы. Единственное его занятие — письма к жене. Он пишет их в трех-четыре экземплярах, опасаясь перехвата англичанами. О своем ранении, как и о неудачном сражении, он сообщает в шутиливом тоне, всеми силами стараясь успокоить Адриену. «Должен вам сказать, дорогая моя, — писал он на следующий день после ранения, — что нас вчера изрядно поколотили... Наши американцы, продержавшись сколько было можно, кончили тем, что начали поспешно отступать. В благодарность за мое желание остановить отступление господ англичане царапнули меня ружейной пулей в ногу; но это пустяки, уверяю Вас, пуля не задела ни кости, ни важных кровеносных сосудов, и все дело ограничится необходимостью пролежать некоторое время на спине, что, впрочем, приводит меня в дурное расположение духа. Вы не должны обо мне беспокоиться, тем более что рана не позволит мне принять участие в предстоящем, видимо, скоро новом сражении. Вчерашнее дело было неудачным для нас, но надо будет постараться исправить его последствия...»¹¹⁻¹²

Лафайет пишет жене о Вашингтоне, «этом уважаемом

человек», «талантами и доблестью» которого он восхищается. Он говорит о внимании к нему со стороны Вашингтона, приславшего своего личного хирурга. «...У меня есть друг, который поручил меня особенному вниманию докторов. Это генерал Вашингтон — муж в высшей степени доблестный, перед талантами которого я все более и более преклоняюсь, по мере того как узнаю его, и которого желал бы видеть своим самым близким другом»¹³.

Вашингтон, со своей стороны, присматривался к своему начальнику штаба, проникаясь к нему все большей симпатией. «Сначала главнокомандующий принял маркиза очень холодно, полагая, что перед ним очередной кондотьер, — пишет советский биограф Вашингтона. — Искренность Лафайета, его неподдельный интерес к делу борцов за американскую свободу, дравшихся с врагами Людовика XVI, быстро растопили сердце Вашингтона. Они потянулись друг к другу — Лафайет, осиротевший в детстве, и бездетный Вашингтон, который относился к нему как к сыну. Французский маркиз стал одним из самых близких к Вашингтону, если не самым любимым генералом. Найдя друг друга, Вашингтон и Лафайет подчеркнуто гордились отцовско-сыновними отношениями»¹⁴. Вашингтон едва ли не в буквальном смысле заменит Лафайету отца. Он назовет его своим «приемным сыном». Дружба с великим американцем в значительной степени определит весь дальнейший жизненный путь Лафайета, окажет огромное влияние на его политическое мировоззрение.

Не дождавшись окончательного выздоровления, Лафайет прибыл в штаб Вашингтона. Здесь он узнал радостную весть о победе под Саратогой. После захвата Филадельфии — тогдашней столицы Североамериканских штатов — генерал Корнуоллис не оставил планов полного уничтожения армии Вашингтона. Он разработал новую операцию по ее окружению. Из Канады была двинута свежая английская армия генерала Бургойна, которая должна была соединиться с армией Хоу. Однако американским генералам Гейтсу и Линкольну удалось остановить наступление Бургойна и даже загнать его в форт Саратога, где 17 октября 1777 г. англичане вынуждены были сложить оружие. Американцы сумели развить успех и к концу 1777 г. очистили от англичан почти все центральные штаты. Английские войска

удерживали лишь три крупных города на побережье — Филадельфию, Нью-Йорк и Ньюпорт¹⁵.

В этих успехах была немалая доля заслуги и генерала Лафайета. По возвращении в штаб Вашингтона Лафайет получил наконец желанное назначение. Главнокомандующий доверил ему отряд из 350 человек в бригаде одного из самых способных американских генералов — Натаниэла Грина, бывшего кузнеца. Бригаде Грина была поставлена задача не допустить соединения английской армии, находившейся недалеко от Филадельфии, близ Глостера, с отрядом гессенских наемников численностью 400 человек, двигавшимся из Канады. Посланный на рекогносцировку, Лафайет 25 ноября 1777 г. неожиданно наткнулся на гессенцев и, внезапно атаковав, обратил их в бегство. 60 наемников было убито и 20 человек взято в плен. Остальные разбрелись по непроходимым лесам, обреченные на гибель или пленение¹⁶. Операция, блестяще начатая Лафайетом, была успешно завершена генералом Грином, который нанес поражение 5-тысячной английской армии.

Одержанная победа еще более укрепила авторитет и популярность Лафайета. Теперь уже мало кто говорил о его молодости и неопытности. Сам Вашингтон ходатайствовал перед Конгрессом о назначении Лафайета на должность командира дивизии¹⁷. 1 декабря 1777 г. Конгресс принял резолюцию: «Было бы крайне желательно видеть маркиза де Лафайета во главе дивизии»¹⁸. Более того, Конгресс предложил Лафайету самому определить воинскую часть, которую он хотел бы возглавить. Выбор маркиза пал на дивизию ополченцев из южного штата Вирджиния, командир которой генерал Стифен выходил в отставку. 16 декабря 1777 г. Лафайет писал своему тестю герцогу д'Айену: «Я никогда не видел людей столь жизнерадостных, вдохновенных и так горящих желанием сразиться с врагом, как бы он ни был силен»¹⁹⁻²⁰.

Не дожидаясь, пока раскошелится интендантство, Лафайет экипировал и вооружил дивизию на собственный счет. Очень скоро дивизия Лафайета численностью 1200 человек станет самой оснащенной в американской армии. Забота о солдате возвышает авторитет командира в не меньшей степени, чем его военные таланты. Так было всегда, и армия Конгресса не была исключением. Молва о генерале Лафайете быстро разнеслась

по стране. Он становится едва ли не таким же популярным, как его друг Вашингтон.

Успешно завершив осеннюю кампанию и восстановив моральный дух армии после Брендивайна, генерал Вашингтон в середине декабря 1777 г. отвел войска на зимние квартиры в Волли-Фордж, холмистую местность, расположенную в 22 милях к северо-западу от Филадельфии. Там были построены домики с земляным полом для солдат и с деревянным — для офицеров, всего 1100 домиков, в которых разместилось 9 тыс. человек.

Несмотря на успешное завершение кампании, положение американской армии нельзя было назвать благополучным. На этот раз ее донимали не англичане, а недостаток внимания со стороны Конгресса, усугублявшийся необычными холодами. Армия терпела лишения во всем — не было обмундирования и теплой обуви, провианта и вооружения. 4 тыс. солдат, т. е. половина армии, были фактически босы или раздеты. К весне от болезней и истощения умерли около 2,5 тыс. человек²¹. Местные фермеры предпочитали продавать продукты англичанам в Филадельфию, а не спасать своих страдавших соотечественников. Чтобы сохранить боеспособность армии, фуражиры вынуждены были перехватывать груженные фермерские фургоны, направлявшиеся в Филадельфию, и заворачивать их в Волли-Фордж. Вашингтон бомбардировал Конгресс требованиями помочь армии в ее бедственном положении. Каждый день он ожидал солдатского бунта. В одном из обращений к Конгрессу Вашингтон писал: «Если не произойдет решительная перемена, армию постигнет одно из трех зол: умереть с голоду, потерять внутреннюю связь и разбестись»²².

А тем временем Конгресс был занят интригами против главнокомандующего. Противники Вашингтона в Конгрессе (где осталось лишь шесть человек первоначального состава 1775 г., одобивших кандидатуру генерала на пост главнокомандующего) предприняли попытку сместить его, заменив генералом Гейтсом — победителем при Саратогe. Активную роль в заговоре против Вашингтона играл полковник французской службы Т. Конвей, добившийся от Конгресса чина генерала. В одном из писем Гейтсу Конвей называл Вашингтона «слабым генералом с дурными советниками»²³. Враги Вашингтона затеяли военную реформу с

целью лишить главнокомандующего реальной власти. Было создано Военное управление, которое возглавил генерал Гейтс, а Конвей получил должность генерал-инспектора. Военное управление, заручившись поддержкой Конгресса, разработало авантюристический план вторжения в Канаду, от участия в котором Вашингтон отстранялся. Одновременно началась кампания травли главнокомандующего, принявшая такие масштабы, что один из адъютантов Вашингтона даже вызвал Конвея на дуэль и прострелил ему шею, после чего авантюрист счел за благо вернуться во Францию²⁴.

Противники Вашингтона попытались склонить на свою сторону Лафайета, предложив ему главное командование американскими войсками, направляемыми в Канаду. Интрига была задумана достаточно тонко, с учетом честолюбия Лафайета.

В конце декабря Лафайета, прибывшего в Вэлли-Фордж, после успешной операции против англичан в районе реки Скуйкилл, посетил генерал Конвей. Он предложил маркизу от имени Конгресса пост главнокомандующего американскими войсками в Канаде и сообщил, что Вашингтон вскоре займет пост военного министра. Предложение было заманчивым. Какой француз отказался бы возглавить операцию в Канаду, отнятую англичанами у Франции в 1763 г.! Однако Лафайет устоял перед соблазном. В предложениях Конвея он почувствовал нечто враждебное Вашингтону. Маркиз оговорил свое согласие возглавить поход в Канаду условием, что пост главнокомандующего сохранится за Вашингтоном. Уже 30 декабря он информировал Вашингтона о визите Конвея: «Этот джентльмен хотел увлечь меня честолюбивыми идеями и блестящими проектами, и, к моему стыду, путь, выбранный им, мог бы увлечь меня... Я связан с Вашей судьбой, — продолжал Лафайет, — и я буду верно следовать за ней моей шпагой и всеми моими способностями. Простите мою навязчивость ради чувства, которое является ее причиной. Молодость и дружба делают меня излишне горячим, но последние события ввергли меня в глубокую печаль»²⁵.

«Ваше вчерашнее письмо, — писал в ответ Вашингтон, — дает мне новое свидетельство той дружбы, которую я ощущаю с Вашей стороны с первого момента нашей встречи и на которую я отвечаю самой чистой привязанностью. ...Я хорошо знаю, что Вы не способ-

ны поддерживать взгляды, успех которых основан на лжи, и что Ваша душа слишком возвышенна для того, чтобы унизиться до завоевания репутации недостойными средствами и интригой...»²⁶ Объясняя свое отношение к интригам против него, Вашингтон в одном из писем писал Лафайету: «Я не искал занимаемого мною поста, и если я стану неугоден народу, то немедленно уйду, но до тех пор я буду сопротивляться интриге»²⁷.

Как трезвомыслящий государственный деятель, Вашингтон был против экспедиции в Канаду. Он предвидел серьезные осложнения для США, в случае если Канада будет возвращена Франции. Как полагал Вашингтон, Франция из союзницы неизбежно превратится тогда в противника Америки. Он соглашался лишь на отдельные рейды в Канаду с целью предотвратить возможное наступление оттуда англичан. Именно в этом плане он и рассматривал предложенную Лафайету миссию. Пытаясь охладить горячие головы в Военном управлении и Конгрессе, Вашингтон писал: «Что можем мы сделать с нашими 4–5 тысячами солдат, если Франция введет в Квебек в два раза больше и объявит о своем намерении удерживать за собой Канаду в качестве, например, гарантии за наши долги?»²⁸ Разумеется, американец Вашингтон не мог поделиться подобными мыслями с французом Лафайетом, сколь бы дружественными ни были их отношения. Когда он узнал о назначении Лафайета, он сказал своему молодому другу: «Лучше, если им (командующим. — П.Ч.) будете Вы, а не кто-нибудь другой»²⁹.

Спустя много лет Лафайет писал в своих мемуарах об этих событиях: «В числе средств, используемых для того, чтобы избавиться от друзей главнокомандующего, попытались сыграть и на амбициях Лафайета, который был к тому времени уже достаточно популярен в армии и в стране, а своими связями с Европой он казался врагам Вашингтона одним из тех, кто согласился бы войти в их партию...»³⁰.

В беседе с тремя представителями Конгресса Лафайет твердо заявил, что «никогда не согласится ни на какое независимое от генерала (Вашингтона. — П.Ч.) командование и что должность его адъютанта представляется самой предпочтительной из всех, какие ему могли бы предложить»³¹.

22 января 1778 г. решением Конгресса Лафайет был

назначен командующим Северной армией. Его требование было учтено: он остался в подчинении у Вашингтона, сохранившего таким образом пост главнокомандующего.

В конце января Лафайет покинул лагерь Вэлли-Фордж и отбыл в Олбани, где сосредоточивалась Северная армия. Среди офицеров его штаба находился полковник инженерной службы Т. Костюшко, в недалеком будущем национальный герой Польши, а пока такой же волонтер свободы, как и Лафайет. Преодолев по снежным заносам 400 миль, Лафайет и его спутники 17 февраля прибыли на место. Здесь, на берегах озера Шамплен, Лафайета ждало глубокое разочарование. Вместо обещанной трехтысячной армии он едва насчитал одну тысячу человек³². Ни о какой операции в Канаде не могло быть и речи. Стратеги из Военного управления имели весьма отдаленное представление о здешней ситуации, когда ставили перед Лафайетом задачу перейти по льду озеро, сжечь английскую флотилию и захватить Монреаль. «Самым разумным, — писал Лафайет, ознакомившись с обстановкой, — было отказаться от экспедиции, которая без необходимых средств имела бы губительные последствия для всей северной части Соединенных Штатов»³³. Главной заботой командующего было сохранить то, что у него есть, не более. Остаток зимы Лафайет и его «армия» мерзли у берегов озера Шамплен. Здесь, в нескольких милях от канадской границы, Лафайет вел активную агитацию в пользу американских повстанцев среди индейских племен, которые по наущению англичан нападали на американские поселения и даже форты. Восстановление разрушенных фортов и демонстрацию силы Лафайет сочетал с умелой дипломатией.

9 марта 1778 г. Лафайет присутствовал на встрече индейских вождей союза «Шести племен». Встреча состоялась на территории, оккупированной англичанами. Офицеры штаба и местные поселенцы пытались отговорить генерала от поездки к индейцам. Рассказывали невероятную историю о том, что будто индейцы племени сенека съели двух пленных американских солдат в присутствии полковника английской армии, считавшего вполне естественным, что индейцы пьют «кровь мятежников»³⁴. Однако ни отговоры, ни рассказы о «коварстве» индейцев не изменили решимости

Лафайета. Он даже настоял на том, чтобы его никто не сопровождал, кроме переводчика.

Прибыв к индейцам, Лафайет встретил там француза — бывшего солдата времен Семилетней войны, оставшегося у ирокезов и неотличимого от них: он почти разучился говорить на родном языке. На встрече съехались 500 индейских вождей племен ссенка, кайюга, онондага, онсида, могавки и тускарора. Вожди хорошо приняли Лафайета, по достоинству оценив его отвагу. В честь гостя был «дан обед», во время которого маркиз невольно вспоминал о страшных рассказах своих офицеров. Лафайет произнес перед индейскими вождями речь, в которой постарался в доступной форме изложить основные принципы и цели Американской революции. Он привел целый ряд убедительных аргументов против англичан и заслужил единодушное одобрение присутствующих. В торжественной обстановке и в соответствии с вековым индейским ритуалом Лафайет был удостоен почетного имени Кайевла, которое носил один из самых почитаемых легендарных военных вождей индейцев. Современные французские историки утверждают, что память о «генерале Кайевле», прибывшем с Дальнего Востока, до сих пор жива в резервациях ирокезов³⁵.

Пиршество завершилось подписанием договора о союзе «Шести племен», обязавшихся сражаться со всеми врагами Кайевлы на стороне американцев, песнями, танцами и раздачей подарков вождям племен. Последнее обстоятельство, видимо, сыграло не последнюю роль в успешном завершении миссии Лафайета. Следует подчеркнуть, что Лафайет делал ценные подарки не за счет американского казначейства. То же самое относилось и к расходам на содержание Северной армии. Пребывание в Олбани основательно опустошило кошельки Лафайета. Вернувшись в Вэлли-Фордж, маркиз впервые вынужден был занять крупную сумму у агента, присланного Бомарше в Северную Америку, чтобы получить плату за поставленные оружие и снаряжение. Значительная часть денег, выплаченная Конгрессом французскому эмиссару, заимообразно перешла в руки Лафайета. Очень скоро он вновь потратит ее на содержание армии. Лафайет оставался верен своему правилу: он не только отказывался получать какую-либо плату за службу, но и считал своим долгом восполнять недостаток средств, выделяемых интендантством

на содержание подчиненных ему войск. В Париже Бомарше получит сполна причитающуюся ему сумму от Адриены де Лафайет, не преминув отозваться по адресу ее мужа: «Этот молодой сумасшедший маркиз де Лафайет, который, не довольствуясь тем, что открыл Америке свое сердце, открыл ей и свой кошелек»³⁶.

11 марта Лафайет благополучно вернулся в расположение своей армии, а 1 апреля, согласно полученному приказу, присоединился к главным силам Вашингтона в Вэлли-Фордж. Еще долго после отъезда Лафайета пароль «генерал Кайевла» будет использоваться американскими разведчиками и проводниками в действиях против англичан. Уже в Вэлли-Фордж Лафайет получит послание от вождей «Шести племен» с просьбой построить укрепленный форт на американско-канадской границе для защиты от «общего врага». На свои луидоры Лафайет построит этот форт, оснастит его пушками и другим вооружением, а командование им доверит французскому офицеру М. де Гувьону, кузену будущего наполеоновского маршала Гувьона де Сен-Сира. Теперь вместо английского виски индейцы пили французский ром с Антильских островов, а скальпы снимали не с американцев, а с англичан.

Апрель и май 1778 г. Лафайет провел в Вэлли-Фордж. Здесь его ожидало письмо Адриены с известием о смерти их первенца — Генриетты и рождении второй дочери — Анастасии. Здесь же он узнал радостную весть о заключении франко-американского союза 6 февраля 1778 г.

ФРАНКО-АМЕРИКАНСКИЙ СОЮЗ

Союз Французского королевства и Североамериканской республики созрел с самых первых дней Войны за независимость³⁷. Его основой была обоюдная, хотя и вызванная различными причинами, ненависть к Англии. В течение пятнадцати лет, после унижительного для Франции Парижского мира 1763 г., Франция мечтала о реванше. Именно поэтому правительство Людовика XVI с самого начала взяло курс на поддержку «людей из Бостона», хотя и не афишировало своих связей с Конгрессом Соединенных Штатов. Наиболее решительным сторонником союза с Соединенными Штатами в кабинете Людовика XVI был министр иностранных дел граф де Верженн, в то время как граф де Морепа, бывший чем-

то вроде первого министра, противился этому союзу. По мнению Верженна, восстание в Северной Америке могло быть использовано французской дипломатией для изменения баланса сил в Европе в пользу Франции.

Активную роль в подготовке франко-американского союза сыграл известный драматург Бомарше, искренне симпатизировавший американцам. Именно ему поручал Верженн самые деликатные миссии, в частности передачу денежных средств и организацию доставки оружия восставшим. В мае 1776 г. Людовик XVI санкционировал выделение 1 млн ливров на оказание помощи инсургентам. Эти деньги были переданы Сайласу Дину через Бомарше³⁸. Еще через два месяца такая же сумма поступила от правительства Испании, поддержавшего Францию в ее антианглийских действиях. На часть этих денег Бомарше основал фиктивную фирму «Родриго Горталес и К^о», через которую отныне шла вся помощь Северной Америке. За время существования фирмы (1776–1783 гг.) через оксан было переправлено 30 тыс. мушкетов, обмундирование для 20 тыс. человек, 100 тонн пороха, свыше 300 пушек. Оборот фирмы составил за этот период более 21 млн ливров³⁹.

Французское правительство дало указание таможенным службам не чинить прespятствий кораблям, прибывавшим из Северной Америки и отправлявшимся туда. Более того, военные корабли королевского флота эскортировали американские торговые суда, охраняя их от нападения англичан. Когда в Париж прибыл Б. Франклин, Верженн на первой же встрече спросил его о том, что американцы хотели бы получить от Франции. Франклин передал министру составленный заранее список, в котором выражалось желание получить 8 линейных кораблей с экипажами, 20–30 тыс. мушкетов, пушки и денежные средства. Просьба о кораблях была отклонена, зато Верженн обещал заем в 2 млн ливров⁴⁰.

Летом 1777 г. в результате нападения английских кораблей на французские торговые суда, перевозившие оружие и другие товары из Франции в Америку, франко-английские отношения резко обострились, чем поспешил воспользоваться Франклин для расширения сотрудничества Соединенных Штатов и Франции. 12 декабря 1777 г. состоялась новая встреча Верженна и Франклина, где уже обсуждались конкретные статьи будущего договора между двумя странами.

Правительство Георга III внимательно следило за франко-американскими контактами, о которых его постоянно информировал агент-двойник Э. Банкрофт, перебравшийся по заданию британской секретной службы в Париж и поддерживавший тесные отношения как со своими соотечественниками — Франклином, Дином и Ли, так и с Бомарше⁴¹. Он-то и сообщил в Лондон о возможном франко-американском договоре. Английский кабинет дополнительно направил в Париж тайного эмиссара П. Уэнтворта. Цель его миссии — узнать, на каких условиях американцы согласились бы пойти на мир с Англией, и помешать заключению франко-американского договора.

В последний момент французское правительство колебалось: стало ощущаться возросшее давление на короля противников союза с Северной Америкой. Видя эти колебания, Франклин согласился принять П. Уэнтворта, передавшего представителю Конгресса предложение о мире. О содержании этой встречи стало немедленно известно Верженну, который 7 января 1778 г. направил королю меморандум с детальным обоснованием необходимости скорейшего подписания договора с Соединенными Штатами⁴². Вержени постарался внушить Людовику XVI мысль о том, что Конгресс скорее всего примет предложение Англии и тогда Франция окажется перед лицом американо-английского союза со всеми вытекающими для нее негативными последствиями. Доводы министра иностранных дел показались королю убедительными, и он санкционировал заключение подготовленного договора с Соединенными Штатами. 6 февраля 1778 г. Б. Франклин и граф де Верженн подписали два документа: один назывался «Торговым договором», а другой — более пространно: «О возможном оборонительном союзе в случае, если Англия объявила бы войну Франции или дала бы повод к войне, пытаясь препятствовать свободе торговли с Соединенными Штатами».

Договор о союзе по существу означал вступление Франции в войну с Англией. Франция первой из великих держав официально признала независимость Соединенных Штатов. Со своей стороны Соединенные Штаты гарантировали неприкосновенность французских владений в Америке и на прилегающих островах.

Вскоре после заключения франко-американского договора английский посол лорд Стормонт покинул сто-

лицу Франции, а 20 марта Людовик XVI дал первую аудиенцию Б. Франклину и другим членам американской миссии ⁴³.

В беседе с королем Франклин отметил высокие заслуги маркиза де Лафайета перед Соединенными Штатами, а теперь, после заключения союзного договора, — и перед Францией, однако Людовик XVI отказался обсуждать эту тему. Это означало, что маркиз пока не прощен.

Вечером того же дня граф и графиня де Верженн давали обед в честь американских представителей. Перед тем как отправиться к Верженнам, Франклин и его сотрудники нанесли визит мадам де Лафайет, выразив ей признательность их страны за героизм и самоотверженность ее мужа. С этого времени Адриена станет центром всеобщего внимания.

В феврале 1778 г. из своего уединения в Фернес в Париж с триумфом возвратился Вольтер, встретившийся вскоре с Франклином. Вольтер всегда симпатизировал американцам, а вернувшись в Париж, он публично выразил свое восхищение поступком маркиза де Лафайета. Вольтер попросил свою давнюю знакомую, герцогиню де Шуазель, найти случай представить его мадам де Лафайет. Знакомство состоялось в салоне Шуазелей. Адриена была крайне смущена, когда всемирно известный философ опустился перед ней на колени и произнес: «Я хочу воздать почести жене героя Нового Света. Кто знает, быть может, я доживу до того дня, когда смогу приветствовать его самого в качестве освободителя Старого Света?» ⁴⁴ Вольтер первым назвал Лафайета героем Нового Света. Этот эпитет прочно закрепился за ним. Встреча с Адриеной де Лафайет была одним из последних публичных появлений великого просветителя. 30 мая 1778 г. в возрасте восьмидесяти трех лет Вольтер скончался.

Слова Вольтера эхом отзвучат в салонах Парижа, станут известны двору. После «благословения» Вольтера мадам де Лафайет стала получать частые приглашения в Версаль, которые она принимала весьма неохотно.

Сразу же после подписания договора с Соединенными Штатами правительство Людовика XVI начало активные приготовления к военным действиям против Англии. К берегам Америки была направлена эскадра во главе с адмиралом д'Эстэном. «Вице-адмирал граф

д'Эстэн получил повеление ехать в Тулон и принять команду над вооруженной там эскадрой, которая состоит из десяти линейных кораблей и семи фрегатов... Куда же имеет следовать — неизвестно», — сообщал в Петербург в марте 1778 г. российский посланник при Версальском дворе князь Барятинский⁴⁵. В начале апреля он направил новую информацию об эскадре д'Эстэна, конечная цель движения которой теперь не вызывала сомнений. «В партикулярных письмах, полученных с последней почтой из Тулона, пишут, что на его (адмирала д'Эстэна. — П.Ч.) судах нагружено знатное количество ружей, бомб, шесть мортир, есть кузнечные инструменты для раскаления ядер, парусные полотна и прочие снаряды... и на шесть месяцев провианта»⁴⁶.

А Лафайет тем временем готовился к новым боям. 18 мая 1778 г. Вашингтон доверил ему руководство операцией, имевшей целью провести разведку боем в районе Филадельфии. Американское командование приняло решение вновь овладеть этим городом. Дивизия Лафайета была усилена до 2500 человек при пяти пушках и направлена к городу, где располагалась семитысячная армия Хоу. Перед дивизией ставилась задача перерезать английские коммуникации и вынудить Хоу принять сражение с главными силами Вашингтона.

Уже 19 мая Хоу от своих агентов узнал о движении Лафайета на Филадельфию и разработал план его окружения и разгрома. Он рассредоточил свои войска на окраинах города, а в стратегически важных точках расположил имевшиеся у него 14 пушек, замаскировав их ветками деревьев. Замысел Хоу был прост: заманить дивизию Лафайета в город, а затем встречными концентрическими ударами уничтожить ее или вынудить сдаться. Английский командующий настолько уверовал в успех задуманной операции, что разослал приглашения на обед с участием пленного «молодого француза». Адмирал Хоу, родной брат командующего, громкогласно объявил, что лично доставит Лафайета в Лондон.

По разработанному Вашингтоном плану Лафайет должен был соединиться с крупным отрядом генерала Поттера в районе Уоррен-Хилла, но тот опоздал к назначенному сроку, чем не преминули воспользоваться англичане. За спиной Лафайета оказался корпус генерала Гранта, блокировавший выход к реке Скуйкилл,

впереди располагалось двухтысячное соединение генерала Грея, а остальными силами Хоу охватил фланги Лафайета.

Поняв, что дивизия окружена, Лафайет принял решение разделить ее на две колонны: одну он двинул против генерала Грея в район церковного кладбища; другую направил против Гранта, блокировавшего подход к реке. Оба отряда имитировали начало атаки, показав головы своих колонн и заставив Гранта и Грея начать перестройку своих войск в оборонительные каре. Каждый из них решил, что перед ним вся дивизия Лафайета, и начал спешно перестраивать свои боевые порядки, упустив время. Грант заодно освободил подходы к реке, чем и воспользовался Лафайет, форсировавший Скуйкилл во главе одной колонны. Другая колонна предприняла такой же обманный маневр и, отступив, благополучно переправилась через реку вслед за первой.

Увидев, что войска Лафайета внезапно повернули назад и скрылись в лесу, генерал Грант устремился в погоню, но встретился не с Лафайетом, а с не менее обескураженными Греем и Хоу. Англичане едва не вступили между собой в сражение. Понявший наконец маневр Лафайета, Хоу устремился во главе всех английских сил к реке, но было уже поздно. Дивизия Лафайета без потерь переправилась на противоположный берег ⁴⁷.

Это был конец карьеры старого солдата Хоу. Его обещания захватить в плен французского маркиза оказались невыполненными. Вместо Лафайета адмиралу Хоу пришлось транспортировать в Лондон своего незадачливого брата. В скором времени в Северную Америку прибыл новый командующий — генерал Клинтон, также лондонский знакомый Лафайета.

17 июня 1778 г. англичане эвакуировались из Филадельфии. После девятимесячного вынужденного пребывания в Йорктауне туда вернулся Конгресс Соединенных Штатов, направивший генералу Лафайету специальное приветствие.

8 июля 1778 г. в бухту Делавэра вошла французская военная эскадра под командованием дальнего родственника Лафайета и его земляка из Оверни графа Шарля Анри д'Эстэна. Восемьдесят пять дней потребовалось адмиралу д'Эстэну, чтобы пересечь Атлантику. Причина — длительный штиль. В отличие от Лафайета

граф д'Эстэн был далек от понимания характера Американской революции. Его совершенно не интересовали политические цели Соединенных Штатов. Он профессиональный военный, которому достаточно знать, кто его противник и каковы его силы. На флагманском корабле эскадры в Северную Америку прибыл первый французский посол Жерар. Выгрузив доставленное военное снаряжение, адмирал д'Эстэн вышел в море и взял курс на север с целью блокировать морские подступы к Нью-Йорку. Дивизия Лафайета была в это время переброшена в Нью-Джерси и действовала на побережье во взаимодействии с французской эскадрой. Тем не менее Лафайет долго не решался нанести визит родственнику-адмиралу, не зная, как он будет встречен: ведь приказ о его аресте продолжал действовать. В конце концов он отправил д'Эстэну письмо.

Вступление Франции в войну с Англией, а затем и появление его соотечественников в Америке вызвало у Лафайета противоречивые чувства. С одной стороны, он радовался этому, но с другой — переживал, становясь все более нервным и раздражительным. Кто он — американский генерал или дезертир, самовольно покинувший ряды французской армии в момент, когда его родина вновь скрестила оружие с «извечным врагом»? Мысль, что он сражается с тем же врагом, мало его утешала. Вновь вставал вопрос о чести — дворянской чести.

Наблюдательный Вашингтон заметил, что его друг переживает глубокий душевный кризис. Он настойчиво рекомендовал Лафайету взять отпуск и навеститься домой, тем более что с конца сентября 1778 г., после удачно проведенной операции в Род-Айленде, на фронтах наступило затишье и дивизия Лафайета была выведена в тыл. У Вашингтона были все основания для беспокойства за Лафайета. Напомним хотя бы историю с лордом Карлилем.

В июне 1778 г. английское правительство попыталось договориться с американским Конгрессом о прекращении военных действий. С этой целью в Северную Америку была направлена делегация в составе четырех человек во главе с лордом Карлилем, который в одном из обращений к президенту Конгресса Генри Лоуренсу неуважительно отозвался о союзнике Соединенных Штатов — Франции. Он упомянул о «всеми приз-

нанном коварстве французской нации, не требующем доказательств»⁴⁸. Это вызвало у Лафайета взрыв негодования, и он тотчас послал англичанину вызов на дуэль, о чем информировал 24 сентября графа д'Эстэна и генерала Вашингтона⁴⁹. Благоразумный Вашингтон пытался отговорить своего темпераментного друга от его намерений, простительных разве что французскому кавалерийскому офицеру, но не уважаемому генералу американской армии, жизнь которого слишком дорога Америке. В письме главнокомандующего чувствовалось и недовольство «старорежимным вздором», жертвой которого стал маркиз де Лафайет⁵⁰.

Не менее благоразумный лорд Карлиль не принял вызова, сославшись на свою официальную миссию «комиссара короля». «Я думаю, — писал он в ответе Лафайету, — что все национальные диспуты наилучшим образом будут решены, когда встретятся друг с другом адмирал Байрон (командующий английской эскадрой. — Л.Ч.) и граф д'Эстэн»⁵¹. В итоге дуэль не состоялась.

Поведение Лафайета встревожило Вашингтона. Маркиз проявлял раздражительность и даже, что было ему совершенно несвойственно, начал прикладываться к бутылке с ромом. Нервозность Лафайета, по мнению Вашингтона, вызывалась крайним переутомлением после года непрерывных военных действий и непривычно суровых для француза условий походной жизни. Вашингтон настойчиво советовал Лафайету взять отпуск, но маркиз по-прежнему бредил экспедицией в Канаду, которую после вступления в войну Франции он считал вполне осуществимой, и под этим предлогом отказывался.

1 ноября Лафайет внезапно заболел по возвращении из засады, где он провел целую ночь, поджидая англичан со своим отрядом. У него началось воспаление легких, протекавшее в тяжелой форме. В течение месяца он не вставал с постели и был даже на грани смерти. Вашингтон организовал самый хороший уход за Лафайетом и, несмотря на крайнюю занятость, ежедневно навещал его. В конечном счете молодость и усердие докторов победили болезнь. 1 декабря Лафайет был уже на ногах. Убедившись, что экспедиции в Канаду не предвидится, Лафайет наконец согласился взять отпуск и решил отправиться во Францию. Конгресс снабдил его двумя составленными заранее

документами, адресованными посланнику Соединенных Штатов во Франции Б. Франклину и Людовику XVI.

Первый документ гласил: «Конгресс постановил: принять прошение начальника штаба армии Североамериканских Соединенных Штатов маркиза де Лафайета об отпуске его во Францию и предоставить ему самому определить время своего возвращения; вместе с тем поручить президенту Конгресса выразить благодарность маркизу де Лафайету за его горячую преданность американскому делу и за ревностную службу, которую он нес в Соединенных Штатах с полным знанием военного дела и мужеством, проявленным им во многих сражениях. В связи с этим полномочному посланнику Соединенных Штатов при Версальском дворе поручается от имени Конгресса вручить маркизу де Лафайету золотую шпагу, украшенную надлежащими эмблемами» ⁵².

Второе послание — адресованное Людовику XVI — содержало самую лестную характеристику деятельности Лафайета в Америке:

«Нашему великому, верному и дорогому союзнику и другу Людовику XVI, королю Франции и Наварры.

Давая разрешение маркизу де Лафайету возвратиться в его отечество, мы не можем отпустить его, не выразив при этом наши чувства глубочайшей благодарности за его усердие, мужество и преданность нашему делу. Мы назначили его начальником штаба нашей армии, и он вполне оправдал наше доверие своим достойным и мужественным образом действий. Мы рекомендуем этого благородного молодого человека Вашему Величеству, потому что мы видели его мудрым в совете, храбрым на поле битвы и терпеливым среди трудов и лишений войны. В нем всегда сочетались преданность долгу как американского солдата, так и Вашего подданного, и эта черта снискала ему особое доверие граждан Соединенных Штатов, Ваших добрых и верных друзей и союзников. Молим Бога, да сохранит он Ваше Величество в добром здравии...

Президент Конгресса Генри Лоуренс» ⁵³.

На прощание Вашингтон вручил Лафайету письмо для Б. Франклина, в котором, между прочим, говорилось: «...было бы излишним рекомендовать Вам маркиза де Лафайета, который явится во Францию увенчанный славой. Если же я тем не менее делаю это, то только для того, чтобы удовлетворить собственное желание,

сказав вам, что считаю Лафайета своим очень близким другом» 54.

Там же, в Бостоне, Лафайет тепло простился с бароном Кальбом и другими французскими офицерами, прибывшими с ним в Америку. Он, разумеется, не знал, что видит Кальба в последний раз. Вскоре старый вояка умрет от тяжелых ранений, полученных в сражении с Корнуоллисом.

Конгресс специально выделил для Лафайета фрегат, названный по этому случаю «Альянс», с командой из 135 человек, среди которых были и пленные англичане. 11 января 1779 г. фрегат «Альянс» покинул берега Северной Америки.

Переход через Атлантику продолжался три недели. Уже вблизи берегов Европы Лафайет едва не пал жертвой заговора, возникшего среди английских военнопленных, взятых на фрегат матросами. Обстоятельства этого заговора известны нам из мемуаров самого Лафайета, а также из донесений князя И.С. Барятинского, писавшего в Петербург по возвращении Лафайета в Париж: «Маркиз де Лафайет отправился из Бостона 24-го генваря на американском фрегате о тридцати шести пушках с несколькими французскими офицерами. При отъезде оттуда не имел он довольного числа людей, почему и взял с собой несколько человек из тех англичан, кои были пленены с генералом Бургойном. Сии последние меж собою сделали заговор взбунтовать и маркиза де Лафайета и всех французских офицеров перерезать, а фрегат отвести в Англию; начальником над собою избрали находящегося с помянутым маркизом англичанина Гардемарины, которому в оном намерении открылись. Сей офицер маркизу де Лафайету о сем сказал, и обще с ним мятежников числом тридцать шесть человек сковали и привезли в Брест» 55.

Более точные и подробные сведения о заговоре сообщает сам Лафайет. Он пишет, что во главе заговора стоял пленный английский сержант. Заговорщики договорились перестрелять всех офицеров во главе с Лафайетом и сбросить тела за борт, как только покажутся берега Европы, а затем повернуть к Англии. Операция должна была начаться по условному сигналу «Парус» на рассвете 29 января. Когда офицеры и пассажиры судна поднимутся на мостик, помощник старшего канонира – видимо, американец, переметнувшийся к

заговорщикам, — должен был расстрелять всех их картечью.

Буквально за час до начала намеченной акции один из заговорщиков предупредил Лафайета о грозящей опасности. С помощью офицеров и верных матросов маркиз разоружил и обезвредил 33 участников заговора⁵⁶. Спустя восемь дней, 6 февраля 1779 г., фрегат «Альянс» бросил якорь в порту Бреста.

АРГОНАВТ СВОБОДЫ

ГОД ВО ФРАНЦИИ

На берег маркиз де Лафайет сошел уже не в мундире генерал-майора американской армии, а в форме капитана королевской кавалерии. Он сразу же направился в Париж, чтобы предстать перед королем, но Людовик XVI отказался его принять и передал маркизу через графа де Верженна повеление отправляться под домашний арест и никуда не выходить, пока не будет на то высочайшего соизволения. Несколько суток Лафайет провел во дворце Ноайль в окружении своей семьи. Безусловно, это было самое приятное из возможных заключений.

Возвращение Лафайета во Францию немедленно стало главной политической сенсацией, о которой поспешили информировать свои дворы иностранные дипломаты. Князь Барятинский писал Екатерине II 14 февраля 1779 г.: «Вашему Императорскому Величеству неизвестно, что в прошедшем 1777 году один знатный здешний молодой господин по фамилии маркиз де Лафайет без королевского позволения из Франции выехал и вступил в американскую службу. Оный маркиз де Лафайет третьего дня в Париж возвратился, был у министра, но Его Величеству не был еще представлен, а сегодняшний день получил повеление от короля, чтоб ни ко двору, ни в сообщества, кроме своих ближних сродников, не ездил впредь до указу... В публике сказывают, что меж американцами великое несогласие, и не удивительно будет, если случится у них междоусобная война. Какой ради причины маркиз де Лафайет возвратился, того нам еще не известно. О графе же д'Эстоне не имеется никакого известия»¹.

Домашний арест Лафайета продолжался, по всей видимости, не более десяти дней. Уже 25 февраля тот же Барятинский сообщал в Петербург: «...маркиз де Лафайет на сих днях имел счастье быть представлен Его Величеству и всей королевской фамилии. Король изволил ему сказать, что за хорошее его поведение в Америке изволит ему прощать легкий его поступок и преступление неповиновения. Сей господин

во всех обществах принимается с приметною отличностью»².

С самой первой минуты своего появления в Париже Лафайет стал героем дня. В дни его домашнего ареста дворец Ноайль напоминал осажденную крепость. Каждый надеялся первым увидеть маркиза. О нем говорили и в высшем свете, и в среде парижских буржуа. После аудиенции у Людовика XVI Лафайет получил наконец возможность выйти из уединения. Это было серьезным испытанием для молодого честолюбия. Где бы он ни появлялся, повсюду его окружали восхищенные лица, сопровождали восторженные овации. На одном из представлений в Комеди Франсез публика узнала его и, прервав спектакль, устроила Лафайету бурную овацию, а примадонна королевской труппы с театральной рампы бросила в ложу, где сидел маркиз, лавровый венок и продекламировала специально подобранные к этому случаю строки. Сама Мария Антуанетта добилась от короля согласия произвести Лафайета в чин полковника королевских гренадер.

Популярность Лафайета тревожила Версаль. Очень скоро ему дали понять, что двор недоволен тем вниманием, которое он к себе привлекает, и потому желательно, чтобы маркиз поменьше показывался на публике. Лафайет даже получил письмо от самого Людовика XVI, в котором король советовал ему избегать мест стечения публики, с тем чтобы «не освящать неповиновение»³. На самом деле Версаль беспокоило другое, а именно необычайное возбуждение, охватившее третье сословие, и широкое распространение республиканских идей Американской революции, своеобразным символом которой стал теперь Лафайет. Его часто можно было видеть в обществе друзей-американцев — Бенджамина Франклина и Джона Адамса, ветерана освободительной борьбы, будущего президента США.

В случае с Лафайетом как в капле воды отразилась вся противоречивость позиции монархической Франции по отношению к Американской революции. В то время как узоклассовые интересы Старого порядка как бы инстинктивно предостерегали от тесного сотрудничества с Североамериканской республикой, внешнеполитические интересы Франции диктовали ей необходимость широкой ее поддержки. Не случайным в связи с этим является тот факт, что в кабинете Людовика XVI

протекцию Лафайету оказывал не кто иной, как министр иностранных дел граф де Верженн. С ним-то и обсуждал Лафайет всевозможные планы военных операций против Англии.

Еще в Америке у Лафайета возникли идеи высадить десант в Ирландии или на худой конец на Антильские острова, захваченные англичанами. Он даже написал в свое время письмо графу де Буйе, губернатору Мартиники, в котором предложил план Антильской операции, но губернатор не считал возможным ответить маркизу, разыскиваемому полицией. Теперь Лафайет развивал свои давние мысли перед министром иностранных дел. Он всерьез обдумывал план совместных действий с Полом Джонсом — бывшим пиратом, ставшим американским флотоводцем. Лафайет считал вполне осуществимой, учитывая давние антианглийские настроения в Ирландии, высадку там французского десанта. Однако осторожный Верженн не разделял горячности своего молодого протеже.

В это же время Лафайет знакомится с посланником шведского короля при Версальском дворе бароном Сталем, у которого интересуется возможностью аренды у Швеции четырех военных кораблей для Соединенных Штатов. Посланник в принципе согласился, но выразил сомнение по поводу финансовых возможностей Америки. Понимая деликатность ситуации, барон Сталь рекомендовал маркизу обратиться с просьбой о займе к своему будущему тестю — главе финансового ведомства в кабинете Людовика XVI Жаку Неккеру, книга которого входила в свое время в круг любимого чтения лицеиста Лафайета. Неккер сочувствовал делу американцев, но также сомневался в кредитоспособности Конгресса, который, как было известно французскому министру финансов, не может даже надлежащим образом экипировать свою армию. О прижимистости американских толстосумов хорошо уже знали в Европе. Престарелый Мореп, больной и уставший от жизни, хотел одного — покоя — и потому советовал королю проявлять поменьше щедрости в отношении Соединенных Штатов.

А Лафайет продолжал надоедать министрам и влиятельным друзьям, пытаясь добиться расширения финансовой и военной помощи Американской революции. Повсюду он наталкивался на леность и равнодушие. Верженн один не мог одолеть сопротивления Мореп,

Неккера и банковских кругов. В своих донесениях в Конгресс Франклин постоянно сообщал об активной и самоотверженной деятельности Лафайета, о его попытках помочь Соединенным Штатам.

О причинах перемены настроений в финансовых кругах Франции по отношению к Северной Америке сообщал в Петербург И. С. Барятинский. В донесении от 18 февраля 1780 г. он писал Екатерине II: «С некоторого времени американский кредит во Франции начинает падать. Здешние коммерсанты, с тех пор как завели с сими колониями дела, не были еще никогда заплачены: в городах Бордо и Нант часть знатных капиталистов от сих дел объявились банкротами. Многие возвратившиеся из Америки французы описывают состояние их весьма колеблемое и рассчитывают, что они в долгах неоплатных.

Американский Конгресс начинает все оное чувствовать и для удержания кредита и в доказательство, какими способами могут выплатить свои долги, разослал по всем союзным колониям циркулярное о сем письмо, и здесь оное в Париже под ведомством Франклейна напечатано, а он индиректным образом некоторым послам и чужестранным министрам здесь сие письмо доставил. Принимаю смелость приложить оного экземпляра: Ваше Императорское Величество, усмотреть соизволите, что и Конгресс уже рассчитывает национального долга по сто долларов на голову. ...Французы же, возвратившиеся из Америки, уверяют, якобы Конгресс, конечно, не все долги объявил, дабы не утратить народ»⁴.

Столь неблагоприятная обстановка не охладила пыла Лафайета, и он продолжал выступать при Версальском дворе неутомимым пропагандистом Американской революции, укрепляя у своих слушателей и собеседников уверенность в неизбежной победе. У него были все основания записать: «...в шумном водовороте, в котором я оказался, я не терял из виду нашу революцию, успех которой не был еще достаточно обеспечен...»⁵. Ему удалось убедить правительство в необходимости высадки десанта на Британские острова. Он просил дать ему возможность самому возглавить этот десант, обещая полный успех операции. Король одобрил этот план, но командование операцией поручил не Лафайету, а маршалу де Во, что, разумеется, не могло не задеть самолюбие мар-

киза. Правда, эта идея вскоре была оставлена.

С осени 1779 г. Лафайет начал подумывать о возвращении в Новый Свет, где, как ему казалось, он нужнее. И снова встала проблема воинского долга и дисциплины: ведь маркиз де Лафайет — полковник королевских гренадер. У него возникает новая идея: в письмах к Верженну он предлагает направить в Северную Америку экспедиционный корпус для оказания помощи армии Вашингтона. Разумеется, он готов возглавить этот корпус⁶. Пока в кабинетах Версаля размышляли над новой идеей беспокойного маркиза, Лафайет, не особенно надеясь на успех, направил письмо Вашингтону с просьбой официально вызвать его в Соединенные Штаты. «Если бы запрос пришел от Вас или от Конгресса, — писал он Вашингтону 7 октября 1779 г., — я думаю, что он был бы удовлетворен»⁷. Вскоре Лафайет узнал, что его предложение одобрено кабинетом, но командование экспедиционным корпусом король доверил не 21-летнему Лафайету, а 50-летнему генерал-лейтенанту графу де Рошамбо, хорошо показавшему себя в Семилетней войне. Это было новым ударом по самолюбию Лафайета. И тем не менее он был рад тому, что смог добиться конкретной помощи восставшим. Личное честолюбие никогда не заслоняло у маркиза де Лафайета гражданских чувств: он всегда подчинял его тем политическим идеалам, которых придерживался всю свою жизнь.

В самом начале 1780 г. пришел долгожданный запрос из Северной Америки о возможности возвращения генерала Лафайета в армию Конгресса. К удивлению Лафайета, запрос был тотчас же удовлетворен Версалем. Видимо, при дворе сочли за благо спровадить опасно популярного маркиза с его непонятными республиканскими симпатиями подальше от охваченной недовольством Франции. В сопроводительных бумагах, подписанных Верженном, Конгресс извещался, что «господин маркиз де Лафайет возвращается, с тем чтобы возобновить свою службу в качестве генерал-майора американской армии»⁸. Лафайет был уполномочен официально известить Вашингтон и Конгресс о решении французского правительства в ближайшее время направить в Северную Америку экспедиционный корпус Рошамбо для участия в совместных военных действиях против Англии.

Предстоящий отъезд Лафайета в Северную Америку

стал очередной парижской сенсацией, о которой иностранные представители сочли необходимым сообщить в свои столицы. «Маркиз де Лафайет, — писал 27 февраля 1780 г. князь Барятинский императрице, — отправляется в Америку и будет там производить службу в американских войсках. Когда он сюда возвратился, Франклейн с позволения королевского подарил ему золотую шпагу от Конгресса, на которой вычеканены все акции, в которых он находился»⁹.

Отъезд Лафайета был обставлен торжественно. Ему предоставили фрегат королевского флота «Эрмион», на котором маркиз и отбыл из Ларошели 13 марта 1780 г. Незадолго до отъезда Адриена подарила мужу наследника, которого нарекли в честь его американского друга Жоржем Вашингтоном.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

27 апреля 1780 г. фрегат «Эрмион» вошел в гавань Бостона.

Весь город во главе с губернатором вышел встречать Лафайета. Сразу же по завершении церемонии встречи Лафайет отправился в штаб Вашингтона.

Главнокомандующий радостно встретил своего друга. Целую ночь они провели вместе, вспоминая о том, что произошло за время их разлуки. Лафайет обрадовал генерала известием о предстоящем прибытии в Северную Америку корпуса Рошамбо и передал ему личное послание Людовика XVI, извещающее главнокомандующего, что все французские войска и флот передаются в верховное командование Вашингтона. Французская помощь была, как никогда, кстати: положение на фронтах вновь изменилось в пользу англичан.

Собрав все свои силы, генерал Клинтон осенью 1779 г. перешел в наступление, и, пройдя все вирджинское побережье, в начале 1780 г. подошел к Чарлстоуну. В Соединенных Штатах подняли голову сторонники примирения с Георгом III. Обо всем этом Вашингтон поведал своему другу. С болью в душе он говорил Лафайету о недостатке патриотизма у американских буржуа и даже у целых штатов, которые с большой неохотой открывают свои кошельки для нужд армии. Некоторые же штаты, расположенные в стороне от военных действий, вообще не обнаруживают желания

помогать армии. В таких условиях трудно требовать от нее только побед.

Лафайету горько слышать все это: ведь он не просто волонтер, а эмиссар короля Франции и обязан докладывать в Версаль об истинном положении союзника. Но сказать правду означало бы поставить под угрозу дальнейшее поступление французской помощи, а следовательно, в какой-то мере и судьбу Американской революции. Терзания Лафайета находят свое отражение в его письмах к Верженну, где твердая уверенность в победе над врагом сочетается с объективной картиной положения в Северной Америке. «Конгресс не имел ни денег, ни ценных бумаг; армия — ни хлеба, ни других продуктов питания; продовольственная база очень скудная, а транспортные и финансовые средства — нулевые... Офицеры и солдаты американской армии не имеют даже шиллинга» — так описывал Лафайет ситуацию в Америке к моменту своего туда возвращения¹⁰.

12 мая после многомесячной осады Клинтон штурмом взял Чарлстоун. Командовавший гарнизоном генерал Линкольн попал в плен. Англичане захватили большое число орудий и другого вооружения. Развивая успех, английская армия нанесла поражение генералу Гейтсу при Камдене и установила контроль над обеими Каролинами и Джорджией.

В это трудное для американцев время пришла наконец долгожданная помощь. 17 июня в Род-Айленде во главе шеститысячного корпуса высадился граф де Рошамбо. Создалась реальная угроза для англичан в районе Нью-Йорка. Генерал Клинтон покидает Чарлстоун, оставив командование на юге Корнуоллису, и срочно возвращается в Нью-Йорк, блокированный с моря французской эскадрой.

Узнав о прибытии Рошамбо, Лафайет забросал его письмами со всевозможными предложениями и планами. Это раздражало графа, отношения которого с Лафайетом не сложились с самого начала. К тому же Рошамбо был уязвлен, что его поставили в подчинение Вашингтону. Нужно было обладать всей деликатностью и терпением Вашингтона, чтобы успокоить раненое самолюбие французского генерала. Тем не менее с самого начала между американским и французским командованием возникли трения, которые всячески пытался, хотя и без видимого успеха, устранить Лафайет.

Сам же Лафайет был назначен Вашингтоном командовать его авангардом численностью 2 тыс. человек. Главнокомандующий принял решение дать сражение Клинтону в районе Нью-Йорка. В это время (осень 1780 г.) внезапно обнаружилось предательство генерала Бенедикта Арнольда, коменданта форта Вест-Пойнт — главного военного склада американской армии, едва не сдавшего его англичанам¹¹. У арестованного английского шпиона майора Андре были найдены бумаги, не оставлявшие сомнений в том, что Арнольд давно переметнулся к врагу. Предателю удалось скрыться от преследования. Вскоре он объявился в стане противника в мундире генерала английской армии.

Операция, задуманная Вашингтоном, была отменена, и Лафайет был направлен в Вэлли-Фордж, где под его командование перешли два лучших полка. Он и здесь остался верен себе, израсходовав 10 тыс. дукатов из собственных средств на экипировку и вооружение своих солдат. Конец 1780 г. Лафайет провел в Вэлли-Фордже, изредка навещаясь в Филадельфию, где французские офицеры — виконт де Ноайль, граф де Монтескье и их друзья — организовали нечто вроде музыкального салона в доме некоей миссис Шиппен. Хозяйка дома играла на скрипке, а ее подруга мисс Ратледж услаждала слух французов игрой на клавесине. «Впервые, — писал об этих вечерах Лафайет, — я слышал музыку в Америке и был, что называется, в обществе»¹².

В декабре 1780 г. Конгресс снял давнего противника Вашингтона генерала Гейтса с поста командующего южной группой войск за поражение при Камдене. На его место был назначен генерал Н. Грин, разработавший план новой военной кампании против Корнуоллиса. Грин задумал разобщить крупные силы Корнуоллиса, вовлечь их в погоню за собой, измотать и обескровить. Он начал демонстративное отступление в Вирджинию. Подготовкой переправ и всеми инженерными работами в армии Грина руководил полковник Т. Костюшко.

Грину удалось навязать свой план Корнуоллису, который устремился преследовать его армию. 17 января 1781 г. в ходе успешного сражения под Каупенсом один из помощников Грина, генерал Морган, наголову разбил английский отряд генерала Тарлтона, после

чего тактическое превосходство перешло к американцам. Грину удалось заманить Корнуоллиса в глубь Вирджинии. Английские коммуникации непомерно растянулись, чем успешно воспользовался Грин. В конечном счете Корнуоллис вынужден был отступить в Северную Каролину, будучи не в состоянии вести наступательные действия¹³. Отряд Лафайета действовал в ходе этой кампании в составе армии Грина, с которым маркиз подружился еще в сентябре 1777 г.

Несмотря на крайнюю занятость чисто военными проблемами, Лафайет ни на один момент не упускал из виду политических и дипломатических вопросов. Свой долг он видел в том, чтобы не только быть на полях сражений, но и укреплять франко-американское сотрудничество, расширять помощь Америке со стороны Франции. В его письмах в Париж, адресованных влиятельным лицам, присутствовали неприменные просьбы о финансовой поддержке Конгресса и его армии. Вот что он писал 30 января 1781 г. морскому министру де Кастри: «Первейшая задача, г-н маркиз, состоит в том, чтобы обеспечить нас деньгами и дать тем самым движение американской армии. Наши континентальные солдаты превосходны. Наши новобранцы почти все стреляли из ружья больше, чем три четверти европейских солдат. Наши регулярные войска храбры, как никакие другие, они более закалены, более выносливы...»¹⁴ Для успеха армии Конгресса не хватает лишь одного — финансовых средств, так считал Лафайет.

Положение армии Вашингтона в начале 1781 г. было достаточно сложным, несмотря на победы, одержанные генералом Грином на юге. Генерал Клинтон сумел собрать на севере 40-тысячную армию и при поддержке флота стал хозяином положения в окрестностях Нью-Йорка. Он постоянно угрожал позициям Вашингтона в Пенсильвании. На юге, в Портсмуте (Вирджиния), укрепился с крупными силами предатель Арнольд, хорошо информированный о возможностях американцев в этом районе. Вашингтон взволнован подлой изменой Арнольда. Он, как никто, сознает, какой ущерб делу революции может нанести предатель, пытающийся деморализовать боевой дух американской армии активной пропагандой.

Вашингтон разработал план по захвату Портсмута комбинированными действиями сухопутной армии и

французского флота. Главнокомандующий полагал, что именно Вирджиния в ближайшее время станет театром решающих боев. Встал вопрос о кандидатуре командующего авангардом войск, направляемых к Портсмуту. У Вашингтона нет сомнений: им должен быть генерал Лафайет. В своем обращении к Конгрессу Вашингтон писал: «Я убежден, что командование не может быть доверено никому другому, кроме маркиза... Я добавлю к этому, что он сумел за два-три года освоить то, что другие не в состоянии сделать за десять-двенадцать лет. Никто, — подчеркивал главнокомандующий, — не может отрицать точности данного утверждения»¹⁵. Мнение Вашингтона оказалось решающим, хотя кое-кто в Конгрессе предлагал доверить командование американскому генералу.

В середине февраля назначение Лафайета было утверждено Конгрессом, и он срочно занялся подготовкой к выступлению. Задача Лафайета — блокировать Портсмут с суши, в то время как его соотечественники блокируют город с моря.

Уже 3 марта 1781 г. Лафайет во главе полуторатысячного отряда был в окрестностях Портсмута. Однако здесь его постигла неудача: английский флот нанес поражение французской эскадре адмиралов Арбутно и Дестуша в Чеспикском заливе, что сделало англичан хозяевами положения на морских подступах к Портсмуту. Блокаду осуществить не удалось, так как осажденный гарнизон постоянно получал морем подкрепления и боеприпасы. Вскоре с ним соединился крупный отряд генерала Филиппса, заменившего отозванного в Нью-Йорк Арнольда на посту командующего. Это был тот самый Филиппс, который двадцать четыре года назад разбил при Хастенбеке гренадеров полковника де Лафайета — отца Жильбера. Узнав о прибытии Филиппса, Лафайет-младший загорелся жаждой мести, но ей не суждено было осуществиться по причине внезапной смерти немолодого английского генерала¹⁶.

Дальнейшее стояние под стенами Портсмута было не только бессмысленным, но и небезопасным для небольшого американского отряда. Англичане с каждым днем накапливали силы и могли в любой момент выйти из города и обрушиться на Лафайета. Маркиз получил приказ снять осаду и двигаться в Вирджинию на соединение с Южной армией генерала Грина.

Фортуна в очередной раз отвернулась от армии Конгресса. Англичане, постоянно получавшие подкрепления, в середине 1781 г. установили контроль почти над всем восточным побережьем. Их армия хорошо снабжалась, чего нельзя было сказать об армии Конгресса, в которой царил уныние. Началась волна дезертирств, докатившаяся и до отряда Лафайета. Вместо того чтобы устраивать охоту за каждым дезертиром, Лафайет собрал своих солдат и объявил, что в ближайшее время намерен повести их против численно превосходящего противника. Он предложил всем, кто не желал идти с ним, получить у него соответствующий документ. Оставшиеся должны сохранять дисциплину и верность присяге. Никто не пожелал получить сомнительное свидетельство о трусости. Видя бедственное положение своего воинства, Лафайет в очередной раз пустил в ход личный кошелек и на 2 тыс. фунтов стерлингов закупил у фермеров продовольствие, а у балтиморских торговцев — одежду и обувь¹⁷. Ему удалось изменить настроение своих солдат. В столицу Вирджинии Ричмонд Лафайет привел свой отряд в полном составе. Здесь он соединился с генералом А. Уэйном, после чего численность американских войск в этом районе возросла до 4,5 тыс. человек. С такими силами Лафайет и Уэйн не могли, конечно, дать бой восьмидесятичной прекрасно оснащенной армии Корнуоллиса, но они успешно осуществляли мелкие операции, постоянно беспокоя и изматывая англичан.

Вашингтон ожидал обещанной военной поддержки от французского короля, а ее все не было. Сын графа де Рошамбо, посланный с соответствующими бумагами во Францию, вернулся ни с чем, если не считать корабля с обмундированием для американской армии и небольшой суммы денег. Ни войск, ни боевых кораблей. Вашингтон и Рошамбо, обсуждая план военных действий, первоначально намеревались ударить по Нью-Йорку, где находилась штаб-квартира Клинтона, но вскоре они отказались от этой мысли и решили нанести главный удар по Корнуоллису в районе Йорктауна (Вирджиния). Вашингтон известил об этом Лафайета, но письмо было перехвачено англичанами, которые начали спешные приготовления к сражению¹⁸. Фактор неожиданности был утрачен американской стороной. Корнуоллис энергично преследовал Лафайета, самоуверен-

но заявляя своим помощникам: «Теперь мальчишка от меня не уйдет»¹⁹.

Наконец на горизонте появился мощный французский флот под командованием адмирала де Грасса. На его 28 кораблях прибыло подкрепление — 3 тыс. солдат и офицеров, предводительствуемых маркизом де Сен-Симоном. Среди них — его кузен, лейтенант артиллерии граф Клод Анри де Сен-Симон, будущий социалист-утопист. Выиграв морское сражение у английского адмирала Грейвса, на эскадру которого очень рассчитывал Корнуоллис, де Грасс закрыл вход в Чеспикский залив.

В соответствии с выработанным планом объединенные силы Вашингтона и Рошамбо успешно продвигались с севера на юг и соединились с войсками Лафайета и Уэйна у городка Йорктаун. Здесь же был высажен экспедиционный корпус Сен-Симона. Теперь Корнуоллису уже не до охоты за «мальчишкой». Он сам оказался в западне. 28 сентября 1781 г. 20-тысячная американо-французская армия (11 тыс. американцев и 9 тыс. французов) при поддержке флота де Грасса завершила окружение почти 9-тысячной английской армии Корнуоллиса²⁰. Вашингтон подтянул тяжелую артиллерию, которая наносила осажденным большие потери. Во взаимодействии с ней действовала корабельная артиллерия де Грасса. Моральный дух армии Корнуоллиса падал с каждым днем. Помощи ждать было неоткуда. Во время Йорктаунской операции Лафайет неоднократно посылал в осажденный город своего агента — негра Джеймса Армстеда, от которого он получал ценную информацию. К 14 октября артиллерия Корнуоллиса была окончательно подавлена, после чего Вашингтон дал команду начать штурм передовых укреплений. В этом штурме Лафайет принимал непосредственное участие, находясь во главе дивизии.

В 10 часов утра 17 октября 1781 г. Корнуоллис прислал к Вашингтону парламентаря, а через день — 19 октября — подписал условия капитуляции. 7247 солдат и офицеров, а также 840 матросов сложили оружие. Во время этой процедуры английский оркестр исполнял марш с многозначительным названием «Все в мире перевернулось»²¹. Сам лорд Корнуоллис, сказавшись больным, избежал участия в этой невеселой церемонии. Шпага Корнуоллиса была передана Вашингтону его адъютантом. Любопытно, что на следую-

щий день плененный лорд «по старой памяти» пригласил маркиза де Лафайета на завтрак, где пытался оправдать свое поражение в глазах «мальчишки».

Поражение под Йорктауном явилось тяжелым ударом для Англии, предreshившим по сути исход войны. Уже весной 1782 г. новый английский главнокомандующий генерал Карлтон обратился к Вашингтону с предложением о прекращении военных действий. Непосредственным следствием этого события явилось падение кабинета тори лорда Нота и приход к власти вигов во главе с лордом Рокингэмом. После Йорктауна английский парламент высказался в пользу мира с бывшими североамериканскими колониями ²².

Воспользовавшись наступившим после Йорктауна перерывом в военных действиях, Лафайет решил побывать во Франции, где вскоре должны были начаться мирные переговоры между Соединенными Штатами и Англией. Он понимал, что борьба не завершена окончательно. Теперь предстояло выиграть дипломатическое сражение, и маркиз считал, что его место отныне там, где это сражение должно скоро начаться.

22 ноября 1781 г. он обратился к Конгрессу с просьбой об отпуске, которая уже на следующий день была удовлетворена. В резолюции Конгресса от 23 ноября 1781 г. говорилось: «...генерал-майору маркизу де Лафайету разрешено отбыть во Францию и вернуться тогда, когда он сочтет это для себя удобным...» ²³ Далее в резолюции перечислялись заслуги Лафайета перед Соединенными Штатами и давались указания официальным американским представителям в Париже консультироваться с ним по всем вопросам, затрагивающим интересы Америки. «Секретарь по иностранным делам проинформирует полномочных министров Соединенных Штатов о желании Конгресса, чтобы они советовались с маркизом де Лафайетом и использовали его знание государственных дел Соединенных Штатов» ²⁴.

ПОЛЕВОЙ МАРШАЛ

23 декабря 1781 г. после торжественных проводов маркиз де Лафайет отбыл на борту фрегата «Альянс» к берегам Франции. На этот раз путешествие продолжалось двадцать три дня.

Новость о приезде Лафайета в Париж застала маркизу де Лафайет в Ратуше, где в это время пышно отмечался день рождения дофина. Мария Антуанетта лично сопровождала маркизу во дворец Ноайль, где Лафайет приводил себя в порядок после дальней дороги. Дворец был окружен огромной толпой парижан, и Лафайету пришлось пробираться к жене через множество протянутых к нему с приветствием рук. Увидев мужа, Адриена упала без чувств в объятия Марии Антуанетты под гром рукоплесканий и возгласы «Да здравствует Лафайет!», «Да здравствует Америка!»²⁵.

На следующий день – прием у короля, который произвел маркиза в чин полевого маршала* за участие во взятии Йорктауна. Недели и месяцы прошли, как и в прошлый приезд, в торжествах, приемах, восторженных овациях толпы и подчеркнутых знаках внимания высшего света. Молодые офицеры горели желанием отправиться в Америку; они забрасывали Лафайета десятками вопросов. Самые красивые женщины Франции искали его расположения. Среди них две светские львицы – Аглая д'Юнольштайн и графиня Диана де Симиан.

30 января 1782 г. герцог де Ришелье дал в честь Лафайета обед, на котором присутствовали все маршалы Франции. Король, правда, почему-то не спешил вручить ему патент полевого маршала. Лафайет разъезжал по Парижу в мундире генерала республиканской армии Соединенных Штатов. Кое-кто при дворе не скрывал в связи с этим раздражения. В беседе с экзальтированными поклонницами Лафайета из светского круга герцог де Шуазель, отставленный министр иностранных дел Людовика XV, заметил: «Лично я, милостивые государыни, вижу в месяце де Лафайете лишь Жилия (Жильбера. – Л.Ч.) Цезаря»²⁶.

10 февраля Лафайет присутствовал на представлении оперы Глюка «Ифигения в Авлиде». Когда хор запел: «Ахилл украшен руками Победы», весь зал встал и зааплодировал 24-летнему полковому маршалу, а м-ль Торле, исполнительница ведущей партии, сошла со сцены и увенчала маркиза лавровым венком²⁷.

Газеты европейских стран знакомили своих читателей с подробностями жизни знаменитого молодого че-

*Звание полевого маршала соответствовало учрежденному в годы революции чину бригадного генерала.

ловска — «освободителя Америки» и «спасителя Вашингтона». Лафайет превратился в живой символ одновременно Американской революции, французской доблести и франко-американского союза.

Версальский двор в то время принимал наследника российского престола великого князя Павла Петровича и великую княгиню Марию Федоровну. На одном из балов, данных в их честь, будущий русский император с интересом разглядывал знаменитого маркиза, танцевавшего в своем республиканском мундире контрданс с Марией Антуанеттой.

Это был апогей популярности Лафайета — общенационального героя.

В конце января 1782 г. Лафайет писал Вашингтону: «Присм, оказанный мне нацией в целом, королем и моими друзьями, превзошел все мои амбиции. Король говорил со мной о Вас в самых почтенных выражениях, засвидетельствовав те уважение, восхищение и привязанность по отношению к Вам, которые я не мог бы Вам передать»²⁸. Вашингтон с удовольствием прочитал эти строки, так как очень рассчитывал на поддержку Людовика XVI в трудных переговорах с Англией, которая все еще держала в Северной Америке 30-тысячную армию.

17 сентября 1782 г. у Лафайета родилась дочь, которой дали имя Виржиния в память о славных сражениях в Америке. В это время он сблизился с Францем Антоном Месмером, приобретшим большую популярность в версальском свете своими спиритическими и магнетическими сеансами. Месмер, которого можно считать одним из первых известных экстрасенсов, довольно успешно лечил целый ряд болезней, прежде всего нервных, невиданным прежде способом — внушением и бесконтактным массажем. Правда, некоторые из высокопоставленных пациентов немецкого лекаря после нескольких сеансов «животного магнетизма» отошли в мир иной, следствием чего явилось специальное разбирательство и высылка из Франции основателя нового учения — месмеризма.

В Париже Лафайет вступил в масонскую ложу, где уже состояли его друзья и родственники — граф де Сегюр, виконт де Ноайль. Там же — аббат Рейналь и кардинал де Роан, будущий «герой» «дела с ожерельем». В ложе велись диспуты о свободе и справед-

ливости. На решение Лафайета вступить в ложу несомненно оказал влияние тот факт, что франкмасоном был его почитаемый друг Вашингтон.

Лафайет поддерживал оживленную переписку со своими американскими друзьями — Вашингтоном, Джефферсоном, государственным секретарем Робертом Ливингстоном и др. Он старался информировать их о франко-американских отношениях и положении в Англии, а также держать в курсе европейской политики. Когда Франклин внезапно заболел, то не кто иной, как Лафайет, взял на себя его функции представлять интересы Соединенных Штатов во Франции. В своих секретных донесениях в Конгресс Б. Франклин не уставал повторять, что редко кто из «коренных» американцев делает столько для своей страны, как Лафайет. Именно ему, по мнению Франклина, Америка в значительной мере обязана займом в 6 млн ливров в звонкой монете, полученным у Франции. Именно Лафайет, как считал Франклин, настоял на возобновлении франко-испанского союза против Англии. Дело в том, что в это время французская дипломатия вступила в тайные сепаратные переговоры с Лондоном с целью выйти из войны. Узнав об этих переговорах, Франклин поспешил с парафированием мирного договора с Англией, не уведомив об этом коварного Верженна. Прелиминарные англо-американские соглашения были подписаны 28 сентября 1782 г.

Верженн в ярости, но вынужден прервать тайные переговоры с англичанами. Французское правительство пребывало в полной растерянности. Людовик XVI возложил ответственность за неучастие Франции в американско-английском договоре на Верженна и снял его, назначив руководить финансами.

Королевское правительство поспешило заверить американских представителей в своей доброй воле и продемонстрировать верность союзническому долгу. В этих целях оно прибегло к помощи Лафайета, направленного в конце 1782 г. в Испанию с миссией обсудить с кабинетом Карла III возможность испанского участия в войне против Англии.

Теперь речь шла об экспедиции в Канаду и на Ямайку. Для этого создавались объединенные франко-испанские силы под общим командованием адмирала д'Эстона. Разработанный план предусматривал захват Ямайки и уничтожение стоящего у ее берегов англий-

ского флота, а затем удар по Канаде. Экспедиция должна была отправиться из Кадиса. В ходе переговоров адмирал д'Эстэн в беседе с королем предложил назначить Лафайета временным комендантом Ямайки, на что Карл III поспешил ответить: «Нет, нет! Я не желаю этого. Он там устроит республику»²⁹.

Как видим, республиканские настроения маркиза де Лафайета были известны далеко за пределами Версаля. Тем не менее Карл III любезно принимал Лафайета и подолгу беседовал с ним. В письмах к Вашингтону из Кадиса Лафайет подробно описывал своему другу содержание этих бесед с королем Испании и его министрами. Лафайету удалось добиться официального представления испанскому двору эмиссара Конгресса Кармишаселя, ставшего первым американским поверенным в делах в Испании.

Военные приготовления Франции и Испании всерьез обеспокоили английское правительство, поспешившее пойти на заключение мирного договора с Францией. 20 января 1783 г. был подписан прелиминарный договор³⁰. К концу августа переговоры, проходившие в Париже между Англией, с одной стороны, и Соединенными Штатами, Францией и Испанией — с другой, при посредничестве России успешно завершились, после чего 3 сентября 1783 г. были окончательно подписаны Версальские мирные договоры, положившие конец войне и признавшие независимость и суверенитет Соединенных Штатов.

По возвращении из Испании Лафайет получил наконец королевский патент полевого маршала. Недруги Лафайета были недовольны. Лафайет же принял милость короля без всяких эмоций: он запер документ в ящик своего секретера и забыл о нем, пока от него не потребуют вернуть патент королю.

19 марта 1783 г. в замке Шаваньяк умерла одна из его тетюшек, и Лафайет впервые после долгого отсутствия посетил замок своего детства. Овернь радостно встретила знаменитого земляка. Правда, радость встречи с детством была омрачена царившей повсюду бедностью. Лафайет впервые обнаружил нищету французской деревни. В замке управляющий с гордостью показывал маркизу закрома, полные зерна. «Я думаю, господин маркиз, — говорил управляющий, — что сейчас самое время хорошо продать зерно. Из-за его нехватки оно идет на вес золота». Каково

же было изумление управляющего, когда он услышал в ответ: «А я думаю, что самое время его раздать»³¹. Раздача зерна местным крестьянам проходила под наблюдением самого маркиза — каждому ровно по 126 килограммов.

Завершив свои дела в Шаваньяке, Лафайет вернулся в Париж. Весной 1783 г. его семья оставила дворец Ноайль и переехала в купленный маркизом дом на рю де Бурбон (сейчас рю де Лилль, 81). Покупка дома обошлась Лафайету в 250 тыс. ливров. Состояние его за эти годы существенно поубавилось: в Америке он оставил более 700 тыс. ливров³². Лафайет вынужден был взять кредит и продать часть своих наследственных земельных владений.

Он стал парижской достопримечательностью. Дом Лафайета менее всего напоминал спокойный семейный очаг. Здесь непрерывный поток гостей: встречи с друзьями, людьми незнакомыми — французами и американцами. Все мечтали побывать в нем. Но самым желанным гостем был бы Джордж Вашингтон. Лафайет шлет ему приглашения, но тот вежливо отказывается. В отличие от своего друга Вашингтон не любил многолюдья и пышных встреч. За всю свою жизнь он ни разу не покидал Соединенные Штаты. После тяжких испытаний военной поры Вашингтон наслаждался сельской тишиной на своей ферме в Вирджинии, не ведая, что скоро ему предстоят новые испытания. «Наконец, мой дорогой маркиз, — пишет он Лафайету, — я простой гражданин и живу на берегу Потомака, в тени виноградников и фиговых деревьев, свободным от военных бурь и тревог политической деятельности. Мне нравится мирная жизнь; вечно озабоченный своей военной репутацией солдат, посвящающий дни и ночи размышлениям о превознесении своего народа или унижении другого государственный деятель, как будто на земном шаре недостаточно места для всех, жаждущий милостивой улыбки, беспрестанно напряженный царедворец — все эти люди едва ли могут понять всю прелесть сельской жизни. Я не только удалился от общественных дел, но и ушел в самого себя. Частная жизнь доставляет мне глубокое удовлетворение. Не завидуя никому, я решил быть довольным всем, и в таком состоянии духа, мой дорогой друг, я поплыву по реке жизни той минуты, когда успокоюсь возле моих предков»³³.

13 мая 1783 г. в Соединенных Штатах был учрежден

орден Цинцинната*, которым награждались офицеры — американские и иностранные, участвовавшие в Войне за независимость. Маркиз де Лафайет был включен в число членов-учредителей ордена, и Конгресс поручил ему составить список офицеров-иностранцев, которых он считал нужным наградить этим орденом, а затем и вручить его. Кстати, эскиз ордена Цинцинната был изготовлен французским майором Ланфаном, который впоследствии составил первый проект строительства столицы США — г. Вашингтона. Разумеется, Лафайет получил орден Цинцинната одним из самых первых. «...А маркизу де Лафайету оный орден прислан как собрату американского генерала, — сообщал Екатерине II князь Барятинский 25 декабря 1783 г. — При сем от генерала Вашингтона и от всего сообщества (общества Цинцинната. — П.Ч.) уполномочен он, г-н де Лафайет, раздавать тот орден всем американским офицерам, находящимся в Европе. Граф де Рошамбо и маркиз де Лафайет сделали о сем донесение королю. Его Величество соизволил дать на сие свое соизволение»³⁴.

Весной 1784 г. Вашингтон пригласил супругов Лафайет погостить у него. Он давно желал познакомиться с Адриеной, о которой так много слышал от маркиза. Однако заботы о малолетних детях не позволили мадам де Лафайет принять приглашение Вашингтона. Получив разрешение короля, Лафайет стал собираться в дальний путь. В поездке в Соединенные Штаты его сопровождал в качестве адъютанта некий шевалье де Караман. В действительности он был приставлен к маркизу в качестве соглядатая. Взгляды Лафайета уже вызывали настороженность двора. Характерно, что в своем описании поездки в Америку Лафайет ничего не говорит о нем. Ясно, что де Караман в качестве «адъютанта» был навязан Лафайету помимо его желания.

4 августа 1784 г. Лафайет прибыл в Нью-Йорк, где ему был устроен торжественный прием³⁵. После Нью-Йорка Лафайет отправился в Филадельфию, где был гостем Конгресса и лично Генри Лоуренса. 11 августа Конгресс на своем специальном заседании вручил Ла-

* Орден назван именем римского патриция (середина V в. до н. э.), дважды назначавшегося диктатором, символизировал доблесть, скромность и верность гражданскому долгу.

файету адрес по случаю его приезда. Лафайет выступил с ответной речью, в которой попытался определить значение Американской революции. «Пусть же эта революция, — заявил он, — послужит уроком для угнетателей и примером для угнетенных»³⁶. Любопытно, что во Франции это выступление Лафайета не было опубликовано.

После Филадельфии — Балтимор и наконец Маунт-Вернон, где Лафайета тепло принял Вашингтон. Марта, жена Вашингтона, окружила гостя всем вниманием, на которое была способна. Двенадцать дней провели не разлучаясь Вашингтон и Лафайет. Часто их можно было видеть совершающими верховые прогулки по дубовым рощам, рыжеватым холмам и табачным плантациям, расположенным вдоль берегов Потомака, на которых трудились десятки черных рабов. Глядя на них, Лафайет размышлял о рабстве, странным образом прижившемся в республиканской стране. Он делился своими сомнениями с Вашингтоном. Впоследствии они продолжают дискуссию на эту тему в переписке.

26 августа Лафайет покинул Маунт-Вернон. Шевалье де Караман, словно тень, следовал за ним по пятам. Лафайет вновь возвратился в Балтимор, который был ему особенно близок. В этих местах он воевал вместе со своими вирджинцами. 1 сентября городские власти устроили обед на 300 персон в честь Лафайета, которого чествовали как «спасителя города».

3 сентября Лафайет покинул Балтимор и направился в Филадельфию и Нью-Йорк, а затем в Олбани, где он мечтал в свое время о походе в Канаду. Здесь он вновь увиделся с вождями индейцев. Появление Большого Кайевлы было встречено радостными возгласами. Лафайет дружески беседовал с индейцами, убеждая «своих детей» сохранять верность Америке и не поддаваться уговорам англичан. Индейцы украсили голову Лафайета перьями, а женщины подносили к нему больных детей, с тем чтобы своим прикосновением он излечил их.

Из Олбани Лафайет направился в Бостон и Ньюпорт, а оттуда в Портсмут, куда для встречи с ним специально приехал Натаниел Грин, дважды отказывавшийся от поста военного министра и живший по примеру Вашингтона на своих фермах в Южной Каролине и Джорджии.

24 ноября Лафайет возвратился в Маунт-Вернон.

Короткий отдых у Вашингтона. Это была последняя встреча друзей: они никогда больше не увидятся. Вашингтон как бы предчувствует это. В последнее время его все чаще посещали думы о смерти. Проводив Лафайета, Вашингтон послал следом письмо, датированное 8 декабря. «Теряя из виду Ваш экипаж, — писал Вашингтон, — я спрашивал себя: неужели я виделся с Вами в последний раз, и, несмотря на мое желание сказать «нет», предчувствие повторяло его мне: «Да». Дни юности пробуждались в моей памяти, я чувствовал, что они уже давно и безвозвратно прошли, что я опускаюсь по склону той горы, к высотам которой шел пятьдесят два года. Невзирая на крепость моего телосложения, я принадлежу к семейству недолговечному и должен ожидать скорого отдохновения в могиле моих предков. Эти мысли омрачали предомной горизонт, застилали тучей мое будущее, а, следовательно, и надежду снова Вас увидеть. Но не жалуюсь. И у меня был свой день. Не могу выразить того чувства любви, которое я питаю к Вам, да даже и не пытаюсь это сделать. Возношу горячие мольбы за Ваш благополучный и счастливый путь, за Вашу встречу с женой, с семейством и за исполнение всех Ваших желаний»³⁷.

Двадцатисемилетнему жизнерадостному Лафайету, полному блестящих надежд, трудно понять грустные мысли своего старшего друга. Письмо застало его в Бостоне 21 декабря. Он немедленно ответил Вашингтону: «Нет, мой генерал, наше недавнее расставание не будет последним прощанием. Моя душа восстает против этой мысли...»³⁸

25 декабря 1784 г. 40-пушечный фрегат «Нимф», предоставленный Лафайету Людовиком XVI, вышел из порта Нью-Йорка под прощальный салют береговой артиллерии. На борту корабля вместе с Лафайетом можно было видеть молодого ироксеца, присланного вождями служить «генералу Кайевле».

Расставаясь с Америкой, Лафайет оставлял здесь множество друзей. Популярность его трудно было бы преувеличить. Его именем называли новорожденных детей и строящиеся города. Многие штаты желали видеть Лафайета своим почетным гражданином. Конгресс выдал ему со всем его потомством диплом на американское гражданство, а штат Вирджиния принял решение установить бюст маркиза в зале заседаний в Ричмонде.

Было решено также заказать лучшему скульптору мраморный бюст Лафайета и поручить посланнику Соединенных Штатов в Париже ходатайствовать перед королем об установке его в парижской Ратуше.

Чем объяснить такую невероятную популярность? Мало ли иностранцев участвовало в Войне за независимость? Среди них были не одни только кондотьеры и искатели приключений. Наверное, всякая революция притягивает к себе симпатии лучших людей в других странах, которые по мере возможностей стараются оказать ей посильную помощь. Но вряд ли можно назвать другого иностранца, который сделал бы для победы Американской революции больше или даже столько, сколько сделал для нее маркиз де Лафайет. И дело здесь не только в том, что он пожертвовал ей треть своего огромного состояния, а и в том, что благодаря своей самоотверженности и благородству Лафайет стал таким же символом революции, как Вашингтон или Франклин. Конечно, знатность и богатство привлекали к нему особое внимание, но он всегда оставался достоин этого внимания. А громкий титул Лафайета сослужил большую пользу делу революции. В известном смысле можно даже утверждать, что своим отъездом в Америку Лафайет ускорил заключение франко-американского союза 1778 г., став его своеобразным символом и олицетворением. В основе столь редкой самоотверженности лежала глубокая вера Лафайета в принципы свободы и справедливости, начертанные на знаменах Американской революции.

Войдя в нее как чужак (иностранец, дворянин, даже аристократ), Лафайет очень скоро доказал, что ее идеалы действительно близки его уму и сердцу. Это была и его революция, в которой он сумел в максимальной степени выразить себя — свои убеждения и надежды. Спустя годы в одном из частных писем Лафайет отмечал: «Вы думаете, я был в Америке ради военной славы? Нет, я был там во имя свободы»³⁹.

Каждая революция привлекает на свою сторону отдельных представителей старого, умирающего мира. Эти люди по разным причинам идут в революцию: одни для того, чтобы выжить (им все равно, кому служить и кого предавать — папу римского или Бурбонов, революционное Законодательное собрание или Наполеона, — Талейран тому лучший пример); другие желают подняться на ее гребне, с тем чтобы позднее,

как Бонапарт, подчинить ее своей деспотической воле; третьи идут в нее добровольно и совершенно сознательно, не имея никаких своекорыстных амбиций, отличных от целей революции. К этой, третьей категории лучших людей Старого порядка и принадлежал маркиз де Лафайет. И если в Американской революции он в известном смысле был еще неофитом, то во Французской с самого начала играл одну из главных ролей.

...Лафайет покидал Америку уже не тем восторженным юношей, каким он прибыл туда в 1777 г. Он возмужал физически и идейно: его демократические убеждения выдержали испытание делами и временем — они стали более осознанными и зрелыми. «Дни, которые я провел на американской службе, все все времена и в любых обстоятельствах будут среди самых счастливых дней моей жизни...» — писал Лафайет ⁴⁰. Теперь, когда Война за независимость уходила в прошлое, Лафайета все больше занимал вопрос о свободе и справедливости в его собственной стране. В письме к жене он признавался: «...я всегда исходил из убеждения, что, служа общечеловеческому делу и делу Америки, я сражался за интересы Франции» ⁴¹. С этими мыслями он отправлялся на родину.

«Лафайет... возвратился с аргонавтами свободы из Америки и привез золотое руно — идсю свободного государственного строя...» — отмечал Генрих Гейне ⁴².

«САМЫЙ ОПАСНЫЙ ПРОТИВНИК»

КРИЗИС ВЕРХОВ

Двадцатого января 1785 г. Лафайет сошел на берег в порту Бреста. «Политическое воспитание Лафайета, — отмечал русский биограф маркиза, — вполне завершилось этим третьим путешествием в Америку, но тем больший контраст со всем складом окончательно выработанных им в демократической стране убеждений должно было представить перед ним все то, что он встретил на собственной родине, как только взор его, оторвавшись от американских дел, устремился на положение Франции»¹.

Не заезжая в Париж, Лафайет занялся распродажей своих земельных владений в Бретани, доставшихся ему от матери. Огромные расходы, понесенные в годы Войны за независимость, расстроили материальное положение маркиза, и он надеялся поправить дела продажей наследственных земель. Во время короткого пребывания в Бретани Лафайет часто посещал собрания провинциального дворянства, на которых звучала резкая критика по адресу правительства. Местное дворянство пригласило Лафайета принять участие в ассамблее, состоявшейся в Ренне, где он присоединил свой голос к голосам других недовольных.

После успешной продажи земельных владений Лафайет, выручив от нее 472 тыс. ливров, отправился в Париж. Первым человеком, которому он нанес визит, был Бенджамин Франклин. Лафайет передал ему письмо от генерала Вашингтона и подробно рассказал старому другу о положении дел в Соединенных Штатах.

9 февраля Лафайет получил аудиенцию у короля, которому вручил послание Конгресса. Людовик XVI милостиво принял маркиза и сообщил о назначении его помощником морского министра маршала де Кастри. В это время затевалась реорганизация флота, и Лафайету предстояло принять в ней самое деятельное участие.

Непосредственное соприкосновение с государственными делами открыло Лафайету подлинную картину эко-

номического положения Франции. К моменту возвращения Лафайета из Северной Америки короткое и относительно благополучное в финансовом отношении управление осторожного генерального контролера (министра) финансов Неккера ушло в прошлое. Протесты экономного швейцарца против чрезмерной расточительности двора, и особенно королевы, не могли пройти для него безнаказанно. Мария Антуанетта вела настоящую войну против Неккера, требуя от короля его отставки. Ее настойчивость увенчалась успехом после того, как Неккер осмелился опубликовать роспись государственных доходов и расходов, показавшую всю глубину истощения финансов страны. Людовик XVI немедленно подписал отставку Неккера. На его место был назначен граф де Калонн — старый куртизан Людовика XV, видевший свою миссию главным образом в том, чтобы ладить с королевскими фаворитами. Калонн легко соглашался на любые траты, лишь бы угодить капризам королевы и ее любимцев. А между тем казна пустела с каждым днем.

Отставка Неккера и назначение Калонна вызвали широкое общественное недовольство, о чем, в частности, свидетельствуют донесения князя Барятинского Екатерине II. «...Г-н Неккер, — сообщал Барятинский 29 января 1785 г., — выдал мне книгу под заглавием «De L'Administration des finances de la France»*. Сам же он несколько месяцев отсюда поехал в Швейцарию для поправления здоровья жены его, и теперь находятся они в Монпелье. С проездом его по Франции по всем местам от народа имел он чувствительные знаки их сожаления, что он оставил министерство. ...Книга сия... в публике произвела такое ощущение, что меж партиями Неккера и Калонна почти доходило до драки»². Неккер «обнажил все происходящие злоупотребления», — продолжал русский посланник. — Его противники «злобствование простирают даже до того, что называют его государственным изменником, крича, что его следует наказать, ибо министрам, оставившим дела, не следует давать публике сведений о вещах таких, кои подвержены секрету»³. По понятиям того времени официальный бюджет Французского королевства составлял государственную тайну. Неккер тщетно пытался убедить короля в необходимости ежегодно

* Об управлении финансами Франции.

публиковать отчеты о финансовом положении страны. Отмечая широкую популярность книги Неккера, один экземпляр которой Барятинский отправил императрице, русский посланник сообщал: «Публика всю эдицию раскупила в одни сутки. Теперь большая часть людей уже ее прочли»⁴. Далее в донесении Барятинского содержалась весьма нелестная характеристика графа Калонна: «Настоящий генерал-контролер, по мнению публики, не может долго остаться на своем месте. ...Он хотя и имет таланты, но в публике не эстимован (не пользуется уважением. — Л.Ч.) и до сего места дошел через дворцовые интриги. Почему большей частью и окружился людьми также порочными и кои имеют всю его доверенность. ...Его самого и всех его крестур подозревали в корыстолюбии»⁵.

Подозрения, на которые указывал русский дипломат, были вполне обоснованы. Новый генеральный контролер финансов действительно был нечист на руку. Свою деятельность он начал с того, что погасил за счет королевской казны личные долги в размере 220 тыс. ливров⁶. Верным оказался и прогноз Барятинского в отношении карьеры Калонна. Уже в 1787 г. он получит отставку. Однако за пять лет управления французскими финансами Калонн своей беспринципной политикой сумел довести их до полного расстройств⁷.

В годы царствования Людовика XV и Людовика XVI французская аристократия прочно усвоила взгляд на государство как на источник обогащения. При Версальском дворе процветали синекуры — различные хорошо оплачиваемые должности, не связанные ни с какими реальными обязанностями, пенсии, субсидии, королевские «дары». Так, например, в предреволюционные годы из государственной казны было уплачено 23 млн ливров графу д'Артуа на покрытие его долгов, 1 200 тыс. ливров графине де Полиньяк на те же цели, 100 тыс. ливров графу де Гишу на приданое его дочери и т.д. Родственники Лафайета, герцог и герцогиня де Ноайль, получали пенсию в размере 1 750 тыс. ливров, не считая обычного очень высокого жалованья. На выплату подобного рода пенсий государственная казна отпускала ежегодно 28 млн ливров⁸. Это был узаконенный грабеж государственных финансов, пополнявшихся за счет налогового бремени на крестьянство.

В этих условиях можно представить себе то недоумение, которое охватило двор, когда маркиз де Лафайет категорически отказался от пенсии, предоставленной ему еще Людовиком XV после гибели отца. Поступок Лафайета произвел очень неблагоприятное впечатление в Версале. Богатые аристократы, соперничавшие друг с другом в расхищении казны в виде милостей короля, восприняли решение маркиза как вызов «обществу». «Что такое для короля на несколько тысяч франков больше или меньше?» – говорили куртизаны, пожимая плечами. «Пот целой деревни», – отвечал Лафайет⁹.

Действительно, разительным контрастом праздной роскоши аристократических салонов было убогое, недостойное человека существование 23-миллионной крестьянской массы, составлявшей примерно 85% населения тогдашней Франции. Именно эти 23 миллиона должны были оплачивать беззаботную жизнь кучки ту-неядцев, изобретавших все более изощренные средства выжимания денег из землепашца, для которого пшеничный хлеб был непозволительной роскошью. Талья, десятина, двадцатина, капитация, габель и другие виды налогов вели к массовому разорению и обнищанию крестьянства¹⁰. «Население целых местностей было доведено до нищеты. В каждой провинции толпы в 5, 10, 20 тыс. человек – мужчин, женщин и детей – бродили по большим дорогам. В 1777 г. была официально установлена цифра в 1 100 тыс. нищих»¹¹. В 80-е гг. число полностью обнищавших крестьян возросло до 2 млн человек¹².

Голод стал хроническим явлением, одной из главных причин развернувшихся с середины 80-х гг. по всей стране крестьянских восстаний. «Продовольственные волнения, – отмечает советский исследователь А.В. Адо, – были борьбой обнищавшего, голодного мелкого люда за первейшее условие жизни, за хлеб. Но они были в то же время важнейшим элементом разгоравшейся в деревне социальной войны. Борьба за хлеб логикой вещей становилась борьбой тех, кто его не имел, против тех, кто обладал им в избытке и оказывался в глазах народа виновником дороговизны и нищеты... Однако продовольственные бунты все более определенно начали перерастать в крестьянское движение, направленное уже прямо против феодального класса»¹³.

Первым важным шагом Лафайета на общественном поприще по возвращении из Америки стали его выступления в защиту прав протестантов, терпевших во Франции всевозможные притеснения. Нантский эдикт 1598 г., признававший за протестантами гражданские права, давно уже был отменен. Лафайет писал 11 мая 1785 г. Вашингтону: «Протестанты во Франции подчинены невыносимому деспотизму. Любой из них подвергается открытому преследованию. Они всецело зависят от каприза короля, королевы, парламента или какого-нибудь министра. Их браки незаконны. Их завещания недействительны. Их дети считаются внебрачными, а сами они достойны виселицы. Я хотел бы добиться изменения этого положения...»¹⁴

Лафайет пытался что-то предпринять в этом направлении. Он встречался с лидерами протестантов, собирал необходимую информацию об их положении, вел активную пропаганду за свободу вероисповедания. Церковь и двор испытывали растущее недовольство энергичной деятельностью маркиза, но не решались одернуть его. Лафайет — европейская знаменитость, которую желают лицезреть во многих столицах Старого Света. Маркиз получил множество приглашений из других стран, и у него созрело решение совершить путешествие по Европе. Двор не только не противодействует осуществлению этого решения, но, напротив, поощряет Лафайета поскорее отправиться в поездку в надежде отвлечь маркиза от французских дел.

Первое приглашение Лафайет получил из Берлина от старого безбожника, вольтерьянца и франкмасона Фридриха II. В письме к Вашингтону Лафайет с гордостью сообщал, что он приглашен наблюдать за военными маневрами, которыми будет руководить сам великий Фридрих. Перед отъездом в Пруссию Лафайет тепло простился с 79-летним Франклином, который после долгих лет напряженной службы оставил свой пост в Париже и возвратился на родину. На его место Конгресс назначил Томаса Джефферсона, тоже давнего друга Лафайета.

14 июля 1785 г. маркиз Лафайет пересек границу Франции¹⁵. Фридрих II с почетом принял «героя Нового Света» во дворце Сан-Суси в Потсдаме, где за обедом Лафайет оказался рядом с другим гостем короля — лордом Корнуоллисом. На сей раз лорд при шпаге — не так, как на памятном завтраке в Йорктауне

20 октября 1781 г. Король, намеренно устроивший встречу двух бывших противников, с интересом рассматривал обоих. Затем он пригласил Лафайета сопровождать его на военные учения в Силезию. В беседах с королем Лафайет много рассказывал об Америке, где нет ни королевской власти, ни даже дворянства; увлекшись, он расписывал ему преимущества республиканской формы правления. Фридрих, с ироничной улыбкой слушавший рассуждения Лафайета, неожиданно заметил: «Я уже был знаком с одним молодым человеком, который рассуждал так же, как вы. Знаете, что с ним стало?»

— Нет, сир, — ответил захваченный врасплох маркиз.

— Вы знаете, месье, он был повешен¹⁶.

Менее чем через десять лет Лафайет самолично познакомится с прусской тюрьмой, но тогда, летом 1785 г., он еще почетный гость Фридриха Великого.

Прусский король произвел сильное впечатление на Лафайета, о чем он поведал в письме к Вашингтону: «...несмотря на все то, что я о нем слышал, тем не менее я был поражен костюмом и фигурой старика — дряхлого и неопрятного капрала, обсыпанного с ног до головы испанским табаком. Его голова почти лежала на плече, и пальцы были разбиты подагрой. Но что меня удивило более всего, так это огонь и вместе с тем какая-то нежность в красивейших глазах, какие я когда-нибудь встречал...»¹⁷

Из Пруссии Лафайет отправился в Прагу, затем в Дрезден, Бреслау, Кассель и Вену, где его принимал другой почитатель Вольтера — император Иосиф II. На обратном пути во Францию Лафайет опять гостил некоторое время у короля Пруссии. Поездка за границу продолжалась чуть больше трех месяцев. В последних числах октября 1785 г. маркиз возвратился во Францию, где в самом разгаре был очередной скандал, вошедший в историю как «дело с ожерельем». Скандал окончательно подорвал репутацию Марии Антуанетты¹⁸.

Истоки «дела» уходят в самое начало 1785 г., когда в Париже объявился некий итальянский авантюрист «граф» Александр де Калиостро, быстро приобретший популярность у версальской знати сеансами спиритизма. Особое покровительство ему оказывал кардинал де Роан, великий капеллан Франции, бывший

одно время послом Людовика XV при Венском дворе. Кардинал давно и безуспешно искал расположения Марии Антуанетты, мать которой — австрийская императрица Мария Терезия — в свое время добилась его отъезда из Вены. Кардинал имел неосторожность поведать о своей неразделенной страсти Калиостро. Последний немедленно составил план, в который он посвятил свою приятельницу графиню де Ла Мотт. Графиня взялась помочь Роану. Она посоветовала кардиналу поднести королеве бриллиантовое ожерелье, изготовленное двумя парижскими ювелирами — Бемером и Бассенжем. Это было поистине королевское ожерелье, которое мало кто мог приобрести, так как оно оценивалось в 1 млн 600 тыс. ливров. Мария Антуанетта не могла скрыть своего восхищения, когда однажды увидела его. Но даже король не в состоянии был в тот момент позволить себе сделать такой подарок. Рассказывали, что королева в конечном счете отказалась от намерения приобрести ожерелье, сказав, что лучше построить на эти деньги лишний боевой корабль: в это время шла реорганизация французского флота.

Больше всех были огорчены ювелиры: они понимали, что вряд ли кто другой способен купить ожерелье. В этот момент графиня де Ла Мотт неожиданно обнадежила Бассенжа, сообщив ему, что королева вовсе не отказалась от намерения приобрести ожерелье: она лишь опасается сделать это открыто и потому поручила покупку одному высокопоставленному лицу.

К делу был привлечен некий Рето де Виллет, умевший искусно подделывать почерк Марии Антуанетты. Кардинал Роан, писавший время от времени безответные любовные послания королеве, неожиданно начал получать через графиню де Ла Мотт короткие записки от Марии Антуанетты. Кардинал совсем обезумел от любви и стал просить о свидании. С этого времени в интригу включилась привлеченная графом де Ла Моттом некая девица легкого поведения по имени Мари-Николь Легюз, называвшая себя баронессой д'Олива. Лицом и фигурой она была удивительно похожа на королеву. За 15 тыс. ливров «баронесса» согласилась сыграть роль Марии Антуанетты. Однажды вечером графиня де Ла Мотт устроила в одном из парков Версаля мимолетное свидание кардинала с закутанной в шаль «королевой», которая бросила упавшему на колени кардиналу розу со словами: «Вы можете надеяться, что прошлое будет

забыто». Внезапно появившаяся де Ла Мотт остановила не в меру разгорячившегося кардинала: «Быстрее уходите, идет графиня д'Артуа».

После свидания кардинал был готов на все. А графиня тем временем постоянно вытягивала из Роана деньги на уплату «заинтересованным лицам». Общая сумма комиссионных составила 150 тыс. ливров. Графиня сказала, что новое, более интимное и продолжительное свидание возможно, если кардинал исполнит заветную мечту королевы — подарит ей бриллиантовое ожерелье.

Кардинал обратился за советом к своему другу Калиостро. Что скажет ему маг и провидец, обладавший философским камнем? Ждет ли его успех в завершении намеченного предприятия? Можно не сомневаться, что разгоряченный кардинал получил утвердительные ответы на все поставленные вопросы.

Вскоре после встречи с Калиостро во дворец кардинала на улице Вьей-дю-Тампль были приглашены Бемер и Бассанж, подписавшие с кардиналом документ о покупке ожерелья в кредит. Оплата должна была быть осуществлена в четыре приема до 1 августа 1785 г. Осторожные ювелиры в качестве гарантии потребовали, чтобы сделка была скреплена подписью королевы. Через два дня кардинал вручил им документ, на котором было написано: «Одобрено. Мария Антуанетта Французская».

В обмен на первый взнос и обязательство, скрепленное подписью «королевы», кардинал Роан получил ожерелье, которое он немедленно передал графине де Ла Мотт вместе с письмом, адресованным Марии Антуанетте. При передаче ожерелья и письма присутствовал Рето де Виллет, одетый для пущей убедительности в ливрею камердинера королевы.

Уже на следующий день ожерелье, разделенное на части, было переправлено в Англию. Там были проданы самые крупные бриллианты. Более мелкие графиня де Ла Мотт оставила себе для уплаты долгов и на текущие расходы.

Скандал разразился после того, как Мария Антуанетта получила благодарственное письмо от ювелиров, гордившихся тем, что их лучшее творение находится у «самой прекрасной и лучшей из королев». Королева недоуменно пожала плечами и написала письмо Бемеру, в котором известила, что ничего не желает

более слышать об ожерелье. Теперь пришла очередь удивляться ювелирам, которые поспешили получить аудиенцию у королевы и со слезами на глазах умоляли ее выполнить утвержденные ею условия соглашения с кардиналом Роаном, находившимся в это время в отъезде.

Только теперь королева начала догадываться о том, что произошло. Разгневанная Мария Антуанетта проинформировала обо всем короля, и тот приказал начать тайное расследование

Развязка «дела» произошла 15 августа 1785 г. во время религиозных торжеств по случаю Успения, совпавших с днем рождения королевы, когда кардинал, пребывавший в веселом расположении духа, готовился отслужить мессу. Он был арестован прямо в Версале и в полном облачении препровожден на допрос к королю, где помимо королевы присутствовали министр юстиции де Миромениль и министр двора барон де Бретейль. Потрясенный допросом, кардинал сумел только пробормотать: «Я... я... мне кажется... я начинаю догадываться, что меня обманули». На глазах у изумленного двора кардинал Роан был отправлен в Бастилию. Через три дня была арестована графиня де Ла Мотт, муж которой бежал в Англию, хотя его и не разыскивали. Рето де Виллет, составлявший кардиналу письма от Марии Антуанетты, пытался бежать в Швейцарию, но был схвачен, так же как и «баронесса» д'Олива. В Бастилии оказался и главный организатор «дела с ожерельем» — Калиостро, который погрел руки на несчастной страсти своего патрона и благодетеля.

Дело получило широкую огласку благодаря как врагам кардинала, так и недругам королевы. В расследование вмешался даже папа римский, отказавшийся признать юрисдикцию короля над кардиналом и требовавший передачи дела в компетенцию религиозных властей. Дворянство же и третье сословие не скрывали своего возмущения «недостойным» поведением «австриячки».

Суд, рассмотревший «дело с ожерельем», признал письма королевы поддельными. Графиня де Ла Мотт была приговорена к публичному битью кнутом на площади и клеймению. Граф де Ла Мотт, чье соучастие в деле было доказано, приговорен к галерам, Рето де Виллет — к пожизненному заключению. Калиостро после многомесячного пребывания в Бастилии был выслан из

Франции, а «баронесса» д'Олива была объявлена непричастной к делу. Самое любопытное, что центральная фигура на процессе — кардинал Роан был оправдан большинством голосов сорока девяти судей, в чем усматривалась явная попытка бросить тень на непопулярную королеву.

По выходе из зала суда кардинала встретили едва ли не аплодисментами. Хотя непричастность королевы к «делу с ожерельем» и была доказана, тем не менее скандал серьезно подорвал престиж королевской власти, который и без того был уже невысок.

Французский абсолютизм к 80-м гг. XVIII в. полностью исчерпал свои исторические возможности. Он буквально одряхлел на глазах двух поколений французов. Его отличительными особенностями были хроническая внутренняя слабость и все более очевидное бессилие — закономерный результат развития капиталистических отношений, с одной стороны, а также крайней бюрократизации самого абсолютизма — с другой. «Официально признанная и освященная многолетней традицией концепция абсолютистского государства во всех своих принципиальных моментах оставалась неизменной со времен Людовика XIV, — отмечает советский историк Е. М. Кожокин. — В то же время и сам монарх, и его монархия становились все менее абсолютными. Хотя во всех официальных документах и на всех официальных церемониях звучали те же формулы, что и 50, и 100 лет тому назад, их значение подверглось сильной эрозии в умах даже тех людей, что произносили и слушали эти формулы. Абсолютизм подразумевает определенное единомыслие всех подданных короля, Франция же конца Старого порядка представляла собой общество раздробленное, идейно разобщенное; эта разобщенность многими ощущалась, но так как она не была политически, т. е. зримо, оформлена, то о ней особо не задумывались. Абсолютизм превратился в фикцию, жизненность которой поддерживалась тем, что продолжал функционировать мощный бюрократический аппарат»¹⁹. Господство равнодушной, замкнутой в самой себе бюрократии приходило во все более острое противоречие с динамично развивавшимся гражданским обществом, стремившимся к обновлению страны.

Противников абсолютизма можно было найти уже не только в третьем сословии, но и в среде привилеги-

рованного дворянского класса, интересам которого, казалось бы, прежде всего служила абсолютная королевская власть. Здесь необходимо отметить, что отношения между дворянством и абсолютной монархией никогда не были однозначно позитивными. Еще со времен Людовика XIII и Ришелье эти отношения характеризовались драматизмом и конфликтностью. Наряду с классовой общностью интересов в них всегда присутствовали, а в XVIII в. постоянно обострялись внутренние противоречия между изначально присущей абсолютизму тенденцией к неограниченной королевской власти и древними дворянскими вольностями и привилегиями²⁰. Старая знать постепенно теряла былое могущество перед усилившимся натиском бюрократии и новоиспеченного дворянства. Само дворянство давно уже утратило былую относительную однородность. Внутри его выделились два основных течения — либерально- и консервативно-реформистское, — в одинаковой степени, хотя и по разным причинам, отвергавшие старый абсолютистско-бюрократический строй. По справедливому замечанию советского исследователя французского дворянства Л. А. Пименовой, «на исходе Старого порядка недовольство политическим режимом абсолютной монархии стало общим для дворянского сословия. Основная масса дворян перестала видеть в абсолютизме надежного защитника своих интересов»²¹.

Таким образом, важнейшей особенностью «кризиса верхов», охватившего Францию с середины 1780-х гг., была растущая изоляция королевской власти внутри самого дворянского класса. Оппозиция абсолютизму возникла не только слева — со стороны либерального дворянства, требовавшего реформ в духе буржуазного либерализма, но и справа — со стороны большей части дворянского сословия, отстаивавшей древние феодальные права и вольности и выступавшей за ограничение абсолютистской бюрократии²². Английский путешественник, посетивший тогда страну, отмечал, что крамола проникла даже в Версаль. Зрители наградили аплодисментами актера, который со сцены дворцового театра говорил о любви к свободе и ненависти к королям²³. В аристократических салонах шли разговоры о бедственном положении народа. «Должно признать, — писал по этому поводу крупнейший французский политолог и историк Алексис де Токвиль, — что

во Франции верхние слои общества стали интересоваться участием бедного класса раньше, чем он заставил бояться себя: они начали принимать в нем участие в такое время, когда еще не думали, что бедствия могут стать причиной их собственной гибели. Это становится особенно заметным в десятилетие, предшествовавшее 89 году...»²⁴ Разумеется, речь идет не об аристократии и дворянстве в целом, а об их либеральных кругах, одним из лидеров которых становился маркиз де Лафайет.

По возвращении из заграничной поездки Лафайет возобновил активную деятельность в защиту протестантов. Его часто можно было видеть в салоне баронессы де Сталь, дочери опального Неккера, будущей знаменитой писательницы. Там собирался весь цвет политического и литературного Парижа. Салон мадам де Сталь превратился в своеобразный центр, если не штаб, либеральной оппозиции, выступавшей за конституционную монархию. За его посетителями была установлена слежка, которой не избежал и Лафайет. Наблюдение велось и за домом маркиза, где шли разговоры о реформах, законопроектах, правах французов и т.д. Любопытно описание этого дома, данное неким Ксавье де Шомбергом, приводимое в книге одного из первых биографов Лафайета — А. Барду: «Мы были у месье де Лафайета. Этот дом мне в высшей степени понравился. Сам Лафайет мне показался личностью, более характерной для Америки, нежели для Парижа. Он говорит по-английски так же легко, как по-французски. У него в доме есть американский дикарь, одетый в национальный костюм. Этот дикарь называет его не иначе как *father* (отец). Все в доме дышит простотой. Вместе со мною там обедали Мармонтель и аббат Морле. Маленькие дочери Лафайета отлично говорят по-английски. Я удивлялся простоте этого заслуженного молодого человека, в то время как существует столько людей, которые ничего не сделали, а держатся с такой недоступностью»²⁵.

Наряду с протестантами Лафайета занимала проблема негров в Америке. В годы Войны за независимость он был свидетелем их самоотверженности и никак не мог смириться с тем, что в свободной Америке они по-прежнему остаются рабами. Он неоднократно обсуждал проблему рабства в беседах с Вашингтоном. Теперь Лафайет решил подать пример не только своим

американским друзьям, но и соотечественникам. Французы вели активную работоторговлю в своих колониях и широко использовали рабский труд на плантациях. В конце 1785 г. Лафайет купил через посредников участок земли во Французской Гвиане и поселил на нем 48 негров, выкупленных им из рабства. В письме к Вашингтону, датированном 8 февраля 1786 г., Лафайет поведал ему о своих текущих заботах: «Между нами говоря, у меня есть надежда, что предстоящей зимой проблема протестантов счастливо разрешится. Другой секрет, который я Вам доверяю, состоит в том, что я купил в колонии Кайенна плантацию за 125 тыс. ливров, где я намерен в самое ближайшее время попытаться освободить негров, что, как Вы знаете, является моей заветной мечтой» 26.

«Доброта Вашего сердца, мой дорогой маркиз, — писал Вашингтон в ответном письме от 10 мая 1786 г., — обнаруживается во всех обстоятельствах, и я не перестаю удивляться все новым ее проявлениям. Недавнее приобретение Вами плантации в Кайенне с целью освобождения рабов — великодушное и благородное свидетельство Вашей человечности. Дай бог, чтобы такой же дух вдохновил весь народ этой страны! Но я не тешу себя надеждой увидеть это своими глазами. В ходе последней сессии в Конгресс были представлены несколько петиций в пользу отмены рабства, но они с трудом получили возможность быть зачитанными. Я думаю, что немедленная эмансипация привела бы к большим бедам; но, несомненно, она может и должна быть постепенно осуществлена законодательной властью» 27.

Затея Лафайета была поддержана морским министром де Кастри, в ведении которого находились колониальные вопросы. В результате число освобожденных негров на плантации Лафайета возросло до 65 человек, однако враждебность соседних плантаторов в конечном счете обрекла предприятие Лафайета на неудачу. К тому же начавшаяся во Франции революция отвлекла Лафайета от этой проблемы. Впоследствии он вернется к идее отмены рабства в колониях.

Активную общественную деятельность маркиз сочетал с выполнением обязанностей помощника морского министра. Летом 1786 г. он сопровождал Людовика XVI в поездке (кстати, единственной за время его царствования, если не считать Вареннского бегства) в

Шербур, на берегу Ла-Манша, где велись работы по модернизации морского порта.

По возвращении из Шербура Лафайет принял участие в приятной для него церемонии. 28 сентября 1786 г. американский посланник Т. Джефферсон в соответствии с указаниями Конгресса преподнес парижской Ратуше дар от штата Вирджиния – бюст Лафайета работы знаменитого скульптора Гудона, причем сам двадцатидевятилетний полевой маршал присутствовал при установке собственного бюста в здании Ратуши.

Осенью того же 1786 г. Лафайет всерьез обдумывает планы поездки в Россию, куда его пригласила сама императрица Екатерина II, питавшая известную слабость к европейским знаменитостям. Видимо, первое приглашение было сделано в конце 1785 – начале 1786 г. непосредственно через французского посланника в Петербурге, друга и родственника Лафайета графа Л.-Ф. де Сегюра, поскольку в материалах русского посольства в Париже, хранящихся в АВПр МИД СССР, следов, относящихся к этой теме, обнаружить не удалось. Уже 11 февраля 1786 г. Лафайет сообщает Вашингтону о том, что русская императрица, занятая в то время составлением Сравнительного словаря, обратилась к нему с просьбой помочь в написании статей, относящихся к американским индейцам. Лафайет в свою очередь попросил Вашингтона помочь ему в этом деле²⁸. Через год он получил все нужные материалы и переправил их в Петербург²⁹. Таким образом, в одном из самых первых российских справочно-энциклопедических изданий есть вклад Лафайета и Вашингтона³⁰.

О полученном приглашении посетить Россию Лафайет сообщает Вашингтону в письме от 26 октября 1786 г. «Она (Екатерина II. – Л.Ч.), – писал Лафайет, – вежливо намекнула мне на желательность моего приезда в Петербург. Я ответил просьбой приехать в Крым, на что получил согласие... Я отбуду в Крым в первых числах февраля и вернусь обратно через Константинополь и Архипелаг»³¹. Екатерина готовилась совершить поездку в Новороссию по приглашению светлейшего князя Потемкина. В числе почетных иностранных гостей ее должен был сопровождать маркиз де Лафайет. Однако планам Лафайета не суждено было осуществиться. В письме к Вашингтону Лафайет сообщал по этому поводу 13 января 1787 г.: «Императрица

России совершает путешествие в Крым и очень хотела меня туда пригласить. Но внезапно я был задержан событием, равного которому давно не происходило во Франции. Король созывает в конце месяца ассамблею нотаблей...»³²

АССАМБЛЕЯ НОТАБЛЕЙ

К началу 1787 г. Франция оказалась на грани финансовой катастрофы. Государственный долг превысил 3 млрд ливров. У государства не было денег на уплату процентов по долгам: стало невозможно заключать новые займы. Никто из кредиторов не желал иметь дело с разорившейся казной. Все эти невеселые вести Калонн сообщил Людовику XVI на аудиенции 26 августа 1786 г. На вопрос короля о том, как же выйти из этого положения, государственный контролер финансов предложил вновь повысить налоги, в том числе на табак, масло, мыло, соль и колониальные товары. Король слушал его благосклонно до тех пор, пока Калонн не предложил обложить налогом и привилегированные классы. «Но это же Нескер в чистом виде!» – воскликнул Людовик XVI. «Сир, – пробормотал смущенный Калонн, – в нынешнем положении вещей я не могу предложить вам ничего лучшего»³³.

Поиски выхода из финансового тупика ни к чему не привели, и король вынужден был по совету Калонна согласиться на созыв ассамблеи нотаблей – принцев крови, герцогов, пэров и других представителей высшей знати, а также определенного числа лиц от третьего сословия. Король лично выбрал 144 нотабля, которых он пригласил в Версаль с целью обсудить создавшееся положение. 29 декабря 1786 г. Лафайет узнал, что он включен в число 144 «лучших людей» Франции. Обо всем этом он поведал в письме к Вашингтону. «Мое страстное желание и моя надежда, – писал он 13 января 1787 г., – состоит в том, чтобы увидеть, как эта ассамблея приведет к созданию народных ассамблей в провинциях, к разрушению существующих преград развитию торговли и к изменению участи протестантов, т.е. всего того, ради чего я намерен вместе с моими друзьями работать

от всей души и чему хочу посвятить все мои слабые силы»³⁴. «Мое путешествие в Крым, — замечает он в письме Вашингтону от 7 февраля 1787 г., — очевидно, уже не состоится, так как я не знаю, сколь долго продлится наша сессия»³⁵.

Позже граф де Сегюр писал в своих мемуарах о несостоявшейся поездке Лафайета в Россию: «Поскольку он (Лафайет. — П.Ч.) был назначен членом ассамблеи нотаблей, он не смог осуществить свой план. Императрица выразила мне в связи с этим свое живое беспокойство, у нее было большое желание познакомиться с ним, так как тогда энтузиазм в связи с освобождением Америки охватил все головы, вплоть до коронованных. Месье де Лафайет казался им героем именно потому, что он сражался за дело свободы в другом полушарии, но как только он вознамерился осуществить то же самое дело в Европе, то все суверены стали обходиться с ним как с преступником и бунтовщиком»³⁶. В поездке в Новороссию русскую императрицу сопровождали два других француза — шевалье Александр де Ламет и граф Эдуард де Диллон. А Лафайет тем временем целиком окунулся в подготовку к ассамблее нотаблей. Вот когда емугодились сведения о положении протестантов и злоупотреблениях откупщиков, собранные во время поездок по стране в 1785–1786 гг.

22 февраля 1787 г., с опозданием на один день, связанным со смертью графа Верженна, в Версале начала работу ассамблея нотаблей. С большой речью на ней выступил генеральный контролер финансов Калонн³⁷. При всем желании угодить королю Калонн не мог скрыть того бедственного положения, в котором оказалась Франция. Ответственность за это он, разумеется, возложил на своих предшественников — Тюрго и Неккера. «Когда в конце 1783 г. король соблаговолил доверить мне управление своими финансами, — говорил Калонн, — они были... в самом критическом состоянии. Все кассы были пусты; государственные ценные бумаги упали в стоимости; всякое обращение было прервано; наблюдалась всеобщая тревога, а доверие было разрушено»³⁸. Затем Калонн не преминул указать на свои личные заслуги в попытках выйти из финансового кризиса: «Внутренние дела уже приняли направление, которое должно привести к процветанию государства... Три года были употребле-

ны для этого... Сегодня денег в достатке, кредит восстановлен, государственные ценные бумаги вновь поднялись, их обращение стало активным...»³⁹

Однако факты, приводимые Калонном, опровергали его же собственные заявления о начавшемся выходе из кризиса. Вот уже сто лет, признавал Калонн, как французское государство живет в долг. Налоги съедаются за три года до того, как их соберут. Растущая бедность основной массы населения крайне затрудняет сбор налогов. Король должен постоянно одалживать. Калонн указал и на основную причину такого неблагополучия в стране — уклонение дворянства и церкви от налогообложения. Это было уже прямое покушение на «священные права» привилегированных сословий. Никто и никогда не осмеливался говорить такие вещи публично, да еще в присутствии короля. Калонн посмел даже выдать тайну о размерах государственного дефицита — 1 250 млн ливров (едва ли половина реального государственного долга)⁴⁰. Однако и сказанного было достаточно для того, чтобы страну охватила паника. Людовик XVI в гневе разбил об пол первый попавшийся ему под руку стул со словами: «Этот мошенник Калонн! Я должен был приказать повесить его»⁴¹.

Речь Калонна была для него последней в качестве министра. Менее чем через два месяца он будет отправлен в отставку. О напряженной обстановке тех дней можно, в частности, судить из донесений нового российского посланника в Париже И. М. Симолина, сменившего И. С. Барятинского. В зашифрованной реляции от 13 апреля 1787 г. вице-канцлеру И. А. Остерману он сообщал: «Генеральный контролер господин де Калонн вызвал недовольство у ассамблеи нотаблей и, будучи дискредитирован, не в состоянии далее продолжать службу королю. Его Величество уступил обстоятельствам, требовавшим удаления этого министра финансов, кой покинул Версаль во вторник вечером и направился в свой дом в Париже. Недоверие охватило все умы: возникла беспримерная до сих пор нехватка денег... Финансы королевства в таком расстройстве, — продолжал русский дипломат, — что полагают, что если в существующих обстоятельствах случится какое-либо внешнее или внутреннее событие, то банкротство стало бы почти неизбежно»⁴².

Всю ответственность за громадный дефицит молва

немедленно приписала «австриячке». Мария Антуанетта получила новое прозвище — Мадам Дефицит. В письме к Вашингтону Лафайет, между прочим, писал: «Недовольство столь велико, что королева не отваживается более приезжать в Париж из опасения быть плохо принятой»⁴³.

Со своей стороны королева, поддерживаемая графом д'Артуа, Полиньяками и другими влиятельными лицами, настраивала короля против каких-либо новаций, в том числе и против ассамблеи нотаблей, считая ее созыв проявлением недопустимой слабости.

Тем временем ассамблея нотаблей продолжала свою работу. Ее участники были распределены по семи комиссиям, каждую из которых возглавлял принц крови. Лафайет попал в комиссию графа д'Артуа, брата короля. Он неоднократно выступал с обличительными речами против Калонна, ответственного за растрату казны, требовал признания гражданских прав за протестантами, раскрывал грабительские приемы сборщиков налогов — откупщиков, без зазрения совести обогащающихся за счет народа. Лафайет не ограничивался общими рассуждениями, он приводил множество конкретных фактов.

Граф д'Артуа был встревожен. Он никак не ожидал от маркиза такого тона. Можно еще понять желание Лафайета расширить свою популярность в низших слоях общества, предстать в их глазах «другом прогресса», но публично обвинять власть в злоупотреблениях, сеять семена подозрений в отношении ближайшего окружения короля — это уже слишком!

Когда Людовик XVI узнал от своего брата о выступлениях Лафайета, он возмутился и поручил графу д'Артуа узнать у маркиза, не соблаговолит ли он повторить обвинения по адресу правительства в письменном виде с приложением собственноручной подписи. Узнав об этом, Лафайет, болсвший в тот момент гриппом, 16 апреля 1787 г. прибыл в зал заседаний ассамблеи и громогласно зачитал текст своего выступления в комиссии⁴⁴. Он даже сделал добавления к этому тексту, где призывал короля снизить налоги на крестьян и строго контролировать деятельность администрации провинций и откупщиков. «Растрачиваемые миллионы, — говорил Лафайет, — собираются посредством налогов, а налоги могут быть оправданы только действительными потребностями государства.

Все эти алчно расточаемые миллионы, политые потом, слезами и, быть может, кровью народа, не должны проматываться столь легкомысленно»⁴⁵. Текст выступления, подписанный «Жильбер дю Мотье, маркиз де Лафайет, полевой маршал вооруженных сил короля», был собственноручно вручен им графу д'Артуа.

Ближайшее окружение короля требовало отправить Лафайета в Бастилию, и если Людовик XVI не поддался этому искушению, то дело здесь не в его природном мягкосердечии, а в необыкновенной популярности маркиза, чьи выступления и заявления живо обсуждались и в аристократических салонах Версаля, и в буржуазных кварталах Парижа.

Убрав 10 апреля 1787 г. Калонна, король самолично занимался уничтожением наиболее важных финансовых документов, пока не был назначен новый генеральный контролер. Вскоре на место Калонна был посажен престарелый Фурке, но он продержался на своем посту всего две недели.

Стараниями Марии Антуанетты и ее партии это место занял архиепископ Тулузский (впоследствии архиепископ Санский) Ломени де Брисенн, который очень скоро стал фактическим главой кабинета. Ломени де Брисенн с самого начала пытался убедить Людовика XVI в необходимости распустить ассамблею нотаблей и пойти по проверенному пути дальнейшего увеличения налогов. Король колебался, понимая, видимо, лучше своего министра бесперспективность предлагаемого пути. Он пытается преподать двору пример самоограничений, сократив свои личные расходы и убедив королеву сделать то же самое. Тем не менее страх перед нараставшим общественным возмущением очень скоро вынудил короля внять совету Бриенна. 25 мая 1787 г. ассамблея была распущена, и нотабли разъехались по домам. Вряд ли можно согласиться с П. А. Кропоткиным, когда он пишет, что нотабли разошлись, «ровно ничего не сделав, ровно ничего не решив»⁴⁶. Конкретным результатом первой ассамблеи нотаблей был ряд уступок велениям времени, на которые вынужден был пойти Старый порядок. 17 июня 1787 г. Людовик XVI подтвердил снятие всех ограничений на торговлю зерном⁴⁷. В июне же был издан королевский эдикт о созыве избираемых провинциальных ассамблей, которые должны были заняться обсуждением местных проблем⁴⁸. Провинциальные

ассамблеи призваны были также обеспечить «общественный» контроль за правильным взиманием налогов с населения и наблюдение за другими аспектами финансовой деятельности администрации. Наконец, были обещаны определенные права протестантам в соответствии с Нантским эдиктом.

ДА ЗДРАВСТВУЮТ ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ШТАТЫ!

Во всех этих решениях есть несомненная доля заслуги Лафайета. Известно, что на последнем заседании комиссии он вновь вступил в спор с графом д'Артуа по вопросу принципиальной важности. Понимая, что король и его кабинет приняли решение распустить ассамблею нотаблей, с тем чтобы никогда ее более не созывать, Лафайет потребовал внести в протокол его предложение. «Я думаю, — заявил Лафайет, — настало время, когда мы должны умолять Его Величество уже теперь зафиксировать дату нового обсуждения, с тем чтобы подготовить к ней отчет обо всех действиях и тем самым окончательно закрепить счастливый результат созывом Национального собрания»⁴⁹. Эффект, произведенный двумя последними словами, был необыкновенный.

— Как, месье, — ошеломленно воскликнул граф д'Артуа, — вы предлагаете созвать Генеральные штаты?

— Да, Монсеньор, — с улыбкой ответил Лафайет, — и, может быть, даже что-то большее.

— Так вы хотите, — пробормотал будущий Карл X, — чтобы я это записал и довел до сведения короля: месье де Лафайет вносит проект резолюции о созыве Генеральных штатов?

— Да, Монсеньор ⁵⁰.

Граф д'Артуа от волнения смог написать лишь имя Лафайета. В зале заседаний воцарилась мертвая тишина. Уже на следующий день весь Париж повторял: «Что-то большее, чем Генеральные штаты». Популярность маркиза росла день ото дня. Для придворной же камарильи он становился врагом номер один. «Это самый опасный из наших противников, потому что вся его политика заключена в действиях», — заявил однажды в Королевском совете Ломени де Бриенн, архиепископ Санский ⁵¹.

5 мая 1787 г. Лафайет писал президенту Вашингтону: «Король, его семья и крупные сеньоры из его окружения, за исключением некоторых друзей, не могут простить мне свободы, которую я выбрал. Но что их раздражает более всего, так это моя популярность среди других классов»⁵². Он рисовал неприглядную картину финансового положения Франции: «С тех пор как нынешний король занял трон, расходы казначейства возросли примерно на 200 млн ливров в год»⁵³.

После роспуска ассамблеи нотаблей Лафайет отправился в родную Овернь, где его избрали депутатом провинциальной ассамблеи. Маркиз принял самое активное участие в ее заседаниях, проходивших в Клермон-Ферране. Вырванное у короля право на созыв провинциальных ассамблей широко использовалось ими. Ассамблеи с самого начала превратились в центры оппозиции, объединив всех недовольных абсолютистским режимом.

«Идеи свободы быстро распространились со времени американской революции... — писал Лафайет Вашингтону 9 октября 1787 г. — Король во Франции — сверхмощен. Он располагает всеми средствами принуждения, наказания, подкупа. Министры — подбострастны и считают сохранение деспотизма своим долгом. Двор заполнен роем мерзких и изнеженных куртизанов. Умы возмущены тем влиянием, которое приобрели женщины, и любовью к удовольствиям. Низшие классы погружены в невежество. С другой стороны, французский гений жив, предприимчив и презирает тех, кто правит. Умы начинают просвещаться трудами философов и примером других народов. Французы очень восприимчивы к благородному чувству чести, и если они пребывают в рабстве, то не намерены смириться с этим»⁵⁴.

К началу 1788 г. Лафайет превратился едва ли не в самого заклятого врага королевской семьи. От неминуемой для любого другого расплаты его спасала исключительная популярность во всех слоях общества, которая в глазах двора была почти «непристойна».

А Лафайет тем временем размышляет о путях ограничения королевского деспотизма. Он убежден, что этого можно достичь путем реформ. В письмах к Вашингтону Лафайет наиболее откровенно излагает свои либеральные взгляды. «Что касается лично меня, — пишет он 1 января 1788 г., — то я страстно

желаю добиться принятия билля о правах и конституции, и я хотел бы, чтобы это произошло как можно скорее»⁵⁵. «Постепенно, понемногу, без великих потрясений, — писал он в другом письме, — мы также придем здесь к независимому народному представительству и, следовательно, к ограничению королевской власти. Но все это требует времени, тем более что влиятельные люди не перестанут вставлять палки в колеса»⁵⁶.

При всем сочувствии к народу Лафайет видел в нем лишь пассивный объект угнетения. Он не верил в его созидательные силы и даже не предполагал, что народ способен на какие-то самостоятельные осмысленные действия, выходящие за рамки стихийного бунта. «Народ в этой стране, мой генерал, — делился с Вашингтоном Лафайет, — столь апатичен, что я нуждаюсь в кровопускании для того, чтобы развеять мою досаду»⁵⁷.

Начавшиеся волнения в Голландии дали Лафайету надежду на новое «дело». Он подал прошение о возвращении на действительную службу. Лафайет явно не чувствовал приближения великих потрясений в своей собственной стране. При дворе чуть ли не с радостью встретили просьбу строптивого маркиза, лишь бы он прекратил свою опасную «агитацию». Однако Лафайету не суждено было отправиться в Голландию, хотя он и был назначен командиром дивизии.

Летом 1788 г. провинциальная ассамблея Бретани отказалась утвердить новые налоги, введенные Ломени де Бриенном. Имя маркиза де Лафайета фигурировало в числе подписавших протест. На этот раз чаша терпения королевской семьи переполнилась. На одном из приемов Мария Антуанетта публично поинтересовалась у Лафайета, какое отношение он, овернец, имеет к проблемам Бретани? Лафайет немедленно парировал выпад: «А разве Ваше Величество не является в одно и то же время королевой Франции и членом Австрийского дома?»⁵⁸

Это было равносильно объявлению войны, и королева не замедлила с ответом. Двенадцать бретонских дворян, прибывших в Париж с протестом провинциальной ассамблеи, были заключены в Бастилию; трое, принадлежащие к высшей аристократии, отправлены в ссылку; Лафайет же был отстранен от командования

дивизией. Через военного министра король приказал Лафайету вернуть патент полевого маршала. Повеление короля несомненно было продиктовано Марией Антуанеттой, о которой злоязычный Мирабо говорил, что она — единственный мужчина при дворе.

Бриенн ознаменовал начало деятельности своего кабинета введением новых налогов. Изобретательность министра была поистине неисчерпаемой. Он установил налог даже на занятия музыкой. При этом двор продолжал вести расточительную жизнь с прежним размахом. Обстановка в стране все более накалялась.

«Кризис верхов» обострялся буквально с каждым днем. В июне 1787 г. разразился открытый конфликт между королевской властью и дворянской оппозицией. Рупором последней на этот раз стал Парижский парламент* — главное из 13 тогдашних высших судебных учреждений, наделенных некоторыми административными функциями. По существовавшему порядку все эдикты короля заносились в парламентские реестры, после чего вступали в силу⁵⁹. В июне 1787 г. Парижский парламент утвердил эдикты о хлебной торговле, о созыве провинциальных ассамблей, о предоставлении гражданских прав «нескатоликам» и некоторые другие, но решительно отказался зарегистрировать эдикты о введении нового бессословного «территориального налога», которым предполагалось обложить все без исключения земельные владения, в том числе дворянские и церковные, а также эдикт о новом гербовом сборе. 6 августа того же года Людовик XVI вызвал в

* Парижский парламент возник в XIII в., выделившись из Королевского совета. Самостоятельное значение окончательно приобрел в XV в. В компетенцию Парижского парламента входили все судебные дела, так или иначе затрагивавшие интересы королевской власти. Как административное учреждение он по существу контролировал все гражданские и общественные институты в стране, включая церковь. Особый вес Парижский парламент имел в общественно-политической жизни столицы Франции. Королевская власть вынуждена была считаться с высоким авторитетом Парижского парламента, постоянно вмешивавшегося в государственные дела. В XVIII в. конфликтные отношения между королевской властью и парламентом постепенно приобрели хронический характер.

Версаль членов парламента и повторил требование утвердить последние эдикты. Однако он натолкнулся на твердое сопротивление магистратов, неожиданно поддержанных герцогом Орлеанским. Потребовав от Людовика XVI созыва Генеральных штатов, магистраты вернулись в Париж как герои, а герцог Орлеанский на следующий день отправился в ссылку в свое имение. Конфликт продолжался, приняв затяжной характер.

В августе 1788 г. Людовик XVI вынужден был дать отставку ненавидимому всей страной Бриенну и призвать на его место «еретика из Женевы». Париж отпраздновал уход архиепископа манифестациями, в ходе которых произошло несколько столкновений горожан с войсками. «Меня принуждают вновь призвать Неккера, — невесело изрек король, — он не принесет мне счастья»⁶⁰. Когда Неккер вернулся к руководству французскими финансами, он обнаружил в королевской казне в наличии всего лишь 250 тыс. ливров⁶¹. Искушенному финансисту было ясно, что положение могут спасти лишь объединенные усилия всех сословий Франции.

На повестку дня был поставлен вопрос о созыве Генеральных штатов — собрания духовенства, дворянства и третьего сословия. В последний раз Генеральные штаты созывались в 1614 г.* Поначалу король пытался отсрочить созыв Генеральных штатов на пять лет, но под давлением обстоятельств, не терпевших отлагательств, требований общественности и по настоятельному совету Неккера он назвал новую дату — 1 мая 1789 г. Для подготовки созыва Генеральных штатов Людовик XVI вновь обратился к нотаблям. 6 ноября 1788 г. в Версале открылась вторая (и последняя) ассамблея нотаблей, в которой активное участие принял и Лафайет.

Центральной проблемой дискуссий был вопрос о представительстве третьего сословия в Генеральных штатах. Общественное мнение страны требовало, чтобы третьему сословию было предоставлено двойное представительство, а голосование проводилось не по сословиям, а по числу депутатов. Король же сопротивлялся этому и рассчитывал на поддержку нотаблей. Лафайет, опять заседавший в комиссии графа д'Артуа,

* Генеральные штаты созывались с 1302 до 1789 г. 18 раз.

внес предложение об удвоении представительства третьего сословия в Генеральных штатах, но оно собрало лишь 6 голосов из 16. Было отклонено и другое его предложение — о порядке голосования в Генеральных штатах по числу депутатов. Подавляющее большинство ассамблеи нотаблей поддержало короля. Однако идея двойного представительства третьего сословия получила одобрение в большинстве провинциальных ассамблей, и Людовик XVI вынужден был уступить. 27 декабря 1788 г. король объявил о своем решении удвоить число депутатов от третьего сословия. Лафайет назначался одним из комиссаров для ведения переговоров с третьим сословием с целью выяснения его требований и пожеланий⁶². После роспуска ассамблеи нотаблей Лафайет поспешил в Овернь, где его избрали депутатом Генеральных штатов. Он возлагал большие надежды на предстоящую сессию, не чувствуя приближения революционной бури.

А в стране сложилась революционная ситуация. Верхи уже не могли управлять по-старому, а низы не желали мириться со своим невыносимым положением. Конец 1788 и начало 1789 г. были отмечены мощными крестьянскими восстаниями и волнениями плебейства в городах Лилль, Камбре, Дюнкерк, Марсель, Тулон, Экс-ан-Прованс и др. «Государство в опасности... — с тревогой писали 12 декабря 1788 г. Людовику принцы крови, — готовится революция в принципах управления... вот-вот будет атаковано право собственности, неравенство состояний будет представлено как объект для реформы: уже была потребована отмена феодальных повинностей... Может ли Ваше Величество решиться пожертвовать, унижить свое храброе, древнее и почтенное Дворянство...»⁶³ Положение усугублялось тем, что значительная часть французского дворянства уже сама отвернулась от абсолютистской власти, подвергавшейся открытым нападкам как справа, так и слева. «Особенностью революционной ситуации 1788–1789 гг. было то, что кризис старой власти был развязан сначала (1787 — середина 1788 г.) резким обострением раздоров в правящих верхах французского общества. Кризис приобрел принципиально новые черты с осени 1788 г., когда с самостоятельной политической программой выступила буржуазия»⁶⁴.

Лафайет принадлежит к числу тех фигур предреволюционной Франции, которые, с одной стороны, представляли часть французского дворянства, проникнутого либерально-конституционными идеями, а с другой — выражали интересы набиравшей силу буржуазии, требовавшей ликвидации абсолютизма. При этом Лафайет отождествлял буржуазию со всем третьим сословием и вообще с народом. Смешение понятий «народ» и «третье сословие», а также «буржуазия» и «третье сословие» характерно для подавляющего большинства прогрессивных мыслителей и деятелей предреволюционной Франции. На это обратил внимание еще Олар:

«Политические права, которых публицисты требовали для французов, предназначались только для богатых и образованных; одни собственники будут признаны активными гражданами, они одни будут обладать правом голоса, несобственники будут только пассивными гражданами. Под нацией понималась буржуазия»⁶⁵. Тюрго и Мабли, Вольтер и Кондорсе — все они обнаруживали презрение к «черни». Даже Ж.Ж. Руссо, этот теоретик демократии, в своем «Общественном договоре» писал, что демократия может охватывать только образованную и обеспеченную часть нации. «Таким образом, — подчеркивал Олар, — люди, провозглашавшие «верховную власть народа», вовсе не имели в виду создать действительную демократию, положить в основу правительства то, что мы называем теперь всеобщим избирательным правом и для чего даже не существовало тогда названия, — до такой степени самая эта идея была чужда мыслителям XVIII века»⁶⁶.

Об этом же в 1880 г. писал Ф. Энгельс: «Мы знаем теперь, что это царство разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии... что равенство свелось к гражданскому равенству перед законом, а одним из самых существенных прав человека провозглашена была... буржуазная собственность. Государство разума, — общественный договор Руссо, — оказалось и могло оказаться на практике только буржуазной демократической республикой. Великие мыслители XVIII века, так же как и все их предшественники, не могли выйти из рамок, которые им ставила их собственная эпоха»⁶⁷.

Жизнь Лафайета складывалась на «грани» двух

эпох: принадлежа к старому миру по рождению, он избрал новый по глубокому убеждению. И если Монтескьё и Мабли можно считать теоретиками французского либерализма, то Лафайета, несомненно, надо отнести к числу его первых «практиков», пытавшихся реализовать либеральные идеи и принципы в жизни. Он не был самым крупным из либеральных политических деятелей своего времени, но он, безусловно, был самым честным и последовательным из них.

ГЕНЕРАЛ РЕВОЛЮЦИИ

ПРЕЛЮДИЯ

Четвертого мая 1789 г. в Версале не было, наверное, человека, который остался бы дома. Весь город высыпал на улицы, чтобы наблюдать торжественное шествие в церковь Св. Людовика, где 1200 депутатов Генеральных штатов должны были прослушать напутственную мессу. Кортёж возглавляли депутаты третьего сословия. Как и 175 лет назад, когда в последний раз созывались Генеральные штаты, они одеты подчеркнуто строго. Установленный еще в средние века регламент запрещал представителям низших классов иную одежду, кроме костюмов из черного сукна. Им не разрешалось использовать шелковые ткани и какие-либо украшения. На головах у депутатов третьего сословия одинаковые черные шляпы, единственным украшением которых служила одноцветная лента, завязанная, согласно той же давней традиции, одним узлом.

Резкий контраст с мрачной шеренгой третьего сословия составляла колонна депутатов второго сословия — дворянства — в разноцветных плащах из шелка, застегнутых дорогостоящими пряжками, в костюмах из пестрого сатина, отделанных золотыми галунами и усыпанных украшениями, с драгоценными камнями на шляпах с перьями и на эфесах шпаг.

Шествие замыкали депутаты первого сословия, одетые в нарядные сутаны, — епископы, аббаты, сельские кюре...

Толпа версальцев с интересом разглядывала «лучших людей» Франции в надежде найти среди них знакомые лица. В черной колонне третьего сословия привлекла всеобщее внимание неуклюжая фигура с огромной, чем-то напоминающей львиную головой. Это граф Оноре де Мирабо, будущий лидер Национального собрания. Пока же он известен лишь как герой многих скандальных историй на любовной почве, помешавших его избранию в Генеральные штаты от своего сословия.

Толпа встретила приветствиями кузена коро-

ля — герцога Орлеанского, вернувшегося из ссылки и как будто репетировавшего свою завтрашнюю роль — якобинца Филиппа Эгалитэ (Равенство). Он так отделился от своего сословия, что трудно было понять, замыкает ли он колонну буржуа или возглавляет шествие дворянства.

Наибольший интерес вызвал другой аристократ, шедший вместе со своим сословием, — «герой Нового Света» маркиз де Лафайет, которому молва приписала сам факт созыва Генеральных штатов, «а может быть, и чего-то большего»...

В колонне духовенства все пытались отыскать аббата Сиейеса, автора нашумевшей брошюры «Что такое третье сословие?», ставшей новым евангелием французских буржуа. Зато никто не обратил внимания на епископа Отенского, больше известного в истории под именем Талейрана. Известность придет к нему позднее.

Среди зрителей этого торжественного шествия находилась начинающая писательница мадам де Сталь, дочь банкира Неккера, которая радостно приветствовала из окна своего дома депутатов Генеральных штатов. «Вы напрасно радуетесь, — охладила ее пыл графиня де Монморен, жена министра иностранных дел, наблюдавшая процессию с соседнего балкона, — все это приведет к большим несчастьям для Франции и для нас»¹.

На следующее утро депутатов пригласили в Зал малых забав, названный впоследствии Залом трех сословий, где Людовик XVI открыл Генеральные штаты короткой тронной речью, которая обманула всеобщие ожидания. Он ровным счетом ничего не сказал о назревших реформах, зато предостерег от «неумеренных нововведений». Столь же бесцветным было и выступление Неккера, сумевшего обойти все острые углы. Первое пленарное заседание оставило у большинства депутатов чувство глубокой неудовлетворенности.

Второй день работы Генеральных штатов начался острыми дискуссиями о процедуре проверки полномочий депутатов. Этот вопрос был связан с другим — о пословном или поименном голосовании, что имело принципиальное политическое значение. Когда представители третьего сословия пришли на заседание, то обнаружили, что дворянство и духовенство

уже организовались в самостоятельные палаты, настаивая на посословном голосовании, дававшем им двойное превосходство над третьим сословием. Начался спор между представителями сословий, затянувшийся почти на полтора месяца.

Выступая на заседании дворянской палаты, Лафайет вопреки полученному от дворянства Оверни наказу пытался добиться поддержки требования третьего сословия о поименном голосовании, но его предложение получило лишь 47 голосов (188 против)². Вечером 6 мая американский посол Джефферсон писал Лафайету: «... я начинаю беспокоиться за Вас. Ваши принципы совершенно совпадают с требованиями третьего сословия, но инструкции, которых Вы должны придерживаться, запрещают это»³.

Вскоре после открытия Генеральных штатов король отстранился от участия в их работе из-за болезни и последующей смерти дофина. Людовик XVI уединился в другой своей загородной резиденции — Марли — и под разными предлогами откладывал встречу с делегацией третьего сословия. А межсословные споры продолжались, перерастая в открытый политический конфликт. Позиция депутатов третьего сословия находила все больше сторонников среди дворянства и духовенства. По инициативе аббата Сиейеса собрание третьего сословия пригласило депутатов первого и второго сословий присоединиться к нему для проверки полномочий; неявившихся депутатов предложено было считать выбывшими.

Лафайета одолевали противоречивые чувства: душой он был с третьим сословием, но был обязан строго следовать полученному от дворянства Оверни наказу. Маркиз даже подумывал о том, чтобы добиться по примеру Мирабо переизбрания в Генеральные штаты от третьего сословия, но его решительно предостерегли от этого шага родственники и американские друзья Джефферсон и Моррис.

17 июня палата третьего сословия провозгласила себя Национальным собранием, т. е. верховным органом власти в стране. Была выдвинута формула: «Национальное собрание решает и декретирует»⁴.

Двор охватила растерянность. Людовик XVI, поощряемый королевой и графом д'Артуа, принял решение распустить Собрание. Когда в 9 часов утра 20 июня председатель Национального собрания Ж. С. Байи и

два его секретаря подошли к Залу малых забав, они обнаружили, что он окружен солдатами. Начальник охраны объяснил, что зал закрыт в связи с подготовкой к Королевскому заседанию, назначенному на 23 июня.

Собравшиеся депутаты третьего сословия были вынуждены под проливным дождем искать какое-нибудь помещение, где они могли бы продолжать свою работу. В конце концов они нашли пустующий просторный зал, служивший манежем для игры в мяч. Здесь депутаты принесли клятву «собираться повсюду, где этого потребуют обстоятельства, и не расходиться до тех пор, пока не будет выработана и на прочной основе утверждена конституция королевства...»⁵.

Узнав о происшедшем, Лафайет покинул заседание дворянского сословия и демонстративно перешел в Зал для игры в мяч. Его примеру последовали герцог Орлеанский и 45 других дворянских депутатов⁶. 22 июня большая часть депутатов от духовенства также присоединилась к Национальному собранию.

В такой неспокойной обстановке 23 июня началось Королевское заседание. Согласившись на ряд уступок требованиям третьего сословия, Людовик XVI одновременно объявил недействительными решения, принятые Национальным собранием 17 мая, а заодно — незаконным и само Собрание. Король отверг поименное голосование во всех сколько-нибудь важных случаях и приказал депутатам немедленно разделиться по сословиям. Затем Людовик XVI покинул зал заседаний, а главный церемониймейстер двора маркиз де Дре-Брезе повторил приказание короля. В этот критический момент, когда Собрание пребывало в растерянности, прозвучало ставшее историческим заявление Мирабо: «Вы, кто не имеет среди нас ни места, ни голоса, ни права говорить, идите к Вашему господину и скажите ему, что мы находимся здесь по воле народа и нас нельзя отсюда удалить иначе, как силой штыков»⁷.

Слова Мирабо вернули Собранию утраченную им было решимость. Растерянный церемониймейстер спешно покинул зал заседаний, а Собрание продолжило свою работу. «С этого же дня, — пишет А. З. Манфред, — следует датировать и превращение Мирабо в общепризнанного лидера Национального собрания»⁸.

Перед лицом открытого неповиновения третьего сословия, поддержанного частью депутатов от дво-

рянства и духовенства, король вынужден был отступить. Уже 27 июня он приказал первому и второму сословиям присоединиться к Национальному собранию. Тем самым Людовик XVI признавал все постановления собрания от 17 июня. «Итак, — отмечал по этому поводу А. Олар, — он объявил себя побежденным, стал в смешное положение и начал тащиться на буксире за революцией, которую не мог руководить»⁹.

Объединение трех сословий завершило формирование нового законодательного органа. «Замена сословного представительства народным была первой победой равенства над привилегией. Но эта победа сделала возможной и все остальные», — отмечал русский правовед и историк М. М. Ковалевский¹⁰.

Была ли одержанная Национальным собранием победа окончательной? Разумеется, нет. Король и роялистская реакция не примирились с поражением. Не без влияния крайних роялистов, возглавляемых королевой и графом д'Артуа, Людовик XVI попытался взять реванш. С конца июня в Версаль под предлогом защиты Национального собрания и обеспечения порядка стягивались верные королю полки иностранных наемников. Это побудило Мирабо выступить с двумя предложениями — об удалении войск из Версаля и о создании в Париже буржуазной милиции.

11 июля Лафайет вместе с 900 депутатами голосовал за первое предложение. Что касается второго, то большинством голосов решено было вернуться к нему позднее, если обстоятельства потребуют этого. Вечером того же дня стало известно, что король отправил в отставку Неккера и приказал ему покинуть пределы Франции. Это был еще один шаг в подготовке реванша.

В этот критический момент Лафайет, до того пребывавший в «тени», выступил в Национальном собрании с проектом Декларации прав человека и гражданина, который должен был лечь в основу будущей конституции. «Природа сделала людей свободными и равными, — говорил он, — необходимые отличия социального порядка могут быть основаны только на всеобщей пользе. Всякий человек рождается с неотчуждаемыми и неотъемлемыми правами, такими, как свобода убеждений, забота о своей чести и жизни, право на собственность...»

Каждый человек должен быть подвластен только за-

конам, которые он признает сам и через своих представителей...

Всякое правительство должно иметь единственную цель — общественное благо. Это требует, чтобы законодательная, исполнительная и судебная власти были разделены и четко определены и чтобы их организация обеспечивалась свободным представительством граждан и их уполномоченных, а также беспристрастностью судей. Законы должны быть ясными, точными и одинаковыми для всех граждан...» 11

Лафайет легко и свободно излагал принципы, близкие ему с юных лет, он увидел их сформулированными в американской Декларации независимости. В его проекте Декларации прав многое было заимствовано именно из «Резолюции независимости» от 4 июля 1776 г. Тем не менее проект Лафайета был первым документом о правах человека и гражданина не только во Франции, но и во всей Европе.

Выступление Лафайета было заслушано с большим вниманием, а представленный им проект был передан в толькó что учрежденную Конституционную комиссию, где собирались все предложения, относящиеся к будущей конституции.

Спустя два дня Национальное собрание единогласно приняло резолюцию, предложенную Лафайстом, Мунье, Сиейесом, Ле Шапелье и др., с требованием создать ответственное и представительное министерство. Практически это означало возвращение Неккера. Сразу же по получении известия об устранении Неккера Национальное собрание приняло решение не расходиться и заседать постоянно. В ночь с 13 на 14 июля Лафайет был избран вице-председателем Собрания. Взволнованный оказанным ему доверием, он говорил: «Господа, в любой другой момент я напомнил бы вам о недостатке своих способностей, но обстоятельства таковы, что побуждают меня оправдать со всем усердием ту высокую честь, которую вы мне оказываете...» 12

Лафайет не был оратором. Один из его первых биографов, А. Барду, писал: «Его изысканная, тонкая и остроумная речь не имела ничего общего с той мощью, которая потрясает собрания, заставляя их вибрировать, и сообщает им направление. Иной раз он разбавлял ее ироничными, холодными и пренебрежительными репликами, характерными для знатного

сеньора, которые могли быть поняты и оценены только в салоне. Его роль в период Учредительного собрания была ролью человека не слов, а действия, но от этого она не была менее значительной»¹³. В тех условиях именно действие было необходимо прежде всего.

Убрав популярного министра, король призвал к власти крайних роялистов из числа друзей графа д'Артуа, развернувших подготовку государственного переворота.

В Париже распространились слухи, что переворот назначен на 15 июля. Шли разговоры о том, что отовсюду к столице стягиваются войска. Никому не известный доселе молодой человек с двумя пистолетами за поясом, начинающий литератор Камил Демулен в саду Пале-Руаяль призывал парижан к оружию. «Неккер отставлен! — кричал он, забравшись на один из принесенных туда столов. — Двор намеревается нанести удар народу! Нельзя терять ни одной минуты! Необходимо предупредить изменников! Лозунг дня — бой! К оружию, народ парижский! Кто за нас, тот пусть наденет этот знак!»¹⁴ С этими словами Демулен сорвал зеленый лист каштана и прикрепил его к своей шляпе. Через несколько минут зеленая листва в древнем саду изрядно поредела. Призыв к восстанию немедленно раскатился по всему Парижу.

КОМАНДИР НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ

14 июля, между 9 и 11 часами утра, многотысячная толпа парижан захватила Дворец инвалидов и извлекла из его подземелий 28 тыс. ружей и 5 пушек. К середине дня под ружьем было уже 60 тыс. горожан. Никто не знал, в какую сторону обратятся эти 60 тыс. стволов. Всерьез опасались, что изголодавшиеся за суровую зиму люди начнут громить продовольственные склады и продуктовые лавки.

Кто бросил клич идти на Бастилию? Никто не знает этого до сих пор. И почему именно на Бастилию? Ведь в городе было множество других тюрем — мрачных символов королевского деспотизма. К тому же было известно, что Бастилия — тюрьма для дворян.

Скорее всего выбор восставшего народа пал на Бастилию прежде всего по той причине, что она непосредственно соседствовала с Сент-Антуанским предместьем, где проживали торговцы, ремесленники, ра-

бочий люд, и ее пушки в любой момент могли стереть весь этот район с лица земли. Ж. Жорес, крупнейший знаток французской революции, писал по этому поводу в своем капитальном исследовании: «Народ решил, что Бастилия должна стать центром крупного скопления войск, оперативной базой части войск, действующих против Парижа; очутившись между этими частями и теми, что были стянуты к Елисейским полям, Париж был бы раздавлен. Следовательно, тактическая необходимость заставила направить усилия народа против Бастилии»¹⁵.

Группы смельчаков преодолели рвы и обрубили цепи подъемных мостов, после чего многотысячная толпа взяла крепость штурмом¹⁶. Это произошло в 5 часов пополудни. В ожесточенной кровопролитной схватке 98 человек из числа штурмовавших погибли и 63 получили тяжелые ранения. Не остывшие от сражения парижане, видя трупы товарищей, обрушили свой гнев на коменданта крепости маркиза де Лонэ, который был убит на ступенях Ратуши, где он пытался найти спасение.

Из мрачных казематов Бастилии были вызволены узники, которых оказалось значительно меньше, чем полагали. Среди них — провинциальный дворянин Анри Мазер де Латюд, просидевший в тюрьме 32 года за легкомысленный памфлет по адресу маркизы де Помпадур. Это был скорее призрак, нежели живой человек. Уже давно не было в живых ни маркизы, упрятавшей его в Бастилию, ни Людовика XV, подписавшего «*lettre de cachet*», а он все сидел там, забытый всеми — и властями, и своими родными. Его многократные обращения к Людовику XVI оставались без ответа, а его попытки бежать неизменно пресекались. В конце концов его поместили как сумасшедшего в каменный мешок без окон, в ледяной холод. В те первые революционные дни никому доселе не ведомый Мазер де Латюд стал парижской знаменитостью. Его повсюду показывали как жертву деспотизма.

Ночь с 13 на 14 июля Лафайет провел в председательском кресле. Депутаты Собрания устроились на ночлег кто где мог — на скамьях и столах в зале заседаний. Весть о падении Бастилии была получена в Версале через два часа после ее капитуляции. Национальное собрание немедленно направило к королю делегацию, с тем чтобы пригласить его на свое заседание для обсуждения создавшейся обстановки. Напу-

ганный король утром следующего дня явился туда в сопровождении двух братьев — графа Прованского и графа д'Артуа. От имени Собрания его принимал Лафайет. Король произнес речь, в которой обещал вывести войска из Версаля и сотрудничать с Собранием.

После встречи с королем Национальное собрание направило в Париж делегацию с целью успокоить волнения и взять ситуацию под свой контроль. Во главе делегации был поставлен маркиз де Лафайет.

Прибыв в Ратушу, где собралось огромное число возбужденных горожан, Лафайет поздравил в их лице всех граждан Парижа с завоеванной свободой и сообщил, что король принял требование Собрания о выводе войск из Версаля. Окончание речи Лафайета огласили приветственные крики парижан: «Да здравствует король! Да здравствует нация!»

В этот же день известный ученый-астроном, член Французской Академии Жан Сильвен Байи был избран мэром Парижа, а Лафайет — командующим стихийно возникшей еще 13 июля буржуазной милицией — Национальной гвардией. Лафайет не присутствовал при своем новом назначении. Узнав об этом, он вновь поспешил в Ратушу, где при большом стечении народа извлек из ножен шпагу и дал клятву до конца защищать завоеванную свободу. «Едва мне сказали, что я должен возглавить парижскую милицию, — писал он 16 июля 1789 г., — как эта идея немедленно и повсеместно распространилась: мое согласие стало необходимостью, как и то, чтобы я остался (в Париже. — П.Ч.), ибо народ пребывает в необузданном энтузиазме и может быть успокоен только мною. Я хотел было отбыть в Версаль, но городские власти заявили мне, что спасение Парижа требует моего постоянного присутствия здесь»¹⁷.

Лафайет оповестил Собрание о своих новых функциях и просил утвердить его в них, освободив от обязанностей вице-председателя законодательного органа. В тот же день, 16 июля, он в числе других руководителей парижского муниципалитета (коммуны) подписал приказ о разрушении Бастилии. Приказ был разнесен по Парижу конными трубачами. Парижане откликнулись немедленно, и мрачная тюрьма в считанные дни была разобрана до основания. На месте, где она стояла, кто-то из весельчаков оставил надпись: «Здесь танцуют!»

Когда Людовик XVI узнал о разрушении Бастилии, он воскликнул: «Это уж слишком!»¹⁸ Тем не менее 17 июля он был вынужден прибыть в Париж и утвердить назначение Байи и Лафайета. Командующий вручил королю новую трехцветную кокарду, в которой сочетались красный и синий цвета — символ Парижа — и белый цвет — символ монархии. Это был отличительный знак Национальной гвардии, ставший отныне государственным флагом Франции. У трехцветной кокарды есть своя история, к которой самое непосредственное отношение имеет герой нашего повествования.

Отличительным знаком восставших парижан, штурмовавших 14 июля Бастилию, как уже говорилось, была зеленая кокарда в виде листа каштана из сада Пале-Руаяль. Но вскоре кто-то обратил внимание, что зеленый цвет — это цвет ливрей у лакеев графа д'Артуа. Тогда восставшие остановили свой выбор на красно-синих цветах города Парижа, но и эта кокарда показалась неудачной, так как она совпадала с цветами герцога Орлеанского, все более откровенно претендовавшего на регентство. Лафайет, назначенный командующим Национальной гвардией, предложил муниципалитету добавить к цветам Парижа белый цвет монархии, что должно было символизировать единство нации и подчеркнуть преемственность ее истории. «Я вам предлагаю кокарду, которая станет известной всему миру...» — пророчески говорил на заседании Парижской коммуны Лафайет¹⁹. Выбор трехцветного знамени в июле 1789 г. действительно оказался удачным. Ни одно правительство, ни один режим во Франции, за исключением Реставрации, не усомнились в нем.

...Когда уставший Людовик XVI к ночи вернулся в Версаль, то королева, увидев на нем кокарду, сорвала ее, презрительно сказав: «А я и не знала, что вышла замуж за простолюдина»²⁰.

Внимательно следивший за развитием событий в Париже российский посланник И. М. Симолин сообщал в Петербург 19 июля 1789 г.: «Революция во Франции свершилась, и королевская власть уничтожена»²¹. Для ревностного служителя самодержицы всероссийской королевская власть, если она перестала быть абсолютной, как бы уже и не существовала. В действительности монархия будет уничтожена во Франции лишь 10 августа 1792 г.

Новые обязанности Лафайета совмещали в себе функции начальника Парижского гарнизона и полицмейстера, так как именно на него была возложена ответственность за поддержание порядка в городе, охваченном революционным порывом. Это была крайне трудная задача. Старые законы не признавались, новых еще не было. Шестьдесят тысяч парижан были вооружены, а среди них были не одни только сознательные революционеры. Ожились уголовные элементы. По городу с оружием в руках бродили 6 тыс. дезертиров из королевской армии и 500 швейцарских наемников, не знающих, кто им теперь должен платить. Начались трудности с продовольствием. С первых дней революции стали возникать многочисленные клубы и другие политические организации, соперничавшие друг с другом. Наибольшую активность проявляли орлеанисты — сторонники герцога Орлеанского, провоцировавшие беспорядки. Ультрароялисты ушли в подполье. Их вожди — граф д'Артуа, принцы Конти и Конде — еще 16 июля тайно покинули пределы Франции, положив начало эмиграции, развернувшей подготовку иностранной интервенции.

В эти июльские дни генерала Лафайета верхом на белом коне можно было видеть во всех округах и районах Парижа. Он почти не спал, целиком поглощенный наведением порядка и организацией Национальной гвардии. В короткий срок он сформировал 6 прекрасно оснащенных дивизий по 6 батальонов в каждой. Национальная гвардия имела на своем вооружении 140 пушек. Впоследствии ее численность возросла до 50 тыс. человек ²². «Поставив Лафайета во главе вооруженной силы, полной решимости сохранить за третьим сословием завоеванные права, его сделали самым влиятельным человеком Франции...» — отмечал биограф Лафайета, член Французской Академии герцог де Кастри ²³.

Кто же выдвинул Лафайета на столь высокий и ответственный пост? Какие политические силы поддерживали его? Ответы на эти вопросы связаны с ответом на один общий вопрос о том, к кому перешла власть во Франции после 14 июля. «Революция, — подчеркивал Ф. Энгельс, — была победой третьего сословия, т. е. *занятого* в производстве и торговле большинства нации, над привилегированными до того времени *праздными* сословиями — дворянством и духовенством. Но

вскоре обнаружилось, что победа третьего сословия была только победой одной маленькой части этого сословия, завоеванием политической власти социально-привилегированным слоем третьего сословия — имущей буржуазией»²⁴. Сейчас уже никто из историков не оспаривает тот факт, что в июле 1789 г. к власти во Франции пришло не все третье сословие и даже не вся буржуазия, а ее верхушка, умело воспользовавшаяся плодами победы народных масс в день штурма Бастилии.

«Крупная буржуазия и либеральное дворянство и их партия — конституционалисты, как ее стали называть, заняли главенствующее положение во всех важнейших политических учреждениях и органах», — отмечал А. З. Манфред²⁵.

Еще в июне 1789 г. буржуазные депутаты Национального собрания объединились в политический клуб, основанный группой депутатов из Бретани и потому названный Бретонским клубом. К началу революции в нем состояло более 150 человек. Одним из членов-учредителей Бретонского клуба, ставшего впоследствии Якобинским, был маркиз Лафайет. Именно из Бретонского клуба вышли все лидеры революции ее начального этапа. В те первые революционные дни, охваченные всеобщим энтузиазмом, буржуазия, действовавшая в союзе с народом и либеральным дворянством, несомненно, играла положительную роль, что и определило буржуазно-демократический характер самой революции.

Третье сословие выдвинуло лозунг единства нации как залог успешной победы над абсолютизмом. Забота о сохранении этого единства станет едва ли не главной целью всей деятельности командующего Национальной гвардией. Ради этого единства Лафайет неоднократно будет рисковать не только своей карьерой, но и жизнью. Можно сказать, что единство нации было его навязчивой идеей. Даже тогда, когда в результате развития революционного процесса в лагере революции произойдет размежевание и он распадется на многочисленные враждующие группировки, когда вчерашние союзники и даже единомышленники станут смертельными врагами, Лафайет будет с непостижимым упорством призывать к единству, борясь против «фракций и сект», и пытаться примирить непримиримое — короля с Национальным

собранием, правых и левых, буржуазию и народные массы...

Далеко не всегда служение того или иного политического деятеля определенному классу носит осознанный характер. Лафайет, несомненно, был бы очень удивлен, если бы ему сказали, что он выражал интересы крупной буржуазии. По его глубокому убеждению, он служил нации, народу, которые он идентифицировал со всем третьим сословием. И тем не менее он выражал и защищал интересы либерального дворянства, и прежде всего крупной буржуазии, совпадавшие на первом этапе с общенациональными интересами. Крупная буржуазия и либеральное дворянство вполне были удовлетворены падением абсолютизма и не мечтали ни о чем ином, кроме конституционной монархии, где реальная политическая и экономическая власть находилась бы в их руках, а внешние ее атрибуты сохранялись бы за королем, действующим в строгих рамках конституции. Конечной целью либерально-буржуазно-дворянского блока после 14 июля было закрепление завоеванной власти путем принятия конституции. Отсюда и название этого блока — конституционалисты, или умеренные. И все же принадлежность к этому блоку не может служить единственным мерилом в оценке Лафайета.

Среди тогдашних лидеров конституционалистов были самые разные люди — Байи и Сиейс, Мирабо и герцог Орлеанский, Талейран и Лафайет... Различен был их путь в революцию, по-разному сложились их судьбы: одни погибли на эшафоте; другие «перекрасились» и сменили убеждения (некоторые — неоднократно); третьи разочаровались во всем и отошли в сторону. Лафайет был единственным, кто во всех обстоятельствах оставался верен своим убеждениям и линии поведения на всем протяжении своей длительной политической деятельности. Он олицетворял лучшие черты «человека 14 июля». Это отмечали все, кто лично знал Лафайета. Ограничимся лишь тремя мнениями. Первое принадлежит известному писателю и критику Ш.-О. де Сент-Бёву, который в середине 30-х гг. XIX в. писал в «Литературных портретах»: «Среди современников Лафайета, среди тех, кто вместе с ним первым устремился на штурм старого режима, как мало среди них сохранили веру в их дело! Мирабо и Сиейс — эти два самых мощных ума — очень скоро

разочаровались, примерно через год открытой революции. Мирабо перешел в стан консерваторов, а Сиейес замкнулся в ироничном молчании. О Талейране вообще говорить не приходится...

...Лафайет же никогда не переставал верить в совершенство избранных идеалов, в их триумф. Он никогда не терял надежды. Есть все основания считать его самым первым, самым отважным и самым честным из тех, кто в 1789 году шел на штурм старого режима» 26.

Аналогичное мнение о Лафайете высказывал Генрих Гейне: «...что бы ни говорили ослепленные друзья и лицемерные враги, Лафайет, наряду с Робеспьером, — самый чистый характер во всей Французской революции и, после Наполеона, самый популярный ее герой» 27.

Кстати сказать, оценка Гейне, относящаяся к 1832 г., была подтверждена опросом, проведенным через полтора столетия — в августе 1983 г. — Французским институтом по изучению общественного мнения совместно с журналом «Экспресс». На вопрос «Кто из деятелей революции внушает вам наибольшую симпатию и кто — антипатию?» Лафайет получил наибольший процент симпатий — 43% — и наименьший — 6% — антипатий. Для сравнения можно отметить, что Бонапарт получил 39% симпатий, Дантон — 21, Сен-Жюст — 21, Робеспьер — 19, Мирабо — 17, Марат — 8%. Наибольшую антипатию у опрошенных французов вызывал Робеспьер — 40%, уступая в этом даже Людовику XVI — 23% 28.

Мадам де Сталь, хорошо знавшая Лафайета, сравнивала его с Джорджем Вашингтоном, имея в виду нравственный критерий. «Если бы Лафайет имел счастье родиться в Соединенных Штатах, — отмечала французская писательница, — он вел бы себя точно так же, как Вашингтон: то же бескорыстие, тот же энтузиазм, то же постоянство убеждений отличают этих великодушных друзей человечества... В течение 40 лет со времени поездки Лафайета в Америку нельзя назвать ни одного его поступка, ни одного слова, которые шли бы вразрез с его убеждениями, и никогда личный интерес не руководил его действиями» 29.

Зная о высоких нравственных качествах Лафайета, нетрудно понять причину его глубокой и, добавим, открытой неприязни к политикам типа Мирабо или

герцога Орлеанского (отца). Их протест против «деспотизма» носил преимущественно личный характер, хотя они выступали поначалу с той же платформой, что и Лафайет, и считались, как и он, лидерами конституционалистов. Но об их взаимоотношениях будет сказано в своем месте. А пока продолжим рассказ о заботах командующего Национальной гвардией.

Наибольшие хлопоты в первые революционные дни Лафайету доставляло предотвращение самосудов возбужденных парижан над самыми ненавистными слугами старого режима. Их суд был коротким — веревка на шею и на фонарь, достаточно было кому-то выкрикнуть очередное имя. Случались при этом и ошибки.

«Это восстание, — сообщал И. М. Симолин вице-канцлеру И. А. Остерману в Петербург, — сопровождалось убийствами, вызывающими содрогание; обстоятельства, при которых они были совершены, доказывают невинность нескольких жертв... Жестокость и зверство французского народа проявились при всех этих событиях в тех же чертах, как и в Варфоломеевскую ночь, о которой мы еще до сих пор с ужасом читаем, с тою только разницей, что в настоящее время, вместо религиозного фанатизма, умы охвачены политическим энтузиазмом, порожденным войною и революцией в Америке», — с горьким сарказмом добавлял русский дипломат³⁰. К слову сказать, первоначальное неприятие революции постепенно сменилось у И. М. Симолина бóльшим ее пониманием; со временем он проникнется либеральным духом, воочию убедившись в преимуществах конституционной монархии перед монархией абсолютной. Екатерина II сразу же уловила перемену настроений своего представителя и неоднократно делала ему соответствующие внушения, а в начале 1792 г. вообще отозвала его из Франции.

Но вернемся к нашему герою, озабоченному наведением порядка в восставшей столице. Лафайет самым решительным образом пресекал самосуды и расправы, требуя соблюдения революционной законности. Все обвиняемые должны быть подвергнуты суду. В эти июльские дни он спас от повешения более 20 человек, в том числе аббата Кордье, временного коменданта Бастилии Сулеса, маршала де Кастри, командира швейцарских гвардейцев барона де Безанваля...

22 июля Лафайет был срочно вызван в Ратушу, куда толпа горожан доставила 74-летнего Фулона, в

прошлом генерального откупщика, ставшего государственным советником. Именно ему принадлежало печально известное изречение: «Если народ не в состоянии платить за хлеб, пусть питается травой»³¹. Это был тот самый Фулон, который нажил богатство, будучи главным интендантом в армии де Бройля в период Семилетней войны, нещадно обирая солдат. По столице распространился слух, будто его прочат в министры финансов. Лафайет подоспел в тот момент, когда толпа уже собиралась вздернуть Фулона на фонарь. Командующему поначалу удалось остановить расправу. Он приказал отправить Фулона в тюрьму аббатства Сен-Жермен, заявив, что не допустит нарушений законности. В этот момент Фулон имел неосторожность одобрить слова Лафайета. Успокоившаяся было толпа вновь пришла в ярость. Кто-то крикнул: «Видите, они сговорились!»³² Фулон был вырван из рук охранявших его национальных гвардейцев и тут же вздернут на ближайшем фонаре. В тот же день аналогичная судьба постигла ненавидимого парижанами зятя Фулона — военного интенданта Парижа Бертье де Совиньи, на котором лежала ответственность за обеспечение города продовольствием.

Удрученный Лафайет в эти дни впервые постиг истину: совершить революцию гораздо легче, чем управлять ею. На следующий день он направил мэру Парижа Байи и председателю Постоянного комитета избирателей Парижа Моро де Сен-Мери заявление с просьбой об отставке: «Милостивый государь, призванный доверием моих сограждан, я занял пост военного начальника столицы, при этом я непрерывно повторял, что в нынешних обстоятельствах доверие это должно быть полным и совершенным. Я прямо говорил народу, что, будучи предан его интересам до последнего вздоха, я, однако, не способен покупать его расположение, потакая чинимым им несправедливостям. Народ не внял моим доводам, следовательно, он отказывает мне в обещанном доверии, а потому я должен оставить пост, на котором не могу быть более полезен моим согражданам»³³.

Заявление Лафайета вызвало большой общественный резонанс. Постоянный комитет избирателей Парижа направил Лафайету просьбу не покидать его поста и заверил его в своем полном доверии и содействии. 24 июля Лафайет уступил этим просьбам, заявив: «Я не

могу оставить сограждан, которые оказывают мне доверие; я нахожусь в нелепом положении, вынужденный наблюдать зло и не имея возможности ему помешать» 34.

В последующие дни Лафайет активно участвовал в организации нового муниципалитета. По его приказу в Ратушу были перенесены все архивы Бастилии. Он докладывал Национальному собранию о положении в столице и о мерах, принимаемых для поддержания в ней порядка.

26 июля Национальная гвардия была приведена Лафайетом к присяге в верности гражданским властям. Идея о полном подчинении армии гражданским властям была ведущей в деятельности генерала Лафайета. В одном из писем, относящихся к августу 1789 г., он подчеркивал: «Вооруженные силы ни в коем случае не должны быть независимыми от исполнительной власти» 35.

31 июля Лафайет и его помощник Матье Дюма закончили составление устава Национальной гвардии и представили его на утверждение Собрания. Лафайет добился, чтобы муниципалитет Парижа взял Национальную гвардию на полное обеспечение, включая выплату жалованья гвардейцам.

4 августа Собрание приняло решение об уничтожении всех сословных привилегий дворянства и духовенства. При всей половинчатости принятого решения это все же был удар по Старому порядку. Именно так оценивал эту меру К. Маркс: «4 августа 1789 г., три недели спустя после взятия Бастилии, французский народ в один день осилил все феодальные повинности... Французская буржуазия 1789 года ни на минуту не покидала своих союзников, крестьян. Она знала, что основой ее господства было уничтожение феодализма в деревне, создание свободного землевладельческого... крестьянского класса» 36. Отныне и до конца жизни маркиз де Лафайет никогда не использовал свой аристократический титул. Все письма и другие бумаги он будет подписывать только как «генерал Лафайет».

А «народный трибун» Мирабо, не решившийся голосовать в Собрании против, вернувшись домой, злорадно бросил своему камердинеру: «Надеюсь, каналья, для тебя я навсегда останусь господином графом» 37.

9 августа генерал Лафайет впервые облачился в

новую генеральскую форму и дал очередное доказательство своего бескорыстия. В этот день Собрание приняло решение о предоставлении генералу Лафайету жалованья в размере 120 тыс. ливров. Лафайет решительно отказался от жалованья. Он заявил Собранию: «В то время, когда столько граждан страдает от нехватки средств, необходимых для самых неотложных расходов, я не могу согласиться на бесполезное истощение казны. Моего собственного состояния вполне достаточно для удовлетворения моих нужд...» 38

Тем не менее Собрание продолжало настаивать на том, чтобы Лафайет принял установленное ему жалованье. Тогда он вновь взял слово и заявил: «...я отказываюсь от жалованья вовсе не из великодушия, я счел бы вправе не только принять, но даже потребовать вознаграждения от народа, которому посвятил жизнь и отдал свое состояние, если бы моих средств было не достаточно... Мое состояние пока еще весьма значительно, оно пережило уже две революции, и если когда-нибудь для счастья народа будет необходима третья, то и остаток моего состояния будет принадлежать ей» 39. К слову сказать, когда начнется «третья революция», в которой Лафайет вновь примет самое активное участие (июль 1830 г.), он уже ничего не сможет предложить ей, кроме своего имени, так как от его огромного состояния не останется и следа.

Благородный поступок командующего Национальной гвардией вызвал восторженный отклик у Ж.-П. Марата, который на страницах своей газеты «Друг народа» сопоставил поведение Лафайета с поведением мэра Байи, принявшего от Собрания сумму в 50 тыс. ливров на представительские расходы. «За несколько дней до этого, — писал Марат, — Собрание назначило главнокомандующему оклад в сто пятьдесят тысяч ливров. Но этот благородный гражданин, душа которого открыта одним лишь возвышенным чувствам, отказался принять презренный металл, которым хотели оплатить его преданность отечеству. Он объяснил свой отказ наличием неотложных нужд у государства, а также наличием исключительно большого числа неимущих среди населения столицы: объяснение, способное еще более повысить ценность его самоотверженного благородства. Какой пример для служащих общественных учреждений! Какой урок для растратчиков!» 40

Это было написано в сентябре 1789 г. Марат пока восторгался Лафайетом. Но уже через четыре месяца он возненавидит его со всей присущей только ему страстью.

Иную реакцию поступок Лафайета вызвал у Мирабо, который с нескрываемой завистью смотрел на своего не менее популярного соперника, решившего отказаться от 10-тысячного ежемесячного содержания. Мирабо, вечно озабоченный проблемой денег, погрязший в долгах, очень скоро созреет для предательства, оплаченного из личных средств короля. В нем росла враждебность по отношению к Лафайету, который не обнаруживал никакого почтения перед властелином Собрания.

Та же враждебность к Лафайету начинала охватывать и его завтрашних неимущих врагов. Камил Демулен вынужден был постоянно направлять униженные просьбы о денежной помощи своему отцу. Жорж Дантон довольствовался выпивкой в дешевых трактирах в ожидании нескольких луидоров, которые ему ежемесячно подбрасывал его тесть — хозяин кафе «Парнас». «Всем этим нетерпеливым обездоленным было от чего возненавидеть Лафайета — идола «двух миров» — богатого, широко известного, авторитетного, любимого народом и самыми прекрасными женщинами», — отмечал биограф Лафайета ⁴¹.

В конце августа Лафайет вновь приобщается к активной политической жизни. Национальная гвардия была организована, порядок как будто установлен. Теперь он мог почти постоянно участвовать в работе Национального собрания. 26 августа была принята Декларация прав человека и гражданина, а с 28 августа началось обсуждение текста будущей конституции. С этого времени Национальное собрание получило название Конституанты, или Учредительного собрания.

Лафайет организовал встречу лидеров Учредительного собрания с Т. Джефферсоном, который детально ознакомил их с функционированием американской политической системы, с деятельностью Конгресса и президента.

Выступая в Собрании, Лафайет предложил отменить жестокое средневековое законодательство. Он потребовал запретить колесование, четвертование, изуверские пытки и выступил с проектом отмены смертной казни, решительно отклонив заявления тех, кто счи-

тал ее необходимой в условиях чрезвычайного положения. Его не поддержали. Слишком экстравагантной сочли идею Лафайета депутаты, многие из которых очень скоро падут жертвами вотированных ими же законов. Разумеется, они еще не подозревали об этом. Любопытно, что с предложением об отмене смертной казни спустя два года — 30 мая 1791 г. — в Собрании выступит Максимилиан Робеспьер⁴². Одним из первых Лафайет предложил ликвидировать закрытый суд и ввести открытое судопроизводство с состязательным процессом.

В то время шли острые дебаты о том, каким должен быть французский парламент. А. Дюпор, А. Ламет и А. Барнав отвергали более демократичную систему двух палат, настаивая на однопалатном парламенте. Ж.-Ж. Мунье, Ж. Лалли-Толендаль и другие считали разумным заимствовать более консервативную английскую систему с наследственной палатой пэров и с нижней избираемой палатой.

Что касается Лафайета, то он был убежден в необходимости двухпалатного парламента. Он выступил против назначаемой королем палаты пэров и высказался за избираемый сенат. В Учредительном собрании он был в числе тех, кто голосовал за двухпалатный избираемый парламент.

Серьезной проблемой стал вопрос о королевском вето на решения законодательного органа. Группа депутатов — Ж.-Ж. Мунье, П.-В. Малуз, Ж. Лалли-Толендаль, Э. Клавьер и другие — настаивала на том, что королевское вето должно быть непременно абсолютным. Эту же идею поддерживал и Мирабо, который еще 16 июня 1789 г. говорил депутатам третьего сословия: «Неужели вы откажете королю в этом праве? Неужели вы думаете, что можете обойтись без его санкции? Что касается меня, господа, я считаю королевское вето столь необходимым, что, не существуя его, я бы предпочел жить в Константинополе»⁴³. К слову сказать, у Мирабо была какая-то непонятная слабость к Константинополю. Когда, встав на путь сговора с двором, Мирабо так и не сможет сформировать правительство, то в порядке компенсации он оговорит себе право возглавить французское посольство в Константинополе.

Со своей стороны Лафайет отстаивал идею об отсрочивающем, или приостанавливающем, вето короля

(veto suspensif). Он полагал, что наличие такого вето, с одной стороны, умеряло бы крайности законодательной власти, а с другой — открывало бы возможности для утверждения «народной воли»⁴⁴. Лафайет был безусловным сторонником строгого разделения и равновесия властей, с тем чтобы ни одна из них не получала чрезмерного преобладания.

11 сентября 1789 г. 673 голосами «за» против 325 при 11 воздержавшихся Учредительное собрание утвердило приостанавливающее вето короля.

Король поспешил воспользоваться предоставленным ему правом и отказался утвердить решения, принятые Учредительным собранием в августе, в частности Декларацию прав.

ПОХОД НА ВЕРСАЛЬ

В Париже уже давно распространялись слухи о готовящейся в Версале контрреволюции. Роялисты сами подливали масла в огонь народного недовольства. В начале сентября при дворе был устроен банкет в честь специально вызванных в Версаль офицеров Фландрского полка и полка Монморанси. На банкете, где присутствовали королева и дофин, все гости были украшены белыми монархическими кокардами, а трехцветное знамя подверглось всевозможным оскорблениям. Слух об этом банкете дошел до Парижа и вызвал всеобщее возмущение.

«Между тем в Париже, — писал П. А. Кропоткин, — по-прежнему свирепствовала страшная нужда. Был сентябрь: жатва уже была кончена, но хлеба все-таки не хватало. У дверей булочных целые вереницы людей ждали с раннего утра своей очереди и часто после долгих часов ожидания люди уходили без хлеба. Муки не хватало... Все меры, принимавшиеся для продовольствия населения, оказывались недостаточными, да и тому немногому, что делалось, мешали разного рода мошенничества. Весь старый строй, все государственное сосредоточение власти, понемногу создававшееся с XVI в., проявили себя в этом вопросе о хлебе. На верхах утонченная роскошь достигала крайних пределов, а внизу народная масса, разоряемая всякими поборами, не находила себе пропитания на плодородной почве и в прекрасном климате Франции!»⁴⁵ На серьезные продовольственные трудности

в Париже указывал в своих донесениях в Петербург И. М. Симолин. «Уже восемь дней, — сообщал он 28 августа 1789 г., — как хлеба не только недостаточно и он дурного качества, но во вторник, среду и вчера его было так мало, что я даже не мог достать его для себя»⁴⁶. 18 сентября он писал: «Уже несколько дней, как хлеб в Париже не только очень плохого качества, но его и очень мало, что является непонятным, ввиду того, что урожай этого года один из самых обильных. В субботу и воскресенье были волнения в Версале из-за хлеба, и одному булочнику уже накинули веревку на шею, и он был бы повешен, если бы буржуазная милиция не пришла ему на помощь. Вздорожание всех продуктов все увеличивается и становится совершенно невыносимым»⁴⁷.

Нехватку хлеба и другого продовольствия в Париже объясняли происками версальской агентуры. Всем было известно, что летом 1789 г. был собран хороший урожай, и невольно вставал вопрос: куда он девался?

Как это часто бывало во многих революциях, взрывным элементом в подобной ситуации явились женщины, часами простаивавшие в очередях и по этой причине настроенные особенно агрессивно.

В понедельник 5 октября набатный колокол призвал народ Парижа к оружию. Огромная толпа, состоявшая в основном из женщин, ворвалась в Ратушу с требованиями хлеба и продуктов. С большим трудом ее удалось вытеснить оттуда. С криками «На Версаль!» толпа под проливным дождем устремилась в загородную резиденцию короля.

Лафайет пытался остановить толпу, безуспешно убеждая ее разойтись. В ответ он слышал призывы возглавить поход на Версаль. Один молодой человек по имени Мерсье, подойдя к Лафайету, возбужденно кричал: «Мой генерал, король обманывает всех нас, и вас в том числе, его нужно низложить, королем будет его сын, а вы будете регентом, и все пойдет хорошо»⁴⁸. В ответ на призывы толпы возглавить ее Лафайет заявил, что не имеет никакого приказа от Коммуны, а действовать без санкции гражданских властей считает для себя недопустимым. Он был явно не создан для государственных переворотов. К своему ужасу, Лафайет увидел в толпе множество национальных гвардейцев. Ими руководил командир батальона Сан-

терр, вчерашний пивовар, известный ныне близостью к герцогу Орлеанскому.

Видя, что генерал не желает возглавить их поход, толпа парижан продолжила свое шествие на Версаль.

Собрание, оповещенное о предстоящем вторжении возмущенного народа, поначалу растерялось. Мирабо предложил объявить личность короля неприкосновенной. «Становится ясно, — отмечал в связи с этим Ж. Жорес, — что Революция ускользает из-под власти умеренной буржуазии, слишком немошной, чтобы ею руководить.

Лафайет побледнел, получив приказ, утверждавший его поход на Версаль; он тотчас же отправил три роты гренадер и одну роту стрелков с тремя пушками в качестве авангарда. От 700 до 800 человек, вооруженных ружьями, пиками и кольями, двинулись на расстоянии двухсот шагов впереди этого авангарда.

В 5 часов 7 минут национальная гвардия тремя колоннами продефилировала по набережной Пеллетье. Лафайет отвечал на приветствия с видом человека, говорящего: *«Вы этого хотели!»* 49

А в это время на спешно созванном в Версале Королевском совете обсуждалась возможность разгрома выступления парижан силами Версальского гарнизона во главе с адмиралом д'Эстэном. Кто-то даже предложил королю лично возглавить карательную операцию.

Лафайету удалось остановить толпу перед самыми воротами Версаля. Он предложил избрать делегатов, которые передали бы Собранию требования парижан. Затяжной дождь, а еще больше ярость, умноженная на недоверие к власти имущим, оказались сильнее доводов Лафайета: толпа смяла охрану и ворвалась в зал заседаний Собрания с криками: «Хлеба! Хлеба!» Слышны были угрозы по адресу королевы, которую считали источником всех зол. Король пока еще сохранял свой престиж.

Собрание воспользовалось вторжением народа в Версаль, чтобы получить от Людовика XVI утверждение принятых в августе декретов, в том числе и Декларации прав.

Хотя остаток дня 5 октября прошел в Версале относительно спокойно, толпа не расходилась, а плотным кольцом окружила королевский дворец. В 23 часа туда явился Лафайет. Проходя по залу, где собрались перепуганные министры и придворные, он услышал бро-

шенную кем-то реплику: «А вот и Кромвель!» «Кромвель не пришел бы один», — ответил Лафайет и последовал в кабинет короля⁵⁰. Он проинформировал Людовика XVI о положении в столице и изложил требования парижан.

На рассвете 6 октября неожиданно вспыхнуло столкновение между парижанами и дворцовой гвардией. Дворцовая охрана произвела несколько выстрелов в толпу, что явилось последней каплей. Толпа захватила одного гвардейца из дворцовой охраны и, отрезав ему голову, водрузила ее на пикет. Характерно, что национальные гвардейцы Лафайета сочувственно наблюдали за действиями толпы, а некоторые из них даже приняли участие в перестрелке на стороне народа. В любой момент толпа могла сломать решетку и ворваться во дворец. Повсюду слышны были крики: «Бей охрану! Смерть королеве! Долой австриячку! Мы хотим сердце королевы! Мы поджарим ее печенку, мы сделаем кокарды из ее кишок...!»⁵¹

Мария Антуанетта, разбуженная криками и стрельбой, босая, в одной рубашке прибежала спасаться в спальню к королю.

Когда Лафайет прибыл на место перестрелки, то обнаружил, что возбужденная толпа уже проникла во дворец и собиралась перевешать дворцовую охрану. С помощью национальных гвардейцев генерал успел остановить толпу у самых дверей зала, где собрались насмерть перепуганные королевская семья и часть министров. С большим трудом ему удалось восстановить порядок и очистить дворец. Парижане потребовали показать им короля. Лафайет настоял, чтобы Людовик XVI вышел на балкон к толпе, которая скандировала: «Короля в Париж!» Затем Лафайет вернулся в зал к бледной и дрожащей королеве. «Итак, мадам, следуйте за мной», — сказал он ей.

— Как, одна на балкон? Вы разве не слышите, что они там кричат в мой адрес?

— Да, мадам, и все же идите! ⁵²

Сопровождаемая Лафайетом, Мария Антуанетта появилась на балконе, держа за руку малолетнего дофина. Желая предупредить возможные действия толпы, Лафайет почтительно склонился перед королевой и поцеловал ей руку. Обескураженная толпа на мгновение замерла, однако Лафайет верно рассчитал свой ход, потому что уже через минуту послышались крики: «Да

здравствует генерал! Да здравствует королева! В Париж! В Париж!»

Людовик XVI объявил с балкона, что он идет на встречу пожеланиям парижан и уже сегодня вместе со всей семьей возвращается в столицу. Учредительное собрание также должно переехать в Париж. Вечером 6 октября Лафайет лично доставил королевскую семью сначала в Ратушу, а затем в Тюильри. Прощаясь с Лафайетом, принцесса Аделаида сказала ему: «Я вам обязана больше чем жизнью, я вам обязана жизнью короля, моего бедного племянника»⁵³.

Размышляя над октябрьским кризисом 1789 г., Лафайет писал в своих воспоминаниях, что поход на Версаль был результатом интриг двора (королевы и ультрароялистов), орлеанской партии и левых якобинцев, действовавших каждый в собственных целях⁵⁴. «Аристократия», по его мнению, лишь спровоцировала своим вызывающим поведением выступление народных масс, а подлинным его вдохновителем был герцог Орлеанский, который в случае убийства Людовика XVI в Версале мог рассчитывать на регентство. Лафайет обратил внимание на активную роль в событиях 5–6 октября близкого в то время к герцогу Сантерра.

Вернувшись в Париж, Лафайет потребовал от герцога Орлеанского немедленно покинуть пределы Франции под любым благовидным предлогом.

Перепуганный герцог сначала было согласился, но потом по совету Мирабо заявил, что он вовсе не обязан выполнять приказы Лафайета. И все же, опасаясь разоблачений, будущий «друг народа» счел за благо уехать в Лондон. Прощаясь с Лафайетом, Филипп Орлеанский заявил, что «постарается в Лондоне раскрыть организаторов беспорядков»; на это генерал резко ответил: «Никто в них не был заинтересован больше, чем вы, и никто другой не скомпрометировал себя в них больше вас. Если бы у меня были веские доказательства вашей причастности, я уже приказал бы арестовать вас»⁵⁵. 14 октября герцог Орлеанский отбыл в Лондон якобы с дипломатической миссией.

А вот как оценивал события 5–6 октября российский посланник И. М. Симолин. В донесении от 9 октября 1789 г. он писал: «Причинами этого восстания были нужда в хлебе в Париже, которая действительно очень велика, и распространение слуха о задуманном аристократической партией похищении короля и наме-

рении препроводить его в Мец. В результате, чтобы успокоить это волнение, король вынужден был согласиться покинуть Версаль со всей королевской семьей и переселиться в Париж, в Тюильри» 56.

Поход на Версаль имел далеко идущие последствия как для развития революционного процесса, так и для поведения самого Лафайета. «Вторжение народа во дворец, — отмечал по этому поводу П. А. Кропоткин, — нанесло королевской власти такой удар, от которого она уже не оправилась. Напрасно Лафайет устроил оvation королю, когда он вышел на балкон, она не помогла...

Народ, овладевший дворцом, понял свою силу и тотчас же воспользовался ею, чтобы заставить короля перескочить в Париж. Король должен был подчиниться, и его карета, окруженная толпой народа, направилась в столицу. И какие бы сцены буржуазия ни разыгрывала во время этого возвращения короля, чтобы возродить его обаяние, народ понял, что *король теперь его пленник*. Впрочем, у самого Людовика XVI, когда он въехал в Париж в старый дворец Тюильри, покинутый королями со времен царствования Людовика XIV, не было на этот счет никаких сомнений. «Пусть размещаются, кто где хочет!» — ответил он на предложенный ему вопрос и велел принести себе из библиотеки... историю Карла I.

Великой версальской монархии приходил конец. После такого возврата в столицу могли еще быть короли-буржуа или императоры, завладевшие престолом путем обмана и насилия. Но царствованию королей «божией милостью» пришел конец.

Еще раз, как и 14 июля, *народ* напором своей массы и своим сильным выступлением нанес старому порядку громовой удар. Революция сразу сделала громадный шаг вперед» 57.

Переезд в Париж короля, Учредительного собрания, а затем и Бретонского клуба, преобразовавшегося в Общество друзей конституции, или Якобинский клуб, окончательно превратил столицу в центр революции. «Бедные женщины из народа, которые 5 октября утром отправились из Парижа в Версаль, чтобы потребовать хлеба, и которые привезли с собой короля, — подчеркивал Ж. Жорес, — сыграли, таким образом, чрезвычайно важную роль, одну из самых великих, несомненно, какие знает история; они связали крепчайшим

узлом Революцию с Парижем... Странное дело! — продолжал Жорес. — Этот великий кризис октябрьских дней как бы притушил революционное возбуждение в Париже. На два года мы вступаем в полосу относительного покоя. Революция развивается вглубь, а на поверхности заметно лишь слабое волнение»⁵⁸.

В октябре 1789 г. Франция была разделена на 83 департамента, почти равные по величине и численности населения. Департаменты в свою очередь делились на округа и кантоны. «С введением единой административной системы, единой системы налогового обложения, с отменой вотчинных судов, с уничтожением внутренних таможен исчезали причины разобщенности отдельных частей Франции. Бретонцы и провансальцы, вандейцы и жители провинции Артуа становились гражданами действительно единого государства»⁵⁹.

Обеспокоенность крупной буржуазии возросшей активностью масс побудила ее принять меры по укреплению своей власти. Уже 8 октября Собрание и Коммуна отдали приказ об аресте Марата, который 5 октября призывал парижан со страниц «Друга народа» к походу на Версаль. Выполнить приказ было поручено командующему Национальной гвардией. С этого момента Марат станет одним из самых непримиримых противников Лафайета.

21 октября Учредительное собрание приняло специальный декрет о применении военной силы для подавления любых волнений и выступлений народных масс. Ответственность за применение этого декрета опять-таки возлагалась на Лафайета. Со своей стороны король передал под командование Лафайета все войска, находившиеся в Париже и на расстоянии 15 лье от столицы. Он также возложил на него ответственность за охрану Учредительного собрания.

Полицейско-жандармские функции, возложенные на Лафайета, разумеется, сказались на его популярности. «Толкаемая крайним голодом, нетерпением и весьма вероятно также агентами-provокаторами, — отмечал биограф Лафайета А. Лацко, — толпа понемногу утрачивала симпатию к этому народному генералу, которому муниципалитет навязывал роль лейтенанта полиции...»⁶⁰ Командующий часто был не согласен с указаниями, которые он получал от Байи, но идея о подчинении военной силы гражданской власти слишком крепко засела в его голове, чтобы он мог игнориро-

вать решения коммуны или Учредительного собрания. Он позволял себе лишь отдельные жесты. Так, получив приказ арестовать Марата, проживавшего под защитой капитана Национальной гвардии Ж. Дантона, он отказался выполнить его лично и тянул время, дав возможность Другу Народа скрыться. Марат об этом и не догадывался.

О настроениях Лафайета в тот период можно судить по его письму к Мунье от 23 октября 1789 г. «Я потрясен, — писал он, — свалившейся на меня ответственностью, но я не отчаиваюсь. Привязанный любовью и долгом к народному делу, я буду и дальше с одинаковым пылом бороться против аристократии, деспотизма и фракционности. Я вижу ошибки Национального собрания, но мне кажется опасным и даже преступным дискредитировать его. Я питаю отвращение к чрезмерному влиянию какой-либо одной личности, но еще больше я убежден... в необходимости создать исполнительную власть. Я думаю, что единственный способ избежать гражданской войны и принести пользу в существующих обстоятельствах — это действовать совместно через Национальное собрание и короля, объединившихся в столице»⁶¹.

Известно, что Лафайет был невысокого мнения о государственном уме Людовика XVI, и тем не менее после октябрьских событий 1789 г. он оказывал ему постоянную поддержку. В чем тут дело?

Во-первых, он презирал всех других потенциальных претендентов на власть — графа Прованского, графа д'Артуа и герцога Орлеанского. Два первых были откровенными ультрароялистами, не желавшими никакой конституции, даже самой ограниченной. Третий — беспринципный политикан, готовый ради короны или регентства украсить свою голову даже фригийским колпаком. Лафайет же всегда питал глубокое отвращение к политической аморальности, и это делало для него невозможным союз с Филиппом Орлеанским (который, кстати, в июле 1789 г. предлагал Лафайету возглавить партию его сторонников) или с Мирабо.

Во-вторых, в создавшейся ситуации Людовик XVI, известный своей мягкостью и умеренностью и проявлявший поначалу готовность к сотрудничеству с новым режимом, представлялся Лафайету единственно приемлемым главой исполнительной власти в конституционном королевстве. Следует подчеркнуть, что ни в

1789 г., ни в 1790 г., ни даже в 1791 г. во Франции всерьез не помышляли об установлении республики. Всего лишь за два месяца до окончательного падения монархии, 13 июня 1792 г., Робеспьер продолжал обличать республику. «Напрасно, — говорил он, — хотят увлечь горячие и малоосведомленные головы приманкой более свободного управления и именем республики: низвержение конституции не может в настоящий момент дать ничего, кроме гражданской войны, которая приведет к анархии и деспотизму»⁶². Если так думал лидер революционной демократии, то тем более в этом был убежден демократ конституционный, каковым был генерал Лафайет...

А. Олар был прав, когда писал, что во Франции в то время существовало «общественное течение в пользу не республики, а республиканской монархии, согласно мысли и формуле Мабли»⁶³. В этом отношении конституционного демократа Лафайета можно было бы с полным правом отнести к республиканцам, несмотря на то что он выступал за сохранение королевской власти, ограниченной конституцией. Хорошо знакомый с республиканской формой правления и восхищавшийся ею (со времен своего пребывания в США), Лафайет тем не менее считал, что время республики для Франции еще не наступило. Его вывод подтверждает сама история. Без малого сто лет потребует Франция для того, чтобы в ней окончательно утвердился республиканский строй. Дважды до этого предпринимались попытки провозгласить во Франции республику — в 1792 и в 1848 гг., и обе они погибли в результате государственных переворотов. Первая просуществовала двенадцать лет, из которых почти половина приходится на бонапартистскую диктатуру; вторая — и того меньше — всего три года. Вряд ли этот феномен можно объяснить лишь действием субъективных факторов.

«...Лафайета, — как справедливо заметила Жермена де Сталь, — надо отнести к истым республиканцам... и тогда легко будет понять в отдельных случаях расхождение между его делами и глубокими убеждениями. Поддерживая монархию больше по рассудку, чем из симпатии, он невольно следовал тем принципам, с которыми вынужден был бороться, его можно заподозрить и в некоторой слабости к друзьям Республики, хотя рассудок запрещал ему стать в ряды защитников этой системы»⁶⁴. Для Лафайета королев-

ская власть — это прежде всего и только власть исполнительная, соответствующая к тому же давней французской традиции. Суверенные же права нации, по его убеждению, должно выражать Национальное (в тот момент Учредительное, а затем Законодательное) собрание. Примирить эти две власти, привести их в состояние гармонии — вот чему всеми своими силами пытался, и, добавим, безуспешно, содействовать генерал Лафайет.

«В течение трех лет престиж Лафайета был огромен, — отмечал А. Барду. — Он затмевал популярность Неккера и даже Мирабо. Он мог все, но хотел быть лишь честным гражданином»⁶⁵. В этом утверждении вызывает сомнение только одна фраза — «он мог все». Лафайет не мог всего потому, что он был только тем, кем он был, не более... Он не был ни народным трибуном, ни выдающимся политическим стратегом, как Мирабо, у него не было и «дьявольского» честолюбия Бонапарта. По складу характера он не мог быть лидером революции да никогда и не претендовал на эту роль. Свою миссию он видел лишь в защите революции. Он действительно был прежде всего честным гражданином. «Драма некоторых незаурядных личностей, — писал по этому поводу другой биограф Лафайета, член Французской Академии Р. де Кастри, — оказаться в обстоятельствах, которые руководят ими, превосходя их возможности. В тени Вашингтона Лафайет мог проявить блестящие качества исполнителя. Людовик XVI никак не соответствовал роли лидера, ему хотелось идти впереди, но это было выше возможностей Лафайета: он был способен не к последовательной политике, но только к благородным поступкам, которые в те трагические дни поднимали его выше его самого. ...Большое несчастье для человека, — продолжал де Кастри, — служить тому делу, которое он презирает, и, судя по всему, Лафайет не смог с ним справиться. Конечно, с юных лет выступив против монархии, он отдал свою душу плебсу; когда же он увидел этот плебс в его крайностях, в нем против его воли закипела древняя аристократическая кровь»⁶⁶⁻⁶⁷. Трудно сказать, действительно ли после похода на Версаль в жилах Лафайета закипела кровь аристократа (он и после никогда не использовал свой титул), но факт остается фактом: с октября 1789 г. он сближается с королем, пытаясь склонить его на путь лояльного

сотрудничества с революцией. Некоторые его современники (из числа якобинцев), а вслед за ними и немногие позднейшие историки восприняли это как переход в лагерь монархической реакции. Забегая вперед, отметим, что подобные обвинения были лишены всяких оснований. Измена зрела совсем в другом и, как это часто бывает, в самом неожиданном человеке, о чем современники даже не подозревали. Тем сильнее было их потрясение, когда она внезапно обнаружилась. Лафайет был поражен не менее других, хотя он никогда не скрывал своей неприязни и недоверия к графу Мирабо.

ЛАФАЙЕТ И МИРАБО

При том, что Лафайет и Мирабо принадлежали к одной партии — конституционалистов, трудно было найти двух других более непохожих людей. По цельности характера Лафайет скорее был сродни Робеспьеру — своему наиболее непримиримому противнику. Во всех тогдашних партиях — конституционалистов, якобинцев, жирондистов — были свои лучшие люди, хотя, разумеется, политическое лицо этих партий определялось отнюдь не нравственными качествами отдельных их представителей. Вспомним, что Филипп Орлеанский тоже объявил себя якобинцем и даже голосовал за казнь своего кузена — Людовика XVI...

Мирабо никогда не был совестью своей партии. Он был ее вождем — вождем выдающимся, если иметь в виду его интеллектуальные способности, проницательность политического стратега большого масштаба. Благодаря своим выдающимся способностям на каком-то этапе он был даже вождем революции. Безусловно, он был ярче и талантливее Лафайета, но в данном случае мы рассматриваем не политический, а нравственный аспект личности этих двух лидеров революции. Между прочим, этот нравственный аспект оказывал решающее влияние на политическую линию Лафайета и Мирабо.

Прежде всего необходимо подчеркнуть принципиальную различную природу протеста Мирабо и Лафайета против абсолютизма. У Мирабо этот протест носил скорее личный характер, в то время как у Лафайета он был вызван глубокими нравственно-политическими принципами.

Человек трудной, изломанной судьбы — жертва отцовского деспотизма и печально известных «lettres de cachet», Мирабо несколько лет провел в тюрьмах. Вся его жизнь до 1789 г. — цепь непрерывных авантюрных скандалов, постоянных любовных историй, вечных поисков денег. В то время, когда 19-летний Лафайет сражался за свободу в Америке, 30-летний Мирабо, успевший, правда, опубликовать «Опыт о деспотизме», целиком поглощен романом с замужней дамой Софи де Моннье, с которой он бежит в Швейцарию, спасаясь от преследования оскорбленного мужа и закона. Мирабо считался изгоем среды, где Лафайет был героем.

Когда объявили о созыве Генеральных штатов, Мирабо не смог добиться избрания депутатом от своего сословия, которое чуралось его, и потому он вынужден был баллотироваться от третьего сословия. Буржуа охотно поддержали графа, чье красноречие вызывало у них восхищение. Беспринципность Мирабо, презрение к тем, кто избрал его своим депутатом, обнаружатся только после его смерти, когда станет известным содержимое знаменитого «железного шкафа»*. Но в 1789–1790 гг. он был подлинным кумиром третьего сословия.

Столкновение Лафайета и Мирабо — это столкновение между убежденностью и беспринципностью, благородством и низостью, идеализмом и корыстью.

Лафайет не мог соперничать с Мирабо на трибуне Национального собрания — здесь Мирабо не имел себе равных. Но и Мирабо не мог не считаться с одним из самых влиятельных людей Франции — командующим Национальной гвардией, чью неприязнь он ощущал, но с которым тем не менее вынужден был даже заигрывать. После 14 июля Мирабо всеми силами стремился стать главой министерства, и поддержка командующего была для него немаловажна. Свидетельством высокого авторитета Лафайета было решение Учредительного

* Вскоре после свержения монархии 10 августа 1792 г. слесарь Гамен открыл секрет потайного железного шкафа в апартаментах короля, который он изготовил совместно с Людовиком XVI, увлекавшимся кузнечным делом. В этом шкафу король хранил свои секретные документы, в том числе и записки Мирабо. К слову сказать, в этом тайнике не оказалось ни одного документа, как-либо компрометирующего Лафайета в его тайных связях с двором.

собрания от 29 октября 1789 г. отлить памятную медаль с изображением генерала в знак признания его заслуг перед революцией. Мирабо сделал из этого соответствующий вывод и уже 5 ноября пригласил Лафайета к себе домой обсудить политическую обстановку. В ходе разговора он дал понять генералу, что рассчитывает на его поддержку в Собрании в случае, если встанет вопрос о формировании нового правительства. Лафайет отказался дать Мирабо какие-либо обещания и перевел разговор на другое. Единственное, в чем сошлись собеседники, так это в необходимости предотвратить новые вспышки народной стихии вроде той, что произошла 5 октября.

Мирабо остался явно недоволен результатами встречи, что следует из его письма графу де Ла Марку, австрийцу на французской службе, доверенному лицу Марии Антуанетты, с которым Мирабо с осени 1789 г. вел оживленную переписку и который позднее стал посредником между «народным трибуном» и двором. До событий 5–6 октября Мирабо делал ставку на Филиппа Орлеанского, думая, что тот сумеет стать хотя бы регентом. Когда же Лафайет по существу выслал из Франции скомпрометированного герцога, Мирабо стал все больше сближаться с Людовиком XVI.

В письме к Ла Марку Мирабо писал о Лафайете: «Этот человек не способен ни на обман, ни на то, чтобы сдержать свое слово. Будучи в принципе беспомощным, в момент взрыва он может многое... Поначалу он был неразговорчив. Потом, когда я показал ему, что знаю по меньшей мере столько же, сколько и он, Лафайет разговорился. Очень ясно и даже деликатно он высказался за необходимость давать отпор взрывоопасным действиям»⁶⁸.

На следующий день Мирабо добавил к своей характеристике Лафайета: «Трудно быть более отстраненным (от влияния на политические дела. — П.Ч.), чем он (Лафайет. — П.Ч.)»⁶⁹. Это было явное преувеличение, опровергаемое дальнейшим поведением самого Мирабо, который еще долгое время пытался склонить на свою сторону «утратившего влияние» Лафайета.

Лафайет был не единственным, кто разгадал тайные замыслы Мирабо. «Триумвират» молодых честолюбцев — Антуан Барнав, Адриен Дюпор и Александр Ламет, — поддержанный Робеспьером и Петионом, 7 ноября провел через Собрание декрет, запрещающий

депутатам Учредительного собрания занимать министерские посты. Надежды Мирабо рассеялись как дым. «Мирабо был в бешенстве, — писал его биограф А. З. Манфред. — Но ему не в чем было себя винить, разве лишь в том, что он не разглядел вовремя контригры своих противников. Но что можно было сделать, когда вносят проникнутое столь добродетельными мотивами предложение? Он хорошо знал цену этой показной добродетели, но попадаться в ловушку не хотел.

Что же дальше? Путь к креслу главы министерства, даже просто министра был отныне для него навсегда закрыт. Но он оценил должным образом, что граф де Ла Марк и после декрета 7 ноября сохранял интерес к нему и дружеский тон в переговорах. Из этого явствовало, что в королевском дворе продолжают придавать значение депутату от Прованса. Стало быть...

Его прирожденный дух авантюризма и быстрый ум подсказали ему новый возможный вариант: если нельзя быть официальным премьером, то почему, собственно, нельзя выполнять ту же роль тайно, в глубоком секрете? Почему следует отказываться от тонкой двойной игры: сохранять положение влиятельного политического лидера Собрания и быть в то же время — понятно, в величайшей тайне — секретным советником короля, направляющим всю его деятельность? Это была, конечно, крайне опасная, рискованная игра, но его вкусу и темпераменту азартного игрока сама рискованность этой игры на острие ножа представлялась, может быть, именно поэтому особенно соблазнительной» ⁷⁰.

10 ноября, т. е. на третий день после принятия декрета, похоронившего надежды Мирабо, граф де Ла Марк писал своему другу: «Что же делать? Именно вам, мой дорогой граф, надлежит составить план действий. А я постараюсь внушить Лафайету, что он рискует полностью утратить всю свою славу, если не окажет вам доверия... Совершенно очевидно, что, если Лафайет будет колебаться и терять время, он станет ничем» ⁷¹. Как видим, двор очень рассчитывал на то, что Лафайет поддержит Мирабо. Насколько эти расчеты были неосновательными, мы увидим ниже.

Для Лафайета важнейшим критерием в оценке людей был их нравственный облик. Недаром он был любимым учеником и другом Вашингтона и Франклина...

Лафайет признавал за Мирабо его выдающиеся способности, в своих воспоминаниях он называл Мирабо «незаурядным человеком»⁷², но в тех же воспоминаниях он признавался, что «аморальность Мирабо шокировала его»⁷³.

А «народный трибун» все не терял надежды склонить командующего к союзу — в конце концов они стояли на одной политической платформе. Он афишировал хорошие отношения с Лафайетом, а за глаза называл его Жиль Цезарь. Лафайет же целиком был поглощен делами Национальной гвардии и участием в подготовке конституции. В письме к своему кузену, убежденному роялисту маркизу де Буйе, Лафайет, надеявшийся сделать из него конституционалиста, признавался: «Обстоятельства и доверие народа возложили на меня ответственность, значительно превышающую мои таланты. Я надеюсь доказать, что ненавижу фракционность в такой же степени, в какой люблю Свободу, и с нетерпением ожидаю случая, когда я смогу доказать, что никакой личный интерес никогда не присутствовал в моей душе»⁷⁴.

В последних числах декабря 1789 г. в Париже был раскрыт заговор маркиза де Фавра, состоявшего на службе у графа Прованского. Маркиз готовил бегство короля за пределы Франции. Заговор предполагал убийство Байи и Лафайета. С этого времени в Париже возникло подозрение в отношении лояльности Людовика XVI.

После раскрытия заговора де Фавра, который 19 февраля 1790 г. по приговору суда был повешен, двор предпринял новую попытку примирить Лафайета и Мирабо. В ответ на сделанное ему предложение Лафайет заявил: «Я его не люблю, не уважаю и не боюсь»⁷⁵. В письме к американскому дипломату Моррису от 1 января 1790 г. Лафайет называет Мирабо «активным и ловким мошенником»⁷⁶.

12 января в письме к Вашингтону Лафайет дал оценку положения во Франции и посвятил его в свои заботы и тревоги: «Как часто, мой горячо любимый генерал, мне не хватает Ваших мудрых советов и Вашей дружеской поддержки! Мы продвинулись по пути революции и сумели уберечь наш корабль от крушения между рифами аристократии и фракционности. В условиях непрекращающихся и даже оживившихся усилий сторонников прошлого, а также честолубцев мы идем к

приемлемому завершению нашего дела. Сейчас то, что существовало ранее, уже разрушено, а новое политическое здание еще возводится; не будучи совершенным, оно тем не менее способно обеспечить свободу. Подготовленная таким образом нация будет в состоянии избрать через два года Конвент, который сможет исправить недостатки Конституанты (Учредительного собрания. — П.Ч.)» 77.

20 февраля 1790 г. Лафайет произнес в Собрании речь, в которой он сказал: «Революции свойственны беспорядки: Старый порядок был не чем иным, как рабством, и поэтому восстание против него является священным долгом. Нужно путем принятия конституции утвердить новый порядок, нужно обеспечить безопасность человеческой личности, нужно заставить граждан полюбить новую конституцию, нужно, наконец, чтобы государственная власть обрела силу и энергию» 78.

Речь Лафайета имела большой успех. Через два дня, 22 февраля, Собрание единогласно приняло резолюцию о возмещении Лафайету убытков (как и в период своего участия в Американской революции, Лафайет нередко расходовал собственные средства для оснащения Национальной гвардии) в сумме 100 тыс. ливров. По своему обыкновению он решительно отказался от всякой компенсации. Мирабо в очередной раз недоуменно пожимал плечами, думая про себя: «Что за глупец этот маркиз!»

Сам же Мирабо через посредство Ла Марка к тому времени уже договорился с двором об условиях тайного сотрудничества. Начиная с 10 мая 1790 г. Мирабо становится тайным советником Людовика XVI и Марии Антуанетты. В этот день он направил королю письмо, в котором заверил его в своих верноподданнических чувствах. «Я обязуюсь, — писал он Людовику XVI, — использовать все мое влияние в подлинных интересах короля... Я обещаю Вашему Величеству мою лояльность, усердие, активность, энергию и мужество...» 79

По условиям соглашения Мирабо обязался составлять для короля подробные записки с анализом ситуации, изложением намерений Собрания и рекомендациями двору. Со своей стороны двор брал на себя определенные финансовые обязательства. Из своих личных средств королева передавала более

208 тыс. ливров на погашение долгов Мирабо; король же обязался выплачивать ему ежемесячно по 6300 франков. Кроме того, Людовик XVI передал нотариусу 1 млн ливров, разделенный на четыре доли, по 250 тыс. каждая, которые выплачивались Мирабо в качестве гонорара за оказываемые им услуги⁸⁰. Мирабо был обещан пост французского посла в Константинополе.

«Таково, — писал А.З. Манфред, — было реальное содержание тайного соглашения Мирабо с королевским двором, вошедшее позднее в историю под названием великой измены графа Мирабо... Мирабо пошел на эту сделку с монархией с легким сердцем, не испытывая никаких моральных сомнений»⁸¹.

Уже 1 июня 1790 г. Мирабо направил свою первую записку двору (всего он их напишет пятьдесят). В ней он, между прочим, изложил и план политического устранения Лафайета, назвав его наиболее опасным противником королевской власти⁸². Вероломство Мирабо с яркой силой проявилось в следующем его поступке: в тот самый день, когда в письме к королю он размышлял о средствах устранения Лафайета с политической сцены, Мирабо пригласил генерала к себе побеседовать с глазу на глаз, но Лафайет в последнюю минуту от встречи отказался. Раздосадованный Мирабо вторично взял в руки перо, которым совсем недавно писал королю, и обратился к Лафайету: «О, месье Лафайет! Ришелье был против нации, за двор, и, хотя сделал много дурного в плане общественных свобод, он в то же время сделал много хорошего для монархии. Будьте же Ришелье при дворе ради интересов нации, и Вы исправите монархию, расширив и укрепив политические свободы. Но у Ришелье был свой капучин — отец Жозеф; найдите же и Вы себе серое преосвященство, иначе Вы проиграете и не спасете нас. Ваши высокие качества нуждаются в дополнении моим импульсом; мой импульс нуждается в Ваших высоких качествах... Я Вам более необходим, чем все Ваши комитеты, вместе взятые...»⁸³

Итак, Лафайет — Ришелье, а Мирабо — отец Жозеф! Это была сомнительная аналогия. Лафайет понял, что его хотят заманить в ловушку. Он ответил решительным отказом, не желая иметь никаких дел с Мирабо. Его помыслы и мечты были бесконечно далеки от низ-

менных расчетов продавшегося «народного трибуна». В письме к Вашингтону Лафайет писал: «Наша революция продолжает свой марш столь счастливо, как это только возможно для нации, которая, приобретая все свободы, все еще склонна путать их со вседозволенностью. У Собрания больше ненависти к старой политической системе, чем опыта в организации нового конституционного управления... Мы подвержены нападкам с двух сторон — аристократии, стремящейся к контрреволюции, и несносных людей, желающих уничтожить всякую власть... Эти две партии — источники всех беспорядков» ⁸⁴.

Еще 14 апреля Лафайет направил королю памятную записку с изложением своих взглядов на будущую конституцию, а также на организацию армии, флота и Национальной гвардии. Он писал о значении Декларации прав, о принципе разделения властей, о путях укрепления единства нации и о необходимости участия всех граждан в защите Отечества. По убеждению Лафайета, король должен быть главой исполнительной власти и осуществлять внешнее представительство Франции; вся же полнота законодательной власти должна принадлежать Национальному собранию ⁸⁵.

19 июня 1790 г. Учредительное собрание по предложению М. де Монморанси приняло декрет об отмене всех дворянских привилегий, включая титулы, гербы, ливреи. Лафайет с энтузиазмом поддержал это предложение, заявив, что «в свободной стране могут быть только граждане и чиновники» ⁸⁶. Когда один из депутатов предложил сделать исключение для принцев крови, членов королевской семьи, в частности оставить за ними почетное именование Монсеньор, Лафайет решительно воспротивился: «Они не более как активные граждане наряду со всеми другими французами и обязаны подчиняться требованиям закона» ⁸⁷. Выступление Лафайета в Собрании вызвало у короля крайнее неудовольствие. Принятый большинством голосов декрет отменил наследственное дворянство во Франции со всеми привилегиями для дворян, которые отныне должны были носить только собственные фамилии, а не фамилии, образуемые от принадлежащих им владений.

Зато Мирабо открыто отказался подчиниться принятому декрету, согласно которому он должен был име-

новаться гражданином Рикетти *. Он продолжал выступать и подписывать бумаги как граф де Мирабо.

Мирабо не прекращал попыток сблизиться с Лафайетом. Он пытался привлечь к этому самого Людовика XVI. 29 июня король по наущению Мирабо написал Лафайету письмо, в котором призвал его оказать поддержку Мирабо. Правда, в этом письме он поменял их местами. Роль Ришелье отводилась теперь Мирабо, а роль отца Жозефа должен был исполнять Лафайет. «Мы абсолютно убеждены в том, — писал Людовик XVI, — что именно Мирабо — гот человек, который благодаря своему влиянию и талантам наилучшим образом подходит для того, чтобы контролировать положение дел в Собрании. Мы, следовательно, ожидаем и требуем от месье де Лафайета усердия и преданности, а также готовности к согласованным действиям с г-ном Мирабо по предметам, кои затрагивают благо государства и мои личные интересы»⁸⁸.

Это письмо так и не было отправлено адресату. Скорее всего король понял безнадежность и даже опасность своей затеи. Письмо было обнаружено в потайном «железном шкафу» короля.

ПРАЗДНИК ФЕДЕРАЦИИ

Летом 1790 г. Лафайет находился в зените своей популярности. Он приближался к самому яркому дню своей жизни — 14 июля 1790 г., когда на общенациональном празднике Федерации был провозглашен главой всех федератов Франции, главнокомандующим Национальной гвардией.

Еще 23 января 1790 г. коммуна Парижа разослала письма в муниципалитеты всех городов Франции с предложением учредить Федерацию, объединив отряды национальной гвардии под единым командованием. Призыв Парижа был поддержан 4 млн национальных гвардейцев, которые избрали 14 тыс. своих представителей на праздник Федерации, приуроченный к годовщине взятия Бастилии — 14 июля 1790 г.

Подчеркивая огромное значение праздника Федерации, П. А. Кропоткин в своем капитальном исследовании о Великой французской революции отмечал: «До 1789 г. Франция не представляла собой ничего цель-

* Полное имя Мирабо — Оноре-Габриэль Рикетти де Мирабо.

ного. Это была историческая группа, связанная общей властью, но ее различные части, ее провинции мало знали и не любили друг друга. Только после событий 1789 г., после ударов, нанесенных остаткам феодализма, после прекрасных минут, пережитых сообща представителями разных частей Франции, между провинциями зародилось чувство единения, взаимности. Вся Европа приходила в восторг от слов и дел революции; как же могли противиться объединению в общем движении к лучшему будущему те области, которые сами участвовали в нем? Символом этого объединения и явился праздник Федерации»⁸⁹.

На огромном пустыре, называвшемся Марсовым полем, развернулись большие подготовительные работы, в которых было занято 15 тыс. рабочих.

Любопытно описание подготовки к торжествам, оставленное И. М. Симолиным. В приложении к донесению от 9 июля 1790 г. он сообщал в Петербург: «Марсово поле представляет собой уже несколько дней самое необычайное зрелище. Амфитеатр, возводимый по всей его окружности, оставался незаконченным, несмотря на непрерывную работу от 12 до 15 тысяч рабочих. Граждане из опасения, что эта большая работа не будет выполнена к намеченному сроку, взялись однажды вечером за заступы и лопаты, чтобы помочь рабочим. На другой день стечение народа стало еще многочисленнее, можно было видеть людей всех сословий, всех возрастов, нарумяненных женщин в шляпах, украшенных перьями, кавалеров ордена Св. Людовика, аббатов, монахов — все они поспешили принять участие в этих работах.

Таким образом, более 40 тысяч человек занято теперь сооружением этого обширного амфитеатра.

Вокруг всего поля возвели земляной вал, возвышающийся ступенями, на нем будут установлены в тридцать рядов скамейки, что составит сто шестьдесят тысяч удобных мест, где смогут сидеть все граждане. Кроме того, на остальном пространстве вала может поместиться стоя более 10 тысяч человек, так что Марсово поле превратится в огромный зал, который вместит кроме Национального собрания, короля, всего двора, депутатов от различных коммун и всех, кто должен присутствовать на празднике, еще 300 тысяч зрителей.

Простой Алтарь вышиною в 25 футов, воздвигнутый на широких ступенях, будет единственным украшением этого храма. Триумфальная арка будет его замыкать»⁹⁰.

Когда утром 14 июля сотни тысяч зрителей собрались на Марсовом поле, центром всеобщего внимания стали не Людовик XVI и не Мария Антуанетта, державшая на руках дофина, не Байи и даже не Мирабо, который накануне усиленно распространял слухи, будто Лафайет намерен воспользоваться праздником Федерации, где будет собрана в полном составе верная ему Национальная гвардия, для переворота и установления своей диктатуры. Взоры парижан и представителей 83 департаментов Франции были обращены на Лафайета, который на белом коне принимал парад Национальной гвардии. Процессию возглавлял детский батальон в полном вооружении; за ним — побатальонно отряды Национальной гвардии. Торжественное шествие замыкали члены Собрания. Алтарь Отечества окружали триста священников в белых ризах, подпоясанных трехцветными шарфами. Епископ Отенский — Талейран — отслужил торжественную мессу, благословив древнее знамя французских королей и знамена 83 департаментов Франции. По окончании мессы два гренадера под громкие крики многотысячной толпы подняли Лафайета на алтарь, откуда он произнес торжественную присягу, вслед за ним ее повторили все присутствующие: «Клянемся всегда быть верными нации, закону и королю! Клянемся всеми силами защищать конституцию, выработанную Национальным собранием и одобренную королем!.. Клянемся сохранять нерасторжимые узы братства между всеми французами!»⁹¹

Едва отзвучали последние слова присяги, как зазвенели фанфары и воздух сотрясли залпы артиллерийского салюта. Затем король дал торжественную клятву соблюдать конституцию.

Во второй половине дня праздник переместился на площадь, где совсем недавно возвышались мрачные башни Бастилии. Внезапно разыгравшийся дождь не мешал людям весело кружиться в танцах. Они искренне верили, что завтрашний день обещает им новую, счастливую жизнь.

Переворота, который зловеще предсказывал Мирабо, не произошло. Обвинения Лафайета в «цезаризме» не имели под собой ни малейших оснований, и вряд ли

сам Мирабо всерьез верил в то, что пытался внушить другим. «...Всякая честолюбивая мысль была чужда в эту минуту человеку, приобретшему такой нравственный авторитет, — отмечал русский биограф Лафайета В. Я. Богучарский. — Его скорее можно упрекнуть в легковерии, ибо он верил, что на великом торжестве четырнадцатого июля весь французский народ проникся воззрениями Руссо, что нет никакой задней мысли у короля, нет ее и у служившего мессу епископатеиста Талейрана... Впрочем, такой энтузиазм разделялся тогда во Франции многими и многими...» 92

В действительности Мирабо ждал от Лафайета 14 июля совсем другого, а именно восстановления «попранных прав» Людовика XVI. Об этом более чем откровенно писал сам Мирабо в 12-й по счету секретной записке двору, отправленной 17 июля 1790 г.: «Нет смысла распространяться по поводу праздника Федерации, который уже прошел, и доказывать, до какой степени там компрометировали короля в ущерб его авторитету, до какой степени поощрили страшного человека (Лафайета. — П.Ч.), поощрили вопреки ему самому, до какой степени помогли ему исправить его собственные ошибки, наконец, до какой степени его превратили в человека Федерации, уникального человека, человека провинций, несмотря на бездарность, которую он продемонстрировал на этом торжественном событии, где он, обладая самыми большими возможностями, какие только можно вообразить, свел на нет все, чего он достиг; с какой легкостью он мог там, в обстановке монархического энтузиазма народа, вернуть королю его подлинное место в глазах общественного мнения...» 93

Даже в это время Мирабо не оставлял надежды возглавить министерство. 18 июля 1790 г. он писал графу Ла Марку: «Я готовлю записку (королю. — П.Ч.) с обоснованием министерства, и в связи с этим нам необходимо о многом поговорить, в частности с Монмореном, тем более что Лафайет полон решимости помешать мне в этом. Нужно любой ценой расстроить его планы» 94.

В периоды революционных потрясений тайное становится явным, пожалуй, раньше, чем в обычных условиях. Марат первым почувствовал измену Мирабо. Еще в ноябре 1789 г. на страницах своей газеты он обещал разоблачить графа Мирабо 95. 16 июля 1790 г.

«Друг народа» так характеризовал Мирабо: «Этот низкий негодяй, запятнанный столькими преступлениями и нечистой жизнью, для которого не существует ничего святого!» 96

Известно, что Марат часто был не прав в своих публичных обвинениях. Измена нередко виделась ему там, где ее вовсе не было. Нередко скомпрометированные, а иногда и подвергнутые аресту люди, на которых Марат указывал как на предателей, оказывались честными гражданами, и после проведенного расследования им приносились извинения. Однако в случае с Мирабо Марат оказался поистине пророком.

Летом 1790 г. по Парижу разошелся анонимный памфлет под многозначительным названием «Великая измена графа де Мирабо». Правда, мало кто из парижан всерьез воспринял этот обвинительный документ. Столица в те годы была буквально засыпана листовками и брошюрами самой разной политической окраски, и редко кто из видных деятелей революции избежал тех или иных обвинений. Престиж же «народного трибуна» Мирабо был по-прежнему велик: он был вне всяких подозрений.

Кстати, тогда же, летом 1790 г., появились и первые признаки нападок на Лафайета, правда пока еще скрытые. В книжных лавках и на парижских улицах из-под полы можно было купить сочинение непристойного содержания под названием «Частная, беспристрастная, политическая, военная и семейная жизнь маркиза де Лафайета», где в самом развязном тоне живописались интимные отношения Лафайета с Марией Антуанеттой. Учредительное собрание решительно осудило этот анонимный пасквиль. Тем не менее время от времени появлялись новые брошюры и карикатуры, направленные против Лафайета. Ну что же! В дни революции слава — вещь ненадежная: иной раз она уходит так же внезапно, как и приходит. Еще вчера толпа рукоплескала своему кумиру, а сегодня с улюлюканьем провожает его на эшафот. Байи и Барнав, Бриссо и Дантон, Демулен и Петион, Робеспьер и Сен-Жюст... сколько было их, вкусивших ее сладость и познавших ее горечь? В периоды революционных потрясений затишье случается редко, оно обманчиво, а стрелка политического барометра непрерывно совершает самые неожиданные скачки.

Своеобразие позиции Лафайета в революции объясняет тот факт, что он подвергался все более острым нападкам как справа, так и слева. Ультрароялисты считали его своим противником еще со времен Американской революции: их давно шокировали «республиканские» настроения маркиза. Теперь же, когда в их глазах он был едва ли не лидером конституционалистов (а они не могли слышать даже слово «конституция»), главнокомандующий Национальной гвардией стал смертельным врагом для вождей роялистов — графа д'Артуа, принца Конде и др. Подчеркнутый демократизм Лафайета встречал непонимание даже у тех, кто не считался роялистом и кто как будто симпатизировал ему. Примером может служить Жермена де Сталь, язвительно сказавшая о генерале: «Лафайет напоминает свечу, которая светит только для народа и которая неприятно пахнет, когда гаснет»⁹⁷.

Если правые видели в Лафайете опасного революционера, то левые, и прежде всего Марат, подозревали его в сговоре с монархической реакцией. Еще в начале 1790 г. Друг Народа, забыв свои недавние похвалы в адрес Лафайета, обращался со следующим предостережением: «Можете ли вы продолжать оказывать доверие и главнокомандующему, этому хитрому царедворцу, столь учтивому, столь приторно любезному, столь гибкому? Это ничтожный паладин, ставший героем после нескольких безопасных походов, равнодушный философ, только и помышляющий об обогащении; это мнимый патриот, у которого на устах неизменно одни свидетельства чистейшей гражданской добродетели. Он славу принес в жертву честолюбию, призванный возглавить парижскую милицию, он тщательно скрывал свои намерения, делая вид, боясь не понравиться, будто у него отсутствует твердая воля...

... Вспомните мое предсказание, — пророчествовал Марат. — *В один прекрасный день вы увидите этого ревностного гражданина пестро разукрашенным галунами и с жезлом маршала в руках; поскольку этот приспешник монарха станет более могущественным, чем когда-либо, для него, возможно, восстановят соблазнительную должность коннетабля*»⁹⁸.

Нет нужды вскрывать необоснованность обвинений Марата, которые лишний раз подтверждают, сколь субъективными и пристрастными могут быть оценки современников, тем более политических противников.

Позиции Марата и Лафайета с развитием революции становились все более несовместимыми: то, что для Лафайета, как и для всех конституционалистов, было завершением революции (принятие конституции), для Марата, а вместе с ним для всего якобинско-жирондистского лагеря это было лишь ее началом.

Что же касалось средств политической борьбы, то в период революционных схваток к ним никогда не подходили слишком строго.

В приведенном обличении Лафайета Маратом есть лишь одно предсказание, частично оправдавшееся. Людовик XVI действительно предложил Лафайету звание коннетабля Франции, надеясь тем самым склонить его на сторону роялистов, но генерал решительно отказался от этой чести ⁹⁹.

В дни, когда Париж приветствовал Лафайета как главу федератов Франции, Марат в номере «Друга народа» от 16 июля 1790 г. писал о нем: «Этот изменник родины, стремившийся вернуть монарху абсолютную власть и не прекращающий трудиться над восстановлением деспотизма!» ¹⁰⁰ О том, как Лафайет 14 июля 1790 г. «трудился над восстановлением деспотизма», мы уже знаем из секретной переписки Мирабо в те дни.

В бумагах Лафайета нет никаких свидетельств о его отношении к начавшимся нападениям. Зато есть основания предполагать, что он оказался явно неподготовленным к той роли, которую ему предложила история. Быть лидером революции было выше его возможностей. Оставалось довольствоваться ролью ее защитника — ролью, впрочем, двусмысленной, если учесть, что революционный процесс развивался с каждым днем, а Лафайет этого не замечал и не понимал, искренне полагая, что все дело «в происках фракций».

В результате он все больше отставал от поступательного хода революции, невольно становясь на ее пути. Его призывы к единству нации находили все меньше слушателей, зато росло число его противников как справа, так и слева. Надо сказать, что отведенная ему силой обстоятельств неблагодарная роль «обер-полицмейстера» во многом способствовала умножению его противников.

Лафайет все чаще вспоминал об армии. В это время вспыхнуло восстание в бельгийских провинциях обшир-

ной Габсбургской империи, и Лафайет начал подумывать о том, чтобы возглавить поход в Бельгию. Однако Собрание не поддержало идею вмешательства Франции в бельгийские дела.

6 августа Лафайет принял делегацию Конгресса бельгийских провинций, передавшую ему благодарность за активное сочувствие делу революции в Бельгии.

Пять дней спустя, 11 августа, он получил письмо от Вашингтона, в котором американский президент благодарил своего друга за ценный подарок — один из ключей от поверженной Бастилии. Выразив полную поддержку французской революции, Вашингтон отметил, что конституционная монархия для Франции явится лучшим завершением «штормового плавания корабля революции, который, достигнув гавани, обретет покой, свободу и славу»¹⁰¹.

Мнение глубоко уважаемого им человека еще более укрепило Лафайета в желании примирить монархию и революцию.

С конца лета 1790 г. роялисты, убедившись, что Людовик XVI теряет позиции, решают похитить короля из революционного Парижа. Людовик XVI должен лично возглавить контрреволюцию, опираясь на верные ему войска на востоке страны. Идея бегства короля из столицы впервые была выдвинута Мирабо. Во главе заговора были три человека — любовник Марии Антуанетты граф Ферзен, министр двора барон де Бретейль и маркиз де Буйе, командовавший крупным гарнизоном в Нанси.

Именно ему, маркизу де Буйе, отводилась наиболее ответственная роль — подготовить верные войска для похода на Париж.

Видимо, в соответствии с этим планом король добился 20 августа от Собрания назначения Буйе командующим всеми войсками, сосредоточенными в Эльзас-Лотарингии, Франш-Конте и Шампани. В результате под его командованием оказалось 90 батальонов пехоты и 104 эскадрона кавалерии¹⁰².

Убежденный роялист, де Буйе всегда считал своего молодого кузена мятежником-дезертиром. Однако, вынужденный считаться с новым положением Лафайета, в переписке с ним он был крайне осторожен. Только этим да разве еще наивной доверчивостью Лафайета можно объяснить его попытки обратить Буйе в свою веру. «Всем сердцем, мой дорогой кузен, я с

Вами, — писал он 18 августа Буийе, — ибо убежден, что Вы будете служить нашей конституции; я так нуждаюсь в Вашей поддержке для сохранения общественного порядка» 103.

Не кто иной, как маркиз де Буийе, стал в августе 1790 г. усмирителем солдатского восстания в Нанси. Кровавое подавление этого восстания бросило тень и на Лафайета.

ЗАЩИТНИК КОНСТИТУЦИИ

ИЗБИЕНИЕ В НАНСИ

Революционные настроения постепенно охватили и королевскую армию, руководимую в большинстве своем офицерами-монархистами. Революционизации армии способствовал, в частности, праздник Федерации, в котором приняли участие солдатские делегаты.

Солдаты все более решительно отказывались подчиняться роялистам и требовали от офицеров отчета за расходование проходивших через их руки полковых сумм. В ряде гарнизонов были вскрыты случаи задержки солдатских денег и неправильной выплаты жалованья, в связи с чем там произошли волнения.

6 августа 1790 г. Собрание приняло декрет, по которому численность армии уменьшалась и солдатам запрещалось объединяться в комитеты для обсуждения своих проблем; вместе с тем офицерам предписывалось отчитываться перед своими солдатами за расходование полковой казны.

Когда этот декрет стал известен в гарнизоне города Нанси, солдаты полка Шатовье, укомплектованного швейцарскими наемниками, немедленно потребовали от офицеров отчитаться перед ними. Затем они опечатали полковую казну и отправили делегатов в Париж, с тем чтобы представить Национальному собранию свои требования. Выступление полка Шатовье поддержали другие полки гарнизона Нанси. Начавшиеся на границе передвижения австрийских войск усилили сумятицу и вызвали панические настроения среди населения. В Париже стали распространяться самые противоречивые слухи.

Собрание, терявшееся в догадках о происходящем в Нанси, вместо того чтобы выслушать прибывших в Париж делегатов восставшего гарнизона, приказало арестовать их. 16 августа оно приняло новый декрет, обвинявший солдат Нанси в преступлении против нации и государства. Генерал де Буйе получил приказ Собрания немедленно подавить восстание. Этот приказ ему переслал Лафайет.

В тот самый день, когда Буийе 28 августа вышел из Меца во главе трехтысячного карательного отряда, Лафайет писал Вашингтону: «В настоящее время мы переживаем волнения по поводу мятежа нескольких полков, и поскольку я стал объектом нападков как со стороны аристократов (так Лафайет постоянно называл роялистов. — П.Ч.), так и мятежных элементов, то не знаю, какой из этих двух партий мы обязаны вспышкой восстания. Наша надежда и спасение — Национальная гвардия. В нашем распоряжении более миллиона граждан, вооруженных патриотическими чувствами. Мое влияние на них велико, почему я и согласился принять верховное командование над ними. Я стараюсь установить законность и порядок, что не нравится неистовым приверженцам распушенности, и в результате в последнее время я начал терять благосклонность черни; но большинство нации все же поддерживает меня.

Аристократы до сих пор не отказались от надежд совершить контрреволюцию. Они плетут интриги со всеми европейскими дворами, которые ненавидят нас. Но я уверен, что они потерпят неудачу в своих происках. В гораздо большей степени меня беспокоит раскол, начавшийся в народной партии. Два клуба, объединяющие друзей свободы, — Общество 1789 года* и Якобинский клуб — поносят друг друга. Якобинцев обвиняют в анархическом сумасбродстве, а Общество 1789 года — в пристрастии к министерским интригам. Я стараюсь примирить их.

... Я надеюсь, что наша работа (в Учредительном собрании. — П.Ч.) к концу года завершится, и тогда Ваш друг — этот амбициозный и мрачный диктатор — с радостью насладится счастьем, отказавшись от всякой власти, уйдя от всех политических забот и став рядовым гражданином свободной монархии»¹.

В этом же письме Лафайет сообщил Вашингтону о появлении слухов относительно измены Мирабо. Он и на сей раз проявляет благородство по отношению к своему недругу: «... я убежден, что нет достаточных

* В 1790 г. либералы (конституционалисты) вышли из Якобинского клуба и основали новую политическую организацию — Общество 1789 года, куда был фактически закрыт доступ демократическим элементам. Председателем Общества был избран Сиейес.

доказательств для того, чтобы выдвинуть против Мирабо обвинения»².

Зная невысокие моральные качества Мирабо, Лафайет тем не менее не мог и представить, что «народный трибун» способен упасть так низко. Мирабо же, опасаясь, что Лафайет может произвести у него неожиданный обыск и даже арестовать его самого, спрятал свои личные секретные бумаги у графа Ла Марка.

Он по-прежнему использовал любой случай, чтобы уколоть самолюбие Лафайета, скомпрометировать его в глазах общественного мнения. В момент восстания в Нанси Мирабо распустил слух, будто Лафайет добивается у Собрания разрешения лично возглавить карательную экспедицию, что, безусловно, не способствовало популярности главнокомандующего.

Тем временем Буйе захватил Нанси и учинил там настоящую бойню, сопровождавшуюся грабежами мирного населения. По некоторым сведениям, там было убито 3 тыс. человек. 32 солдата по приговору военно-полевого суда были казнены, а 41 — отправлен на галеры³.

Когда Собрание обсуждало события в Нанси, часть депутатов, в частности Робеспьер, предлагали провести предварительное расследование, но это предложение было отклонено, и Собрание единогласно приняло декрет о подавлении солдатского восстания. Следует подчеркнуть, что никто из депутатов Собрания, включая Робеспьера, не осудил кровавые репрессии, учиненные Буйе в Нанси.

Мирабо даже выступил инициатором составления благодарственного письма в адрес Буйе за подписью председателя Учредительного собрания Анри Жессе, в котором отмечались «мужество и патриотизм» генерала-роялиста⁴.

Что касается Лафайета, то он с самого начала требовал решительного подавления восстания. Он был убежден, что оно спровоцировано роялистами⁵, но в силу своей политической близорукости продолжал доверять «дорогому кузену» Буйе. Когда восстание было потоплено в крови, противники Лафайета усилили нападки на генерала за то, что он отдал приказ национальным гвардейцам департамента Мерт, куда входил Нанси, поддержать действия Буйе. «Убийца!» — бросил ему в лицо Камил Демулен, развернувший в

печати активную кампанию против Лафайета, которого он называл «самым опасным врагом свободы» ⁶.

Энергично действовал против Лафайета и Марат. «Можно ли еще сомневаться в том, — писал Друг Народа, — что великий генерал, герой обоих полушарий, бессмертный восстановитель свободы является *вождем контрреволюционеров, душой всех заговоров против родины?..*» ⁷ Впрочем, обвинения Друга Народа были явно не по адресу: в конце концов восстание подавлял не Лафайет, а Буийе...

Все эти нападки на Лафайета побудили Учредительное собрание принять специальную резолюцию, одобряющую деятельность Лафайета, «подлинного патриота, искреннего друга свободы, неутомимого защитника прав народа, неподкупного гражданина» ⁸.

Репутации, однако, создаются не резолюциями, а конкретными делами. Восстание в Нанси было первым тревожным симптомом разгоравшейся гражданской войны, которой так стремился избежать Лафайет и которой он вольно или невольно содействовал, отдавая соответствующие приказы как главнокомандующий Национальной гвардией. Положение обязывало его, с одной стороны, сдерживать революционный напор масс, а с другой — постоянно принуждать королевскую семью и партию роялистов к гражданскому повиновению Учредительному собранию. В результате же он вызывал растущее недовольство и даже ненависть как революционных демократов, так и приверженцев монархии.

Проницательный политик Мирабо понимал уязвимость положения Лафайета лучше, чем сам генерал, и умело пользовался этим в своих интригах против главнокомандующего. «Вполне возможно, — писал Мирабо в 24-й секретной записке двору 10 сентября 1790 г., — боязнь позора, что он допустил восстание, имея под рукой тридцатитысячную армию, побудит его (Лафайета. — П.Ч.) дать приказ стрелять в народ. Одним этим он нанесет сам себе смертельную рану. Возможно ли, чтобы народ, который требовал голову де Буийе за расстрел восставших солдат, простил командующему Национальной гвардией развязывание гражданской войны?» ⁹

В середине 1790 г. из Лондона в Париж вернулся герцог Орлеанский, который сразу же включился в борьбу с Лафайетом. В это время герцог сближается с набравшими силу якобинцами, начавшими кампанию за

устранение Лафайета с поста главнокомандующего Национальной гвардией. Между тем семнадцатилетний сын герцога Луи Филипп (будущий «король французов») ревностно нес службу национального гвардейца под командованием искренне уважаемого им Лафайета.

ДЕВЯНОСТО ПЕРВЫЙ ГОД

Начало нового 1791 года было отмечено резкой активизацией роялистской контрреволюции внутри страны и в эмиграции. Главная цель роялистов — организация бегства короля из революционного Парижа. Еще в ноябре 1790 г. маркиз де Буйе в письме Людовику XVI изложил план бегства королевской семьи через Варенн в Монмеди, Безансон или Валансьен под защиту возглавляемой им армии¹⁰. После некоторых колебаний король, поощряемый Марией Антуанеттой, согласился на побег и в конце января сообщил Буйе, что попытается осуществить его в марте-апреле¹¹.

Для выяснения обстановки, а главное, настроений Лафайета маркиз де Буйе отправил с секретной миссией в Париж своего сына Луи Амура, снабдив его письмом к кузену.

Лафайет радушно принял родственника и обсудил с ним парижские новости, пожалуй, он был с ним слишком откровенен, потому что Буйе-старший вскоре сообщил Людовику XVI и королеве весьма нелестные высказывания о них главнокомандующего. Буйе-младший завел разговор о якобы существующей угрозе для жизни королевской семьи и о необходимости ее спасения, что, по его мнению, целиком зависело от Лафайета. Если бы Национальная гвардия взяла под защиту королевскую семью, продолжал гость, то генерал никогда не был бы забыт «благодарным Отечеством». Лафайет ответил, что «у него нет иных амбиций, кроме общественного благополучия, он не ждет иного вознаграждения за службу, кроме одобрения и уважения своих сограждан, и что однажды, когда он выполнит свою миссию, он вернется к своему военному ремеслу или удалится в деревню, где пробудет до тех пор, пока нация в час опасности не призовет его для борьбы с деспотизмом, если последний вознамерится возродиться вновь»¹².

Визит Буйе-младшего не дал желаемых результатов. Заговорщикам стало ясно, что они не мо-

гут рассчитывать на его содействие или хотя бы нейтралитет. Об этом Буйе-младший с сожалением сообщил отцу, который, по-видимому, ничего иного и не ожидал.

Не замечая измены в непосредственной близости от себя, Лафайет внимательно следил за действиями роялистов на границах Франции. 20 января 1791 г. он добился от Собрания назначения Эро де Сешеля, Матье Дюма и Фоссэ чрезвычайными комиссарами в Эльзас для пресечения подрывных действий эмигрантов.

В середине января состоялись выборы трех администраторов только что учрежденного департамента, включающего Париж и окрестности, — Лефевра д'Ормессона, Талейрана и Мирабо. Последний не скрывал своего ликования, поскольку получил дополнительную возможность оказывать влияние на положение дел в революционной столице. Кроме того, вопреки воле Лафайета Мирабо был избран командиром батальона Национальной гвардии, формировавшейся по милицеско-территориальному принципу. Мирабо принял эту почетную должность по совету министра иностранных дел Монморена, конфидента Марии Антуанетты. В своей 49-й записке двору от 19 января 1791 г. Мирабо писал: «Я вижу в этом назначении очень надежное и безопасное средство быть в курсе планов Национальной гвардии, присутствовать на совещаниях ее руководителей, изучать их, влиять на их решения, наконец, приблизиться даже к тайнам генерала (Лафайета. — П.Ч.)»¹³. «Если бы Лафайет имел таких командиров, как я, — продолжал Мирабо, — то очень скоро армия осталась бы без генерала, а сам генерал — без армии»¹⁴. Стараясь обнадежить королевскую семью, Мирабо заметил, что «диктатура Лафайета слабеет с каждым днем»¹⁵.

28 февраля 1791 г. в Париже вспыхнули новые волнения. Батальон национальных гвардейцев Сент-Антуанского предместья, предводительствуемый Сантерром и поддержанный толпой бедняков, попытался взять штурмом Венсеннский замок — тот самый, где провел четыре года Мирабо. Трудно сказать, что побудило парижан на эти действия. Быть может, подобной попыткой повторения штурма Бастилии они выражали недовольство политикой крупной буржуазии в лице правящего конституционного блока. Нельзя исключать и того, что эта акция была спровоцирована роялиста-

ми с целью отвлечения внимания от намеченной ими на тот же день операции в Тюильри.

Лафайет поспешил на место происшествия с верными ему батальонами и быстро навел там порядок, приказав арестовать более 60 наиболее «отличившихся» мятежников. Когда он верхом возвращался из Венсеннского леса, то на улице Сент-Антуан был едва не убит неизвестным мужчиной. Один из сопровождавших Лафайета гвардейцев ударом штыка успел выбить из рук неизвестного направленный на генерала пистолет. Покушавшемуся удалось скрыться в толпе зевак, но по Парижу распространились слухи, что Лафайет убит.

Кто мог покушаться на жизнь главнокомандующего? Может быть, это был один из тех людей Сантерра, которому удалось избежать ареста у стен Венсеннского замка? А может быть, это был кто-то из тех, кто называл себя «рыцарями кинжала»?

По возвращении в Ратушу Лафайет узнал, что, пока он навел порядок в Венсеннском лесу, около 500 вооруженных роялистов из организации «Рыцари кинжала» захватили королевский дворец и объявили себя защитниками семьи Людовика XVI, предварительно спойв охранявших Тюильри национальных гвардейцев, которым было сообщено, что их генерал убит. Лафайет вновь сел на коня и устремился в Тюильри. В короткий срок он очистил дворец от «рыцарей кинжала» и арестовал их главарей. Ж. Жорес писал в связи с этим, что Лафайет решил ударить «сразу и по правым и по левым, сдержать народное движение и подавить заговоры аристократов» 16.

Действия Лафайета 28 февраля вызвали новую волну нападков на него и справа и слева. Роялисты объявили, что после событий в Тюильри Лафайет достоин смерти. Их настроения более чем определенно выразил граф Ферзен в донесении королю Швеции от 1 апреля 1791 г. «Вашему Величеству, — писал интимный друг Марии Антуанетты, — уже известны подробности постыдных и неприличных происшествий, имевших место во дворце 28-го числа прошлого месяца...

Поведение возмущившейся гвардии, а особенно господина де Лафайета, было недопустимым: он сам подписал себе *смертный приговор* (курсив мой. — П.Ч.), так как, по моему мнению, дворянство никогда не простит ему сказанных слов и приказа, вывешенного им на следующий день и полного ложных

утверждений. Одному из придворных, молодому господину де Дюра, спросившему его (Лафайета), не по его ли приказу у его двери находилось 10 или 12 солдат, он ответил: *«Да, сударь, и если бы понадобилось, я уложил бы одного даже к Вам в постель»»* 17.

В лагере левых первым заклеил действия «генерала Мотье» (на этот раз в Венсеннском лесу) неутомимый Марат. А Адриен Дюпор, выступая в Якобинском клубе, обвинил Лафайета в том, что он держит парижскую гвардию в постоянной боеготовности из-за каких-то воображаемых врагов.

В этих нападках на Лафайета обращает на себя внимание одна деталь: роялисты ни словом не обмолвились о подавлении им народного выступления в Венсеннском лесу, а революционные демократы словно не замечали заслуги Лафайета в пресечении вылазки роялистов.

Кто-то распустил слух о «тайном обеде», где Мирабо, Талейран и Лафайет переодетые и чуть ли не в масках составляли контрреволюционные планы. Слух этот приобрел столь широкое распространение, что американский дипломат Моррис сделал соответствующую запись в своем дневнике, где отмечал: «Я все же думаю, что Лафайет отобьется от обвинений, поскольку он чист, как никто другой. Мирабо, несомненно, более талантлив, но у его противника лучшая репутация» 18.

В разгар кампании против Лафайета внезапно умер, сраженный тяжелым недугом, самый опасный его противник — Мирабо. 4 апреля главнокомандующий отдал последние воинские почести Мирабо у собора Св. Жевьевы, превращенного в Пантеон.

Что он чувствовал, провожая в последний путь своего опасного недруга? Наверное, прежде всего облегчение, хотя утрата конституционалистами их ключевой фигуры не могла не беспокоить и Лафайета, ведь никто пока не знал об измене Мирабо...

Апрель 1791 г. готовил Лафайету новые испытания, связанные с неудавшейся попыткой Людовика XVI открыто выехать из Парижа. Еще в ноябре 1790 г. Учредительное собрание приняло декрет, обязывавший всех священнослужителей принести гражданскую присягу, т. е. заявить о своей лояльности по отношению к революции. Одновременно французская церковь была

объявлена полностью независимой от папского престола.

При обсуждении данного законопроекта Лафайет выступил против его принятия. Он был твердым сторонником полного отделения церкви от государства и последовательно отстаивал принцип свободы совести.

Принятие декрета вызвало раскол во французской церкви: часть священников отказалась принять гражданскую присягу.

Очень скоро в Париже стало известно, что Людовик XVI, подписавший декрет, тем не менее продолжал отдавать предпочтение неприсягнувшим священникам. Через дворцовую прислугу парижане узнали о намерении королевской семьи отправиться на Страстной неделе в загородную резиденцию Сен-Клу для участия в пасхальной литургии, которую должен был служить неприсягнувший священник.

Когда в понедельник 18 апреля король с семьей попытался выехать из Тюильри, его карета была остановлена у ворот национальными гвардейцами и собравшейся огромной толпой народа. Послали за Лафайетом.

Прибывший главнокомандующий не смог убедить гвардейцев пропустить короля. Не помогли и его заверения, что он лично доставит королевскую семью обратно в Тюильри. Это уже был акт открытого неповиновения. Наблюдавшая за тщетными попытками Лафайета уговорить солдат Мария Антуанетта сказала генералу: «По крайней мере сознайтесь в том, что мы более не свободны»¹⁹. Королевской семье пришлось вернуться во дворец.

Инцидент в Тюильри произвел на Лафайета самое тягостное впечатление. Его гвардейцы впервые отказали ему в доверии! 21 апреля Лафайет подает прошение об отставке. Утром 22 апреля, придя в Ратушу, он произнес столь страстную речь, что, не окончив ее, упал в обморок²⁰.

Обстоятельства, связанные с «инцидентом в Сен-Клу» и отставкой Лафайета, довольно подробно описал в своих дпешах в Петербург И.М. Симолин. «Мне только что стало известно, — сообщал он 22 апреля 1791 г., — что г-н де Лафайет вчера вечером подал в отставку с поста главнокомандующего Национальной гвардией; его штаб и адъютанты последовали его примеру. Утверждают, что батальоны с барабанным боем направились к нему, с тем чтобы заверить его в

своем абсолютном повиновении и просить не оставлять командование» 21.

Действительно, поздно вечером 22 апреля батальоны Национальной гвардии с развернутыми знаменами и при оружии собрались около дома Лафайета. Как утверждали свидетели, национальные гвардейцы стояли, преклонив колена. В дом к Лафайету пришли в полном составе все члены Парижской коммуны во главе с Байи. Они просили генерала забрать прошение об отставке. Он настаивал на своем решении. В депеше от 25 апреля И. М. Симолин писал: «Г-н де Лафайет известил Национальную гвардию о том, что подал прошение об отставке г-ну мэру. Затем, обратившись к офицерам и солдатам гвардии, охранявшим его дом, сказал: «Господа, я более не имею чести быть вашим генералом: следовательно, я не могу теперь иметь охрану, вы свободны. Я всегда буду помнить вашу заботу обо мне»».

«Распространившаяся новость, — продолжал И. М. Симолин, — подняла все батальоны, которые в тот же вечер маршем направились к генералу-командующему с просьбой согласиться на то, чтобы депутаты от Национальной гвардии ходатайствовали перед муниципалитетом не удовлетворять его прошение об отставке» 22.

Внушительная демонстрация возымела действие. Лафайет согласился не уходить в отставку при условии неукоснительного соблюдения дисциплины, а также наказания национальных гвардейцев, которые несли охрану Тюильри и не подчинились его приказам. «В пятницу (23 апреля. — П.Ч.), в 9 часов вечера, — читаем мы в депеше И. М. Симолина, — г-н де Лафайет появился в здании коммуны и произнес речь. В качестве условия возвращения на свой пост он потребовал от 60 батальонов повиновения закону и расформирования гренадерской роты, осуществлявшей охрану Тюильри в воскресенье 17-го этого месяца» 23. «Чтобы командовать Национальной гвардией, — заявил Лафайет, — я должен быть убежден, что все граждане уважают новый режим, доказательством чего служит их повиновение закону — единственному повелителю свободного народа. Свобода личности, неприкосновенность домашнего очага и свобода совести — принципы столь же священные для всех граждан без исключения, как и для меня» 24. Коммуна постановила разослать

текст выступления Лафайета во все 60 батальонов Национальной гвардии, которые в свою очередь принесли нечто вроде новой присяги: «Всякий солдат-гражданин клянется своей честью повиноваться закону, все замеченные в неповиновении будут исключаться из Национальной гвардии» 25.

Если верить И. М. Симолину, то уже к 29 апреля 52 батальона присягнули на верность своему главнокомандующему, Коммуне и Собранию 26. Тогда же во исполнение постановления Коммуны Лафайет на полном сборе парижской Национальной гвардии зачитал приказ о расформировании провинившейся гренадерской роты. «Депутация от 60 батальонов Национальной гвардии во главе с г-ном де Лафайетом, — сообщал в депеше от 29 апреля 1791 г. российский посланник, — направилась во дворец Тюильри и выразила королю сожаление о происшедшем 17-го и 18-го сего месяца. Его Величество принял депутацию в своем кабинете и милостиво соизволил принять заверения в подчинении и послушании» 27.

По-видимому, Лафайет совершенно искренне поверил, что «спектакль», устроенный у его дома в ночь с 21 на 22 апреля руководством Коммуны, был стихийным выражением «воли народа». Конечно, авторитет главнокомандующего был еще высок, он пока оставался символом революции.

В действительности же Лафайет остался на посту главнокомандующего благодаря поддержке, которую оказала стоявшая у власти крупная буржуазия Собранию и Коммуне. Потерять на протяжении одного месяца двух лидеров — Мирабо и Лафайета — умеренные не могли себе позволить: росло недовольство политикой конституционного блока, ширилось демократическое движение.

После инцидента 18 апреля окружение Людовика XVI ускорило подготовку к побегу. Тем временем король подчеркнуто демонстрировал лояльность к Учредительному собранию и Коммуне. Он даже принял «конституционное причастие» из рук присягнувшего священника, посещал Собрание: в Европе должны видеть, что он свободен. За всем этим скрывалась самая активная подготовка к бегству.

26 апреля Лафайет во главе делегации представителей Национальной гвардии принимал Людовика XVI в Ратуше, что дало повод Марату для очередного

памфлета под названием «Картина всех проступков и злодеяний г-на Мотье, начиная с его назначения на пост главнокомандующего парижской армией...»²⁸.

Судя по имеющимся бумагам Лафайета, он не питал больших иллюзий после инцидента 18 апреля. Это чувствуется хотя бы из его письма Вашингтону от 3 мая 1791 г. «Что касается меня лично, — признавался он, — то я по-прежнему остаюсь постоянной мишенью для атак со стороны всех партий, ибо они видят во мне непреодолимое препятствие осуществлению своих дурных замыслов... Национальная гвардия вышла из повиновения; администрация, назначившая меня, не оказывает мне поддержки; Собрание запугано; я не говорю о короле, который мало что может, а то, что еще в состоянии сделать, целиком направлено против меня. Итак, я предоставлен стихии народной распущенности и ненависти со стороны фракций. Я остался один на страже закона и обязан возвести на пути нарастающего вала конституционную плотину...»²⁹

В то время, когда роялисты тщательно готовили побег короля из Парижа, а крайне левые обличали «вероломного царедворца», Лафайет с трибуны Учредительного собрания отстаивал дорогую ему идею — отмены работорговли и рабства в колониях. Еще с 1787 г. он активно участвовал в деятельности «Общества друзей черных», где состояли также Робеспьер, Бриссо, Сийес...³⁰ Хотя Декларация прав 1789 г. формально и провозгласила отмену рабства и прекращение работорговли, на практике все оставалось по-старому. Представители белых колонистов из французских заморских владений в Учредительном собрании всячески противодействовали освобождению рабов.

На заседании 11 мая Лафайет предложил Собранию признать за свободным цветным населением колоний равные с гражданами права метрополии. «Мой первый мотив, — вспоминал он впоследствии, — был продиктован принципами гуманности; кроме того, я всегда полагал, что интересы колоний, как и торговые интересы, требуют уничтожения работорговли и предоставления гражданских прав свободным неграм, а также постепенного освобождения рабов»³¹.

Собрание не поддержало Лафайета.

Подавляющее большинство в якобинской партии, не говоря о конституционалистах, высказалось против

его предложений. Любопытно, что Лафайет был поддержан Робеспьером, также считавшим необходимым признать за свободным населением колоний гражданские права ³².

В ходе дискуссии в Собрании Лафайет неожиданно был подвергнут необоснованным нападкам со стороны депутата Дюваль д'Эпремениля, обвинившего его в том, что «борец против рабства» на своих плантациях в Гвиане использует рабский труд и занимается работоторговлей. Лафайет не удостоил обидчика ответом, но на следующий день парижские газеты напомнили, что еще в 1785 г. Лафайет первым начал дело освобождения негров в Гвиане: если он и покупал рабов, то исключительно в целях последующего их освобождения ³³.

Пришедшее к власти после 10 августа 1792 г. жирондистское правительство во главе с Бриссо примет решение о конфискации гвианских плантаций Лафайета, как и всего его имущества во Франции, и продаст работавших там освобожденных негров в рабство ³⁴.

Лафайет вновь погрузился в текущие политические заботы. В письме к Вашингтону от 6 июня 1791 г. он писал: «Эмигранты концентрируют силы на наших границах и плетут интриги со всеми деспотическими кабинетами; наша армия состоит из офицеров-аристократов (Лафайет имел в виду роялистов. — П.Ч.) и недисциплинированных солдат... Собрание устало от длительной работы. Вопрос о гражданской присяге для священников добавляет трудностей и к без того тяжелому положению. Но, несмотря ни на что, — оптимистично заключал он, — мы идем вперед...» ³⁵

ВАРЕННСКИЙ КРИЗИС

Весной 1791 г. Париж жил слухами о готовящемся побеге короля и его семьи за границу. Встревоженный Лафайет при встрече с королем прямо задал ему вопрос по этому поводу. Разумеется, он получил заверение, что слухи эти совершенно несостоятельны. Поверив королевскому слову, Лафайет имел неосторожность неоднократно заявить публично о том, что он ручается головой — король не покинет Париж. Он настойчиво опровергал возникшие в отношении Людовика подозрения.

Между тем все было готово к побегу, организованному отцом и сыном Буийе, Ферзенем и Бретеyleм. 27 мая 1791 г. в письме к маркизу де Буийе король назначил дату побега — в ночь с 19 на 20 июня³⁶. Первоначально предполагалось бежать 8 июня, но из-за подозрений, возникших у горничной королевы, побег пришлось отложить на 20 июня^{37*}.

В тот день в Тюильри все шло как обычно, разве что король и королева в беседах с посетителями были чуть более оживлены. Вечером Людовик XVI, подводя итоги прошедшего дня, записал: «Ничего». Любопытно, что такая же запись была сделана им и 14 июля 1789 г.

В установленный этикетом час, как обычно, совершалась церемония отхода короля ко сну, на которую в тот вечер специально был приглашен Лафайет. Людовик XVI любезно побеседовал с ним о каких-то пустяках. Едва генерал покинул Тюильри, как король, отпустив камердинера, быстро переоделся в заранее подготовленный костюм лакея и через потайной ход прошел в пустующую квартиру герцога де Виллссье, где его поджидал один из заговорщиков — де Мальден. Незамеченные в темноте, они пересекли площадь Карусель. У отеля Геларбуа король сел в карету, которой управлял переодетый кучером граф Ферзен. В карете его уже ждали дети, гувернантка, мадам де Турзель и сестра — принцесса Елизавета. Вскоре к ним присоединилась Мария Антуанетта. У нее был паспорт на имя русской баронессы Корф, полученный через посланника Екатерины II графа И. М. Симолина. Людовик XVI значился в бумагах лакеем русской аристократки, путешествующей с детьми по Европе.

У Лафайета, видимо, возникли какие-то дурные предчувствия: с полдороги он вернулся в Тюильри и поручил начальнику охраны генерал-майору де Гувьону проверить ночью посты³⁸.

Впоследствии рассказывали полуанекдотическую историю о том, что на площади Карусель Лафайет слегка задел плечом мадам Елизавету, не узнав ее, и что будто бы Мария Антуанетта в темноте едва не бы-

* Об этой «роковой» отсрочке «со слезами на глазах» поведала российскому посланнику И. М. Симолину Мария Антуанетта во время их секретной встречи в Тюильри в начале 1792 г.

ла сбита каретой главнокомандующего, в сердцах ударив по ней тростью.

Между пятью и шестью часами утра дворцовая прислуга обнаружила, что королевские покои пусты, о чем немедленно было сообщено генералу Гувьону. Поднятый с постели Лафайет немедленно прибыл в Тюильри в сопровождении мэра Байи и тогдашнего председателя Учредительного собрания Александра де Богарне.

Вскоре парижане были разбужены гулом набата и тремя пушечными выстрелами. Это был знак боевой тревоги для всех батальонов Национальной гвардии и войск Парижского гарнизона. К полудню под ружьем находилось уже 70 тыс. человек.

Понимая, как велика его ответственность перед нацией за возможные последствия побега королевской семьи, Лафайет явно превысил свои полномочия, приказав арестовать короля на основании резолюции Учредительного собрания от 28 марта 1790 г. (она предусматривала возможность лишения короля престола в случае, если он покинет пределы королевства). Это было смелое решение, ибо в тот момент еще не было никаких доказательств бегства короля именно за границу, а Учредительное собрание пребывало в полной растерянности. В самом деле, было от чего растеряться: впервые за тысячелетнюю историю Франции король бежал из собственной страны.

Для оправдания своих действий по розыску пропавшего короля Лафайет выдвинул версию о том, что король и его семья могли быть похищены против их воли. Он продиктовал своему адъютанту Луи де Ромефу приказ: «После того как враги революции похитили короля, предъявитель сего документа уполномочен предупредить об этом всех честных граждан. Отечество в опасности! Приказываю вырвать короля из их рук и вернуть его в распоряжение Национального собрания, которое вскоре соберется на экстренное заседание. До этого времени я беру на себя ответственность за настоящий приказ». Подписав документ, Лафайет сделал к нему приписку: «Данный приказ распространяется на всю королевскую семью»³⁹.

Копии приказа были вручены офицерам, срочно выехавшим из столицы по всем направлениям.

«Король обманут и похищен» — этот тезис Лафайет отныне будет упорно отстаивать.

Покинув Тюильри, Лафайет направился в Ратушу.

Собравшаяся у дома толпа горожан требовала объяснений. Их вид не обещал ничего хорошего. В какой-то момент расвирепевшая толпа даже попыталась вздернуть на фонарь командира батальона дворцовой стражи герцога д'Омона. Лафайет бросился ему на выручку и успел спасти герцога от неминуемой веревки. Не обращая внимания на ругательства и угрозы по своему адресу, Лафайет пытался шутить. «В конце концов, — кричал он толпе, — каждый гражданин выиграл двадцать су ренты от отмены гражданского листа» 40. Однако шутка успеха не имела. Все ждали объяснений и искали виноватых. А главным виновником (быть может, даже и сообщником) в этом деле все более определенно называли Лафайета. На него прямо указывали Марат и Дантон.

Когда вечером 21 июня Лафайет появился в Обществе друзей конституции, заявив, что хотел бы вступить в него, Жорж Дантон, лидер самого революционного в то время Клуба кордельеров, бросил ему в лицо: «А вы, г-н Лафайет, вы, кто еще совсем недавно заверял нас, что головой отвечаете за короля, неужели вы полагаете, что одного вашего появления здесь достаточно для погашения вашего долга? Вы клялись нам, что король не уедет. Или вы предали свою родину, или вы глупец, если взяли на себя ответственность за человека, которому не должны были верить. В любом случае вы показали свою неспособность командовать нами. Но мне хотелось бы верить, что вас можно упрекнуть лишь за ошибки. Если бы свобода французской нации зависела лишь от одного человека, то мы заслуживали бы рабства и унижения. Франция и без вас может быть свободной. Ваша власть давит на все восемьдесят три департамента. Ваша репутация известна в обоих полушариях. Если вы хотите быть действительно великим, станьте вновь простым гражданином и не испытывайте чрезмерно терпения большей части нации!» 41

Лафайет не стал отвечать на обвинения Дантона. В своем выступлении он призвал всех «честных граждан» оставить разногласия и сплотиться в минуту, опасную для революции.

Тем не менее положение Лафайета было более чем серьезным. «Если бы король не был арестован, — вспоминал Буйе, — народ несомненно растерзал бы

Лафайета, возложив на него ответственность за бегство монарха» 42.

Тень соучастия Лафайета в бегстве короля, брошенная на него якобинцами в июньские дни 1791 г., легла и на страницы трудов некоторых историков. Пособником короля считал Лафайета П. А. Кропоткин, ссылаясь, впрочем, на сомнительные источники 43.

Тезис о причастности Лафайета к вареннскому бегству решительно отвергал Ж. Жорес — автор «Социалистической истории Французской революции». Он отмечал, что в связи с этим Марат «глубоко ошибался, обвиняя Байи и Лафайета (приговоренного двором к смерти) в подготовке бегства короля... Марат не угадывает истинного плана бегства...» 44.

Более надежным источником при выяснении роли Лафайета в Вареннском кризисе служат не обвинительные выступления его тогдашних противников из якобинского лагеря и даже не позднейшие свидетельства симпатизировавших генералу людей, добивавшихся его освобождения из австрийской тюрьмы*, а признания главных организаторов бегства короля — графа Ферзена, а также отца и сына Буйе. Еще Ж. Жорес обратил внимание на одно место в опубликованном дневнике любовника Марии Антуанетты. За несколько дней до побега королевской семьи граф Ферзен записал: «Воскресение. 12 июня. Отъезд отложен на 29 по вине одной из горничных. *Дело Лафайета передано в военный суд*» 45-46. Вспомним строки из донесения Ферзена королю Швеции от 1 апреля того же 1791 г.: «Он (Лафайет. — П.Ч.) сам подписал себе смертный приговор». Таким образом, собираясь бежать, Людовик XVI успел приговорить Лафайета к смертной казни, зная, что с ним расправятся либо разъяренные парижане, либо роялисты и интервенты в случае победы контрреволюции.

Свидетели бегства короля уверяли, что по дороге в Варенн Людовик XVI неоднократно повторял: «Хотел бы я посмотреть на голову Лафайета» 47. В те годы

* Во время пятилетнего заключения Лафайета в прусской, а затем в австрийской тюрьме его друзья, в частности Лалли-Толендаль, обращались с просьбами о его помиловании к королю Пруссии и к австрийскому императору, нарочито подчеркивая услуги, оказанные Лафайетом семье Людовика XVI.

головы, насаженные на пику или палку, нередко «украшали» города и села Франции.

Когда адъютант главнокомандующего Луи де Ромеф предъявил королю приказ об аресте, подписанный Лафайетом, Мария Антуанетта и ее компаньонка мадам де Ламбаль не могли скрыть изумления тем, что ненавистный генерал до сих пор жив⁴⁸. Королева откровенно посетовала Ромефу, что именно Лафайету королевская семья обязана всеми несчастьями. «У него в голове одни только Соединенные Штаты, Американская республика; он еще увидит, что такое Французская республика!» — пророчествовала Мария Антуанетта⁴⁹.

Маркиз де Буйе, подробно описавший подготовку и организацию вареннского бегства, не дал даже намека на возможное соучастие Лафайета в планах заговорщиков. В свою очередь и Буйе-младший в мемуарах самым решительным образом отверг версию о какой-либо причастности Лафайета к побегу короля⁵⁰.

Таким образом, неучастие Лафайета в заговоре роялистов можно считать вполне доказанным. По справедливому замечанию Жореса, «король, королева и весь двор жестоко и безрассудно» ненавидели генерала⁵¹. Все это, разумеется, не снимало с главнокомандующего Национальной гвардией ответственности за происшедшее, и ему еще долго пришлось оправдываться. Но все же его ответственность была иного рода по сравнению с той, которую ему необоснованно пытались приписать.

Из Ратуши Лафайет отправился в Учредительное собрание. Он проинформировал растерянных депутатов о бегстве королевской семьи и принятых им мерах. «Национальному собранию уже известно, — заявил главнокомандующий, — о попытке, которую предприняли враги Отечества, устроив побег короля и его семейства. Подробности об этом деле Собрание узнает от месье Гувьона, начальника дворцовой стражи в Тюильри. Со своей стороны могу добавить, что этот офицер, патриотические взгляды которого мне хорошо известны, ни в чем не повинен, и вся ответственность за происшествие истекшей ночи должна лечь на меня одного»⁵².

Кое-кто из левых депутатов пытался обвинить Лафайета, но Барнав, ставший после смерти Мирабо лидером Собрания, пресек эти попытки. Станный, казалось, поступок, тем более что Барнав и его друзья

Дюпор и Ламет до тех пор буквально преследовали Лафайета своими колкостями и насмешками. Объяснение подобной метаморфозы дал Жорес, когда писал: «...Учредительное собрание старалось успокоить возбуждение народа и сохранить главенство буржуазии в условиях кризиса. Для этого прежде всего надо было оправдать Лафайета, против которого в народе возникли сильнейшие подозрения. Его обвиняли в содействии бегству короля либо в силу небрежности, либо в силу измены. Был момент, когда его положение казалось безвыходным... Если бы Лафайет был дискредитирован и отстранен, то умеренная революционная буржуазия потеряла бы своего военного вождя; сначала улицей, а затем, возможно, и властью овладели бы пролетарии»⁵³.

Барнав понял это и, оставив свои разногласия с Лафайетом до лучших времен, решительно поддержал его.

А Дантон продолжал требовать голову Лафайета. «Нам нужен либо король, либо голова г-на командующего», — гневно требовал он в Клубе кордельеров⁵⁴.

На заседании 21 июня в Собрании была зачитана «Декларация ко всем французам», оставленная королем после его бегства. В этом документе Людовик XVI ясно изложил свою позицию: фактически он отверг конституционные ограничения королевской власти, считая ее единственно народной властью. «У меня не было более никакой возможности осуществлять власть, — говорилось в Декларации. — Собрание попало под диктат клубов. Нужно, чтобы Франция знала это. Народ — лучший друг короля, который готов вернуться и все простить, когда конституция действительно обеспечит реальные религиозные и политические свободы»⁵⁵. Указание на конституцию не могло ввести в заблуждение даже доверчивого Лафайета. Оценивая декларацию короля, он записал: «Этот манифест означал полный отказ от конституционной монархии»⁵⁶.

Собрание слушало декларацию короля в абсолютной тишине. Никто не знал, что следует предпринять. Некоторые депутаты предложили послать к королю представительную делегацию из 60 человек и просить его вернуться. «Если бы Лафайет не поспешил направить гонцов на поиски короля, никто бы об этом и не

Лафайет

*Луи Кристоф Рок Жильбер
дю Мотье, маркиз де Лафайет*

*Мария-Луиза-Юлия
маркиза де Лафайет*

Ученик коллежа

Адриена де Ноайль

Дети Лафайета

Джордж Вашингтон

Мартиъ де Лафаетъ тамъ отпра
вляется въ Америку, и судетъ тамъ
производить службу въ американскихъ
войскахъ. Когда онъ сюда возвратился
Франклину съ позволеніемъ Королевскаго
подарилъ ему золотую шпалу, отъ
конереса, на которой американцы вѣсь
акцій, въ которыхъ онъ находился.

Въ протѣмъ съ всею добродѣлю
респектомъ тұрѣваю.

Вашего Императорскаго Величества.

*Капитуляция англичан
при Саратого*

Бенджамен Франклин   Томас Джефферсон

Зимовка в Вэлли-Форж

Граф де Верженн   Генерал де Рошамбо

Орден Цинцинната

*Вступление армии Вашингтона
в Нью-Йорк 27 ноября 1783 г.*

Людовик XVI   Мария Антуанетта

Штурм Бастилии

14—15 июля 1789 г. в Париже

*Убийство Фулона
на Гревской площади в Париже*

*Благословение знамен
Национальной гвардии 27 сентября 1789 г.*

*Праздник Федерации на Марсовом поле
14 июля 1790 г.*

*Расстрел на Марсовом поле
17 июля 1791 г.*

*Август 1792 г. в Париже.
Штурм Тюильри*

Лафайет в 1792 г.

Лафайет в тюрьме

Бегство Лафайета 19 августа 1792 г.

*Лафайет с почетным эскортом
в дни революции 1830 г.*

Адриена Лафайет

*Лафайет
в последние годы жизни*

*Могила Лафайета на кладбище Пикпюс
в Париже*

подумал», — замечает современный биограф Людовика XVI 57.

Возможно, именно в тот момент у многих впервые зародилась мысль о республике. Кондорсе предложил низложить короля, а герцог де Ларошфуко поддержал кордельеров, потребовавших провозглашения республики. Как только было получено известие о бегстве королевской семьи, на «авансцене» появился Филипп Орлеанский. Он предложил себя в качестве регента при малолетнем и болезненном сыне Людовика XVI, что открывало «герцогу-гражданину» путь к желанной короне.

Что касается Лафайета, то он был убежден, что «нация в тот момент желала оставаться монархической» 58. Но кого хотела она видеть монархом — Людовика XVI, его сына, герцога Орлеанского или иностранного принца? Пока Людовик XVI не был обнаружен, Лафайет не мог ответить на этот вопрос.

Ранним утром 22 июня адъютант Лафайета Л. де Ромеф настиг королевскую семью недалеко от границы, в местечке Варенн, где ее опознал сын почтмейстера молодой Друэ.

Весть об аресте короля дошла в Париж на следующий день, когда Лафайет и генералы, находившиеся в столице, приносили новую присягу верности революции. Собрание немедленно делегировало в Варенн трех своих комиссаров — Барнава, Петиона и Латур-Мобура — для обеспечения доставки королевской семьи в Париж.

25 июня в 6 часов вечера король и его семья были доставлены в столицу *. В Тюильри их встречал Лафайет, на которого была возложена персональная ответственность за охрану королевской семьи. Специальным декретом дворцовая стража Тюильри упразднялась и заменялась национальными гвардейцами. Приветствуя Людовика XVI, Лафайет сказал:

«— Сир, вы знаете мою привязанность к вам, но вам должно быть также известно, что если вы противопоставите себя воле народа, то я останусь на его стороне.

— Я знаю, что вы всегда верны своим принци-

* В ночь с 20 на 21 июня благополучно удалось бежать лишь брату короля графу Прованскому (будущему Людовику XVIII) и его жене.

пам... — ответил король и добавил: — Во время моего последнего путешествия я убедился, что ваше мнение совпадает с мнением всей нации»⁵⁹.

Присутствовавшая при их беседе Мария Антуанетта едва сдерживала негодование. Пройдя в свой кабинет, королева впервые за пять дней посмотрела на себя в зеркало и ужаснулась: на нее смотрела совершенно седая женщина...⁶⁰

Извещая Петербург о событиях, разыгравшихся в Париже, И.М. Симолин писал 23 июня 1791 г.: «План содействия выезду короля из дворца со всей королевской семьей был задуман и выполнен очень умно и в большой тайне, но не увенчался успехом. Монарх был арестован в двух милях от границы и препровожден в Мец; можно только содрогаться при мысли о несчастиях, которые грозят королевской семье, особенно королеве, рискующей стать жертвой жестокого и кровожадного народа»⁶¹. Опасения Симолина за судьбу королевской семьи оказались пророческими. В донесении от 24 июня он отмечал: «Бегство короля и его арест представляют собой столь важное и чрезвычайное событие, что невозможно предвидеть его последствия и результат»⁶².

С момента возвращения из Варенна король практически становился узником Тюильри: его власть была временно приостановлена. Собрание терялось в сомнениях — как поступить с королем? Идея республики с каждым днем приобретала все новых сторонников. Даже ближайший друг Лафайета Ларошфуко стал горячим ее пропагандистом.

Сам Лафайет неожиданно для самого себя был объявлен республиканцем и даже главой республиканской партии. Именно так его аттестовал «дорогой кузен» Буйе, сбежавший после ареста короля в Люксембург и приславший оттуда вызывающее письмо в адрес Учредительного собрания⁶³. Буйе признал себя главным организатором бегства короля, а Лафайета объявил руководителем республиканского заговора, имеющего целью ликвидировать монархию во Франции. «Я хотел спасти короля и его семью... — писал Буйе. — Вы ответите за их жизни... Я вам объявляю, что если хотя бы один волос упадет с его головы, от Парижа не останется камня на камне. Мне известны дороги, я приведу иностранные армии, и вы ответите своими головами. Это пись-

мо всего лишь прелюдия к манифесту суверенов Европы...»⁶⁴

2 июля Лафайету пришлось с трибуны Собрания опровергать обвинение «дорогого кузена»⁶⁵. Будучи убежден, что «пакт нации с королем был нарушен самим королем»⁶⁶, он тем не менее считал провозглашение республики во Франции делом преждевременным. Мнение Лафайета разделяли Сиейес, Барнав, Байи и другие лидеры Собрания и Парижской коммуны. Они предпочитали сохранить конституционный трон, опасаясь, что республика не даст достаточных гарантий сохранению за умеренными политической власти.

Используя тезис Лафайета, что «король был обманут и похищен», Учредительное собрание 15–16 июля 1791 г. решило восстановить короля в его «конституционных правах»⁶⁷.

РАССТРЕЛ НА МАРСОВОМ ПОЛЕ

Как только о решении Собрания стало известно Парижу, революционные клубы немедленно развернули активную кампанию за отстранение короля от власти, потребовав возбудить против него судебное преследование. Первую петицию такого рода составил и зачитал 15 июля в Якобинском клубе секретарь герцога Орлеанского Лакло; он вновь предложил своего патрона в качестве регента Франции. Лакло был поддержан Бриссо, будущим вождем жирондистов.

16 июля Бриссо и Дантон выступили с новой, более радикальной петицией о низложении короля. При ее обсуждении в Якобинском клубе произошел окончательный раскол. Правая фракция осудила позицию кордельеров и объявила о выходе из Якобинского клуба. В результате возникла новая самостоятельная организация – Клуб фейянов (по занимаемому им помещению). В этот клуб вошло большинство членов Общества 1789 года, в том числе Барнав, Дюпор, Александр Ламет, Байи, Лафайет... «Клуб фейянов, – отмечал исследователь французской революции А. З. Манфред, – сделался политическим центром крупной буржуазии»⁶⁸.

На 17 июля секция кордельеров назначила сбор подписей под петицией, отредактированной Бриссо. «Всех честных патриотов», требующих низложения короля, кордельеры призывали собраться на Марсовом поле.

Узнав о готовящемся массовом выступлении, руководство Парижской коммуны обязало главнокомандующего Национальной гвардией не допустить этого. Лафайет издал приказ, запрещающий всякое скопление народа на Марсовом поле 17 июля. Опасаясь ареста, Дантон и его друг Демулен предусмотрительно (или малодушно?) исчезли из Парижа, предоставив действовать своим сторонникам.

С раннего утра 17 июля, несмотря на запрет, на Марсово поле стали стекаться люди. Скоро их собралось там несколько тысяч. Все они были крайне возбуждены и настроены весьма воинственно. Неожиданно под Алтарем Отечества были обнаружены два подвыпивших бродяги. В них заподозрили «врагов свободы», намеревавшихся якобы взорвать Алтарь Отечества. В считанные минуты несчастные клошары были растерзаны толпой, а их отрезанные головы надеты на пики. С этими устрашающими «транспарантами» демонстранты громко скандировали: «Долой короля!»

Прибывший на место происшествия Лафайет был встречен враждебно⁶⁹. На его призыв разойтись толпа ответила градом камней. Одним из камней был серьезно ранен в голову адъютант Лафайета, другой камень угодил в щеку самому генералу. В донесении И. М. Симолина от 22 июля 1791 г. говорилось о покушении на жизнь Лафайета на Марсовом поле: «...неизвестный человек стрелял в упор из ружья в г-на де Лафайета, но промахнулся. Он был арестован и препровожден в Комитет. Некоторое время спустя г-н де Лафайет приказал освободить его»⁷⁰. Характерно, что сам Лафайет в мемуарах не упоминает об этом факте, зато Учредительное собрание, если верить российскому посланнику, в декрете о событиях на Марсовом поле специально постановило принять меры к отысканию и аресту покушавшегося, отпущенного Лафайетом⁷¹.

Поначалу национальным гвардейцам удалось было рассеять демонстрантов без применения огнестрельного оружия, но с середины дня к последним прибыли подкрепления. Лафайет понял, что с его наличными силами ему не справиться, о чем он сообщил через посыльного в Ратушу.

Перепуганное не на шутку Учредительное собрание приказало мэру Байи ввести в городе военное положение и любой ценой восстановить порядок. Вскоре на

здании Ратуши появились красные знамена — символ военного положения. Лафайету были посланы подкрепления. Во главе батальона гренадер под красным знаменем на Марсово поле явился сам Байи.

Попытки главнокомандующего и мэра уговорить толпу разойтись успеха не имели. Напротив, увидев красные знамена, демонстранты пришли в еще большее возбуждение. На Лафайета и Байи обрушился новый град камней. Затем послышались пистолетные выстрелы. Впоследствии Байи будет утверждать, что одна из пуль просвистела у него прямо под ухом. Два национальных гвардейца были убиты.

Байи приказал Лафайету немедленно действовать. По команде своего генерала солдаты вскинули ружья и выстрелили холостыми зарядами. Толпа не расходилась — тогда грянул второй залп, за ним третий. Подоспевшая артиллерия произвела несколько выстрелов картечью.

Увидев, что толпа в ужасе разбегается, оставляя убитых и раненых, Лафайет приказал прекратить огонь. В возникшей невообразимой панике, сопровождавшейся шумом, криками и стонами, приказ Лафайета не был услышан. Тогда главнокомандующий верхом на коне встал перед жерлом одной из пушек и заставил канониров прекратить огонь. Эскадрон кавалерии рассеял остатки демонстрантов.

На Марсовом поле осталось более 50 трупов. Около тысячи человек получили ранения. На следующий день Байи утверждал в Собрании, что число погибших на Марсовом поле не превышало 11–12 человек, а число раненых — 10. Марат же писал о 1500 убитых.

Порядок был восстановлен, но популярности и престижу Лафайета был нанесен непоправимый урон. Потребуется время, пока более трагические события вытеснят из памяти французов расстрел на Марсовом поле. Резолюция Учредительного собрания от 18 июля, одобрявшая действия Лафайета на Марсовом поле, уже не могла восстановить его прежнюю репутацию.

Весьма характерно, что в составе Собрания не нашлось ни одного депутата, который выступил бы с осуждением Лафайета и Байи. «...Даже демократы, — писал Ж. Жерес, — отреклись, и притом довольно жалким образом, от смелого республиканского авангарда, который составляли кордельеры.

18 июля на заседании Собрания, куда явился сам

Байи, чтобы рассказать о вчерашней драме и возложить всю ответственность на народ, не раздалось ни одного голоса протеста. Ни Приёр, ни Петион, ни Робеспьер — никто не протестовал. Более того, председательствовавший Шарль де Ламет от имени Собрания поздравил муниципалитет и национальную гвардию...

Даже Робеспьер не осмелился выступить с оговоркой, тот самый Робеспьер, который впоследствии будет с таким негодованием говорить о крови, обagrившей руки Лафайета...

Якобинский клуб рассылал весьма смиренные циркуляры, в которых уверял, что он не имел никакого отношения к петиции, подписанной на Марсовом поле. Нет, поистине час республики еще не пробил, раз под угрозой умеренной революционной буржуазии буржуа-демократы так склоняли голову. Своим гробовым молчанием они позволяли прославлять от их имени избиение на Марсовом поле» ⁷².

Одоблив действия Байи и Лафайета, Собрание приняло новый закон, карающий любые несанкционированные массовые выступления. Оно распорядилось арестовать организаторов демонстрации на Марсовом поле и начать расследование по этому делу.

Расстрел на Марсовом поле имел значительные последствия для развития революции во Франции. Вот что писал по этому поводу А. Олар: «День 17 июля 1791 г. имел огромное историческое значение. Это был государственный переворот со стороны буржуазии, направленный против всех демократов, как республиканцев, так и нереспубликанцев; это был акт гражданской войны. И действительно, с этого момента начинается борьба классов, уже предвещенная раньше.

Резня на Марсовом поле создала непоправимый раскол между людьми 1789 г., разделившимися теперь на две партии...

... Разделение всей нации на два враждебных лагеря — вот каковы были последствия события 17 июля 1791 г., повлиявшие прямо или косвенно почти на все девятнадцатое столетие» ⁷³.

Как справедливо отметил А. З. Манфред, 17 июля произошел открытый раскол до того относительно единого третьего сословия. «Кровь жертв народной демонстрации 17 июля стала непреодолимым рубежом между крупной монархической буржуазией и народом» ⁷⁴.

А человек, который вольно или невольно способствовал 17 июля расколу нации, продолжал настойчиво призывать ее к единству. Он искренне полагал, что нация была с ним в тот трагический день на Марсовом поле. Те же, в кого стреляли его гвардейцы, были всего лишь взбунтовавшейся чернью, слепым оружием в руках раскольников и фракционеров, не рискнувших действовать открыто.

Не обращая внимания на усилившиеся атаки слева, Лафайет продолжал активно участвовать в работе Учредительного собрания, спешившего после июльских событий завершить подготовку первой в истории Франции конституции. Лафайет часто посещал Тюильри, где убеждал короля не противиться принятию конституции. Он говорил, что если король вновь воспользуется правом отсрочивающего вето, то страна погибнет.

Всякий раз, когда Лафайет показывался в кабинете Людовика XVI, Мария Антуанетта едва не впадала в истерику. Она буквально не выносила присутствия ненавидимого сю генерала⁷⁵. В это время между Людовиком XVI и Марией Антуанеттой наступило полное охлаждение. Король одинок, и беседы с Лафайетом, видимо, служили для него какой-то отдушиной в образовавшемся вокруг него после Варенна вакууме. Он даже даровал Лафайету чин генерал-лейтенанта. Надеялся ли король таким образом склонить его на свою сторону? Трудно сказать. Вполне возможно, у него и были подобные расчеты. А может быть, король хотел воздать своему стражу за искренность и честность. За два года, истекшие со времени падения Бастилии, Людовик XVI мог все же уяснить, что угроза для королевской семьи исходила отнюдь не от Лафайета, который неоднократно рисковал собственной жизнью, предотвращая расправу над королевской четой. Делал он это, как мы знаем, не только из соображений гуманности или революционной законности, но и из политического расчета. Лафайет был убежден (ошибался он или нет, это другой вопрос), что Людовик XVI больше, чем кто-либо другой, подходит на роль конституционного монарха. Вот и тогда, в июле-августе 1791 г., Лафайет наставлял Людовика XVI: «Если нужно будет выбирать между свободой и королевством, между народом и королем, то вы должны знать, что я буду против вас; но если вы будете верны вашему гражданскому долгу, я буду со всей искренностью

поддерживать конституционную монархию. Вам хорошо известно, что по природе своей я республиканец, но мои принципы в настоящий момент делают меня сторонником монархии...» 76

Заметим, что это было сказано после расстрела на Марсовом поле.

Подготовительные работы наконец были закончены, и 13 сентября король подписал конституцию, выработанную Учредительным собранием. В тот день Лафайет возглавлял парад в честь принятия конституции на том самом Марсовом поле, где еще совсем недавно были расстреляны сторонники республики. Видимо, воспоминание о них тревожило душу Лафайета, потому что в тот же день по его предложению Собрание приняло декрет об амнистии всех участников демонстрации 17 июля 77.

Как отнесся Лафайет к принятой конституции? Конечно же с огромной радостью, хотя, быть может, и не столь восторженно, как это ему представлялось до 1789 г. Мечтам, как известно, свойственно менять радужные тона на более спокойные по мере их воплощения.

Не все удовлетворяло Лафайета в конституции 1791 г. Он считал, что «Учредительное собрание чрезмерно ослабило исполнительную власть и возможности правительства» 78. Приверженец строгого разделения и равновесия властей, он полагал, что парламент, к тому же однопалатный (Конвент), получил слишком большие полномочия в ущерб другим государственным органам.

В нашу задачу не входит анализ конституции 1791 г.: все ее исследователи, включая современных, указывали на те же недостатки, что и Лафайет 79. Любопытна оценка, данная этой конституции выдающимся русским историком В. О. Ключевским: «Конституция 1791 г. — мастерское академическое развитие идей века (равенства и самодержавия народа), но очень неудовлетворительный политический акт; в ней недостаточно соображены наличные условия ее действия и обеспечения ее прочности (изложение и разбор), почему она и осталась бумажной конституцией» 80. Среди недостатков конституции В. О. Ключевский указывал на установление различия между активными и пассивными гражданами, слабость исполнительной власти, обилие и краткосрочность выборов,

однопалатный парламент, гражданский статус духовенства. «Народ хотел простора для труда и безопасности для лица и имущества, — писал русский историк, — а ему давали отвлеченные схемы свободы, равенства и народного самодержавия. Потому это — произведение утонченной кабинетной мысли, а не политической мудрости; ее легко и приятно изучать, но трудно исполнить; она рассчитана на будущее человечество, а не на Францию прошлого века; для ее осуществления требуется такое совершенное общество, для которого не нужна никакая конституция, а достаточно Моисеева десятословия или 10 еванг[елических] заповедей блаженства» ⁸¹.

Сознавая все недостатки конституции, Лафайет тем не менее подчеркивал: «Руководящие принципы этой конституции, основанные на главных законах природы и на последних достижениях разума, вне всякого сомнения, были благотворны» ⁸².

30 сентября 1791 г. Учредительное собрание объявило себя распущенным, а 1 октября того же года в Париже начало свою деятельность Законодательное собрание, избранное на основе цензовой системы «активными гражданами». Поскольку Учредительное собрание приняло решение, что его члены не могут быть избраны в новый законодательный орган, подавляющее большинство депутатов Законодательного собрания оказались людьми мало известными стране. В отличие от Учредительного собрания, где широко было представлено духовенство и дворянство, Законодательное собрание было однородно буржуазным, что отразилось на его отношениях с королевской властью.

Покинув Учредительное собрание, многие видные его деятели стали членами многочисленных революционных клубов, которые приобретали все большее влияние на политическую жизнь столицы и страны в целом.

Лафайет, всегда с недоверием относившийся к клубам (по его мнению, они были источником «фракционности» и «раскола нации»), предпочел после роспуска Учредительного собрания последовать примеру Вашингтона. Считая революцию законченной, а свою миссию выполненной, он 8 октября подал в отставку с поста главнокомандующего Национальной гвардией и передал свои полномочия муниципалитету Парижа.

Прощаясь с национальными гвардейцами, Лафайет

сказал: «Свобода будет упрочена только в том случае, если политические убеждения, и в особенности печать, не будут преследоваться, если религиозная нетерпимость, каким бы патриотическим плащом она ни прикрывалась, не создаст господствующего или гонимого культа, если жилище каждого гражданина будет неприкосновенно более, чем самая неприступная крепость, если, наконец, все французы будут столь же солидарны в сохранении гражданской свободы, как и в религиозном почитании закона»⁸³. Свою речь он закончил призывом: «Жить свободными или умереть!»⁸⁴

В ответном слове мэр Байи сказал: «Мы никогда не забудем героя двух миров, который столько сделал для Революции». Парижская коммуна постановила в честь Лафайета отлить памятную медаль и вручила ему бюст Вашингтона работы скульптора Гудона.

На следующий день Лафайет покинул Париж и направился в родную Овернь, где собирался вести спокойную жизнь мирного обывателя. Ему всего тридцать четыре года, и жизнь приготовила для новоявленного «помещика» новые серьезные испытания, о которых он и не догадывался.

«ИЗМЕННИК, ВРАГ СВОБОДЫ»?

КОМАНДУЮЩИЙ АРМИЕЙ

Отставка Лафайета и его отъезд из Парижа, пожалуй, больше всего обрадовали двух женщин — Марию Антуанетту, страдавшую приступами мигрени при одном его появлении в Тюильри, и Адриену, давно мечтавшую о спокойной семейной жизни: за последние два года ей не часто доводилось быть вместе с мужем.

По дороге в родовое гнездо — замок Шаваньяк — супругов Лафайет торжественно встречали во всех городах и селениях, где они останавливались. В отличие от Парижа, где лавры Лафайета уже заметно увяли, в провинции он все еще сохранял ореол героя революции. «Я покидал Клермон ночью, — описывал одну из таких дорожных встреч Лафайет, — город был иллюминирован. Нас провожали национальные гвардейцы и люди с факелами в руках, которые устроили очаровательное представление»¹.

Популярность, однако, часто имеет и свою оборотную сторону. Когда Адриена захотела остановиться на несколько дней в замке Плоза у своей родной сестры Полины де Монтегю, свекор Полины, ярый роялист, решительно воспротивился этому, выказав столько ненависти к «предателю», что супруги Лафайет без остановки проследовали далее. Сконфуженная Полина де Монтегю вынуждена была втайне от мужа и свекра встречать свою сестру на большаке и ограничиться совместным обедом в дорожной харчевне.

Зато в фамильном замке Шаваньяк Жильбера и Адриену ожидал самый радушный прием.

Судя по письмам Лафайета из Шаваньяка, он всерьез намеревался заняться сельским хозяйством и привести в порядок свои владения. «Вот я и прибыл в мое уединение... — писал он своей приятельнице мадам де Симиан. — Я испытываю столько удовольствия и, быть может, удовлетворенного самолюбия от абсолютного покоя, как и от пятнадцатилетней деятельности, которая постоянно была направлена к един-

ственной цели, увенчанной успехом, не оставляющим мне иной роли, кроме роли труженика»².

Из Англии Лафайет выписал опытного фермера, который познакомил его с передовыми приемами животноводства. В это же время он начал перестройку запущенного замка, где организовал подобие небольшого частного музея Революции. Неожиданно Лафайета посетила делегация парижской Национальной гвардии; она вручила своему бывшему командиру шпагу, выкованную из стальных задвижек Бастилии. На ее золотом эфесе была выгравирована соответствующая надпись. Принимая подарок, Лафайет сказал: «Я принимаю вас в доме, в котором родился. Я выйду из него только для защиты или упрочения гражданской свободы, если она подвергнется опасности»³.

Дорогостоящие начинания сеньора Шаваньяка довольно скоро опустошили его кошелек. Ежегодная рента Лафайета упала к тому времени до 57 тыс. ливров (со 150 тыс.). И тем не менее генерал упорно отказывался от предложенной ему пенсии. Адриена вынуждена была занять у соседей 2 тыс. экю для того, чтобы прилично принять навестивших их в Шаваньяке мать — герцогиню д'Айен-Ноайль и старшую сестру — Луизу де Ноайль.

Сельская идиллия продолжалась лишь два месяца. Обстоятельства вновь призвали Лафайета в столицу.

Поначалу друзья вознамерились выдвинуть кандидатуру Лафайета на пост мэра Парижа вместо ушедшего Байи. Лафайет не принимал участия в предвыборной борьбе, поскольку в то время находился еще в Оверни. Против него выступили как партия двора во главе с королевой, так и якобинцы. В результате Лафайет получил лишь 3123 голоса, в то время как его конкурент Петион победил 6728 голосами выборщиков. Он был избран новым мэром. Генеральным прокурором Коммуны стал Манюэль, а его заместителем — Дантон; оба — давние противники Лафайета.

Но бывшие подчиненные не забывали своего генерала: 20 ноября Лафайета избрали командиром легиона 4-й дивизии Национальной гвардии. Все это произошло за те два месяца, что он находился в Шаваньяке.

С осени 1791 г. над революционной Францией стали собираться тучи внешней угрозы. 27 августа на встрече австрийского императора, короля Пруссии и

курфюрста Саксонии с графом д'Артуа и маркизом де Буйе было достигнуто соглашение о необходимости восстановления во Франции «суверенной монархии». Брат Марии Антуанетты император Леопольд II выдвинул идею общеевропейской коалиции против революционной Франции. Уже были разосланы обращения ко всем европейским дворам принять участие в интервенции против Франции. «Дипломатическая переписка 1791 г. и другие документы того времени, относящиеся к подготовке контрреволюционной коалиции, — отмечал академик А. Л. Нарочницкий, — содержат в первоначальной форме один из основных принципов контрреволюционной дворянско-монархической дипломатии конца XVIII и начала XIX в. — оправдание вооруженного вмешательства во внутренние дела других стран для подавления революций»⁴.

У границ Франции концентрировала силы эмигрантская армия принца Конде. Ожились роялисты и в самой Франции. Королева вела активную тайную переписку с Леопольдом II, она вновь обрела уверенность и стала откровенно резка в обращении с министрами-буржуа. «Не думаете ли вы, что мы намерены долго мириться с таким положением?» — высокомерно заявляла им Мария Антуанетта⁵.

Под давлением Законодательного собрания Людовик XVI дал санкцию на формирование трех 50-тысячных армий, которые должны были прикрыть северо-восточные границы Франции в случае возможной интервенции. Командование первой и второй армиями было доверено семидесятилетним маршалам Рошамбо и Люкне-ру. Военный министр граф де Нарбонн, близкий друг мадам де Сталь, преодолев сопротивление короля, добился, чтобы во главе третьей армии был поставлен генерал-лейтенант Лафайет. Назначение состоялось 24 декабря 1791 г. Оно отвечало давнему желанию генерала вернуться к военному ремеслу, не выполняя при этом полицейских функций.

Оставив опечаленную Адриену в замке Шаваньяк, Лафайет устремился в Париж, где был радостно встречен национальными гвардейцами, подчеркнуто вежливо — королем, многозначительным молчанием — якобинцами и набиравшими силу жирондистами. За два месяца, что он отсутствовал в Париже, впечатление от событий 17 июля несколько сгладилось; во всяком случае в те дни, что Лафайет провел в столице,

никто не выступал с нападениями на него ни в печати, ни гласно.

Прежде чем отбыть в штаб армии, расположенный в Меце, командующий предстал перед Законодательным собранием. Он выразил ему признательность за оказанное доверие и засвидетельствовал свою «нерушимую преданность делу защиты конституции» ⁶.

Председатель Собрания Р. Э. Лемонтей в ответном слове сказал: «Если ослепление наших врагов достигнет такой степени, что они захотят испытать силу великого возрождения народа, если они захотят сразиться с ним, то французский народ, поклявшийся победить или умереть за свободу, представит народам и тиранам свою конституцию и Лафайета» ⁷.

На следующий день при большом стечении народа эскортируемый всеми батальонами Национальной гвардии генерал Лафайет покинул Париж и отправился в Мец, где семнадцать лет назад начиналась его военная карьера.

Прибыв в армию, он сразу же стал наводить там порядок, поскольку в результате дезертирства значительной части офицеров в ней царил полная анархия. Ее численность вместо запланированных 50 тыс. едва превышала 20 тыс. человек. Через месяц после своего приезда в армию Лафайет писал Вашингтону: «В регулярных полках большой некомплект, зато в добровольческих батальонах обстановка очень хорошая. В основной своей массе солдаты и унтер-офицеры — патриоты, но им не хватает дисциплины. На треть офицеров можно положиться; треть уже дезертировала; остальным нельзя доверять, они, я надеюсь, скорее всего покинут армию. Тех, кто уже уехал, мы заменили надежными людьми. Но нам не хватает высших офицеров. Большинство из них — тори. Я продолжаю (поскольку я единственный, кто способен это сделать благодаря моей популярности) наводить жесткую дисциплину, несмотря на вопли якобинцев, и надеюсь на скорое возрождение армии» ⁸.

Ожидали, что новый командующий с революционной репутацией допустит большие свободы, чем старорежимные генералы. Произошло обратное. Лафайет установил более жесткую дисциплину, нежели Рошамбо и Люкнер, которые заискивали перед революционно настроенной солдатской массой. Он внедрял элементы прусского опыта, с которым ознакомился в свое время

в армии Фридриха Великого, в частности сформировал батареи конной артиллерии и штурмовые роты. Лафайет постоянно требовал от военного министерства увеличить численность своей армии. К марту 1792 г. ему удалось довести ее до 30 тыс. (вместо положенных 50 тыс.).

Общая численность французской полевой армии к началу 1792 г. составляла 145 тыс. человек (вместо 212 тыс. по штатному расписанию на мирное время), в том числе 27 тыс. в кавалерии и 8 тыс. в артиллерии. Из армии дезертировали 1900 офицеров, большая часть из них перебежала в эмигрантскую армию Конде⁹. Рисуя общую картину положения в революционной армии Франции в начале 1792 г., Лафайет писал в мемуарах: «Раскол между офицерами-аристократами и их подчиненными все более увеличивался. Дисциплина, которую так важно было восстановить, подрывалась вызывающим пренебрежением этих офицеров своими обязанностями, их провокационными выходками в отношении солдат и анархическим влиянием якобинцев, чьи многочисленные клубы активно действовали в войсках. Военный министр... и Военный комитет Собрания совершали большую ошибку, поощряя солдат посещать эти клубы»¹⁰.

Как видим, Лафайет придерживался традиционных взглядов на армию, не понимая, что под его командованием не старая, королевская армия, а армия революционная, где многое зависело от сознательной убежденности солдатской массы.

Нововведения генерала пришлись не по душе как старым офицерам-монархистам, так и революционно настроенным элементам. Здесь, как и на посту главнокомандующего Национальной гвардией, Лафайет стал подвергаться критике (хотя и в скрытой форме) с двух сторон, справа и слева.

В начале 1792 г. поползли настойчивые слухи о скорой войне, вызванные подписанием 7 февраля союзного австро-прусского договора, по которому обе стороны обязались выставить по 20 тыс. солдат против Франции. Король Пруссии намеревался отторгнуть от Франции Эльзас, а император Австрии — расширить свои владения в Бельгии или «обменять» Бельгию на Баварию¹¹.

В связи с реальной угрозой войны военный министр Нарбон-Лара вызвал в Париж на заседание военного

совета всех трех командующих армиями с целью разработки стратегического плана кампании.

Заседание военного совета состоялось в конце февраля под председательством Людовика XVI. На его результаты самое непосредственное влияние оказала внутренняя расстановка политических сил. Вот как ее характеризует исследователь французской дипломатии периода революции академик А. Л. Нарочницкий: «Основным вопросом внешней политики в то время была растущая угроза войны. Двор и аристократическая военщина хотели войны, надеясь на победу союзников и на контрреволюцию в результате иностранного вторжения во Францию. Правая партия Законодательного собрания — фейяны и их сторонники, наоборот, боялись войны, чувствуя, что связанные с ней потрясения выбили бы непрочную власть из их рук. Часть фейянов, возглавляемая Лафайетом, считала, что войну следует начать, но ее надо ограничить небольшой военной экспедицией против эмигрантов на Рейне и против Австрии. Жирондисты были ярыми сторонниками активной внешней политики и войны с Австрией. Они надеялись, что война возбудит всеобщий патриотизм и отвлечет массы от требований дальнейших внутренних реформ, а победы укрепят власть буржуазии. Они рассчитывали также, что война приведет к установлению революционных порядков в Бельгии, подчинит ее французскому влиянию, даст возможность осуществить ряд территориальных присоединений и усилит Францию, создав по соседству с ней зависимые от нее государства»¹².

На военном совете мнения разделились. Осторожный Рошамбо советовал попытаться сохранить мир, а в случае если это станет невозможным, ограничиться оборонительной войной. Маршал Люкнер настаивал на широких наступательных действиях, а Лафайет занял промежуточную позицию, близкую скорее к позиции Рошамбо об оборонительной войне. В конечном счете план будущей кампании был согласован. В случае войны Лафайету предписывалось при поддержке Рошамбо вторгнуться в Бельгию, а Люкнеру — начать наступление на Рейне. Когда на заседании возник вопрос, кому возглавить операцию в бельгийских провинциях Австрии, Рошамбо не без иронии сказал Людовику XVI: «Что касается Нидерландов, то здесь речь идет о революции, а Вашему Величеству известно, что месье де

Лафайет умеет делать революции, как никто другой»¹³.

Неожиданные перестановки в правительстве задержали Лафайета в Париже. В начале марта король дал отставку министерству фейянов и поручил формирование нового кабинета жирондистам. Дюмуре возглавил министерство иностранных дел, Ролан — внутренних дел, Клавьер — финансов, Серван — военное министерство. Решение Людовика XVI, по всей видимости, было вызвано тем, что жирондисты в отличие от фейянов активно настаивали на войне, а это совпадало с расчетами партии двора.

15 марта Лафайет писал Вашингтону из Парижа: «Я был вызван из армии в столицу на совещание генералов и министров. В настоящее время я возвращаюсь на мой пост. Коалиция континентальных держав, направленная против нас, окончательно определилась и вряд ли распадется из-за смерти императора*. И хотя приготовления к войне продолжаются, сомнительно, чтобы наши соседи осмелились прикоснуться к пламени, столь опасному и заразительному, как пламя свободы...

Произошли изменения в министерстве. Король выбрал свой Совет в самой неистовой части народной партии, т. е. в Якобинском клубе — в этой разновидности иезуитской институции, способной скорее отпугнуть от нашего дела, чем привлечь в наши ряды неофитов»¹⁴.

Надо сказать, что и жирондисты и якобинцы (а между ними тогда еще не произошло окончательного размежевания) платили Лафайету той же монетой, публично обличая его при всяком удобном случае. Выступая 18 февраля 1792 г. в Обществе друзей конституции, Робеспьер, в частности, говорил: «Я опять разоблачаю здесь господина де Лафайета. Он хочет захватить диктаторскую власть. Но мы еще посмотрим, может ли подлец вести нас к завоеванию свободы. Да, я могу доказать, что Лафайет — самый подлый, самый жестокий, самый отвратительный из тиранов...»¹⁵

20 марта Лафайет отбыл в расположение своей армии. Рошамбо, настигнутый приступом водянки, остался в Париже. В связи с тем что Рошамбо в какой-то

* 1 марта 1792 г. неожиданно умер император Леопольд II. Его преемником стал Франц II, ярый сторонник войны с Францией.

мере выполнял обязанности главнокомандующего всеми тремя армиями, координируя их действия, встал вопрос о его замене. Противники Лафайета настаивали на кандидатуре Люкнера. Кто-то пустил слух, будто Лафайет возвращается в армию, с тем чтобы повернуть ее на Париж и восстановить абсолютную власть короля. Марат, Робеспьер, Колло д'Эрбуа — все они с присущим им ораторским и публицистическим талантом на все лады склоняли Лафайета, что, разумеется, не способствовало укреплению его подорванной репутации. Даже Андре Шенье не пощадил его ¹⁶:

Один лишь день величием окрашен,
И этот день пленительный придет,
Когда Журдана примет войско наше,
А Лафайета — эшафот *.

А Лафайет тем временем продолжал наводить порядок в армии. Он вникал во все дела, посещал госпитали, ел из солдатского котелка, делал все, чтобы в самый короткий срок повысить боеспособность армии.

20 апреля Людовик XVI, прибыв в Законодательное собрание, объявил о начале войны с «королем Богемии и Венгрии», т. е. с австрийским императором Францем II. Жирондисты могли торжествовать: их планы начинали осуществляться.

Была ли эта война необходимой для Франции? Большинство исследователей дают отрицательный ответ на этот вопрос, хотя и признают, что скорее всего она была неизбежна, учитывая нарастание контрреволюционной угрозы у границ Франции. «Война не была необходимостью, — отмечал в связи с этим П. А. Кропоткин. — Иностранные государи, конечно, боялись распространения республиканских идей во Франции; но от этого до решимости лететь на помощь Людовику XVI было еще далеко. Начать такого рода войну они не решались. Войны желали в особенности жирондисты, и они толкали к ней, потому что видели в ней средство борьбы с королевской властью» ¹⁷. Справедливость оценки П. А. Кропоткина подтверждается хотя бы тем, что идея антифранцузского общеевропейского союза в 1792 г. не была осуществлена в связи с отказом Англии и России участвовать в нем.

* Перевод Н. Александровой.

Против объявления войны выступали революционные демократы. «Робеспьер и Марат, — пишет А. Л. Нарочницкий, — понимали, что война неизбежна; но они резко выступали против намерения жирондистов начать ее первыми и притом ранее уничтожения внутренних врагов — аристократии и реакционной военщины. Ближайшей задачей они считали доведение до конца революции внутри страны и находили для Франции ненужным ускорять войну, и брать на себя инициативу ее объявления» 18-19.

Тем не менее война была объявлена по инициативе партии двора и жирондистов, хотя, разумеется, их побудили к этому разные причины.

Даже в день объявления войны жирондисты и якобинцы не забывали о Лафайете *. Они требовали, чтобы он был снят с важного, особенно в условиях войны, поста командующего армией. Впервые этот вопрос открыто был поставлен 23 апреля в Якобинском клубе. Менее резко против Лафайета на этот раз выступал Бриссо. «Вы желаете, — сказал он, — видеть в Лафайете нового Кромвеля, но вы не знаете ни Лафайета, ни своего времени, ни французского народа. У Кромвеля был характер; у Лафайета его нет, а без характера нельзя стать протектором» 20.

Робеспьер не был согласен с оценкой Бриссо, о чем свидетельствовало его выступление 27 апреля. «Самой опасной из всех этих (контрреволюционных. — Л. Ч.) партий, — заявил он, — на мой взгляд, является партия, возглавляемая героем, который, после того как он помогал революции Нового Света, до сих пор старается лишь задержать прогресс свободы в старом свете, угнетая своих сограждан. Вот где, по моему мнению, величайшая из опасностей, угрожающих свободе... Лафайет — опаснейший враг нашей свободы...» 21

Робеспьер, безусловно, преувеличивал, но он все же верно подметил, что Лафайет после принятия конституции 13 сентября 1791 г. пытался затормозить дальнейшее развитие революционного процесса, считая, что революция уже достигла своих целей.

Лафайет узнал о начале войны 22 апреля, а уже

* В этот день Робеспьер потребовал вынести бюст Лафайета из парижской Ратуши.

25-го доложил военному министру о готовности своей армии к выступлению.

Получив соответствующий приказ, Лафайет начал наступление на Льеж, занятый австрийцами. Первые небольшие бои были успешными для его армии: 30 апреля он занял город Бувин. Однако наступательный порыв армии Лафайета внезапно был охлажден известием о поражении соседней армии при Кеврене, где французские войска разбежались, убив при этом своего командира — генерала Диллона. К тому же вопреки предсказаниям жирондистов бельгийское население вовсе не обнаружило радости перед «освободителями»-французами.

Ни Лафайет, ни кто-либо из высшего французского командования не подозревал, что стратегический план наступления был заранее известен противнику. Еще 26 марта 1792 г., т. е. почти за месяц до начала войны, Мария Антуанетта с ведома Людовика XVI выдала его в секретном письме графу Мерси д'Аржанто, бывшему австрийскому послу в Париже. Австрийская сторона сумела принять предупредительные меры, что и определило неудачное для Франции начало военной кампании.

Лафайет, разумеется, не знал об измене. Его крайне беспокоила острая нехватка боеприпасов и снаряжения, принуждавшая к осторожности. К тому же общий анализ обстановки все более определенно убеждал генерала в бесперспективности войны, о чем он конечно же не мог говорить открыто. Согласовав свои действия с маршалом Люкнером, Лафайет разместил штаб армии в местечке Мобеж, а одну из дивизий сосредоточил близ Лонгви. Проведенный им генеральный осмотр армии обнаружил острую нехватку продовольствия, боеприпасов и денежных средств. В ответ на его запрос военный министр рекомендовал командарму в связи с дефицитом звонкой монеты производить соответствующие выплаты ассигнатами. Это вызывало недовольство и в самой армии, и у населения, не желавшего продавать продовольствие и фураж за бумажные деньги. От военного министра Лафайет узнал, что тяжело больной Рошамбо подал в отставку.

После двухнедельного затишья австрийцы предприняли мощное наступление на корпус Гувьона, вынудив его отступить. Следующая пауза в военных действиях на участке армии Лафайета продолжалась до 11 июня,

когда австрийская армия начала новое широкое наступление. В развернувшемся сражении пушечным ядром был убит друг и соратник Лафайета по Войне за независимость США генерал Гувьон. Наступление, хотя и с трудом, было остановлено, и положение на фронте вновь стабилизировалось.

В это время король дал отставку жирондистским министрам Сервану, Клавьеру и Ролану (Дюмурье сменил министерство иностранных дел на военное министерство) и вновь призвал к власти фейянов. Накануне он отказался утвердить декреты Законодательного собрания о высылке неприсягнувших священников и о создании под Парижем лагеря федератов на 20 тыс. человек.

ПАДЕНИЕ МОНАРХИИ

Узнав о переменах в Париже, Лафайет позволил себе политический жест. 16 июня он направил письмо Законодательному собранию, в котором демонстративно приветствовал отставку жирондистского кабинета²² и обрушил огонь критики на «якобинскую фракцию», обвинив ее в организации беспорядков на фронте и в тылу. «Эта секта, — писал он, — ежедневно нарушала Декларацию прав, пытаясь навязать свою волю не только правительству и королю, но и Законодательному собранию»²³. Лафайет призвал Законодательное собрание охранять королевскую власть в соответствии с конституцией 1791 г. и заменить «власть клубов» властью закона.

Письмо Лафайета было оглашено в Собрании 18 июня. Оно вызвало новые нападки на его автора, который был обвинен в диктаторских намерениях. Многие депутатов возмутило, что командующий посмел обратиться к Собранию через голову военного министра. «Когда Кромвель заговорил на подобном языке, — сказал жирондистский оратор Гюаде, — свобода в Англии перестала существовать. Я не могу себе представить, что последователь Вашингтона способен подражать поведению этого протектора»²⁴.

В прессе началась ожесточенная кампания против Лафайета. Дантон и Робеспьер потребовали от Собрания провести расследование его «контрреволюционной» деятельности. Ему припомнили все преступления, и прежде всего расправу на Марсовом поле. Робеспьер

даже утверждал, что именно Лафайет организовал неудачный побег короля. «Этот заговор, — говорил он, — был задуман Лафайетом, которому специально была доверена охрана короля»²⁵. «У Национального собрания, — продолжал он, — есть выбор только между двумя альтернативами: или развернуть против Лафайета энергичные меры, соответствующие серьезности его преступлений, или опуститься до последней ступени слабости и унижения»²⁶.

Париж в те дни был на грани восстания. Все более настойчиво звучали требования свержения монархии. Король сам подливал масло в огонь народного недовольства. 19 июня он подтвердил свое вето на последние декреты Собрания. Реакция парижан была молниеносной.

Ранним утром 20 июня многотысячная толпа направилась в Законодательное собрание и передала через своих делегатов требование об упразднении королевской власти. Воспользовавшись недовольством народа, депутаты-жирондисты умело направили его на Тюильри. С криками «Долой вето! Нет больше священников! Верните министров-патриотов!» толпа устремилась в королевский дворец и штурмом взяла его. Людовик XVI вынужден был надеть на себя фригийский колпак и выпить «с народом» бокал красного вина со словами: «Народ Парижа, я пью за твое здоровье и за здоровье французской нации!»²⁷ Тем не менее он отказался снять свое вето.

Лишь через пять часов национальные гвардейцы сумели освободить Тюильри от возмущенных горожан. Вечером во дворец с извинениями прибыла депутация Законодательного собрания. Хотя вторжение в Тюильри и не дало конкретных результатов, оно ясно показало всю шаткость конституционного трона.

В тот день никому не известный артиллерийский лейтенант внимательно наблюдал со стороны за штурмом Тюильри. Видя беспомощность охраны, он презрительно процедил сквозь зубы: «Мерзавцы! Надо расстрелять первые пять сотен, а остальные быстро разбегутся сами»²⁸. Лейтенанта звали Наполеон Бонапарт.

Через несколько дней Лафайет узнал о событиях в столице и сразу же отправился туда в надежде, что его приезд поможет разрядить напряженность. Маршал Люкнер не одобрил его намерения, сказав, что «сан-

кюлоты оторвут ему голову»²⁹. Решение Лафайета было столь же смелым, сколь и безответственным — все-таки он командовал действующей армией. Наверное, он понимал, что рискует быть обвиненным в дезертирстве, и все же поехал в Париж, оставив за себя полевого маршала д'Анже. В приказе по армии он сообщил, что отбыл в столицу с целью добиться обеспечения войск всем необходимым.

В поездке Лафайета сопровождал только адъютант. Никто, в том числе и военный министр, не подозревал, что он объявится в столице.

В четверг 28 июня Лафайет был уже в Париже, где остановился у своего друга герцога Луи Александра де Ларошфуко, члена Академии наук. Отсюда он направил короткую записку председателю Законодательного собрания с просьбой разрешить ему выступить перед депутатами.

Как ни странно, его просьба была удовлетворена, а появление генерала в зале заседаний было даже встречено аплодисментами.

Поднявшись на трибуну, Лафайет произнес речь, в которой заявил: «Прежде всего я должен заверить вас, господа, что меры, принятые мной по согласованию с маршалом Люкнером, исключают всякую возможность негативных последствий моего отсутствия в действующей армии. А теперь прямо изложу те причины, которые привели меня сюда: мне стало известно, что мне инкриминировали предательство, усомнившись в подлинности моего письма от 16 июня, написанного из военного лагеря.

Но есть более важная причина для моего появления здесь: нападение на Тюильри 20 июня наполнило негодованием сердца всех честных граждан и произвело особенно сильное впечатление на армию. Я постарался прекратить составление адресов, которые армия намеревалась переслать вам, и вот я явился сюда один выразить ее чувства.

Господа, я обращаюсь к вам как гражданин, и поверьте, мое мнение разделяют все французы, любящие Отечество, его свободу, спокойствие и данные им законы. Настало время гарантировать конституцию от попыток ее ниспровергнуть, утвердить свободу Собрания, свободу короля, его независимость и его достоинство; настало время поставить на место недостойных граждан, только и ждущих появления

иностранных войск, чтобы с их помощью установить так называемое общественное спокойствие, т. е. такой порядок, который для всех свободных людей был бы позорным и нестерпимым рабством»³⁰.

Затем Лафайет обрушился на якобинцев и жирондистов, призвав Собрание «уничтожить секту, попирающую национальный суверенитет и тиранизирующую граждан»³¹. Он заявил о недопустимости беспорядков в столице «в то время, когда храбрые французы проливают кровь, защищая Отечество от врагов»³².

Жирондисты не оставили обвинения генерала без ответа. Одни из лучших ораторов, Гюаде, немедленно перешел в контратаку. «Разве неприятельская армия уже разбита? — язвительно вопрошал он. — Нет, все осталось по-старому и, однако, мы видим генерала одной из наших армий в Париже!.. Какие неотложные дела привели его сюда? Наши внутренние раздоры? Но я заявляю, что господин Лафайет сам нарушает защищаемую им конституцию, если он позволяет себе являться в Законодательное собрание от имени всех честных людей Франции, от которых он не получил никаких полномочий»³³. Гюаде предложил принять декрет, запрещающий генералам появляться в Законодательном собрании с какими бы то ни было петициями.

И хотя Законодательное собрание отказалось осудить поступок Лафайета и даже приняло 339 голосами «за» при 234 «против» его предложение о привлечении к ответственности организаторов событий 20 июня, приезд генерала в Париж сильно повредил его престижу. Якобинцы, наверное, уже тогда попытались бы расправиться с ним, но в Париже Лафайета постоянно сопровождал выделенный в его распоряжение отряд Национальной гвардии.

Лафайет не питал иллюзий относительно желания Собрания защитить интересы короля, определенные конституцией. Он не мог не почувствовать, что обстановка в Париже резко изменилась, что король едва удерживал свои позиции, что весь механизм конституции 1791 г., так долго и с трудом создававшийся, все чаще давал серьезные сбои.

Лафайет был глубоко убежден, что все беспорядки — результат «раскольнических» действий «сектантов». Он ни минуты не сомневался в жизнеспособности конституции. Весь вопрос для него только в

том, как восстановить исполнительную власть (т. е. короля) в прерогативах, определенных конституцией. И он решился на новый безрассудный поступок.

Лафайет явился к Людовику XVI и предложил ему следующий план: накануне очередного праздника Федерации 14 июля 1792 г. король отправится в Компьен (по конституции в период работы Собрания король мог выезжать из Парижа не более чем на 20 лье), где его встретят верные Лафайету войска; затем король обратится с призывом ко всем французам, в том числе и к эмигрантам, о национальном примирении на основе признания конституции 1791 г.; 14 июля, в день третьей годовщины взятия Бастилии, король в сопровождении Лафайета и Люкнера (и, разумеется, под соответствующей охраной) вернется в Париж и на Марсовом поле принесет клятву верности конституции у Алтаря Отечества; такую же клятву должны были дать все члены Законодательного собрания. После чего, по искреннему убеждению Лафайета, в государстве наступит социальный мир и благоденствие ³⁴.

Утопичность плана Лафайета была очевидна даже для Людовика XVI, который сразу же его отклонил. Зато сестра короля принцесса Елизавета горячо поддержала предложение генерала, однако ее энтузиазм был охлажден Марией Антуанеттой. «Месье де Лафайет прибыл спасти нас, — раздраженно сказала она, — но кто спасет нас от месье де Лафайета?» ³⁵

На что рассчитывал король? Скорее всего на скорый приход интервентов, в чем его уверяла королева. Такая перспектива не предполагала заигрывания с конституционалистами.

Можно ли считать план Лафайета контрреволюционным? Если учитывать общее направление развития революции, то несомненно, хотя нет никаких оснований утверждать, как это иногда делается, будто Лафайет переметнулся к роялистам и даже намеревался открыть фронт австрийцам, с тем чтобы общими усилиями подавить революцию в Париже.

Реставрацию абсолютизма, к которой стремилась эмигрантская контрреволюция, и конституцию 1791 г., в защиту которой постоянно выступал Лафайет, образно говоря, разделяла глубокая, можно сказать непреодолимая, пропасть — их разделяло 14 июля 1789 г.

Еще меньше оснований подозревать и тем более об-

винять Лафайста в сговоре с австрийцами и пруссаками. Его пребывание в прусских и австрийских тюрьмах в 1792–1797 гг. служит самым убедительным опровержением подобных домыслов; но об этом речь впереди.

Получив отказ короля, Лафайет стал собираться в обратный путь. А его в это время на все лады склоняли в революционных клубах. Бриссо, например, говорил: «Лафайет наконец сбросил маску, но сделал он это слишком рано. Его сбила с толку слепая амбиция, он вздумал выступить (имеется в виду выступление Лафайета в Собрании 29 июня. — П.Ч.) в роли повелителя. Эта преждевременная дерзость погубит его, хотя, что я говорю? Она его уже погубила» 36.

Ему вторил Робеспьер: «С каким же презрением французская нация должна раздавить это политическое насекомое, в своей дерзости полагающее, что факт пребывания, в течение известного времени, на свободной земле, дает ему основания для подавления свободы своей страны!.. Пусть все французы рассудят, для того ли они свергли деспотизм двора, чтобы нести ярмо господина Лафайета!» 37

Перед отъездом Лафайет предполагал устроить смотр Национальной гвардии, на который он пригласил короля. Это явно было рассчитано на то, чтобы укрепить резко пошатнувшийся авторитет Людовика XVI. Однако мэр Петийон отменил назначенный смотр, и Лафайет ограничился встречей с офицерами Парижского гарнизона, которым он изложил свои мысли о создавшейся ситуации.

Вечером, накануне отъезда Лафайета в армию, перед его домом собралось значительное число национальных гвардейцев, выразивших ему свою симпатию и поддержку. И все же Лафайет констатировал, что его поездка в Париж ровным счетом ничего не дала, если не считать ее дурных последствий для него самого.

30 июня он покинул гудящую, словно улей, столицу, оставив Законодательному собранию новое обращение. «Возвращаясь туда, где храбрые солдаты решили умереть за конституцию, и только за конституцию, — писал Лафайет, — я горько сожалею, что не могу доложить армии ничего хорошего о судьбе моей петиции. Общий крик всех честных граждан ежедневно доносится до слуха представителей народа; крик этот о том, что рядом с народными избранниками, рядом с

королем существует секта, пытающаяся низвергнуть все законные власти, провоцирующая междоусобную войну. Она дискредитирует дело свободы и отталкивает от него многих защитников. Секта эта, оскорбляющая нацию, безнаказанно совершает преступления, поселяет всеобщую тревогу, вызывает у французов справедливые опасения за нашу свободу, наши законы, нашу честь... Я исповедую принципы, согласно которым всякая незаконная власть по своему существу насиле и сопротивление такой власти — святой долг граждан. Поэтому я никогда не изменю ни моим принципам, ни моим чувствам, ни способу их выражения...»³⁸

2 июля 1792 г. Лафайет вернулся в Мобеж. В тот же день в специальном приказе он объявил, что временно покидал армию по причине огромной опасности, которая угрожала конституции.

Ознакомившись с обстановкой, он начал наступление на Седан и Монмеди. Несмотря на то что Седан был взят, Лафайет понял, что далее наступать невозможно.

6 июля по приказу военного министра Лафайет выехал в Валансьен на совещание к маршалу Люкнеру. Они решили, что необходимо рекомендовать Собранию и королю заключить мир. Продолжение военных действий, по их мнению, было чревато разгромом слабой французской армии.

Присутствовали ли в рекомендациях Люкнера и Лафайета соображения политического характера, или они были продиктованы исключительно военными соображениями? При том, что положение французской армии было далеко не блестящим, оно и не было настолько катастрофичным, чтобы говорить о неспособности вести войну. Конечно же Люкнера, а еще в большей степени Лафайета — прежде всего он всегда был политическим деятелем — всерьез беспокоила обостряющаяся обстановка в Париже. Лафайет понимал, что продолжение войны на руку лишь роялистам, а также «сектантам» — якобинцам, влияние которых в столице усиливалось с каждым днем. Прекращение войны могло бы, по его мнению, остановить сползание страны к «анархии», т. е. затормозить дальнейшее развитие революционного процесса, и укрепить позиции конституционалистов.

Однако в Париже не приняли рекомендаций Люкнера

и Лафайета, они получили приказ активизировать наступательные действия.

Тем временем в столице распространялись слухи об измене Лафайета, готовящегося якобы вторгнуться в столицу. Они инспирировались, по всей видимости, Якобинским клубом. Обеспокоенный военный министр писал Лафайету: «Ходят слухи, будто в Вашу армию посланы несколько тайных агентов с целью поднять в ней мятеж. И хотя я в них не верю, тем не менее обязываю Вас не пренебрегать этим и быть начеку»³⁹.

Видимо, этим предостережением можно объяснить следующий инцидент: Лафайет приказал арестовать и отправить в тюрьму в Седан трех неизвестных ему лиц, предъявивших мандаты Законодательного собрания, где говорилось, что они уполномочены проинспектировать его армию. Это действительно были депутаты Собрания, и когда в Париже стало известно о том, как Лафайет с ними обошелся, то возмущению не было предела. Толпа парижан бросилась к его дому и сожгла посаженное им некогда символическое дерево Свободы.

Усилились требования отстранения Лафайета от командования армией. «Я надеюсь, — говорил 11 июля Робеспьер, — что не пройдет и трех дней, как мы будем освобождены от нашего опаснейшего врага, что декрет освободит нас, наконец, от Лафайета, ибо без такого декрета можем ли мы пытаться сражаться за свободу!»⁴⁰ А Колло д'Эрбуа внес в Собрание предложение о предании Лафайета суду.

Не забывал Лафайета и Друг Народа. «Французы, — писал Марат 18 июля 1792 г., — вы открыли наконец глаза на г-на Мотье... Великий генерал, герой двух полушарий, подражатель Вашингтона, бессмертный восстановитель свободы является сегодня в ваших глазах только подлым придворным лакеем монарха, недостойным приспешником деспотизма, изменником, заговорщиком»⁴¹.

До какой степени Робеспьер и Марат преувеличивали «преступления» «г-на Мотье» и его «заговорщические планы», можно судить по ответу Лафайета на письмо его адъютанта Лакомба, оставшегося в Париже. В июле 1792 г. Лакомб предложил генералу похитить Людовика XVI. «Ваши планы относительно короля, — писал Лафайет, — мне импонируют, но заявляю Вам, что единоличную защиту дела свободы я не всерью

ни ему, ни кому-либо другому. В случае нарушения им суверенитета народа я буду бороться с ним, как боролся в 1789 году. Если же он будет уважать народное представительство, если он действительно захочет упрочить в стране конституцию, оставляя за собой лишь предоставленную ему законом власть, тогда мы сможем говорить с ним, да и то я сделаю это не иначе как с Декларацией прав в руках...»⁴²

Обвинения Лафайета в измене приняли столь острый характер, что Собрание направило ему специальный запрос, на который он прислал следующий ответ: «Меня спрашивают, предлагал ли я маршалу Люкнеру идти во главе наших армий на Париж? Отвечаю двумя словами: — это неправда»⁴³. 406 голосами «за» и 224 «против» Законодательное собрание отклонило предъявленные генералу Лафайету обвинения в измене.

«В это именно время, — отмечал русский биограф Лафайета, — более чем когда-нибудь обнаружился замечательный характер Лафайета. Сделай он попытку к установлению своей диктатуры, и она, без сомнения, увенчалась бы успехом. Но преследуемый со всех сторон, рискуя постоянно жизнью, он не предпринял решительно ничего в этом направлении. И уж, конечно, не от недостатка смелости зависел его образ действий. Нет, верность принципам 1789 года не покидала его никогда, не покинула и в эти тяжелые для него минуты»⁴⁴.

Еще 9 июля правительство перетасовало состав военного командования: Лафайет заменил Люкнера на посту командующего Северной армией. Присланный (на место Рошамбо) бывший военный министр жирондист Дюмурье не мог смириться с тем, что ему придется подчиняться Лафайету. Он начал интриги против него, надеясь добиться отставки Лафайета. Дюмурье поддержал новый военный министр д'Абанкур, питавший неприязнь к Лафайету.

А между тем надвигались события, опрокинувшие весь и без того неустойчивый порядок вещей.

У границ Франции сконцентрировалась мощная 175-тысячная коалиционная армия, возглавляемая герцогом Брауншвейгским, опубликовавшим 8 августа 1792 г. известный манифест с угрозами разрушить Париж до основания и потопить революцию в крови⁴⁵. Этот манифест ускорил затянувшуюся развязку и решение вопроса о судьбе монархии во Франции. Он послужил

непосредственным поводом к восстанию 10 августа, к свержению Людовика XVI и заключению его с семьей в тюрьму Тампль ⁴⁶.

В этот же день из здания Ратуши был вынесен и разбит бюст Лафайета работы Гудона. Та же участь постигла и памятную декоративную медаль, отлитую в честь Лафайета. Она была разбита палачом по предписанию и в присутствии генерального прокурора Коммуны Манюэля.

Хозяином положения в столице стала новая революционная Коммуна, продиктовавшая свою волю Законодательному собранию ⁴⁷. 10 августа была свергнута не только монархия, но и власть крупной буржуазии в лице партии фейянов.

Любопытно, что якобинские газеты объявили, будто командующий Северной армией генерал Лафайет одобрил восстание 10 августа. Это свидетельствовало о признании якобинцами его влияния в стране. Лафайет писал в воспоминаниях, что при желании мог в тот момент легко быть принят в их среду и стать героем дня, но это противоречило его убеждениям ⁴⁸. «День 10 августа, — запишет он позднее, — отмечен переходом от революции конституционной к революции конвенционной, от эры свободы, честных принципов и добрых чувств к эре террора и незаконности» ⁴⁹.

БЕГСТВО

Первые противоречивые сообщения о событиях в Париже Лафайет получил 12 августа. Он немедленно обратился к военному министру с просьбой дать ему информацию о положении в столице, о позиции Собрания и судьбе короля. Он писал: «Беспорядки в столице, без сомнения, оплачены иностранными державами в целях оказания помощи контрреволюции, и это предположение подкрепляется тем обстоятельством, что время, когда они произошли, совпало с действиями иностранных держав» ⁵⁰.

В ожидании новостей из военного министерства Лафайет 13 августа издал приказ по армии, в котором объявил, что король временно отстранен от власти, и призвал армию сохранять верность конституции. В личном обращении Лафайет подчеркнул, что не склонит голову ни перед какой формой деспотизма ⁵¹.

Любопытно, что с обличением «республиканского

деспотизма» всего лишь за несколько дней до событий 10 августа выступил сам Робеспьер, высказавшийся за сохранение королевской власти. «Имеет ли деспотизм одну голову или семьсот голов (по числу депутатов Законодательного собрания. — П.Ч.), — говорил Робеспьер в Якобинском клубе, — это все деспотизм. Я не знаю ничего столь ужасного, как неограниченная власть в руках многочисленного Собрания, стоящего выше законов, хотя б это и было собрание мудрецов».

Это означало, что Лафайет не принял переворот 10 августа 1792 г. и пришедшее к власти жирондистское правительство, о чем сразу же стало известно в Париже. В заявлении Якобинского клуба в связи с этим говорилось: «Нужно, чтобы народ немедленно добился осуждения Лафайста и расформирования его штаба; тогда только австрийцы отступят, так как с этого времени они больше не будут иметь агентов в нашей среде»⁵².

Наконец 17 августа новое правительство приняло решение отстранить Лафайста от командования Северной армией. 19 августа Законодательное собрание утвердило это решение и приняло следующий декрет:

«Национальное собрание, считая, что генерал Лафайст употребил самые чудовищные действия для того, чтобы ввести в заблуждение армию, командование которой ему было доверено; считая, что он стремился склонить ее к мятежу и непризнанию власти представителей нации и хотел даже повернуть солдат против родины; считая, что его действия представляют преступление против закона и свободы, а также являются изменой родине, постановляет:

Статья 1. Выдвигается обвинение против Мотье-Лафайста, генерала Северной армии.

Статья 2. Исполнительная власть уполномочена выполнить настоящий декрет. Национальное собрание приказывает всем конституционным властям, всем гражданам и солдатам содействовать задержанию вышеупомянутого Мотье-Лафайста всеми возможными средствами.

Статья 3. Национальное собрание запрещает Северной армии признавать вышеупомянутого Мотье-Лафайста своим командиром и исполнять его приказы; административным, муниципальным органам, всем должностным лицам запрещается оказывать ему какую бы то ни было помощь и выполнять какие-либо его требова-

ния; финансовым государственным органам предписывается производить выплаты для нужд армии только по приказу генерала Дюмуре, назначенного вместо вышеупомянутого Лафайета; нарушение настоящего постановления повлечет за собой обвинение в пособничестве мятежу»⁵³.

Перед Лафайетом встала дилемма — немедленное бегство или эшафот? К тому времени изобретение доктора Гильотена уже прошло испытание на овцах в известном всему Парижу сарае, что находился по соседству с типографией Марата в квартале Кордельеров. Гильотина ожидала свои первые жертвы на площади Революции (ныне площадь Согласия). Бегство давало слабую, но все же надежду; он выбирает его.

Прощаясь с армией, Лафайет призвал солдат соблюдать дисциплину и хранить верность долгу⁵⁴. Никаких попыток поднять в армии мятеж и тем более двинуть ее на Париж, как указывают некоторые историки⁵⁵, Лафайет не предпринимал. Точно так же нет оснований говорить и о дезертирстве Лафайета, поскольку он был официально снят со своего поста. Его не в чем было упрекнуть, разве что в нежелании самому явиться на эшафот.

В прощальном обращении к городу Седану Лафайет изложил причины, по которым он был снят с поста командующего армией, не преминув напомнить о «преступлениях фракции» и «врагов свободы»⁵⁶. Любопытно, что городские и департаментские власти выразили глубокое сожаление в связи с отставкой Лафайета, чем навлекли на себя гнев Бриссо и Робеспьера.

План Лафайета состоял в том, чтобы сначала добраться до Гааги, под защиту американского посла, затем в Роттердам к одному из руководителей бельгийских повстанцев — П. Полю (с его помощью он надеялся переправиться в Англию, а оттуда — в Соединенные Штаты, к своему другу президенту Вашингтону).

К Лафайету присоединился 21 офицер его штаба, а также бежавший из Парижа Александр де Ламет, тоже подпавший под обвинительный декрет Собрания.

В середине дня 19 августа 1792 г. Лафайет и его спутники покинули Буйон и направились в Рошфор — небольшой городок Льежского графства. Беглецы не знали, что Рошфор накануне был захвачен австрийцами. Вечером того же дня при въезде в город они

неожиданно подверглись нападению австрийской кавалерии. Силы были неравны, и Лафайет приказал сложить оружие.

Арестованных препроводили к графу д'Арнонкуру, командиру лимбургских волонтеров, который известил командующего австрийской армией генерала Клерфайта о захвате Лафайета.

В Архиве внешней политики России имеется копия доклада д'Арнонкура герцогу Саксен-Тешену, губернатору бельгийских провинций, об аресте Лафайета и его спутников, пересланная в Петербург с сопроводительным письмом И. М. Симолина, покинувшего к тому времени Париж и находившегося в Спа. «Спешу переслать Вашему превосходительству, — писал Симолин 23 августа 1792 г. вице-канцлеру И. А. Остерману, — прилагаемый ниже доклад графа д'Арнонкура, капитана и командира лимбургских волонтеров в Рошфор-ан-Арден, направленный его сиятельству герцогу Саксен-Тешену, об аресте г-на де Лафайета и 15–18 сопровождавших его офицеров. Уверяют, что названный генерал, узнав об ужасных событиях, происшедших в Париже 10 и 11 августа, изучил обстановку в своей армии и, выяснив, что она неблагоприятна для короля, понял, что для сохранения своей жизни ему остается только один путь — спасаться бегством, бросив вверенную ему армию. В намерения г-на де Лафайета входило отправиться в Голландию и оттуда перебраться в Англию. Это все, что мне удалось узнать о мотивах этого бегства...

Поведение г-на де Лафайета на всем протяжении революции, — продолжал Симолин, — это поведение человека-статуи, который осмелился говорить и действовать столь неосторожно, что благодаря ему восстание стало считаться святым долгом, а сам он превратился в палача и тюремщика своего государя...»⁵⁷

Судя по копии доклада д'Арнонкура, Лафайет и его спутники заявили письменный протест против своего ареста: они не могут считаться военнопленными, поскольку добровольно покинули пределы Франции и намерены выехать в Голландию. Д'Арнонкур дважды предложил Лафайету перейти на службу в эмигрантскую армию Конде и оба раза получил категорический отказ. Лафайет ответил, что он и его спутники ни в коем случае не присоединятся к французским роялистам, состоящим на службе у иностранных держав⁵⁸.

««В таком случае, — заявил я ему, — они становятся моими военнопленными», — докладывал д'Арнонкур губернатору и продолжал: — Тем временем я отправил патруль в составе 50 человек для того, чтобы доставить сюда эмигрантов...»⁵⁹ Эмигранты-роялисты понадобились для официального опознания Лафайета и его спутников. Они их сразу опознали, не скрывая своего злорадного торжества: «Лафайет! Лафайет! Надо немедленно известить монсеньора герцога де Бурбона (принца Конде. — П.Ч.)!»⁶⁰

Под усиленным конвоем Лафайета и его офицеров переправили в Намюр, о чем И. М. Симолин также счел необходимым информировать Коллегию иностранных дел⁶¹.

Как только генерал Клерфайт узнал, что армия Лафайета осталась без командующего, он предпринял попытку начать наступление, но получил решительный отпор и вынужден был отступить с потерями.

Сменивший Лафайета генерал Дюмуре прибыл в армию только 28 августа. Участник Семилетней войны генерал Дюмуре был опытным и храбрым офицером, имевшим несколько ранений. В свое время он сражался и в армии польских конфедератов.

В плане политических убеждений он, несомненно, был авантюристом, каких в большом множестве породила революция. В революции он увидел счастливый случай для собственного возвышения. В июльские дни 1789 г. Дюмуре через герцога де Куаньи направил из Казна письмо Марии Антуанетте с изложением плана подавления восстания в Париже. Всего лишь через два года он уже был в рядах жирондистской партии, афишируя свои левые взгляды. Когда жирондисты были удалены королем из правительства, Дюмуре оказался единственным из них, кто сохранил министерский портфель. Получив все же отставку, он вновь объявил себя демократом и стал домогаться поста главнокомандующего тремя революционными армиями.

После 10 августа 1792 г. он всячески афишировал свои крайне левые взгляды и пытался заигрывать с Робеспьером. Одновременно Дюмуре позволял себе огромные траты, содержа любовницу — сестру известного роялиста Ривароля. Даже Бриссо, лидер жирондистов, его тогдашний соратник, вынужден был публично обвинить Дюмуре в растрате 6 млн ливров из секретных фондов военного министерства.

Именно Дюмуре — этому политическому авантюристу, примкнувшему к революции исключительно из корыстных побуждений, — и было доверено командование армией Лафайета. Именно он, а не Лафайет совершит вероломную измену весной 1793 г., когда после неудачной попытки повернуть возглавляемую им армию на Париж Дюмуре арестует находившихся в его армии военного министра Бернонвиля и четырех комиссаров Конвента и перебежит на сторону врага вместе с 1800 своими сообщниками.

Лафайет всегда с недоверием и исприязнью относился к людям типа Дюмуре; в своих мемуарах он довольно резко отзывался о нем. «Но, — вместе с тем писал Лафайет, — после этой суровой правды справедливость требует добавить, что Дюмуре, несомненно, был умным и храбрым человеком, наделенным большими военными способностями» ⁶².

Поначалу новый командующий был принят в армии весьма прохладно. Дело дошло до того, что во время смотра из строя вышел солдат и громко усомнился в полномочиях вновь прибывшего генерала. Дюмуре не растерялся. Он выхватил пистолет, направил его на смельчака и, напирая на него лошадью, заставил встать обратно в строй. Затем он произнес зажигательную речь в якобинском духе.

...Лафайет же, попав в плен, целиком был занят мыслями о своей семье, оставшейся в замке Шаваньяк. Он еще надеялся вырваться из рук австрийцев и попасть в Англию с женой и детьми. В письме Адриене он изложил свои соображения о создавшейся ситуации. Это письмо дополняет образ человека, объявленного на родине изменником. Приведем его с некоторыми сокращениями.

«Каковы бы ни были превратности судьбы, — писал Лафайет жене, — Вы знаете, что я не из тех, кто легко уступает, и, зная это, Вы конечно же поймете, какие душевные муки я испытал, покидая отечество — то самое отечество, которому я отдал все мои силы и которое могло быть свободным, а оно достойно свободы, если бы частные интересы отдельных лиц не смутили общественное мнение, не дезорганизовали сопротивление извне и законный порядок внутри страны. И вот я, опальный в моем отечестве, вынужден ступить на чужую землю, бежать из Франции, которую мне было бы так сладко защищать от врагов!..

Вы знаете, что приверженность моим убеждениям составляет ныне преступление... Якобинцы поклялись погубить меня. Но если бы мною руководило честолубие, а не совесть, то мое положение было бы совсем не таким, как теперь. Но я никогда не имел ничего общего с преступлением, я был последним, кто сохранил верность конституции, которой присягал.

Вы знаете, что мое сердце всегда было сердцем республиканца, и я мог бы сам провозгласить себя таковым, если бы рассудок не побуждал меня придать моим воззрениям в некоторой степени монархический оттенок и если бы присяга верности воле нации не обязывала меня быть защитником конституционных прав короля. И чем меньше осмеливались сопротивляться мятежникам, тем громче был слышен мой голос, и я, естественно, сделался мишенью для всевозможных нападков.

Простой математический расчет о тщетности дальнейшей борьбы и нежелание стать лишним объектом для преступлений побудили меня покинуть родину, где я в противном случае должен был бы сложить голову, не принеся никакой пользы.

Я не знаю, как скоро стану свободным, но намерен отправиться в Англию и очень хочу, чтобы туда же прибыло все мое семейство...

Мне известно, что семьи эмигрантов подлежат аресту во Франции, но ведь то семьи эмигрантов, вооружившихся против своей родины; что же касается меня, то... великий Боже!.. какое чудовище осмелится подумать, что я могу быть в их рядах?!

Я виноват перед Вами и нашими детьми в том, что разорил всех вас, но я уверен, что среди нас нет никого, кто пожелал бы сохранить наше имущество ценой поведения, противоположного моему. Приезжайте в Англию, а оттуда мы вместе отправимся в Америку, где обречем свободу, которой не существует более во Франции, и где мои заботы о Вас помогут Вам забыть все испытания и утраты...» 63

Этому письму суждено было стать прологом к пятилетней драме, которую предстояло пережить Лафайету и его жене. Они оставили один из удивительных примеров супружеской любви, какие знала история, — пример, предвосхитивший подвиг русских женщин-декабристок.

УЗНИК АНТИФРАНЦУЗСКОЙ КОАЛИЦИИ

ТЮРЬМЫ

Как нередко бывает в истории, политический деятель, представлявший современникам значительным и даже выдающимся, внезапно теряет свой ореол и обнаруживает свою посредственность, а то и ничтожность, оказавшись не у дел, а тем более перед лицом тяжелых жизненных испытаний, когда происходит внезапное превращение политического лидера в заурядного обывателя. Испытание общественным забвением бывает не менее серьезным, чем испытание властью и славой. Лафайету предстояло пройти такую двойную проверку.

Великая французская революция закончилась для него 19 августа 1792 г., когда он покинул пределы Франции. В этот день Лафайет вступил в новую полосу испытаний, продолжавшихся без малого четверть века. Первые пять лет из них пришлось на прусские и австрийские тюрьмы.

Из Намюра Лафайета и других пленников вскоре перевели в Нивель. Там их подвергли тщательному допросу. Братьев Людовика XVI особо интересовала судьба армейской кассы, которую, по их предположению, Лафайет должен был прихватить с собой. У пленников же обнаружили лишь их двухмесячное жалованье и сухой паек. Настойчиво задавался один и тот же вопрос — где они спрятали армейскую кассу? Когда очередь дошла до Лафайета, он холодно ответил: «Поистине, Их Королевские Высочества судят обо мне по себе»¹.

В Нивеле арестованных французов разделили на три группы: в первую отнесли тех, кто не служил в Национальной гвардии, — их сразу же освободили; во вторую группу включили офицеров штаба Лафайета — после непродолжительного заключения они также были освобождены; к третьей причислили Лафайета, Бюро де Пюзи, Латур-Мобура и Ламета. Их судьбу должны были решить руководители антифранцузской коалиции. Вожди роялистской эмиграции настойчиво требовали казни Лафайета. Посол Людовика XVI при

Венском дворе заявил, что «само существование Лафайета несовместимо с безопасностью европейских правительств»². Со своей стороны и австрийцы оставляли Лафайету мало надежд на благополучный исход его пленения. Австрийский генерал-губернатор бельгийских провинций герцог Саксен-Тешен прямо заявил Лафайету: «Месье, вас арестовали не как конституционалиста и не как эмигранта, а как зачинщика революции...»³

Лафайет стал готовиться к худшему. Его душевное состояние в тот момент хорошо передает письмо, больше похожее на завещание, которое Лафайет передал верному Ромефу при расставании. Он просил опубликовать письмо в случае его смерти. «Я очень хорошо знал, — писал Лафайет, — что, очутись я в руках самодержавных правительств, они отомстят мне за все зло, которое я им причинил. Но, защищая до последней возможности против мятежников свободу и конституцию моего отечества, я отдался, наконец, своей судьбе, в уверенности, что лучше погибнуть от руки тиранов, чем от руки моих заблуждающихся сограждан. Следовало бы особенно избегать влияния дурного примера общественной неблагодарности, способной повредить народному делу. Они прекрасны, эти истины! Я убежден, что мои труды в двух полушариях не пропали даром. Аристократия и деспотизм получили смертельные удары, и моя кровь, взывая к мщению, даст свободе новых защитников»⁴.

О твердости духа Лафайета в тот период свидетельствует и его письмо, адресованное тетушке в Шаваньяк. «Мои несчастья, — писал он, — не изменили ни моих принципов, ни моих чувств, ни моего языка. Я здесь тот же, кем был всю мою жизнь. Моя душа, должен признаться, переживает глубокие сомнения, но сознание мое чисто и спокойно...»⁵ Из Нивеля четверо узников были переведены в тюрьму прусского городка Везель. Каждый из них был помещен в одиночную камеру. Могильная тишина. Никаких известий из внешнего мира. Бессловесные тюремщики. К страданиям душевным добавилась болезнь, развившаяся в постоянно сырой камере. Лафайет едва не умер от тяжелого воспаления легких.

Оправившись от болезни, он попытался получить разрешение связаться с семьей. Посетивший его в связи с поданной просьбой королевский чиновник

предложил Лафайету от имени Фридриха-Вильгельма II в обмен на право переписки сообщить данные о состоянии французской армии — ее вооружении, боеприпасах, стратегических планах и т. д. Возмущению Лафайета не было границ. «Ваш король — большой нахал, если ему в голову пришла такая мысль. Впутать меня в подобное дело!» — ответил пленный генерал посланцу прусского короля ⁶.

После этого визита тюремный режим для Лафайета был ужесточен. Он перестал видеть товарищей даже во время коротких прогулок. Днем и ночью с него не сводили глаз, и в течение нескольких месяцев он не слышал ни единого человеческого слова.

31 декабря 1792 г. Лафайет покидает тюрьму Везеля. Предстоял новый переезд — в Магдебург. Наконец-то все четверо заключенных собрались вместе. По пути к новому месту заключения произошла любопытная встреча. В таверне городка Хамм, где арестанты и их охрана остановились пообедать, в это же время случайно оказались оба брата Людовика XVI — граф Прованский и граф д'Артуа. Можно себе представить, с каким злорадством и ненавистью монсеньоры наблюдали за тем, как Лафайет и его товарищи — изможденные и бледные — обедали под дулами пистолетов своих охранников.

Магдебургская тюрьма, где Лафайету предстояло провести 360 дней и ночей, отличалась суровым режимом. Новое обиталище Лафайета представляло собой маленькую полутемную камеру с единственным оконцем, забранным решеткой, — пять с половиной шагов в длину и три шага в ширину. От осклизлых каменных стен веяло могильным холодом и плесенью. Здесь ему было отказано даже в прогулках по тюремному двору. Целиком предоставленный своим невеселым мыслям, Лафайет тяжело страдал от бессонницы и приступов лихорадки. Он по-прежнему томился неизвестностью о судьбе родных и близких. Как знать, быть может, в то время отсутствие информации — это лучше, чем суровая правда о начавшемся терроре — о «сентябрьских убийствах», о гибели друзей, об аресте жены... Узнать — и мучиться от сознания своего полного бессилия. Впрочем, уже скоро известия о событиях во Франции достигнут и темницы Лафайета.

Как только Вашингтон получил известие об аресте Лафайета, он сразу же начал кампанию по спасению

своего друга. Президент направил королю Пруссии письмо, в котором отмечал выдающиеся заслуги американского гражданина Лафайета. Однако ни король прусский, ни император австрийский не желали признавать американского гражданства «французского смутьяна». Вашингтон так и не получил ответа на свое обращение с просьбой освободить Лафайета и разрешить ему выехать в Соединенные Штаты. Тогда он отдал распоряжение американским дипломатическим представителям в Европе определить местонахождение Лафайета и всеми средствами, включая подкуп, облегчить его участь, включая налаживание постоянной связи заключенного с внешним миром.

Всего этого Лафайет, разумеется, не знал и был немало удивлен, когда 18 марта 1793 г. чья-то невидимая рука просунула под дверь его камеры письмо. С этого дня заключенный Лафайет уже не был одинок. Президент Вашингтон мог быть доволен действиями американской агентуры в Европе.

С 18 марта до 30 декабря 1793 г. Лафайет переправит из магдебургской тюрьмы 12 писем. Примерно столько же он получит. Поскольку прямой связи между Пруссией и Францией в то время не существовало, Лафайету пришлось довольствоваться перепиской с Лондоном, где нашла временное убежище его давняя парижская знакомая княгиня д'Энен. Другим корреспондентом Лафайета в тот период был симпатизировавший ему редактор гамбургского журнала «Минерва» Архенгольц.

Тайная переписка осуществлялась при посредничестве подкупленных тюремщиков. При написании писем Лафайет использовал тонкие палочки вместо перьев и разведенную в уксусе сажу вместо чернил.

Известия, полученные Лафайетом, глубоко потрясли его. Сильное впечатление произвела на него весть о казни Людовика XVI. В письме к Архенгольцу он подробно изложил свою позицию. «Что касается моего отношения к королю, — писал он, — то я всегда пользовался его уважением, но никогда — доверием. Неприятный придворными, я старался внушить ему образ действий, сообразный требованиям Революции. В этом я видел гарантию для его жизни и безопасности. Когда, после его бегства, Учредительное собрание решило вновь предложить Людовику королевскую власть, я присоединил свой голос к почти единодушному решению

Собрания. Я всеми силами протестовал против всякого насилия над ним. Я предлагал, наконец, хотя и совершенно бесплодно, чтобы с согласия Собрания и Национальной гвардии король отправился в Компьен и там, будучи в полной безопасности, твердо заявил о своем желании уважать конституцию и содействовать умиротворению.

Вы говорите о его переписке с врагами. Ни о какой его корреспонденции с неприятелем я не знаю, и все, что я узнал из его ужасного процесса, доказывает лишь, что никогда еще естественное право, народное мнение и общественное благо не подвергались такому насилию, как в этом деле... И все же, как бы то ни было, у меня есть великое утешение в сознании исполненного долга, а наслаждение от сознания искреннего служения делу рода человеческого выше всех страданий от несправедливостей врагов и даже неблагодарности народа»⁷.

Особенно тягостное впечатление на Лафайета произвело известие о казни в Париже его ближайшего друга Ларошфуко, с которым в годы юности — задолго до революции — они мечтали о равенстве и социальной справедливости, просиживая вечерами над книгами Руссо. В его письмах из тюрьмы впервые зазвучали нотки разочарования. «Тень моего друга Ларошфуко постоянно стоит передо мною... — писал Лафайет княгине д'Энен. — Ах, боже мой, вот преступление, жестоко поразившее мое сердце! Народное дело не стало для меня менее священно, чем прежде: я готов отдать за него всю мою кровь, но очарование исчезло»⁸ (курсив мой. — П.Ч.). Тем же настроением проникнуто и другое письмо от 16 июля 1793 г.: «Несправедливость народа не уменьшила моей преданности его делу, но она погубила восторженное чувство, испытываемое при улыбке толпы»⁹.

Даже в тюремном каземате Лафайет не расставался с дорогой ему идеей отмены рабства. Он просит через мадам д'Энен передать Адриене, чтобы она не забыла в случае продажи их плантаций в Гвиане выдать всем работавшим там неграм вольную. Генерал не знал, что его бывший коллега по Обществу друзей черных Бриссо уже распорядился конфисковать гвианские плантации Лафайета и продать их вместе со всеми неграми, включая и ранее освобожденных Лафайетом.

С некоторым опозданием через американского

посланника в Англии Пинкнея Лафайет узнал об аресте своей жены. Можно представить себе те отчаяние и тревогу, которые испытал Лафайет при этом известии, хотя мистер Пинкней и пытался утешить его тем, что посол Моррис делает в Париже все возможное для освобождения мадам Лафайет.

30 декабря 1793 г. комендант магдебургской тюрьмы получил приказ переправить Лафайета в тюрьму города Нейсе, близ польской границы. Сотоварищи Лафайета по заключению — Бюро де Пюзи и Латур-Мобур — переводились в силезский город Глатц. Александр де Ламет в начале 1794 г. был выпущен на свободу.

С переводом Лафайета из Магдебурга прерывалась его с таким трудом налаженная связь с внешним миром. Это обстоятельство усугубляло и без того тяжелое состояние заключенного. А друзьям Лафайета и американским агентам прибавилось хлопот — установить новый канал связи. В своем последнем письме из Магдебурга, адресованном мадам д'Энсен и предназначенном для родных, Лафайет писал: «Прощайте же, моя дорогая жена, мои дети, моя тетушка и Вы, мой бесценный друг, которого я буду любить до гробовой доски»¹⁰.

Пребывание Лафайета в прусской тюрьме в Нейсе было непродолжительным — всего четыре месяца. Однако и в это время он не был одинок. Здесь, как и в Магдебурге, нашлись люди из тюремной охраны, взявшиеся переправлять его корреспонденцию. Средства для оплаты их услуг предоставлял американский дипломатический представитель в Пруссии, получивший на этот счет указания президента Вашингтона.

В апреле 1794 г. прусский король передал троих французских узников в распоряжение австрийского императора. Новое путешествие в тюремной карете под усиленной охраной закончилось в моравском городке Ольмюц 17 мая 1794 г.

Первое время новое местонахождение Лафайета было неизвестно. Американские дипломаты сбились с ног в поисках следов исчезнувшего из Пруссии узника. Руководители антифранцузской коалиции, обеспокоенные начавшимся в Европе и Северной Америке общественным движением за освобождение героя Старого и Нового Света, держали в строжайшей тайне его очередную тюремную обитель. Даже комендант Ольмюцкой крепости

поначалу не знал имен трех новых заключенных, известных ему только под номерами. Номер 2 — Лафайет, номер 5 — Латур-Мобур, номер 6 — Бюро де Пюзи. Заключенным была категорически запрещена всякая переписка. С того момента, когда их вновь разлучили по отдельным камерам, они не виделись в течение трех лет.

В «деле Лафайета» горячее участие принимал молодой ганноверец Эрих Больман, сын коммерсанта, получивший в Париже диплом доктора медицины. Больман постигал медицинские науки в столице революционной Франции в то самое время, когда генерал Лафайет командовал там Национальной гвардией. Генерал был для романтического юноши подлинным кумиром. Вернувшись на родину и узнав о драматической судьбе Лафайета, доктор Больман принял решение любой ценой спасти своего героя. Он установил контакты с американскими дипломатами в Англии, Голландии, Франции, Пруссии и Австрии, а также тесно сотрудничал с друзьями Лафайета — мадам де Сталь и графом де Лалли-Толендалем, принимавшими горячее участие в судьбе Лафайета. После того как все надежды добиться амнистии для Лафайета были исчерпаны, встал вопрос об организации его бегства. И именно в тот момент, когда Больман начал готовить побег Лафайета из Нейсе, заключенный внезапно был переведен оттуда.

Больман потратил немало сил и времени, чтобы отыскать следы Лафайета. Трудно сказать, что сыграло большую роль в успехе этих поисков — энтузиазм молодого Больмана или доллары, щедро отпускаемые на них американскими дипломатами. Правительство Соединенных Штатов выделило для оказания помощи Лафайету 20 тыс. долларов — немалую по тем временам сумму¹¹.

27 июня 1794 г. поиски привели Больмана в Ольмюц, где он остановился на постоялом дворе «Золотой лсбедь». Приезд богатого ученого-иностранца, путешествующего в свое удовольствие по Европе, произвел впечатление. Местное начальство поспешило засвидетельствовать ему свое почтение, и очень скоро Больман стал часто бывать в доме коменданта крепости. От него-то доктор и узнал о трех таинственных узниках, содержащихся уже более года в ольмюцкой тюрьме. Описание их внешности не оставило у Больмана никаких сомнений, что один из них — Лафайет. Симулировав внезапное заболевание, Больман знакомится с

хирургом военного госпиталя майором Хаберлейном, одновременно выполнявшим обязанности тюремного врача. У двух коллег обнаружились общие знакомые из числа профессоров медицины. Очень скоро Больман и Хаберлейн стали неразлучными друзьями. Майор пригласил коллегу осмотреть военный госпиталь и немногих больных, которые там содержались. Именно Хаберлейн станет связующим звеном между Больманом и Лафайетом. Отношения между двумя врачами приняли столь доверительный характер, что Больман решил обнаружить свой особый интерес к заключенному номер 2. Майор согласился передавать ему невинные на первый взгляд письма в незапечатанных конвертах. Тюремные университеты кое-чему научили Лафайета: он греет бумагу над свечой и видит, как между строк на ней проступает тайнопись. Иногда Больман передавал через Хаберлейна книги безобидного содержания с просьбой возвращать их ему по прочтении. Лафайет пишет на полях книг лимонным соком (по предписанию тюремного доктора заключенному номер 2 с некоторых пор давали лимоны для предупреждения цинги) ответные послания Больману. Они обсуждали различные варианты побега из крепости. Лафайет воспрянул духом. Он опять не одинок.

Разыскав Лафайета и установив с ним контакт, Больман покинул Ольмюц и отправился в Вену, где закупил все необходимое для побега — стальные английские напильники, пилючки для металла, веревки и т.д. Через три месяца он возвращается в Ольмюц из своего «европейского турне».

В это время к участию в заговоре подключается некий молодой человек. Его фамилия Хьюггер — сын майора Хьюггера, которого восемнадцать лет назад Лафайет держал на коленях в Чарлстоуне, в день своего приезда в Америку. Теперь это был двадцатитрехлетний молодой человек, окончивший курс медицины в Лондоне. Совершенно случайно он познакомился в одном из венских кафе с доктором Больманом. Для Хьюггера имя Лафайета было исполнено особого смысла. Хьюггеры всегда гордились тем, что именно в их доме нашел свое первое пристанище герой Нового Света. Молодой американец сразу же предложил свои услуги ганноверскому доктору. Оба заговорщика прекрасно сознавали, какие последствия для них будет иметь провал задуманной операции, и тем не ме-

нес они готовы были идти до конца, лишь бы освободить своего кумира.

В Вене Хьюггер помог Больману приобрести двух верховых лошадей (покупка лошадей в маленьком Ольмюце неизбежно привлекла бы внимание), одна из них крупнее и сильнее и явно рассчитана на то, чтобы нести двух всадников.

По возвращении в Ольмюц Больман узнал от майора Хаберлейна, что в крепость назначен новый комендант граф Арко, прибытия которого ожидали со дня на день. Заговорщики спешат с проведением намеченной акции. Ведь неизвестно, как новый комендант отнесется к двум иностранцам, проявляющим интерес к крепости и ее персоналу.

Больман известил Лафайета о своем возвращении в Ольмюц и о завершении подготовки к побегу. Благодаря содействию майора Хаберлейна Лафайету с некоторых пор были разрешены прогулки в карете за пределами тюрьмы. На это и сделал ставку Больман, задумавший освободить Лафайета во время одной из таких прогулок.

Посвященный в его намерения, Лафайет писал Больману на полях книги: «Крайне тронут, мой великодушный друг, Вашими заботами и не могу выразить Вам всей моей благодарности. Весть о Вашем приезде вселила в меня новые надежды...

Хотя меня лишили по странной заботливости некоторых лиц многих средств к самоубийству, но я вовсе не думаю воспользоваться теми, которые еще остались в моем распоряжении, и столько же забочусь о собственной «конституции», как и о конституции национальной. Я еще полон сил... но грудь моя сильно болит, и лучшее лекарство для меня прогулки через день... Я гуляю в сюртуке и круглой шляпе в сопровождении офицера и тюремщика в форме капрала. Послезавтра, в воскресенье, я отправлюсь на очередную прогулку...» ¹²

Далее Лафайет приписал лимонным соком: «У меня нет времени, мой дорогой друг, вдаваться в детали... Скажу только, что приняты всяческие предосторожности против возможности обыкновенного побега и что для успеха дела нам придется придумать что-нибудь совершенно необыкновенное... Чем более безрассудным будет казаться предприятие, тем скорее оно удастся» ¹³.

Больман назначил операцию на 8 ноября. Утром этого дня он отправил экипаж в местечко Хоф на австро-прусской границе, куда должен был быть доставлен беглец. Сам Больман вместе с Хьюггером внимательно наблюдали за крепостными воротами из окон своих комнат в «Золотом лебеде».

Как только крепостные часы пробили два удара, ворота раскрылись и из внутреннего двора выехала тюремная карета с Лафайетом и двумя охранниками. Некоторое время спустя Больман и Хьюггер устремились за ней, соблюдая дистанцию. Они видели, как карета остановилась за городской чертой и из нее вышел Лафайет в сопровождении одного стражника. Офицер остался с кучером, а заключенный, сопровождаемый сержантом, отправился на прогулку. Все шло как будто по плану.

Дождавшись, когда Лафайет и охранник удалились на почтительное расстояние от кареты, Больман и Хьюггер, оставив лошадей в укрытии, внезапно напали на сержанта с криком: «Передайте нам узника!» Лафайет в это же время сумел выбить у него пистолет из руки. Весь план строился на том, что стражники, захваченные врасплох, не будут сопротивляться. Однако сержант оказался не из трусливых. Он мертвой хваткой вцепился в горло Лафайета, который тщетно пытался завладеть его шпагой. Можно было бы застрелить ретивого служаку, но это означало привлечь к себе внимание. Больман вынужден был спешиться и прийти на помощь задыхающемуся Лафайету. Поваленный на землю, сержант продолжал сопротивляться с ожесточением обреченного, пытаясь призвать на помощь офицера и кучера. Попытки Лафайета засунуть кляп в рот сержанта тщетны: тот яростно кусает руки Лафайета, и без того изрезанные лезвием шпаги. Маркиз явно не был создан для кулачных боев. Видя беспомощность своих друзей, американец тоже спешился и, продемонстрировав приемы американского бокса, двумя мощными ударами послал охранника в глубокий нокаут. Хьюггер связывает руки сержанта и вставляет ему кляп. В разгар схватки одна из лошадей, испугавшись, срывается с привязи и убегает галопом. У заговорщиков остается одна лошадь на троих. Принимается решение: на ней должен спастись Лафайет. Время не терпит. Хьюггер передаст Лафайету два карманных пистолета и несколько пригоршней золотых

дукатов. Лафайет вскакивает в седло и слышит прощальный крик Больмана: «Get to Hof!» (Следуйте в Хоф!), Лафайету же послышалось: «Get off» (Бегите)¹⁴. Не посвященный в дальнейшие планы Больмана, он даже не подозревал о существовании городка Хоф, где его ждали и откуда должны были переправить в Бреслау. Потому-то он и устремился куда глаза глядят.

Пока Больман и Хьюггер занимались поимкой лошади, сержант, придя в себя, прихрамывая, побрел к тюремной карете. Поймав, наконец, лошадь, Больман и Хьюггер увидели, что в спешке они отдали Лафайсту тяжеловеса, предназначавшегося для двоих. Их попытка вдвоем усестся на пойманную лошадь окончилась неудачей: они оба оказались на земле. Тогда американец уступил лошадь Больману. «Я все равно не знаю немецкого. Вы ему будете нужнее. Я же постараюсь спастись другим способом», — заявил Хьюггер¹⁵. Больман уезжал с тяжелым сердцем. А к месту происшествия уже спешили офицер, кучер и изрядно помятый сержант.

Очень скоро незадачливый Хьюггер будет выдан властям местными крестьянами.

Предоставленный самому себе, Лафайет пытался самостоятельно добраться до границы. Он спрашивал дорогу у встречных прохожих, вызывая у них явные подозрения. В самом деле, одежда его измята и изорвана, руки в кровоподтеках, весь облик всадника неумолимо выдавал бежавшего преступника. Ко всему еще его скверный немецкий. Стоит ли удивляться, что бургомистр первого же местечка, где Лафайет остановился и попросил свежую лошадь и проводника до границы, донес на него военным властям. Щедро предложенные Лафайетом 2 тыс. дукатов лишь укрепили бургомистра в его подозрениях, что перед ним грабитель, пытающийся скрыться от правосудия. Оставив Лафайета в своем доме, бургомистр удалился под предлогом поисков проводника и лошади, а в действительности для того, чтобы предупредить военное командование.

9 ноября, через 24 часа после бегства, граф Арко, новый комендант Ольмюцкой крепости, доложил начальству, что бежавший узник под номером 2 вновь водворен в свою камеру.

Начались усиленные поиски главного организатора

побега — Эриха Больмана, которому уже удалось выбраться за пределы Габсбургской империи. Несколько дней он безрезультатно прождал Лафайета в Хофе, а затем сумел добраться до Гамбурга, откуда уже собирался было выехать в Англию, но в последнюю минуту передумал и вернулся на австрийскую границу в надежде встретить Лафайета. Здесь-то 27 ноября 1794 г. он и попал в руки австрийского патруля. Больмана заковали в кандалы и предъявили обвинение в бандитизме, отказавшись рассматривать его как политического преступника. В течение нескольких месяцев австрийцы держали Больмана только на хлебе и воде.

Из всей этой незадачливой для ее участников истории была единственная польза — Европа и Соединенные Штаты вновь услышали имя Лафайета; стало известно и место его заключения. Барон Тугут, министр иностранных дел императора Франца II, с раздражением констатировал нарастание антиавстрийской кампании в европейской печати.

Расследование попытки побега продолжалось около полугода. В течение трех месяцев с Больмана и Хьюггера не снимали кандалов. Следствие особенно интересовалось связями Больмана с двумя франкмасонами — графом Сальмом и графом Митровским — друзьями мадам де Сталь. При дворе всерьез говорили о широком масонском заговоре в масштабах империи. Окончательно убедившись, что никакого заговора не существует, следствие все свое внимание сосредоточило на двух молодых иностранцах.

Оба обвиняемых вели себя достойно, пытались спасти друг друга и совместно — несчастного доктора Хаберлейна. Увы, причастность майора была очевидна, и его заключили под стражу. Граф Арко не скупился на обещания виселицы, особенно для Хьюггера, который всеми силами отстаивал свое достоинство. «У меня, — говорил на допросе молодой американец, — уже было намерение спокойно вернуться на мою далекую родину, когда неожиданно мне представился случай оказать услугу человеку, так много сделавшему для моей родины, человеку, который помог моим соотечественникам завоевать свободу, плодами коей я имею возможность пользоваться. Моя совесть чиста, и я не могу раскаиваться в моих намерениях»¹⁶.

«Если Лафайет — преступник, — заявил в свою оче-

редь Больман, — то я такой же преступник, как и он; если он опасный человек, то и я опасен не менее, чем он, поскольку полностью разделяю его убеждения»¹⁷. Больман пытался даже доказать, что противозаконной была не попытка освобождения Лафайета, а его заключение в тюрьму.

За свое «вызывающее» поведение Больман и Хьюгтер были наказаны месяцем дополнительного содержания в кандалах. Все их наличные деньги и имущество, находившееся в пределах империи, были конфискованы в пользу австрийской казны. Оба заговорщика пробыли в тюрьме до августа 1795 г., когда были высланы за пределы Габсбургской империи. Их встретили как героев сначала в Германии, потом в Англии и, наконец, в Соединенных Штатах. В Америке Хьюгтер приобретет большую популярность и станет преуспевающим врачом. Больман же, несмотря на свои высокие профессиональные навыки, оставит медицину и пустится в финансовые аферы, которые в конечном счете разорят его. Впоследствии Лафайет в знак благодарности за его самопожертвование оплатит все долги Больмана, но тот, скользя по наклонной, наделает новых долгов и умрет в бедности, забытый всеми.

Майор Хаберлейн был разжалован и едва сохранил свободу. Пострадал и несчастный сержант, которому в довершение всех его бед лошадь Больмана повредила ногу, а руки были серьезно порезаны его же собственной шпагой во время единоборства с Лафайетом. Мужественное поведение стражника в этой истории не было принято в расчет. Он был изгнан из армии, потеряв средства к жизни.

Что касается главного героя этой истории, то он был помещен в максимально суровые условия. Военно-полевой суд приговорил Лафайета к трем месяцам содержания в кандалах, но император Франц отменил решение суда, опасаясь новой волны протестов европейской общественности. Заключение был лишен полагающихся во всех тюрьмах прогулок на свежем воздухе. Прогулки, чтение, переписка, общение с кем-либо, кроме тюремщика, — все это исключалось отныне для Лафайета. Он опять в полном вакууме, не зная, сколько будет продолжаться эта новая душевная мука. Лишенный всякой надежды, он призывал смерть, желая ее как избавления. Так прошел еще один год...

17 октября 1795 г. Этот день он запомнил на всю

жизнь. Уже ничего не ожидая и ни на что не надеясь, он вдруг увидел за открывшейся дверью камеры вместо привычной фигуры немого тюремного смотрителя три женских силуэта — Адриену, Анастасию, Виржинию. Наверное, он подумал, что сошел с ума. Жена и дочери были здесь, в ольмюцкой тюрьме. Неверьоятно! И только когда они бросились в его объятия, он поверил, что это не мираж. Почувствовав внезапную слабость, он едва не потерял сознание.

Но именно с этого дня началось физическое и душевное возрождение Лафайета, которым он всецело обязан жене.

Настало время рассказать читателю о подвиге Адриены Лафайет.

АДРИЕНА

По сути дела вся жизнь верной спутницы Лафайета была непрерывным подвигом самопожертвования, заслуживающим отдельной книги. Такая книга уже написана. Ее автор — Андре Моруа, признанный мастер жанра беллетризованной биографии¹⁸.

Отданная замуж в четырнадцать лет, Адриена с самого начала самозабвенно — другого слова не сыскать — посвятила всю свою жизнь неугомонному мужу. Самые лучшие годы их супружеской жизни прошли в разлуке. Сначала это были годы Войны за независимость североамериканских колоний. Потом годы революционных потрясений в самой Франции, когда Адриене нечасто удавалось остаться наедине с мужем. Наконец, плен Лафайета. Рождались и росли дети, а вся тяжесть забот о них всецело лежала на Адриене. И за все эти годы ни единого слова упрека или жалобы. Напротив, она первой поддерживала все идеи мужа, сколько бы неприятностей для нее лично они ни сулили. А для Адриены ничто не было так мучительно, как разлука с Жильбером. Поэтому с самого начала, как только ей стало известно о пленении Лафайета, она поставила целью любой ценой соединиться с ним, где бы он ни находился. Она шла к этой цели три долгих года, потрясений которых иному хватило бы с избытком на целую жизнь.

В момент бегства Лафайета из Франции Адриена находилась в замке Шаваньяк. Уже 10 сентября там был произведен обыск, после которого Адриена Лафайет,

ее дети и семидесятитрехлетняя тетка Лафайета были арестованы и отправлены в Париж. По дороге карету, в которой следовала семья Лафайета, обыватели городка Пюи забросали камнями.

Из тюремного заключения в Париже Адриена направила два письма — министру внутренних дел жирондистского правительства Ролану и самому Бриссо с просьбой отправить ее с семьей обратно в Шаваньяк под честное слово не выезжать оттуда. «Месье, — писала она Бриссо, — я считаю Вас фанатиком свободы. Такое лестное мнение я сохранила об очень немногих людях. Не останавливаясь на вопросе, ослепляет ли людей политический фанатизм так же, как фанатизм религиозный, я не хочу, однако, допустить и мысли, что ревностный друг освобождения негров может быть в сообществе с тиранами...

Я убеждена, что Вы уважаете Лафайета, я готова даже сказать больше, ибо нельзя не уважать мужественного и верного друга свободы. Ведь Вы его преследуете за различие его мнений с Вашими по одному и тому же вопросу, какими средствами утвердить свободу во Франции, и за то, что он не боялся поддерживать свое мнение с мужеством и непоколебимой верностью конституции. Вы знали, что он не изменит присяге в верности конституции и что, следовательно, он не может быть противником Вашей партии и Вашей новой революции. Я знаю все это и потому обращаюсь только к Вам, гнушаясь обращаться к другим. Если я ошибаюсь и в Вас, уведоьте меня об этом и я Вам больше не буду надоедать...

Если же я непременно нужна в качестве заложницы, то неужели не позволят даже избрать мне своей тюрьмой замок Шаваньяк под данное мною честное слово и под наблюдением местных муниципальных властей...»¹⁹

Просьба мадам Лафайет была удовлетворена, и 15 декабря 1792 г. она была освобождена, после чего вместе со всей семьей немедленно отправилась в Шаваньяк.

Власти г. Бриуда постановили было назначить в замок охрану из шести человек, но Адриена заявила решительный протест: «Объявляю, что я возьму назад свое честное слово о невыезде из замка, если меня будут караулить таким откровенным образом: либо мое честное слово, либо охрана штыков»²⁰. Муниципальные власти отменили принятое решение, но каждые две

недели направляли в Париж извещение о поведении мадам Лафайет.

Адриена пишет второе письмо лидеру жирондистской партии: «После того, что Вы для меня сделали, после того, как Вы сами показали себя в последнее время смелым противником мятежников, я не допускаю, чтобы Вы не могли или не хотели добиться от Комитета полной отмены постановления о моем аресте. Постановление это было принято в то время, когда еще опасались, чтобы пример Лафайета не увлек других граждан остаться верными конституции. Не хочу верить, чтобы Вы не могли убедить г-на Ролана вернуть мне полную свободу. Невозможно себе представить, чтобы нахождение моего мужа в заключении у врага за дело свободы давало бы мне меньше прав на получение документа на выезд за границу, чем женам художников, поскольку известно, что их мужья путешествуют в целях совершенствования в своем искусстве... Предоставьте же внешним врагам насыщать их ненависть к искреннему другу свободы и не присоединяйтесь к ним, преследуя людей, близких его сердцу...» ²¹

Стремясь облегчить положение своего мужа или хотя бы получить сведения о нем, Адриена рассылает письма герцогу Брауншвейгскому, королю Пруссии, его сестре принцессе Оранской, популярному в то время поэту Клопштоку, который в одной из газет уважительно отозвался о Лафайете.

Измена генерала Дюмуре в мае 1793 г. вызвала новые репрессии против дворян. Явились с обыском и в замок Шаваньяк. Не найдя ничего компрометирующего, представитель революционных властей Ж.-Б. Лакост тем не менее объявил о своем намерении арестовать Адриену.

«— Мне известно, — заявила ему мадам Лафайет, — что в связи с изменой Дюмуре встал вопрос о заключении в тюрьму всех бывших знатных дворян. Должна вам объявить, что если при всех обстоятельствах я готова была с восторгом служить поручиком для Лафайета, то именно по этой причине не желаю ни в коем случае быть тем же для его врагов. К тому же моя жизнь или смерть совершенно безразлична г-ну Дюмуре, и вы поступили бы справедливо, оставив меня в моем убежище.

— Гражданка, — ответил Лакост, — эти чувства достойны вас.

— Мне безразлично, сударь, достойны они меня или нет; мне важно, чтобы они были достойны Лафайета»²².

«Гражданка Лафайет» была оставлена в своем замке. Здесь при содействии американского посла Морриса Адриена получила письмо от мужа из магдебургской тюрьмы. «Вы связаны с человеком, судьба которого полна треволнений и испытаний, — писал Лафайет, — но я знаю, что Вы найдете некоторую отраду в мысли, что Ваша любовь и Ваше уважение занимают первое место во всех воспоминаниях моей жизни, что они составляют утешение в моем одиночном заключении и надежду на большее, чем когда-либо, счастье, если мне суждено увидеть мое семейство... Прощайте, дорогая моя, не хочу верить, что моя звезда погасла навсегда. Обнимаю от всей души Вас, Анастасью, Жоржа, Виржинию и доброго г. Фрестель»^{23*}.

Адриена мужественно выносила все испытания, выпавшие на ее долю. Она не последовала примеру жен многих эмигрантов, которые спешили оформить развод с мужьями, отказывались от их фамилий с целью спасти имущество и даже жизнь. Адриена на всех письмах и официальных бумагах подписывалась не иначе как «гражданка Лафайет» или «жена Лафайета», в то время как одного эпитета «файетист» было вполне достаточно для вынесения смертного приговора. Поведение мадам Лафайет все более раздражало революционные власти, особенно после установления в июне 1793 г. якобинской диктатуры.

Новое правительство объявило о продаже всех владений Лафайета на основании закона об эмигрантах. Адриена заявила в связи с этим решительный протест, поскольку ее муж находился не в эмиграции, а в плену у «врагов Франции». Тем не менее протест был отклонен, а 13 ноября 1793 г. по декрету Комитета общественного спасения Адриена Лафайет была арестована как контрреволюционерка и помещена в одну из тюрем в департаменте Верхняя Луара. Замок Шаваньяк с прилегающими землями подлежал продаже с торгов как национальное имущество. Престарелая тетка Лафайета с тремя внучатыми племянниками осталась на улице. Кто знает, что стало бы с ними, если бы не поддержка местных крестьян, помнивших добросердечие

* Фрестель — старый гувернер Лафайета, проживавший в их семье.

генерала и его жены, всегда приходивших им на помощь. У них-то и нашли убежище родные Лафайета.

В начале 1794 г. «контрреволюционерку Лафайет» переводят в Париж. А ее муж как «опасный бунтовщик-революционер» в это время отправляется в тюрьму г. Нейсе.

В Париже Адриену поместили сначала в здание бывшего коллежа Плесси, превращенное в тюрьму предварительного заключения. Когда-то здесь учился ее муж, мечтавший в этих стенах о свободе, равенстве, братстве.

В мае 1794 г., примерно в то самое время, когда Лафайета переводят в Ольмюц, Адриену Лафайет помещают в парижскую тюрьму «Ла Петит Форс», имевшую печальную репутацию «предбанника смерти». Отсюда был только один выход — на эшафот. Адриена с ужасом наблюдала, как ежедневно уводят на казнь десятки людей, среди которых немало ее давних знакомых, но тюрьма не пустеет ни на день, принимая все новые партии обреченных. Революционный террор в разгаре.

По общепринятым оценкам, в эпоху террора погибло от 40 до 42 тыс. человек (в том числе 17 тыс. на гильотине по приговорам революционных трибуналов). За это же время примерно полмиллиона французов оказались в тюрьмах. Достаточно было одного-двух доносов, чтобы угодить в число «врагов народа» независимо от социального происхождения и бывших революционных заслуг. Машина смерти уверенно набирала обороты, пожирая и тех, кто ее запустил. Нет смысла искать «классовое» обоснование террора. Достаточно напомнить, что среди казненных по приговорам революционных трибуналов дворяне составляли всего 8,25%, священнослужители — 6,5, состоятельные буржуа — 14, зато рабочие — 31,25 и крестьяне — 28%²⁴. Из средства борьбы с контрреволюцией террор очень скоро превратился в инструмент фракционной борьбы и сведения счетов в самом революционном лагере. Безусловно, террор, бумерангом ударивший по самой революции, серьезно подорвал ее нравственную силу и привлекательность.

В числе жертв якобинского террора оказались ближайшие родственники Адриены Лафайет: бабушка — восьмидесятилетняя вдова маршала Франции де Ноайля, мать — герцогиня д'Айен-Ноайль и родная сестра — виконтесса де Ноайль. Они были арестованы

одновременно с Адриеной, но находились в другой тюрьме.

22 июля 1794 г. прокурор революционного трибунала А.-К. Фукье-Тенвиль с раннего утра просматривал гору папок с личными делами арестованных контрреволюционеров, ставя на большинстве из них одну и ту же резолюцию: «Виновен». При желании прокурор мог бы оставить своим детям огромное наследство, одним росчерком пера спасая жизни состоятельных арестантов, но он слишком дорожил своей, зная крутой нрав Неподкупного. До обеда ему удалось просмотреть полсотни дел. На сорока пяти стояла резолюция: «Виновен». Среди этих сорока пяти приговоров три были вынесены женщинам из семейства Ноайль-Айен — бабушке, дочери и внучке.

«Правосудие» в те дни вершилось быстро. Уже после обеда в тот же день три несчастные женщины в остроконечных бумажных колпаках на головах поднялись в телегу палача с руками, связанными за спиной. Старуха герцогиня не могла стоять на ногах, и дочь с внучкой поддерживали ее своими плечами.

Телега медленно движется по узким улочкам Сент-Антуанского предместья и останавливается на бывшей Трсинной площади, переименованной в площадь Свергнутого Трона, где установлена одна из гильотин. Привычным жестом палач обрезае женщинам волосы на затылке. Первой падает в корзину голова старухи, затем — внучки. Мать Адриены с ужасом смотрит на то, что еще минуту назад было ее матерью и ее дочерью. Третье падение ножа обрывает невыносимые страдания герцогини д'Айен.

О последних днях и минутах своих родных Адриена позднее узнает от очевидцев и запишет их рассказ ²⁵.

Сама же она каждый день ожидала казни, не теряя присутствия духа и сохраняя хладнокровие. Откуда только брались силы у этой хрупкой женщины? Ожидая вызова к палачу, Адриена написала прощальное письмо. «Прощаю от всей души моим врагам, если они у меня есть, — писала мадам Лафайет, — прощаю преследующих меня, прощаю даже преследующих тех, кого я люблю, и молю Бога простить их так же полно, как я их прощаю. Будь же милосерд ко мне, Господи! Заявляю, что я всегда была верна моей Родине, не принимала никакого участия в происках и кознях против

нее, и мои самые искренние помыслы были направлены к ее счастью. Правила верности Отечеству во мне непоколебимы, и никакое преследование, откуда бы оно ни исходило, не в силах заставить меня от них отречься. Пример такой верности дал мне самый близкий моему сердцу человек. Предаю детей моих и дух мой в руки твои, Господи!...» 26

Однако революционное правосудие почему-то медлило с вынесением смертного приговора «контрреволюционерке Лафайет». Ее досье в Комитете общественного спасения несколько раз откладывалось в сторону, просматривалось и вновь закладывалось вниз, под ни на день не уменьшавшуюся стопку других папок. В чем дело? Скорее всего в настойчивости, если не сказать назойливости, американского посла Морриса и сменившего его вскоре Монро.

В условиях блокады революционной Франции, установленной европейскими монархиями, Соединенные Штаты оказались едва ли не единственным государством, сохранившим с Францией дипломатические и торговые отношения. Революционное правительство учитывало это обстоятельство и вынуждено было как-то реагировать на постоянные запросы американского посла о судьбе жены национального героя Америки. У американского посла была в это время и другая забота — освобождение Томаса Пейна, одного из идеологов Американской революции и горячего поклонника революции Французской, члена Конвента, оказавшегося в период якобинской диктатуры в тюрьме за его близость к жирондистам.

Трудно сказать, как долго судьба искушала бы революционное правосудие, если бы не падение Робеспьера 26 июля 1794 г.

19 ноября Адриену в камере смертников посетил неизвестный ей человек. Это был Джеймс Монро, новый посол Соединенных Штатов во Франции. Он заверил мадам Лафайет, что делает все возможное для ее освобождения. Шесть месяцев потребовалось Монро, прежде чем 22 января 1795 г. перед Адриеной раскрылись ворота тюрьмы. Несколько ранее Монро добился освобождения Пейна, поспешившего покинуть Францию и уехать на родину.

Выйдя на свободу, Адриена прежде всего устремилась к своим детям в Шаваньяк, где они благополучно пережили все потрясения под защитой крестьян.

Адрисна приняла решение отправить сына к его знаменитому «крестному отцу», подальше от беспокойной Франции. Посол Монро выписал 16-летнему Жоржу Вашингтону де Лафайету паспорт на имя г-на Мотье, а его наставнику Фрестелю — на имя г-на Русселя. Перед отъездом сына мадам Лафайет вручила Фрестелю письмо для передачи Вашингтону. «Мое пожелание заключается в том, — говорилось в письме, — чтобы мой сын вел в Америке самую простую жизнь и чтобы он наверстал время, потерянное за последние три года, и пополнил свое образование. Я желала бы также, чтобы он был удален от всего, что способно замутить его душу, и чтобы только упорным трудом он сделался способным исполнять обязанности гражданина Соединенных Штатов. Такие обязанности всегда будут тождественны обязанностям истинного гражданина Франции» 27.

Отправив сына в Новый Свет, мадам Лафайет занялась спасением остатков имущества, принадлежавшего семействам Лафайет и Айен. Термидорианское правительство приняло решение вернуть прямым наследникам репрессированных в период якобинской диктатуры имущество, которое не успели объявить национальной собственностью. Восстановив то небольшое, что еще можно было спасти, Адрисна отблагодарила бывших слуг и крестьян, уберегших ее детей, и 5 сентября 1795 г. в сопровождении Анастасии и Виржинии на борту американского корабля отбыла из Дюнкерка в ганзейский порт Альтона, где в это время проживали ее сестра Полина де Монтегю и тетка графиня де Тессе.

В Альтоне Адриена останавливается только на один день — ровно столько, сколько требуется для оформления американского паспорта на имя миссис Мотье из штата Коннектикут. Повсюду, где есть представитель Соединенных Штатов, ее имя производит магическое действие.

Она могла бы оставить дочерей на попечении сестры и тетушки. Здесь они были бы в полной безопасности. Но жена говорит в Адриене так сильно, что она жертвует лучшими годами жизни восемнадцатилетней Анастасии и тринадцатилетней Виржинии ради того, чтобы облегчить страдания их отца. Приняв твердое решение соединиться с мужем любой ценой, Адриена берет с собой и обеих дочерей. Редкий мужчина

после двадцати лет семейной жизни получал подобное свидетельство любви от своей жены!

Благодаря американскому паспорту Адриена беспрепятственно добралась до Вены, к великому неудовольствию барона Тугута, всеми силами препятствовавшего ее аудиенции у императора. Заручившись поддержкой злейшего врага Тугута князя Розенберга, старшего камергера двора, маркиза де Лафайет получает аудиенцию, на которую явилась в сопровождении обеих дочерей.

На просьбу об освобождении ее мужа Франц II ответил отказом. «Его дело слишком сложно и не зависит от меня одного», — сказал император²⁸. Тогда Адриена попросила пораженного императора разрешить ей с дочерьми разделить участь Лафайета — поселиться в одном из казематов Ольмюцкой крепости. После затянувшейся паузы Франц ответил: «Я понимаю вас. На вашем месте я поступил бы также»²⁹.

Император лицемерно заверил Адриену, что ее муж хорошо содержится в крепости под опекой «очаровательного» графа Арко. Завершая аудиенцию, Франц II разрешил маркизе в случае необходимости обращаться к нему лично.

Министр иностранных дел барон Тугут и военный министр граф Феррари были настроены, мягко говоря, менее благосклонно к «экстравагантной» просьбе мадам Лафайет. Тугут предвидел все негативные последствия «проживания» семейства Лафайет в крепости. Одним этим фактом Габсбургской империи обеспечена враждебная кампания в европейской печати, которая вновь заговорит о «варварстве» и «бесчеловечности» австрийцев. Барон Тугут настойчиво пытался отговорить Адриену от принятого ею решения.

Ту же линию проводил и военный министр Феррари. Передавая Адриене письменное разрешение императора на въезд в ольмюцкую тюрьму, Феррари сказал: «Считаю себя обязанным просить вас подумать еще раз о принимаемом вами решении. Я должен вас предупредить, что вы обрекаете себя и ваших дочерей на крайние неудобства»³⁰. Разумеется, Адриена пропускала мимо ушей все, что ей говорили Тугут и Феррари. Что значили все эти слова предостережения для любящей женщины, четыре года разлученной с мужем?

Дочь Адриены Виржиния, впоследствии маркиза де Ластейри, рассказала в своих воспоминаниях, что,

когда на горизонте появился купол ольмюцкой церкви, мадам Лафайет утратила самообладание и разразилась потоком слез, будучи не в состоянии долгое время произнести ни одного слова.

Встреча произошла 17 октября 1795 г. Тюремное начальство оказалось настолько великодушным, что не разлучило супругов в день их встречи. Вечером, когда Анастасия и Виржиния были заперты в их камере, Адриена поведала мужу о своих злоключениях в эпоху террора, о гибели родных и друзей...

Уже на следующий день от любезности графа Арко не осталось и следа. Семье Лафайет разрешалось собираться вместе только за завтраком, обедом и ужином. Все они вынуждены были за едой обходиться без вилок и ножей. Таков был порядок. В одном из писем тетюшке Тессе Адриена сообщала: «Не успели мы повидаться с Лафайетом, как уже вмешались тюремщики, потребовав наши кошельки: осмотр наших вещей обнаружил, что при нас находятся три серебряные вилки, которые тотчас же были у нас отобраны. Я написала об этом коменданту, но он не ответил»³¹.

Дочерям разрешалось находиться с матерью только до 20 часов, после чего тюремный надзиратель запирали девушек в их камере до утра. Ключи от камер, в которых содержалось семейство Лафайет, комендант каждую ночь клал себе под подушку.

Анастасия и Виржиния вынуждены были спать на одной кровати, и, даже когда у одной из них началась инфекционная болезнь, «очаровательный» граф Арко отказался удовлетворить просьбу мадам Лафайет предоставить больной отдельную кровать.

Осталась без последствий просьба Адриены разрешить ей с дочерьми посещать воскресную мессу. Неудачной была и попытка мадам Лафайет нанять жену одного из тюремщиков в качестве горничной для Анастасии и Виржинии. Деньги, регулярно посылаемые Адриене американским посольством в Вене, не доходили до нее. Комендант аккуратно информировал мадам Лафайет об их поступлении, но не позволял «ничего лишнего», т.е. попросту не выдавал денег. Когда добросердечная Адриена попросила коменданта разрешить ей заботиться о сотоварищах мужа — Бюро де Пюзи и Латур-Мобуре, страдавших не менее, а может быть, и более Лафайета, ей было отказано и в этом.

Так протекли первые девять месяцев пребывания

мадам Лафайет в тюрьме Ольмюца. Лафайет, воспрянув духом, тем не менее продолжал страдать от тяжелых приступов лихорадки. У него всего лишь две изорванные сорочки. Одна из дочерей сшила для отца пару туфель из обрезков драпа. Скудное питание, не дающее умереть с голоду, имело целью постоянно напоминать о наказании.

Однако растущее беспокойство вызывало состояние самой Адрисны, организм которой был серьезно подорван потрясениями последних лет и мытарствами по тюрьмам. В Ольмюце ко всем ее недугам добавилась цинга в тяжелой форме. Комендант, однако, не желал реагировать на все ее просьбы пригласить врача.

Тогда Адриена решила прибегнуть к крайним мерам. Она напомнила графу Арко, что Франц II разрешил ей обращаться к нему лично, и потребовала переслать в Вену письмо, адресованное императору. Видимо, в облике Адриены в тот момент было столько решимости и непреклонности, что комендант уступил. В письме Адриена еще раз благодарила императора за любезность, которую он ей оказал, разрешив соединиться с мужем, и обратилась с просьбой позволить ей, ввиду ухудшения ее здоровья, съездить в Вену на консультацию с докторами.

Ответ пришел не скоро. Франц милостиво разрешал Адриене покинуть тюрьму вместе с дочерьми, но с условием, что она туда больше не вернется.

4 апреля 1796 г. Адриена отправила второе письмо, проникнутое горькой иронией: «Я считаю своим долгом перед моей семьей позаботиться о моем здоровье, но цена, которую просят за это, совершенно неприемлема для меня. Я не могу забыть, что, когда мы находились на краю могилы — я благодаря тирании Робеспьера, а Лафайет благодаря своим физическим и нравственным страданиям в тюрьме, нам не позволено было обменяться ни одной строчкой, дабы подать друг другу весть о том, что мы еще живы. Вспоминая все это, я ни за что не соглашусь испытать ужас новой разлуки. Каково бы ни было состояние моего здоровья и каковы бы ни были неудобства пребывания здесь моих дочерей, мы, все трое, будем продолжать с радостью пользоваться разрешением, которое дал нам Его Величество, разделить заключение Лафайета во всех его условиях»³².

Если Адриена рассчитывала, что император оценит

грустную иронию, содержащуюся в ее письме, то она ошиблась. Все осталось без изменений.

Страдая от одолевавших ее недугов, Адриена продолжала по мере возможностей ухаживать за мужем, а также заниматься воспитанием дочерей. Здесь же, в тюрьме, она написала на полях объемистого сочинения Бюффона историю жизни своей погибшей на эшафоте матери — герцогини д'Айен ³³.

Отрезанные от внешнего мира, заключенные не знали, что в Европе развертывалась широкая кампания за их освобождение, активно поддерживаемая президентом Вашингтоном.

СВОБОДА

Подавляя живое общественное мнение в собственных странах, автократические режимы всегда крайне болезненно реагировали на критику международной общественности. Империя Габсбургов не составляла в этом отношении исключения.

Барон Тугут и граф Феррари недоумевали: каким образом в европейскую печать время от времени проникали известия из Ольмюцкой крепости? На страницах английской «Морнинг кроникл» можно было даже читать бюллетени о состоянии здоровья членов семьи Лафайет. Общественности стали известны такие факты, как отказ коменданта предоставить отдельные кровати Анастасии и Виржинии, а также запрещение мадам Лафайет воспользоваться услугами венских врачей. Это вызвало взрыв негодования. Военный министр потребовал от графа Арко объяснений, а последний не знал, что и предположить: ведь он категорически запретил заключенным вести переписку.

По некоторым сведениям, информация из крепости передавалась за границу через подкупленных тюремщиков австрийскими студентами — почитателями «героя двух полушарий». Иногда удавалось передавать кое-что и в саму тюрьму.

Начиная с 1796 г. кампания за освобождение Лафайета и его семьи приобрела новый размах. Президент Вашингтон направил вторичные просьбы императору Австрии и королю Пруссии об амнистии для Лафайета. Вдохновительницей этой кампании была мадам де Сталь, проживавшая с мая 1793 г. в Лондоне. Она обращалась с призывами к различным политическим дея-

телям содействовать освобождению Лафайета ³⁴. В этом же направлении действовал и граф де Лалли-Толендаль, бывший коллега Лафайета по Учредительному собранию, нашедший приют в Англии. Он обратился с соответствующей просьбой к Фридриху-Вильгельму, представляя Лафайета единственным защитником семьи Людовика XVI. Говоря о роли Лафайета во французской революции, Лалли-Толендаль писал прусскому королю: «...он играл в ней великую роль, но не он был ее творцом или, выражаясь еще правильнее, он не был причастен ни к одному злему делу революции, но делал много добра» ³⁵.

В октябре 1796 г. Моррис, покинувший пост американского посла в Париже, прибыл в Вену и вручил оставшейся в живых единственной дочери Людовика XVI герцогине Ангулемской 100 тыс. франков, которые ему тайно доверил король незадолго до своей казни. Дочь Людовика XVI и Марии Антуанетты была обменена на трех членов Конвента, взятых в плен. Со времени своего освобождения она проживала у дяди — австрийского императора. Поступок Морриса произвел благоприятное впечатление в кругах эмиграции и при Венском дворе, чем и поспешил воспользоваться эмиссар президента Вашингтона. Он вступил в контакт с Тугутом и попытался выяснить перспективы освобождения Лафайета.

В декабре 1796 г. «делом Лафайета» специально занялся британский парламент. В ходе дебатов виги требовали от кабинета Питта-младшего оказать давление на австрийского союзника по антифранцузской коалиции в деле освобождения Лафайета. Большую активность в этой кампании проявлял друг лорда Корнуоллиса, один из бывших противников Лафайета на полях сражений в Северной Америке, генерал Фитцпатрик, заявивший о незаконности содержания в тюрьме Лафайета, его семьи и друзей. Выступая в палате общин 16 декабря 1796 г., Фитцпатрик заявлял, адресуясь к австрийскому правительству: «...по какому праву вы заключили в вашу тюрьму людей, которые по рождению не принадлежат к числу ваших подданных, которые не могут рассматриваться как военнопленные и которые не совершили на вашей территории никакого преступления, предусмотренного вашими законами!

Странно устроено сердце у тех, — продолжал Фитцпатрик, — которые могут так трогательно оплаки-

вать несправедливые страдания несчастной королевы Франции и спокойно взирать на не менее несправедливые мучения несчастной супруги Лафайета — женщины-героини, образца всех добродетелей своего пола. Вырванная по воле Провидения из когтей безжалостного Робеспьера, эта столь же несчастная, сколь и удивительная женщина, у которой почти на глазах погибли под топором бабушка, сестра и мать — самые близкие ей люди, — женщина, сама, можно сказать, пребывавшая целый год у подножия эшафота в ежедневном ожидании топора на свою злосчастную голову, эта женщина, неожиданно освобожденная падением своего преследователя, тотчас же по выходе из тюрьмы помчалась на помощь своему мужу...

С глубокой печалью, которую, я убежден, разделят все здесь присутствующие, я довожу до сведения Палаты, что госпожа Лафайет продолжает до настоящего времени томиться в заключении, что состояние ее здоровья внушает самые серьезные опасения и что если свобода немедленно не будет возвращена несчастному семейству, то казематы станут могилой для стольких добродетельных людей...

...Я не думаю, чтобы мое заявление причинило вред делу Лафайета, ибо, каковы бы ни были мои взгляды на его принципы и его политическое поведение, я знаю одно — он никогда не согласится купить свою свободу ценой позорного отречения от своих убеждений.

Я предлагаю Палате представить королю адрес, в котором выразить, что, по мнению Палаты, заключение в тюрьму генерала Лафайета, равно как и господ Латур-Мобура и Бюро де Пюзи, есть дело несправедливое и компрометирующее как Его Императорское Величество, так и его союзников»³⁶.

Глава кабинета Вильям Питт-младший, отвечая Фитцпатрику, напомнил, что в политике руководствуются не чувствами, а соображениями государственных интересов и что он не видит никаких оснований для вмешательства Англии в дело Лафайета. А один из лидеров тори, лорд Уиндхэм, сказал еще более откровенно: «Те, кто начинают революцию, заслуживают, по моему глубокому убеждению, самого тяжелого наказания; лично я испытываю наслаждение, видя, как такие люди испивают до дна ту горькую чашу, которую они готовили для других»³⁷.

Предложение Фитцпатрика было поддержано Фоксом, Уилберфорсом, страстным поборником отмены рабства, и некоторыми другими депутатами, однако большинством голосов оно было отклонено. Тем не менее дебаты в палате общин Великобритании получили широкий резонанс в Европе.

И все же решающее слово в освобождении ольмюцких узников принадлежало победам французского оружия. Двадцативосьмилетний генерал Бонапарт, одержав серию блистательных побед в знаменитом Итальянском походе — при Кастильоне, Бассано, Арколе и Риволи, создал угрозу для самой столицы Габсбургской империи. Австрия поспешила предложить Французской Республике мирные переговоры.

Летом 1797 г. император Франц неожиданно «вспомнил», что маркиза де Лафайет, кажется, не совсем довольна условиями жизни в Ольмюцкой крепости и жалуется на плохое здоровье. Скорее всего память вернулась к императору после упоминавшихся дебатов в английской палате общин. Кампания за освобождение ольмюцких узников приняла слишком широкий размах, чтобы по-прежнему делать вид, будто ничего не происходит. В самой Франции после падения якобинцев, когда «умеренность» и, следовательно, «файетизм» перестали составлять преступление, общественное мнение тоже начало склоняться в пользу Лафайета. Все громче раздавались требования добиваться его освобождения. Вопрос о Лафайете был включен в повестку дня мирных франко-австрийских переговоров.

В июле 1797 г. Франц II направил в Ольмюц своего личного представителя маркиза Шателе с миссией обговорить с Лафайетом детали его освобождения. Ему были поставлены два условия: немедленный выезд в Америку и письменное обещание никогда не ступать более на территорию империи. По существу оба требования соответствовали желаниям самого Лафайета, но его оскорблял повелительный тон, с которым к нему обращались. «Император, — ответил он маркизу Шателе, — приказал арестовать меня на нейтральной территории вопреки общепринятым нормам, и я не намерен отдавать ему отчет ни по поводу моего поведения, ни относительно моих дальнейших планов» ³⁸.

Упрямство Лафайета вызвало взрыв негодования в Вене. Надо сказать, за него расплачивалась своим здоровьем Адриена, с каждым днем заключения прибли-

жавшаяся к могиле, но не перестававшая тем не менее восхищаться своим мужем. Из-за неуступчивости Лафайета узники были в заключении лишние два месяца.

И все же Лафайет победил. Император согласился не настаивать на письменном обязательстве отъезда в Америку, но подтвердил, что принципы, исповедуемые Лафайетом, несовместимы с безопасностью империи.

Лафайет ответил, что у него самого нет никакого желания лицезреть ни Венский двор, ни Австрию вообще, но что у него есть обязанности перед своей родиной. Это означало, что в случае возобновления войны он, как гражданин Франции, не останется в стороне и, вполне возможно, «посетит» империю в составе французских войск.

Лафайет просит свидания со своими друзьями, которых он не видел уже несколько лет, чтобы принять согласованное решение. 25 июля 1797 г., в 7 часов утра, происходит короткая встреча Лафайета с Бюро де Пюзи и Латур-Мобуром. В первый момент друзья были поражены, прочитав на лицах друг друга о происшедших с ними изменениях. Два последних года они были лишены воздуха, солнца, неба; в общей сложности пять долгих лет наедине со своими безысходными мыслями...

Обменявшись мнениями, они составили декларацию, предназначенную для императора и подписанную Лафайетом. «Нам кажется, — говорилось в декларации, — что возложенное на маркиза Шателе поручение может быть сведено к трем пунктам:

1. Его Императорское Величество желает знать, как меня содержали. Я не намерен приносить ему по этому поводу никаких жалоб. Некоторые подробности об этом содержатся в письмах моей жены, и если Его Императорскому Величеству недостаточно для суждения об этом перечитать присланную сюда по нашему поводу инструкцию из Вены, то тогда я могу дать маркизу Шателе желаемые сведения.

2. Его Императорское Величество желает, чтобы немедленно по освобождении я уехал в Америку. Это было и мое собственное давнее желание, которое я неоднократно выражал, но так как в данный момент мой утвердительный ответ признал бы за императором право распоряжаться моей личностью, то я нахожу для себя невозможным удовлетворить это требование.

3. Его Императорское Величество делает мне честь указанием на несовместимость исповедуемых мною принципов со спокойствием Австрийской монархии и не желает поэтому, чтобы я когда-либо приезжал в Австрию без специального на то разрешения. Существуют обязанности, от которых нельзя уклоняться. Такие обязанности лежат на мне по отношению к Соединенным Штатам и в особенности по отношению к Франции, и потому я не могу брать на себя никаких обязательств, которые противоречили бы правам моей родины на мою личность...»³⁹

Получив данную декларацию, Франц II пришел в неопишемую ярость. Какой-то жалкий узник смеет в таком тоне говорить с ним, императором Священной Римской империи германской нации! Пусть же продолжает гнить в каземате в наказание за свою наглость. Так бы оно скорее всего и случилось, если бы генерал Бонапарт, стоявший в трех днях перехода от Вены, не потребовал освобождения Лафайета и его товарищей в соответствии с подготовлявшимся в Кампо-Формио мирным договором.

Дело в том, что 1 августа 1797 г. Бонапарт получил специальный приказ Директории, относящийся к Лафайету и его товарищам. В нем говорилось: «Вследствие поступающих новых ходатайств о судьбе ольмюцких узников Директория напоминает Вам, гражданин генерал, о своем ранее выраженном желании видеть заключенных освобожденными как можно раньше. Директория не сомневается, что Вы разделяете те же чувства, которые вызывают в ней несчастья узников»⁴⁰.

Полномочные представители Французской Республики на переговорах с Австрией генералы Бонапарт и Кларк немедленно сделали соответствующее представление полномочному представителю Австрии и Пруссии маркизу Галло⁴¹. Одновременно Бонапарт, как старший, направил генерала Кларка в Вену, чтобы сообщить истинные пожелания главнокомандующего в отношении Лафайета: пленный генерал не должен возвращаться во Францию. Эмиссар Бонапарта рекомендовал австрийскому кабинету заставить Лафайета подписать обязательство не ступить на землю Франции. Была ли это инициатива самого Бонапарта или воля Директории — до конца осталось невыясненным. Вполне возможно, он все еще считался *persona non grata* — этот упрямый «человек 14 июля», чьи убеждения, в отличие от

убеждений большинства его уцелевших коллег, не пертерпели никаких изменений.

Когда Лафайету сообщили новое дополнительное условие его освобождения, он искренне удивился: почему подобное условие ему ставит австрийский император, а не французское правительство? Проблема еще более осложнилась. Тогда Бонапарт нашел новое решение. Он направил в Вену офицера из штаба генерала Кларка — Луи де Ромефа, того самого, кто был адъютантом Лафайета до памятного дня 19 августа 1792 г.

Барон Тугут, с которым встретился Ромеф, выразил возмущение императора вызывающим поведением Лафайета и подтвердил, что он может быть освобожден только в случае немедленного отъезда в Соединенные Штаты. Одновременно Тугут попросил Ромефа оказать влияние на строптивого генерала и разрешил написать ему письмо. Ромеф, искренне желавший помочь своему бывшему шефу, советовал в письме к нему не раздражать сверх меры австрийское правительство. «Я преклоняюсь перед Вашим железным характером, — писал он, — но признаюсь, что, узнав о впечатлении, которое произвел Ваш ответ на императора, я опасюсь, как бы это обстоятельство не послужило задержкой для ожидаемого нами с таким нетерпением свидания с Вами... Мне показалась очень резкой та форма, в которой Вы отклонили потребованное от Вас обязательство, но, не останавливаясь на подробностях произведенного им впечатления, сообщу Вам лишь о результатах моего свидания с Тугутом: император отказывается теперь от своего распоряжения касательно Вас; нет более и речи о каком-либо письменном или устном обязательстве с Вашей стороны. Предлагаемые теперь условия сводятся к следующему: австрийское правительство желает, чтобы американский консул в Гамбурге, у которого Вы остановитесь, взял с Вас слово, что Вы покинете этот город в течение двенадцати дней... Ввиду того что в этом предложении не содержится ничего, что могло бы стеснять Вашу независимость, я думаю, что Вы не отвергнете его и позволите, чтобы я сам предложил его Паричу (американскому консулу в Гамбурге. — Л.Ч.)... Мы будем иметь счастье встретиться с Вами только в Гамбурге. Пьянею от радости, что минута эта уже недалека!» 42

Из Вены Ромеф отправился в Гамбург и договорился

обо всем с Джоном Паричем, американским консулом, который два года назад оформлял американский паспорт Адриене Лафайет на въезд в Австрию. Парич немедленно отправил письмо министру иностранных дел барону Тугуту, в котором сообщал, что американский корабль для доставки Лафайета в Соединенные Штаты уже стоит в порту Альтона и готов взять на борт ольмюцких узников.

Боясь затруднить освобождение Лафайета, Ромеф в письме к нему ни словом не обмолвился о запрещении въезда во Францию, на чем настаивал Бонапарт. Генерал Луи де Ромеф погибнет в сражении при Бородине в 1812 г., унеся в могилу тайну о подлинной роли Бонапарта в деле Лафайета.

19 сентября 1797 г. перед Лафайетом, встретившим в камере свое сорокалетие, его семьей и двумя друзьями открылись наконец тяжелые тюремные ворота. Позади остались пять лет и один месяц заключения. Мадам Лафайет и ее дочери провели за тюремной решеткой двадцать три месяца.

Под усиленным конвоем шестерых бывших узников отправили в Гамбург. Первые дни путешествия были для них мучительны. Сказывался свежий воздух, которого они так долго были лишены. Но постепенно все стали приходить в себя, с каждым днем набирая силы. Все, кроме мадам Лафайет, подорванное здоровье которой внушало самые серьезные опасения. Ее младшая дочь Виржиния так описывала тогдашнее состояние матери: «Утомление от путешествия было чрезмерным для ее здоровья, и она делала над собой огромные усилия, чтобы отвечать на приветствия»⁴³.

4 октября 1797 г. путешественники прибыли в Гамбург, где их встретили Моррис, Парич, Ромеф и официальный представитель австрийского правительства. В тот же день капитан американского судна устроил банкет на борту корабля в честь генерала Лафайета, его семьи и его сотоварищей.

Хотя официально австрийское правительство освободило ольмюцких узников в соответствии с просьбой президента Соединенных Штатов, они прекрасно сознавали, что своей свободой в решающей степени обязаны победам французского оружия. Поэтому Лафайет и его товарищи сочли своим долгом поблагодарить французское правительство. Благодарственное письмо было адресовано министру иностранных дел Директории Та-

лейрану. В тот же день, 6 октября, они направили письмо и главнокомандующему Итальянской армией генералу Бонапарту:

«Гражданин генерал!

Ольмюцкие пленники, счастливые сознанием, что своим освобождением они обязаны нашей непобедимой армии, радовались и в плену мысли, что их свобода и их жизнь связаны с торжеством Республики и с Вашей личной славой. Они радуются теперь возможности отблагодарить своего избавителя. Нам было бы очень приятно, гражданин генерал, выразить Вам лично наши чувства признательности и увидеть арену стольких побед, армию, которая их одержала, и героя, в числе чудесных деяний которого находится и наше воскрешение из мертвых. Но Вы знаете, что мы еще не на полной воле. В Гамбурге мы распрощались с нашими тюремщиками, из Гамбурга же шлем и благодарение их победителю. Привет и почтение...

Лафайет

Латур-Мобур

Бюро де Пюзи» 44.

Лафайет не поверил, что ему запрещено ступить на землю Франции. Когда ему впервые сообщили об этом в тюрьме австрийцы, он подумал, что его сознательно вводят в заблуждение. Верный друг Ромеф чего-то явно недоговаривал. Он счастлив уже тем, что его генерал на свободе. Вскоре Ромефа вызвали в штаб Итальянской армии, и он покинул Гамбург.

Наконец, Лафайета посетил французский консул Ренар, который и внес окончательную ясность в его намерения и планы. Консул дал понять, что возвращение генерала во Францию будет зависеть от его позиции в отношении нового правительства, сформированного в Париже в результате переворота 18 фрюктидора (4 сентября 1797 г.). Лафайет не имел достаточных сведений, чтобы составить собственное представление о перевороте, но не мог не обратить внимание на то, что из Директории были устранены те самые люди, которые добивались его освобождения, и поэтому отказался подписать соответствующую декларацию. Через несколько дней он узнал, что его имя не вычеркнуто из так называемого эмигрантского списка, в который оно попало в августе 1792 г., и, следовательно, въезд во Францию ему по-прежнему запрещен 45.

«НЕСНОСНЫЙ УПРЯМЕЦ»

ИЗГНАННИК

Следующий этап жизни Лафайета, продолжавшийся долгих восемнадцать лет, был прямо или косвенно связан с Наполеоном Бонапартом и созданной им политической системой (сначала Консульством, а потом Империей), которую герой нашего повествования не принял с самого начала и с которой он по мере своих возможностей боролся вплоть до ее окончательного краха в 1815 г.

В воспоминаниях, продиктованных графу Лас Казу на острове Св. Елены, Наполеон лишь дважды пренебрежительно упомянул о Лафайете. Сравнивая его с первым мэром Парижа Байи, которого он называл «политическим ничтожеством», хотя и «не злым человеком», Наполеон добавлял: «Лафайет был другим ничтожеством такого рода. Его политическое простодушие постоянно делало его обманутым людьми и обстоятельствами»¹. Из «Мемориала Святой Елены» может сложиться впечатление, что Наполеон никогда не принимал Лафайета всерьез. Однако это не соответствовало действительности. Властелин Франции и хозяин Европы в течение полутора десятилетий не только не забывал о существовании опального генерала, но и предпринимал неоднократные попытки привлечь его на свою сторону.

История взаимоотношений Лафайета и Наполеона любопытна сама по себе. Она тем более интересна, если учесть, что один из них олицетворял 14 июля — рождение Великой французской революции, а другой — 18 брюмера — ее гибель. Звезда одного вспыхнула в то время, когда звезда другого уже погасла. Эти имена — Лафайет и Наполеон — заключали в себе и два противоположных нравственных начала — бескорыстную до идеализма любовь к свободе и дьявольское властолюбие. Биограф Лафайета вовсе не намеревается доказывать историческое превосходство своего скромного героя над великим завоевателем, хотя в нравственном отношении оно и не вызывает у него сомнения. Как известно, обыватель, составляющий толпу, во все

времена испытывал рабский трепет перед тиранами и деспотами, воздвигая им на крови людской монументы и храмы. Но есть и другой критерий величия государственных деятелей. О нем в свое время говорил В.Г. Белинский. «Нет спора, — писал он в «Отечественных записках», — что как воитель Наполеон не имеет себе соперников в истории человечества; но, в глазах истинно мудрых, простой, скромный, неблестящий Вашингтон в тысячу раз более всех возможных Наполеонов имеет право на имя *великого человека*. Только невежественная толпа, тупая чернь и жалкое суемудрие преклоняют колени и обожествляют гнетущую ее наглую силу, отражающуюся на бессовестности, обмане, вероломстве и злодействе... Покажите дикарю фольгу и золото: он бросится на фольгу, потому что она ярко блестит; покажите невежде белый мрамор Аполлона Бельведерского и раскрашенную восковую куклу: он удивится кукле, не обратив внимания на Аполлона. Увы! Сколько таких дикарей и невежд между так называемыми умными, учеными, образованными и талантливыми людьми!»²

К сожалению, история и нравственность, революция и нравственность — темы, до сих пор не разработанные в научной литературе...

Сопоставление Лафайета и Наполеона если и возможно, то только в отношении нравственном, но не историческом. Именно так подходил к этому Генрих Гейне, который писал в 1832 г.: «Наполеон и Лафайет — вот два имени, что цветут теперь во Франции самым пышным цветом; конечно, слава их — различного рода: один сражался скорее ради мира, чем ради победы, а другой скорее ради лавра, чем ради дубового венка. Конечно, смешно было бы мерить одним масштабом величие обоих героев и ставить одного на пьедестал, воздвигнутый другому. Смешно было бы водружать статую Лафайета на Вандомскую колонну...

Лафайет воздвиг себе колонну выше Вандомской и памятник тверже металла или мрамора. Где найти мрамор столь же чистый, как сердце старого Лафайета? Где найти металл столь же твердый, как его верность?.. Правда, мертвого Наполеона французы все-таки любят еще больше, чем живого Лафайета, — быть может, именно потому, что он мертв...»³

История взаимоотношений Лафайета и Наполеона начинается с того времени, когда главнокомандующий

Итальянской армией добился освобождения бывшего главнокомандующего Национальной гвардией из австрийского плена. Заканчивается же она вторым отречением Наполеона 22 июня 1815 г., в котором, как мы увидим ниже, Лафайет сыграл не последнюю роль.

...Но вернемся в Гамбург, в осень 1797 г. Здесь Лафайет принимал многочисленных посетителей, которые спешили поздравить его с освобождением. Отсюда же он рассылал письма всем, кто так или иначе содействовал этому. Среди его адресатов – Вашингтон, Фитцпатрик, Фокс, Хьюггер, Больман и др. Узнав о невозможности для него вернуться во Францию, Лафайет поначалу думал со всей семьей уехать в Америку, куда его звал президент Вашингтон, однако здоровье Адриены не позволило осуществить этот план.

Пробыв некоторое время в Гамбурге, Лафайеты переселились в Голштинию, к тетушке Тессе. Сюда в начале 1798 г. приехал и сын Лафайета – Жорж Вашингтон, успевший получить образование в университете Нью-Йорка. Теперь вся семья в сборе. Вместе с Лафайетами гостеприимство графини Тессе разделили Бюро де Пюзи и Латур-Мобур.

9 мая 1798 г. в семье Лафайета произошло радостное событие. Старшая дочь Анастасия вышла замуж за Виктора де Латур-Мобура, младшего брата сотоварища ее отца по заключению, в будущем – прославленного кавалерийского генерала наполеоновской армии. Мадам Лафайет, прикованная к постели, к своему глубокому огорчению, не смогла принять участия в свадебных хлопотах. Роль главной распорядительницы досталась тетушке Тессе, которая то и дело в отчаянии воздевала руки к небу. Ей еще не доводилось видеть столь бедной свадьбы. Невеста – бесприданница, у жениха все имущество на нем. Тем не менее все были веселы и счастливы в этот день.

Первое время Лафайет был всецело поглощен семейными делами, и прежде всего здоровьем Адриены. «Жильбер, – сообщала своей приятельнице графине де Граммон сестра Адриены мадам де Монтегю, – так же добр, так же прост в обращении, так же нежен и так же мягок в спорах, как и прежде. Он совершенно таков же, каким Вы его знали. Он нежно любит своих детей и, несмотря на наружную флегму, страстно любит жену...» ⁴

Обреченный на политическую бездеятельность, Лафайет начал писать мемуары — «Воспоминания по выходе из тюрьмы», в которых он дал свою интерпретацию событий французской революции. Переворот 18 фрюктидора, осуществленный Директорией и завершившийся роспуском Совета пятисот и Совета старейшин, вызвал у Лафайета открытое осуждение, о чем он прямо заявил французскому консулу. Директория не преминула ответить на это продажей с аукциона последних уцелевших в Бретани имений Лафайета. Тем не менее Лафайет продолжал демонстративно носить на шляпе трехцветную кокарду, вызывая негодование эмигрантов-роялистов. В письме к мадам де Симиан, датированном 7 января 1798 г., Лафайет писал: «Я думаю, что Вы найдете меня крайним республиканцем... Хотя республика нравится мне больше, чем монархия, — продолжал Лафайет, — я все же больше люблю свободу, нежели республику, а я очень сомневаюсь в том, что во Франции в настоящее время существует свобода... В остальном же моя доктрина датируется 11 июля 1789 года...» ^{5*}

Лафайет тяжело переживал невозможность вернуться на родину. Он обратился к Директории с просьбой разрешить въезд во Францию хотя бы своим товарищам по заключению — Бюро де Пюзи и Латур-Мобуру. Мадам Лафайет, едва встав на ноги, в сопровождении младшей дочери отправилась во Францию, где начала изнурительную тяжбу с властями в надежде поправить дела семьи за счет возвращения остатков материнского наследства.

После отъезда жены Лафайет и его сын покинули Голштинию и перебрались в пригород Утрехта, поближе к французской границе. Условия их жизни там были более чем скромными. Навестившая их тетушка Тессе пришла в ужас от их быта и немедленно закупила в Утрехте все необходимое, вплоть до вилок, ножей и тарелок. Сестра Адриены мадам де Монтегю вспоминала, что не смогла погостить у Лафайета несколько дней исключительно по той причине, что ему нечем было кормить своих гостей. А Лафайет словно и не замечал всех этих неудобств. Он внимательно следил за развитием событий во Франции и приветствовал по-

* 11 июля 1789 г. Лафайет внес в Учредительное собрание первый проект Декларации прав человека и гражданина.

беды французского оружия над армиями антифранцузской коалиции. Лафайет с радостью встретил в Голландии армию Пишегрю, пришедшую под трехцветными знаменами французской революции. Семь голландских провинций объединились под названием Батавской республики. Сын Лафайета Жорж Вашингтон с благословения отца вступил в голландскую армию простым grenadier. Предстояли тяжелые бои с английской армией герцога Йоркского, где французы должны были сражаться плечом к плечу с голландцами.

16 октября 1799 г. в Париж из Египта возвратился генерал Бонапарт, решивший покончить с режимом Директории. Любопытно, что не знавший пока о его возвращении, но внимательно следивший за головокружительной карьерой корсиканца Лафайет 17 октября писал своему другу Латур-Мобуру, получившему разрешение вернуться на родину: «Что касается Бонапарта... то он может стать хозяином Франции... Сопровождающий его ореол славы дает ему огромные преимущества»⁶. Лафайет, разумеется, не мог знать о намерениях Бонапарта, но он чувствовал приближение грозы. Что принесет она Франции — свежий ветер первых лет революции или удушливую атмосферу диктатуры? Об этом Лафайет мог только гадать. Его неистощимый оптимизм внушал ему надежду на лучший исход, хотя он не сбрасывал со счетов и другой вариант. Сомнения Лафайета, его желание видеть в Бонапарте того, кем тот в действительности не был, прослеживаются по его переписке, относящейся к октябрю-ноябрю 1799 г. 30 октября 1799 г., всего лишь за десять дней до 18 брюмера, Лафайет писал Адриене: «Завистники Бонапарта видят во мне его будущего противника; они правы в случае, если бы он пожелал попрасть свободу; но если он намерен честно служить ей, то я смог бы поладить с ним во всех отношениях. Я не думаю, что он настолько глуп, чтобы желать сделаться деспотом»⁷.

Когда читаешь последние строки, поневоле вспоминается замечание Наполеона о наивности и доверчивости Лафайета. Поистине, Лафайет судил о людях по образу и подобию своему! Для Наполеона, как и для всякого другого диктатора, глупы и жалки были как раз те, кто не стремился к власти. Именно в ней, в возможности повелевать массами, сделав их послушным орудием своих честолюбивых устремлений, видит дик-

татор смысл жизни. По получаемому наслаждению ничто для него не может сравниться с опьянением безграничной властью. Люди, лишенные властолюбия, заслуживают в его глазах разве что презрения.

Что касается Лафайета, то он, инстинктивно чувствуя в Бонапарте могильщика революции, тогда, в 1799–1800 гг., пытался заставить себя видеть в нем ее продолжателя. Именно этим в первую очередь можно объяснить письмо, направленное Лафайетом Бонапарту 30 октября 1799 г., в котором, в частности, говорилось: «Достаточно любить свободу и родину для того, чтобы Ваше возвращение (из Египта в Париж. — П.Ч.) наполнило меня радостью и надеждой» ⁸.

Бонапарт для Лафайета — тот человек, которому он был обязан своим освобождением из австрийского плена. Запрещение вернуться во Францию Лафайет связывал исключительно с Директорией. Роль Бонапарта в этом деле тщательно скрывалась от Лафайета теми немногими, прежде всего Ромефом, кто был в него посвящен.

Стоит ли удивляться, что, узнав о перевороте 18 брюмера, осуществленном Бонапартом, Лафайет принял решение пренебречь запретом и нелегально, обрядившись в кучера, вернуться на родину, где он не был семь долгих лет. В связи с этим нелишне будет вспомнить, что контрреволюционный переворот 18 брюмера VIII года Республики (9 ноября 1799 г.) был осуществлен под прикрытием революционной фразеологии, под лозунгом «возвращения к истокам». Лафайет был не единственным, кто в первый момент попался на удочку этой фразеологии. В конце концов, семь лет он был оторван от Франции и мог судить о происходящих там событиях лишь по той отрывочной и противоречивой информации, которая доходила до него. В одном из писем, относящихся к 1816 г., Лафайет признавался: «Разве я не надеялся... после 18 брюмера, что Бонапарт станет руководителем свободной и уверенной в себе республики? Именно этого я желал» ⁹.

В письме к жене, отправленном незадолго до своего отъезда во Францию, Лафайет следующим образом изложил волновавшие его чувства: «Закончить Революцию ко всеобщему благу, повлиять на принятие мер, полезных моим соотечественникам, упрочить свободу, залечить раны, воздать должное мученикам великого

дела — вот цели, которые я себе ставлю и достижение которых успокоит мое сердце! Но я не намерен целиком погрузиться в политическую жизнь; я лишь сделаю попытку, а затем, клянусь честью, моей любовью к Вам и тенью тех, кого мы оплакиваем, что ничто в мире не будет более в состоянии заставить меня отказать от моего давнишнего плана полностью уйти в частную жизнь и провести вместе с Вами остаток дней»¹⁰.

«ДУЭЛЬ» С БОНАПАРТОМ

Прибыв в Париж, Лафайет уведомил о своем возвращении Бонапарта, направив ему письмо следующего содержания: «Гражданин Консул! С того времени, когда благодаря Вам ольмюцкие узники освободились из своего заключения, и до того, когда свобода моего Отечества наложила на меня относительно Вас важные обязанности, я еще мирился с продолжением моей опалы, которая не соответствовала более государственным интересам. Сегодня я прибыл в Париж. Прежде чем даже увидеться здесь с моими друзьями, я считаю своим долгом уведомить Вас о моем возвращении. Я делаю это вовсе не из-за сомнений в своем праве быть на месте там, где Республика утверждается на достойных ее основаниях, но исключительно ради исполнения своего долга выразить Вам еще раз мою благодарность»¹¹.

Когда Бонапарт получил это письмо, он пришел в негодование. «Наполеон, — вспоминал его личный секретарь М. де Бурьенн, — вначале очень плохо отнесся к тому, что апостол американской свободы вернулся (во Францию. — П.Ч.) без паспорта»¹². Сиейес и Талейран, удержавшиеся и при новом режиме, поспешили посетить Лафайета и попытаться убедить его немедленно покинуть пределы Франции. Лафайет сухо ответил им, что скорее отправится в тюрьму, чем согласится уехать.

Хлопоты мадам Лафайет дали кое-какие результаты. Ей удалось вернуть небольшой замок Лагранж, принадлежавший ее покойной матери. Там и поселилась семья Лафайет. Глава семьи с головой ушел в хозяйственные заботы. Приходилось думать о возраставшей семье. В 1802 г. женится сын Лафайета Жорж Вашингтон. Его избранницей стала Эмилия де Траси, дочь графа де

Траси, единомышленника Лафайета, философа и члена Института, согласившегося занять кресло сенатора в годы Империи. В начале 1803 г. младшая дочь Лафайета — красавица Виржиния выйдет замуж за маркиза Луи де Ластейри, после того как она отказала Люсьену Бонапарту. Пошли внуки. У Лафайета появились новые заботы.

Но вернемся в год 1800-й.

Некоторое время Бонапарт колебался относительно того, как ему поступить с Лафайетом, но так и не решился подвергнуть его аресту. Он избрал другую тактику — полного игнорирования бывшего главнокомандующего Национальной гвардией, которому было запрещено показываться в Париже. Но давно известно: если вас демонстративно не замечают, значит, вами всерьез интересуются. Случай с Лафайетом не был исключением. За ним внимательно следили глаза и уши Жозефа Фуше, бывшего якобинца, возглавившего политическую полицию нового режима.

Поначалу Бонапарт твердо придерживался избранной тактики. Он доходил в этом до мелочности. Вскоре после отъезда Лафайета в Лагранж из Америки пришло известие о смерти Дж. Вашингтона. Первый консул решил отметить это событие 10-дневным трауром и официальной церемонией, но запретил ректору Парижского университета Фонтану в «похвальном слове» о Вашингтоне даже упоминать имя его ближайшего друга и соратника Лафайета. Во время церемонии, происходившей во Дворце инвалидов, американские представители тщетно пытались отыскать среди присутствующих генерала Лафайета. Ему не разрешено было покидать пределы Лагранжа. Однако всевидящий глаз осведомителя заметил за одной из колонн молодого человека с грустным выражением лица. Это был крестник покойного президента Жорж Вашингтон де Лафайет. Всемогущий консул раздраженно отчитал Фуше за допущенную оплошность. Ничего предосудительного в поведении самого Лафайета, однако, не было замечено, и Бонапарт, предпринимавший после переворота 18 брюмера попытки привлечь на свою сторону некоторых оставшихся в живых деятелей 1789 г., начал подумывать об установлении контактов с Лафайетом. В качестве первого шага к примирению он приказал вычеркнуть его имя из «списка эмигрантов» и снял запрет на въезд Лафайета в столицу.

Первая встреча Лафайета с Бонапартом произошла на одном из официальных приемов в июле 1800 г. Она была мимолетной, и о ее содержании почти ничего не известно. Некоторое время спустя Лафайет встретил в присмной Талейрана человека, удивительно похожего на первого консула. Это был его брат Жозеф Бонапарт, человек либеральных воззрений, с которым у Лафайета с первой же встречи установились доверительные отношения. Ж. Бонапарт пригласил Лафайета принять участие в праздновании по случаю заключения 30 сентября 1800 г. нового торгового договора с Соединенными Штатами Америки. Там произошла вторая, более продолжительная встреча Лафайета и первого консула. Присутствовавшие с интересом разглядывали Лафайета, прогуливавшегося под руку с Бонапартом и о чем-то оживленно беседовавшего с ним.

«Вы, должно быть, нашли французов очень охладевшими к свободе?» — спросил Лафайета Бонапарт.

«Да, но они более созрели для пользования ею».

«Ваши парижане пресытились ею... — возразил первый консул. — Уверяю вас, лавочники ее больше не хотят».

«Я не знаю еще всех преступлений и жестокостей, которые опозорили самое имя «свобода», но повторяю, французы более чем когда-либо способны оценить свободу, и они ждут ее от вас», — заключил Лафайет.

Бонапарт перевел разговор на другую тему — об Американской революции. Лафайет стал оживленно рассказывать о политической системе США, делая упор на установленную законом периодическую смену администрации.

«Но вы, конечно, согласитесь, — прервал его Бонапарт, — что во Франции это было бы невозможно»¹³.

Лафайет многозначительно промолчал.

После этой встречи Лафайет начал получать частые приглашения в Тюильри. Бонапарт был подчеркнуто внимателен к нему. Он восстановил его в звании генерал-лейтенанта запаса с пенсией в 6 тыс. франков в год; была удовлетворена просьба сына Лафайета Жоржа Вашингтона, крестника первого президента США, зачислить его младшим лейтенантом в гусарский полк Г. Себастиани. В личных беседах Бонапарт интересовался мнением Лафайета о конституции Консульства, и

генерал с присущей ему прямою не скрывал, что его беспокоит чрезмерное усиление исполнительной власти, точно так же как в 1791–1792 гг. ему представлялось опасным ее ослабление за счет власти законодательной. Он был все такой же ревнитель строгого разделения и равновесия властей. Бонапарт со снисходительной улыбкой выслушал доводы Лафайета, затем прервал его: «Чего же вы хотите? Вы же знаете, что Сиейес везде создал только тени: тень законодательной власти, тень судебной власти, тень правительства. Нужно было внести во все это суть... Ну, так я это и сделал» ¹⁴.

Всякий раз, когда Бонапарт встречался с Лафайетом, у них не обходилось без мелких стычек по тем или иным политическим вопросам. Это подтверждает и секретарь Бонапарта де Бурьенн ¹⁵. Однако до поры до времени оба демонстрировали внешнюю симпатию друг к другу. Однажды в разговоре между ними зашла речь о начальном этапе революции, когда Лафайет был одним из ее режиссеров, а Бонапарт находился в числе неизвестных статистов. «Вы свергли самую сильную монархию из всех, какие тогда существовали в Европе, — сказал Лафайету Бонапарт. — Это было прекрасное и смелое предприятие. Но вы совершили большую ошибку, решив сохранить в этой революции старую династию» ¹⁶.

Диктатора, задумавшего основать собственную династию, пока забавляли беседы с упрямым республиканцем. Может быть, ему импонировала смелость суждений собеседника? Редко кто мог позволить себе такой тон в обращении с человеком, объявившим себя пожизненным консулом.

«Можно по-разному оценивать месье де Лафайета, но никто не может не признать за ним редкой верности своим принципам», — говорил Бонапарт своему секретарю ¹⁷. «Лафайет, быть может, и прав в теории, — признавался Бонапарт, — но что такое теория? Вздор, когда пытаются применять ее к людской массе. И потом он все еще верит в Америку, как будто французы — это американцы. Он не убедит меня в том, что этой стране нужно то же, что и той (Америке. — П.Ч.). Здесь доминируют католицизм, а я, между прочим, нуждаюсь в поддержке папы, который будет делать то, что я захочу. Знаете ли Вы, что Лафайет употребил странное выражение? — с улыбкой

добавил первый консул. — Он мне сказал, что я разобью себе голову. Ну что ж, посмотрим, посмотрим»¹⁸. Не всегда Бонапарт был столь благодушно настроен в отношении Лафайета. Он мог себе позволить и резкие отзывы об отставном генерале, чье упрямство все более раздражало первого консула.

Покушение на Бонапарта 23 декабря 1800 г. на улице Сен-Никез побудило Лафайета нанести ему визит вежливости. В ходе беседы Бонапарт попытался в очередной раз привлечь Лафайета на свою сторону. Он сообщил ему о полученном письме претендента на французский престол графа Прованского, объявившего себя Людовиком XVIII. В письме граф призывал Бонапарта возвести его на трон предков. «Они обещают за это воздвигнуть мне монумент, на котором я буду изображен возвращающим корону королю, — говорил Бонапарт Лафайету. Я ответил, что мне было бы страшно стоять на таком пьедестале... Возвратить им власть было бы с моей стороны самой позорной низостью... Вы можете не одобрять моего правления, можете считать меня деспотом, — продолжал консул, — но все увидят, и вы в том числе, работаю ли я для себя или для блага будущих поколений... И могу ли я, руководитель нового движения, я, которого Революция, вы и все другие патриоты выдвинули на занимаемый мною пост, могу ли я отдать власть тем людям, которые жаждут только мщения?»¹⁹ Эту тему Бонапарт развил при следующей встрече с Лафайетом. «Меня сильно ненавидят государи Европы и их окружение, — сказал он, — но их ненависть ко мне ничто в сравнении с той, которую они питают к вам».

Несмотря на внимание, оказываемое ему первым консулом, Лафайет проникался к Наполеону все большим недоверием. Однажды Бонапарт сделал Лафайету предложение стать сенатором. «Я предпочитаю вести частную жизнь», — отрезал Лафайет. «Прощайте, генерал Лафайет», — раздосадованно завершил беседу Бонапарт²⁰.

В связи с подписанием 28 марта 1802 г. Амьенского мирного договора между Францией, Англией, Испанией и Голландией Лафайет нанес визит своему старинному знакомому лорду Корнуоллису, прибывшему с официальной миссией в Париж. Вместе с лордом

Лафайет побывал у Ж. Бонапарта. Вскоре при встрече с первым консулом Лафайет вынужден был выслушать нотацию. Отозвав его в сторону, Бонапарт сказал:

— Лорд Корнуоллис находит, что вы неисправимы.

— В чем? — парировал начало атаки Лафайет. — В моей любви к свободе? Но что могло бы заставить меня изменить мои убеждения? Преступления и жестокости террористов? Но ведь это могло побудить меня лишь еще более возненавидеть режим самовластия и еще сильнее проникнуться убеждением в справедливости моих принципов.

— Но вы говорили с лордом Корнуоллисом о наших делах.

— Решительно не помню, но никто, разумеется, не стоит далее от мысли чернить перед английским посланником положение наших дел, нежели я. Однако, если бы он спросил меня, считаю ли я существующий у нас режим свободным, я ответил бы ему — нет, хотя с гораздо большим удовольствием сказал бы это всякому другому, нежели ему.

— Я должен вас предупредить, генерал Лафайет, — ледяным тоном заметил Бонапарт, — что ваша манера высказываться о политике правительства дает возможность нашим врагам опираться на авторитет вашего имени.

— Но что же я могу поделать? — отвечал Лафайет. — Я веду частную жизнь и не вмешиваюсь в государственные дела. Но всякий раз, когда меня спрашивают, соответствует ли ваш режим исповедуемым мною принципам, я отвечаю — нет. Я могу, конечно, заставить себя быть осторожным, но, генерал, я не желаю быть ренегатом.

— Что вы подразумеваете под самовластием?.. Надеюсь, вы согласитесь со мной, что при том состоянии, в котором я нашел Францию, я вынужден был прибегать и к исключительным мерам.

— Не в этом дело.... — отвечал Лафайет. — Я сожалею и сокрушаюсь об общем направлении вашего режима. Да, генерал, об общем его направлении.

Чтобы как-то завершить беседу, принявшую резкую тональность, Бонапарт примирительно сказал:

— До сих пор я говорил с вами как глава правительства и в таком качестве имел достаточно оснований выражать свое недовольство вами, но как частное

лицо я удовлетворен, потому что, как бы вы ни осуждали действия правительства, вы, по-видимому, расположены лично ко мне ²¹.

Лафайет не стал разубеждать первого консула, поспешившего отойти от него.

Отношения между Лафайетом и Бонапартом окончательно расстроились после того, как первый на плебисците 2 августа 1802 г. проголосовал против учреждения для Бонапарта должности пожизненного консула и открыто осудил это как покушение на демократию и свободу. На выданном ему избирательном бюллетене Лафайет не ограничился словом «нет» и добавил: «Я не могу голосовать за подобное учреждение до тех пор, пока политическая свобода не будет достаточно гарантирована. Я отдам свой голос Наполеону Бонапарту только после того, как это произойдет» ²². Лафайет не удовольствовался и записью на бюллетене. Он направил Бонапарту письмо, в котором писал: «Невозможно, чтобы Вы, генерал, человек неординарный, с которым никто не может сравниться, желали видеть результатом Революции, результатом стольких жертв, потоков крови, потрясений и подвигов режим самовластия. Французский народ слишком хорошо узнал свои права, чтобы совершенно о них забыть... Для меня же речь идет о принципах всей моей жизни, и я отказываюсь присоединить свой голос до тех пор, пока не будет учреждена, на достойных нации и Вас основаниях, конституция». О реакции Бонапарта на письмо Лафайета сообщает Бурьенн: «Он нетерпеливо прочел его письмо и сказал мне: «Я вам уже говорил, что месье де Лафайет — политический мономан. Упрямец! Он меня не желает понять и тем самым раздражает, хотя он и честный человек. А ведь я хотел сделать его сенатором, но он отказался. Честное слово, тем хуже для него. В конце концов я прекрасно обойдусь и без его голоса» ²³.

Бонапарт при помощи Фуше внимательно изучил бюллетени голосования на плебисците, на которых стояло «нет» пожизненному консульству. Многие из тех, кто высказался против и чьи личности были установлены, понесли соответствующее наказание. Среди них был и Руже де Лиль, автор «Марсельезы», под звуки которой войска генерала Бонапарта не раз ходили в атаку. Он заплатил за свою искренность потерей чина в армии и

пенсией. Остаток дней ему суждено провести в забвении и нищете.

«Нет» на плебисците означало для Лафайета окончательный разрыв с Бонапартом. «Я рассорился с Наполеоном со времени моего голосования против учреждения пожизненного консульства и не мог принимать какого-либо участия в деспотическом правительстве...» — писал впоследствии Лафайет. Бонапарт не сразу принял вызов, он словно не замечал выпадов Лафайета. В чем тут дело? Скорее всего в нежелании действительно выглядеть в тот момент деспотом: ведь удушение революции проводилось под прикрытием отвлекающей фразологии, а само существование Лафайета как бы символизировало собою тот факт, что свобода во Франции все еще существует. Правда, Бонапарт попытался убрать Лафайета из страны, предложив ему через Талейрана пост французского посла в США. Однако Лафайет отказался, сославшись на слабое здоровье жены.

Разгневанный Бонапарт послал в Лагранж генерала Матье Дюма, бывшего в первые годы революции помощником Лафайета в штабе Национальной гвардии, с целью получения объяснений от строптивца. Дюма передал Лафайету слова консула: «Никто и не думает о тирании, а генерал Лафайет, судя по всему, принимает меня за тирана». Лафайет не замедлил с откровенным ответом. Радужно приняв в замке своего давнего соратника, он просил передать Бонапарту: «Удаление от дел составляет максимум возможной для меня уступчивости; если Бонапарт будет служить делу свободы, он может быть уверен в моей ему преданности, но я не желаю ни признавать самодержавия, ни тем более самому быть его прислужником»²⁴.

Когда в 1803 г. Бонапарт уступил США французскую колонию Луизиану, Лафайет неожиданно для себя получил приглашение от своего старого друга президента Т. Джефферсона занять пост губернатора нового североамериканского штата. Джефферсон сообщил Лафайету, что правительство США в знак признания его заслуг перед Американской революцией дополнительно готово предоставить в его личное владение 12 тыс. акров земли в Луизиане. Лафайет вежливо отклонил это лестное предложение, опять-таки сославшись на нездоровье жены.

Очередной укол самолюбию Бонапарта был нанесен отказом Лафайета принять только что учрежденный им орден Почетного легиона высшей степени, выхлопотанный ему стараниями Жозефа Бонапарта.

Всю свою накопившуюся неприязнь к упрямцу Бонапарт перенес на его сына, который храбро сражался в Итальянской армии и дважды был ранен. Генерал Себастиани неоднократно представлял Жоржа Вашингтона де Лафайета к повышению в чине, и всякий раз Бонапарт собственноручно вычеркивал его имя из списка кандидатов на очередное звание. При этом Бонапарт при каждой личной встрече не забывал поинтересоваться у Лафайета успехами его сына, засидевшегося в лейтенантах. Как видно, и великие могут быть мелочными. Не помогли даже настойчивые ходатайства генерала З. Груши, которому лейтенант Лафайет спас жизнь в сражении при Эйлау в феврале 1807 г. (он получил пулю, предназначавшуюся Груши). Сын Лафайета был едва ли не самым пожилым лейтенантом во французской армии и, видя такое к себе отношение, не чаял поскорее выйти в отставку, что ему в конечном счете и удалось осуществить. Наполеон легко подписал соответствующее прошение, к нескрываемой досаде уязвленного Груши. ...Если существует некий таинственный закон возмездия, то он проявился в роковой для Наполеона день сражения при Ватерлоо, когда нерешительность Груши, командовавшего резервным корпусом, предопределила поражение императора.

После провозглашения империи в 1804 г. Лафайет практически перестал выезжать из своего замка. Однако Наполеон не утратил интереса к Лафайету. О том, что происходит в Лагранже, он время от времени узнавал от Фуше и Савари, которые пытались даже выкрасть бумаги Лафайета и его мемуары. На одном из заседаний Государственного совета император вдруг произнес: «Да, господа... Как все изменилось во Франции! Я знаю лишь одного человека, который не изменился. Это — Лафайет. Он никогда не отступал от своей линии. Вы его видите постоянно спокойным. Уверяю вас, он всегда готов все начать сначала»²⁵.

Император не ошибался. Лафайет в своем уединении вовсе не думал складывать оружие. У него в Лагранже бывали гости, среди которых осведомители зафиксировали генералов Ж. Б. Бернадота и Ж. В. Моро, поляка Т. Костюшко, других генералов, сенаторов, явных и

тайных противников Бонапарта. Не случайно, когда в начале 1804 г. был раскрыт заговор Ш. Пишегрю, Ж. Кадудалья и др., полиция заготовила приказ об аресте Лафайета. Арест не состоялся благодаря вмешательству Ж. Бонапарта. «Не опасайтесь, — заявил Жозеф Наполеону и Фуше, — там, где замешаны аристократы и короли, вы не найдете Лафайета».

Лафайет действительно не имел ничего общего с роялистами. Но он вполне разделял взгляды таких людей, как Ж.В. Моро и К.Ф. Мале, представлявших республиканскую оппозицию бонапартистскому режиму. С Моро, бывшим командиром батальона Национальной гвардии, у Лафайета были давние дружеские отношения. При личных встречах они обсуждали возможные планы действий в случае падения или смерти Наполеона. На одной из встреч зашла речь об активизации противников императора справа и слева, т. е. роялистов и бывших якобинцев. «В случае неожиданного кризиса, например смерти Бонапарта, — говорил Лафайет, — роялисты и якобинцы были бы в большей готовности, чем мы. Поэтому мы тоже должны организоваться»²⁶. Когда в феврале 1804 г. Моро был арестован, Лафайет демонстративно посетил его в тюрьме. Он постоянно навещал членов семьи Моро, пока тот находился в заключении, и оказывал им материальную помощь. Когда два года спустя Моро был выслан в США, Лафайет снабдил его рекомендательными письмами к своим влиятельным американским друзьям.

Другим частым гостем и собеседником Лафайета был будущий король Швеции, в то время маршал наполеоновской армии Бернадот, который испытывал тайную неприязнь к своему шефу. О его антипатии к Наполеону знали тогда немногие, и среди них Лафайет. «Если бы однажды, — сказал как-то Бернадот Лафайету, — Моро, вы и я упали бы вместе из облака на Вандомскую площадь со шпагами в руках... то, кто знает, не закончилось ли бы все это революцией?» Перед отъездом в Швецию, где вскоре ему предстояло стать королем под именем Карла XIV, Бернадот посетил Лафайета и, прощаясь, сказал: «То, что вы живы, это поистине чудо»²⁷.

Все эти годы между Лафайетом и Наполеоном продолжалась невидимая дуэль: с одной стороны, безоружный пенсионер, сильный лишь верой в свои идеалы; с другой — повелитель Европы. «Победитель

при Фридланде, Аустерлице и Ваграме, который в течение пятнадцати лет сокрушал всякое сопротивление, должен был выносить, не говоря ни слова, вызывающую дерзость «простака», который, словно терпеливый гриф, ожидал падения огромной империи», — отмечал один из биографов Лафайета. «Пока Вы живы, генерал, я не теряю веры в человечество»²⁸, — писала Лафайету мадам де Сталь, высланная Наполеоном за пределы Франции.

В рождественскую ночь 1807 г. Лафайета настиг страшный удар, надолго лишивший его душевного равновесия. Он потерял своего самого верного друга, 34 года сопровождавшего его по жизненному пути. В возрасте 48 лет умерла его жена Адриена, здоровье которой было серьезно подорвано тяжелыми лишениями, выпавшими на ее долю в годы, когда ее муж считался у себя на родине государственным преступником.

Судьба подарила ей по-настоящему счастливые и, увы, немногие годы лишь на пороге смерти, когда вся семья собралась наконец вместе. Адриена успела даже порадоваться на трех своих внучек. В последние дни, лежа в постели, она подолгу разговаривала с мужем, вспоминая ушедшую молодость. В день смерти Адриена своими прозрачными пальцами взяла руку Лафайета и тихо спросила его:

— Была ли я для вас доброй спутницей?

— О, да, несомненно!

— Я счастлива! Благословите меня!²⁹

Последние слова Лафайет выгравировал на медальоне, который будет носить на груди до самой смерти вместе с локоном волос Адриены. При нем постоянно находились и два листка бумаги, сложенные вчетверо. На одном рукой Анастасии были записаны прощальные слова ее матери, обращенные к мужу и заключавшие в себе весь смысл ее недолгой жизни: «Я вся Ваша...»³⁰ На другом листке собственной рукой Адриены были написаны следующие строки:³¹

И этот разума огонь неистребимый

Останется, когда сойду во мрак.

Нсистовый и непоколебимый,

Он будет озарять твой каждый шаг*.

* Пер. Н. Александровой.

Мадам Лафайет скончалась в тот самый день, когда двадцать восемь лет назад подарила мужу сына, который, словно часовой, оставленный покойной матерью, будет неотлучно находиться при отце до самой его смерти.

Официальный печатный орган Французской империи «Le Journal de l'Empire» счел необходимым сообщить своим читателям о смерти мадам де Лафайет, поместив следующую короткую заметку: «Общество должно оплакать кончину мадам де Лафайет. Она была счастьем своей семьи, поддержкой бедным, утешением скорбящим, украшением своей Родины и честью своего пола...» 32

Свою глубокую скорбь Лафайет излил в пространным письме к Латур-Мобуру, перед которым всегда раскрывал душу: «Я еще не писал Вам из той бездны несчастья, в которую я теперь ввергнут. До сих пор я чувствовал себя всегда сильнее обстоятельств, но теперь обстоятельства сильнее меня... Я никогда уже не поднимусь на прежнюю высоту духа... В продолжение тридцати четырех лет супружеской жизни с Адриеной ее любовь, ее доброта, возвышенность характера, нежность и великодушие очищали и украшали мое существование, и я до такой степени привык к ней, что считал ее жизнь чем-то неразделимым со мной. Я всегда был уверен в моей любви к ней, но лишь теперь, оставшись один, я почувствовал все свое одиночество, я увидел, сколь малоинтересна теперь для меня моя жизнь, отданная, казалось бы, столь разнообразным делам, я убедился, что нет более для меня не только счастья, но даже простого благополучия... Мое письмо никогда не окончилось бы, если бы я дал волю чувствам, которые его диктуют...» 33

По желанию покойной она была похоронена на окраине Парижа, вблизи развалин старого монастыря. Место это называлось и до сего дня называется Пикпюс.

Последним делом жизни Адриены были поиски захоронения ее бабушки, матери и сестры, гильотинированных в эпоху террора. Поиски и привели Адриену к этому пустынному месту, куда в специально отрытые ямы были сброшены обезглавленные тела 1300 последних жертв якобинской диктатуры, среди которых и родные Адриены. Объединив свои усилия с усилиями родственников других казненных, в числе которых

оказалась и герцогиня Гогенцоллерн, Адриена в 1802 г. собрала 24 тыс. франков, на которые был куплен весь этот участок земли. Удалось даже реставрировать часть древнего монастыря и на специально вделанных в стены часовни металлических досках выбить имена 350 установленных погребенных здесь. На этом созданном ее стараниями кладбище и нашла последний приют Адриена.

Лафайет благоговейно чтит память жены до конца своих дней. Он приказал заделать все двери комнаты, где она скончалась, за исключением одной дверцы, через которую входил в определенные дни в сопровождении детей и внуков. Здесь все оставалось в том виде, как было в день смерти Адриены. В доме сохранялся почти религиозный культ покойной хозяйки.

И СНОВА В БОЙ...

После смерти жены Лафайет вплоть до конца 1812 г. жил в абсолютном уединении. Лишь поражение Наполеона в России и приближавшийся крах империи пробудили у него интерес к жизни. Он «готов все начать сначала», как прозорливо сказал о нем Наполеон. В свои 56 лет ветеран революции был полон юношеской решимости восстановить на развалинах тирании свободную Францию. Эту задачу он надеялся решить одновременно с отражением посягательств на ее независимость со стороны антифранцузской коалиции. Его сын Жорж Вашингтон де Лафайет и его зять маркиз де Ластейри уже записались в воссозданную Национальную гвардию. Муж старшей дочери граф де Латур-Мобур сражался в наполеоновской армии. Под Лейпцигом он потерял ногу. Сам Лафайет готов был стать простым гренадером, лишь бы не допустить вступления врага в Париж. Свои тогдашние намерения он выразил чуть позже в письме лорду Холланду, помеченном 14 апреля 1814 г. «Я хотел бы и даже надеялся на то, — писал Лафайет, — что народное движение предупредило бы интервенцию»³⁴.

Попытка переворота, предпринятая в октябре 1812 г. генералом Мале, вновь привлекла внимание спешно вернувшегося в Париж Наполеона к Лафайету. Имя его давно уже мелькало в полицейских донесениях. Агенты указывали на него как на активного участника первого заговора генерала Мале³⁵. Он фи-

гурировал в списках заговорщиков в качестве одного из трех будущих консулов наряду с высланным из Франции генералом Моро ^{36*}. Теперь, в ноябре 1812 г., министр полиции Савари внес Лафайета в список лиц, подлежащих аресту. Но вернувшийся из России император вычеркнул Лафайета из списка.

Поражение французской армии в «битве народов» 16–18 октября 1813 г. под Лейпцигом вселило в Лафайета надежду на падение бонапартистской диктатуры и беспокойство по поводу намерений антифранцузской коалиции. Он поспешил в Париж. «Я не мог бы спокойно жить в Лагранже во время вторжения союзников. Я мечтал о национальном восстании против внутреннего деспотизма» ³⁷, — писал Лафайет Джефферсону 14 августа 1814 г.

31 марта 1814 г. союзники вступили в Париж. Те, кого Наполеон возвысил и обогатил, теперь предавали своего проигравшего хозяина и перебегали в лагерь победителей. Было сформировано правительство во главе с Талейраном. Маршалы М. Ней и А. Массена требовали от императора отречения. Маршал О. Мармон, имевший в своем распоряжении боеспособный корпус, отказался прийти на помощь осажденному Парижу. Лишь маршал А. Макдональд остался верен императору. Ему-то и вручил Наполеон свою шпагу, бывшую с ним еще в Египетском походе: «Возьмите ее на память; я не могу предложить вам ничего другого» ³⁸. 4 апреля 1814 г. Наполеон подписал акт отречения, а 13-го попытался покончить с собой...

Лафайет пребывал в отчаянии от сознания своего бессилия. Однако очень скоро он восстановил душевное равновесие. Надежда вновь загорелась в его душе. На чем она зиждилась?

Прежде всего на антибурбонских настроениях в широких слоях общества. В те первые весенние дни 1814 г. мало кто во Франции всерьез верил в реставрацию изгнанных четверть века назад Бурбонов. Вы-

* Был ли Лафайет осведомлен о планах Мале, неизвестно. Никаких указаний на это в бумагах Лафайета нет, кроме лестного отзыва о расстрелянном Наполеоном генерале: «Храбрый Мале... бывший республиканец, в течение многих лет боролся против императорского деспотизма». (*Memoires, correspondance et manuscrits du general Lafayette...* T. 9. P. 181).

росло целое поколение, знавшее о них лишь понаслышке.

Надежды Лафайета и его единомышленников подогрелись и либеральными заявлениями императора Александра I, о лицемерии которого хорошо знали только на его родине. И все же надо отметить, что позиция Александра в отношении поверженной Франции выгодно отличалась от откровенно враждебной линии, проводившейся его союзниками, и прежде всего королем Пруссии и императором Австрии. Русский самодержец однажды употребил даже слово «республика», говоря о будущем политическом строе Франции. В беседе с роялистом бароном де Витроллем, состоявшейся в марте 1814 г., он сказал: «...быть может, разумно устроенная республика больше бы соответствовала духу французов? Ведь не могли же идеи свободы, так долго зревшие в вашей стране, не оставить следа!» ³⁹

Принимая 2 апреля 1814 г. делегацию сенаторов, Александр заявил: «Я — друг французского народа. Было бы справедливо и мудро дать Франции сильные и либеральные институты, соответствующие современным условиям. Союзники и я лично видим свой долг лишь в том, чтобы обеспечить свободу ваших решений» ⁴⁰.

Судя по всему, царь пытался даже воспрепятствовать возвращению Бурбонов. «Александр I, страшно недовольный недостаточно предупредительным по отношению к нему поведением Бурбонов и политикой Талейрана во время конгресса (Парижского мирного конгресса. — Л.Ч.), предлагал возвести на французский престол дальнего родственника Людовика XVIII — герцога Орлеанского (будущего короля Людовика-Филиппа)» ⁴¹.

Лафайет, разумеется, не мог остаться равнодушным к демонстрируемым русским царем либеральным идеям, тем более что 3 мая в Париж в сопровождении огромной свиты прибыл граф Прованский, именовавший себя Людовиком XVIII.

Народный поэт Франции Пьер-Жан Беранже оставил нам описание этого дня: «Въезд Людовика XVIII, на который мне вздумалось посмотреть, являл странную пестроту. Неужели массами мог овладеть энтузиазм, когда они не знали даже, что это за личности, которых доставили сюда? Верно то, что из пятидесяти зрителей едва ли один ясно разбирался, в какой сте-

пени родства состоят эти принцы с Людовиком XVI. Король, которого, по заблуждению или со слов насмешников, многие ожидали увидеть в каком-то забавном одеянии, смотрел на толпу, хотя и больной, но приветливо и с достоинством, что большинству понравилось. В подобных церемониях старики вообще выигрывают.

Люди, подобно мне замешавшиеся в толпе, лишь кое-как могли рассмотреть второстепенные лица. Но из всего этого кортежа, который тем, кто привык видеть великолепие наполеоновских праздников, казался таким старомодным и жалким, всеобщее уважение было проявлено только к нескольким отрядам императорской гвардии, — их удалось заставить следовать за каретами нового, или, лучше сказать, старого двора. При виде этих мужественных лиц, покрытых шрамами, загоревших под солнцем многих стран, а теперь таких угрюмых, печальных и, кажется, смущенных белыми кокардами, которые им навязали, раздался со всех сторон крик: «Да здравствует императорская гвардия!» И даже те, кто кричал: «Да здравствует король!», присоединили свои голоса к этому крику сторонников Империи, что составило самый странный контраст и, кажется, неприятно поразило слух принцев. Услышав этот полный гордости привет, старые храбрецы смелее подняли голову и отвечали возгласом: «Да здравствует национальная гвардия!» Оба приветствия смешивались друг с другом и возобновлялись снова и снова во все время шествия, вопреки дисциплине, запрещающей говорить под оружием. С этой минуты можно было предсказывать возвращение с Эльбы»⁴².

В Париж из ссылки вернулась мадам де Сталь, в салоне которой вновь собиралось созвездие европейских знаменитостей. Здесь-то Лафайет и познакомился с российским императором, совершенно очаровавшим доверчивого ветерана революции. «Я провел вчерашний вечер в обществе императора Александра, — писал Лафайет американскому посланнику в Париже У. Г. Кроуфорду 26 мая 1814 г., — и, как ни велико было мое предрасположение к нему, его качества превзошли мои ожидания. Он и в самом деле великий, доброжелательный, благоразумный, благородно мыслящий человек и искренний друг свободы»⁴³. Хозяин огромной империи, населенной миллионами крепостных

рабов, с готовностью обсуждал с Лафайетом необходимость отмены работорговли (разумеется, неграми). «Разговор зашел о работорговле, — сообщал Лафайет американскому посланнику, — и его (Александра I. — П.Ч.) слова были проникнуты истинным человеколюбием. Запрещение работорговли станет одной из статей общего мирного урегулирования» ⁴⁴.

Лафайет понимал, что судьба Франции во многом теперь зависела от Александра I. Ему было известно, что внук Екатерины II проявлял интерес к идее конституционной монархии.

После той первой встречи у мадам де Сталь Лафайет будет неоднократно беседовать с царем, часто приглашавшим в свою парижскую резиденцию понравившегося ему маркиза, о котором еще с детских лет он был столько наслышан от своей бабки.

Однажды разговор между ними зашел о роялистах, возвращавшихся во Францию. Лафайет заметил Александру:

— Несчастья должны были побудить их исправиться.

— Исправиться?! — воскликнул царь. — Они ничего не поняли и ничего не забыли. Только один из них, герцог Орлеанский, придерживается либеральных взглядов.

— Но если таково ваше мнение, сир, то почему же вы помогли им вернуться сюда? — озабоченно спросил Лафайет.

— Это не моя ошибка, — ответил Александр I. — Меня принуждали к этому со всех сторон. Лично я хотел придержать их до того момента, когда нация сумела бы навязать им конституцию. Они обрушились на меня, как наводнение ⁴⁵.

И все же не без влияния Александра I 4 июня 1814 г. была принята так называемая Конституционная хартия, закреплявшая многие важные результаты революции (отмену сословных привилегий аристократии, всеобщее налогообложение, свободу личности, неприкосновенность распроданных в годы революции церковных и эмигрантских земель, перешедших в руки буржуазии и зажиточного крестьянства, и т. д.) и по существу превращавшая Францию в конституционную монархию с двухпалатным парламентом.

Лафайет, казалось, мог быть удовлетворен, но он не питал иллюзий в отношении Бурбонов. Слишком хо-

рошо знал он Людовика XVIII и крайне реакционные воззрения его брата.

И действительно, как только союзники покинули Францию, роялистская контрреволюция подняла голову. Прекратились разговоры о Хартии и свободах, было отменено трехцветное знамя.

Лафайета спасла от расправы широко известная личная симпатия к нему Александра I и короля Пруссии Фридриха-Вильгельма III. Не имея возможности непосредственно расправиться с «зачинщиком революции», двор и роялистская реакция начали травлю Лафайета в печати. В это время появился инспирированный властями памфлет, обвинявший Лафайета в провокационной организации вареннского бегства королевской семьи с целью лишения Людовика XVI трона.

Пробыв некоторое время в Париже, Лафайет в подавленном настроении вернулся в Лагранж. Он собирался было ответить в печати на возводимые на него клеветнические обвинения, но известие о высадке Наполеона с Эльбы во главе отряда из 90 солдат изменило все его планы. Шел март 1815 г.

«Достаточно было Бурбонам процарствовать лишь десять месяцев, чтобы вновь вернуть популярность человеку, которого Франция давно ненавидела...» — записал впоследствии Лафайет ⁴⁶. «Возвращение Наполеона было оплачено Бурбонами», — добавлял он ⁴⁷.

Лафайет не верил, что Наполеон изменил себе и превратился в демократа. Ничего хорошего от его возвращения он не ждал.

Неожиданно Лафайет получил письмо от генерала Матье Дюма, в котором говорилось: «Принц Жозеф, который всегда хранил к Вам чувства глубокого уважения за Вашу преданность делу свободы, желает видеть Вас. Он поручил мне уведомить Вас и просить как можно скорее прибыть в Париж... Если Вы хоть сколько-нибудь доверяете мне, если Вы не сомневаетесь в постоянстве моих убеждений и моей любви к независимости дорогого Отечества, то приезжайте...» ⁴⁸

«Кризис, который мы переживаем, не позволяет мне колебаться, — писал в ответ Лафайет. — Мое недоверие к настоящему может лишь сравниться с моим слишком большим доверием к VIII году Республики. Обнимаю Вас от всего сердца» ⁴⁹.

Игра Наполеона в демократию в период Ста дней

уже не могла ввести Лафайета в заблуждение. Однажды, в 1799 г., он поверил Бонапарту... Превращение диктатора в демократа столь же невероятно, как волка в овцу. «Что касается меня, — писал Лафайет, — то я не верил в его (Наполеона. — П.Ч.) обращение в другую веру...» ⁵⁰

Лафайет не изменил своего мнения и после того, как император отменил цензуру и поручил Бенжамену Констану составить «Дополнительный акт» об учреждении парламента. И все же он дал согласие на предложение незадачливого короля Испании (Жозефа Бонапарта) выдвинуть свою кандидатуру в палату представителей. Жозеф при личной встрече пытался убедить Лафайета, будто его брат отныне желает для Франции только свободы, но генерал не разделял его оптимизма. «Каково бы ни было мое преклонение перед гением императора и какова бы ни была моя личная к нему благодарность, — заявил Лафайет Жозефу Бонапарту, — я всегда считал, что его режим несовместим со свободой моего Отечества, и в последний год его правления горячо желал народного восстания одновременно против внешнего нашествия и против внутреннего деспотизма» ⁵¹. Сама инициатива учреждения нижней палаты, избираемой путем голосования, принадлежала Лафайету. Через Жозефа он сумел убедить Наполеона в ее необходимости.

Поначалу Жозеф пытался уговорить Лафайета войти в палату пэров, признавшись, что Наполеон, отправляясь на поле сражения, опасается оставить у себя за спиной палату представителей, избранную народом. Однако для Лафайета именно учреждение палаты представителей служило единственным, хотя и не убедительным, доказательством искренности императора.

«— Будет палата пэров, — убеждал Лафайета Жозеф Бонапарт, — и вы сами знаете, что будете первым в списке этих пэров...

— Я никогда не соглашусь взяться за государственные дела, — отвечал Лафайет, — ни путем пэрства, ни какой-либо другой милостью императора. Я человек народа, и, только будучи избран народом, я выйду из своего убежища. Если я буду избран, я присоединюсь к вам в качестве народного представителя для участия в отражении иностранной интервенции, но и тогда я сохраню за собой право на независимость» ⁵².

Жозеф передал этот разговор Наполеону, и на следующий день Лафайет получил от принца письмо, где говорилось, что на завтра он прочитает в «Монитор» текст Конституционного акта об учреждении палаты представителей. Действительно, Конституционный акт был опубликован, но император не спешил с проведением выборов. Через несколько дней, на обеде у принца Жозефа, Лафайет заявил в присутствии многих гостей, по большей части бонапартистов: «Ваша конституция лучше той репутации, которой она пользуется; но надобно заставить в нее поверить, а для этого необходимо как можно быстрее привести ее в действие» ⁵³.

После длительных проволочек Наполеон дал наконец санкцию на проведение выборов в палату представителей. 8 мая 1815 г. Лафайет был избран в парламент. Последний раз он заседал в Национальном собрании двадцать три года назад. Как и в июле 1789 г., он и на этот раз был избран вице-председателем палаты. Председателем стал Ж. Д. Ланжюине, также бывший член Учредительного собрания 1789 г.

7 июня 1815 г. Наполеон открыл первую сессию вновь избранного парламента. По окончании заседания произошла встреча императора с Лафайетом. Между ними состоялся короткий разговор:

— Вот уже двенадцать лет, как я не имел удовольствия видеть вас, — начал Наполеон.

— Да, сир, прошло столько времени, — сухо ответил Лафайет.

— Я нахожу вас помолодевшим. Деревенский воздух пошел вам на пользу, — миролюбиво продолжал император.

Ответ Лафайета прозвучал почти невежливо:

— Да, сир, мне он пошел на пользу ⁵⁴. («Я не мог ответить ему комплиментом, так как он очень изменился и черты его лица были искажены», — писал своим родным Лафайет 8 июня 1815 г. о встрече с Наполеоном) ⁵⁵.

Сразу же после начала заседаний палаты представителей Наполеон отправился в Бельгию к армии, изготовившейся к сражению с войсками антифранцузской коалиции.

Сражение произошло 18 июня 1815 г. в районе Ватерлоо и завершилось разгромом Наполеона. Вернувшись в Париж, император потребовал предоставления

ему неограниченных полномочий под предлогом отражения внешней угрозы. Он решил распустить палату представителей и установить «временную военную диктатуру». Об этом доверительно сообщил Лафайету сам Фуше, герцог Отрантский, давно уже тайно предавший, как и Талейран, своего хозяина.

Иногда в литературе встречается мнение, будто в драматические дни конца июня 1815 г. Лафайет действовал заодно с Фуше и чуть ли не под руководством последнего⁵⁶. Это соответствует действительности лишь в той мере, в какой Фуше и Лафайет были заинтересованы в уходе Наполеона. Однако мотивы их действий были совершенно различны, как несовместимы были их политические взгляды и нравственный облик. Лафайет мог не принимать бонапартизма, но он уважал лично Наполеона. Люди же типа Фуше или Талейрана, не имевшие ни политических принципов, ни моральных, всегда внушали Лафайету устойчивое отвращение. После Ватерлоо он мечтал, как и весной 1814 г., поднять национальное народное восстание под давно забытыми республиканскими лозунгами. Не его вина, что попытка эта была заранее обречена. Сам Фуше в своих воспоминаниях говорил о решающей роли Лафайета в событиях последних дней июня 1815 г. в Париже. Он называл его одним из самых влиятельных «вождей» патриотической партии⁵⁷, предотвративших новый бонапартистский переворот.

Узнав о намерениях Наполеона, Лафайет добился экстренного созыва 21 июня палаты представителей и с трибуны парламента стал горячо убеждать своих коллег: «Настал момент всем нам объединиться вокруг старого трехцветного знамени 89-го года, знамени свободы, равенства и общественного порядка. Только под этим знаменем мы сможем противостоять иностранным притязаниям и внутренним попыткам»⁵⁸.

Ни о чем подобном не помышляли ни Фуше, ни Талейран. Единственное, в чем они были согласны с Лафайетом, так это в требовании отречения Наполеона; в остальном же их цели диаметрально расходились.

Игнорируя волю Наполеона, Лафайет предложил принять декрет о том, что палата заседает постоянно. Он потребовал объявить изменником родины всякого, кто попытается совершить акт насилия в отношении палаты представителей. Антинаполеоновская направ-

ленность последнего предложения Лафайета была очевидна для всех депутатов.

Энтузиазм Лафайета наэлектризовал палату. Его предложения были встречены громом аплодисментов. «...С этой минуты, — отмечал русский историк, — дело Наполеона было безвозвратно проиграно»⁵⁹. Это признал на Св. Елене и сам Наполеон. «Поднятое им (Лафайетом. — П.Ч.) восстание палаты было причиной полного провала», — говорил Наполеон⁶⁰.

Получив известие о том, что палата представителей почти единогласно вотировала предложения Лафайета, император пришел в негодование, заявив: «Лафайет объявил мне войну»⁶¹. Если верить мемуарам Фуше, Наполеон отдал приказ маршалу Даву разогнать палату, но военный министр на этот раз отказался повиноваться⁶².

Император оказался перед трудным выбором: подчиниться палате или развязать гражданскую войну в блокированной противником столице? Окружение Наполеона недоумевало. Что с императором? Почему он бездействует? Никто не знал, что Наполеон уже не верил в свою звезду. В последний раз она ему светила в ту первомайскую ночь, когда он высадился на французский берег в районе бухты Жуан в надежде совершить невозможное — восстановить империю и вновь стать властелином Европы. Теперь же, после Ватерлоо, он совершенно утратил всегда присущую ему энергию. Намерение распустить палату и установить диктатуру было последним ее всплеском.

Императорскую корону попытался спасти младший брат Бонапарта — Люсьен, тот самый, которого когда-то отвергла красавица Виржиния де Лафайет. Люсьен Бонапарт явился на заседание палаты с требованием оказать поддержку императору. Судьба Наполеона — это судьба Франции, заявил он с трибуны, упрекая депутатов в забвении ими их долга перед императором.

Люсьену ответил Лафайет:

— Это чудовищно! Как сместе вы обвинять нас в бесчестии и нарушении долга в отношении Наполеона! Вы что, забыли все то, что мы сделали для него? Неужели вы забыли, что прах наших детей и наших братьев свидетельствует о нашей ему верности повсюду — и в песках Африки, и на берегах Гвадалквивира

и Вислы, и в снежных пустынях Московии? За последние десять лет три миллиона французов лишились жизни ради одного человека, который и теперь еще намерен сражаться со всей Европой. Довольно! Мы достаточно сделали для него! Теперь наш долг повелевает нам спасти нашу Родину⁶³.

Лафайет закончил свою страстную речь обращением к обескураженному Люсьену:

«Идите к вашему брату и скажите ему, что лишь путем отречения от престола он может спасти Францию. Скажите ему, что к этому принуждает его сама судьба»⁶⁴.

Точно так же, как измена Мармона предрешила первое отречение императора в Фонтенбло 4 апреля 1814 г., а нерешительность Груши — поражение при Ватерлоо, публичная атака Лафайета ускорила окончательное падение Наполеона. Люсьен продолжал подстрекать брата к военному перевороту, но Наполеон был безучастен. Он находился в глубокой депрессии.

На следующее утро собравшаяся палата шумела как встревоженный улей. Наполеон все еще не подписал акта отречения. Лафайет направил секретарю императора записку, в которой известил о своем намерении лично явиться к Наполеону и изложить его именем избранных представителей нации. На размышление императору давался только один час⁶⁵. Записка Лафайета вывела Наполеона из состояния депрессии. Он немедленно подписал составленный заранее акт отречения и навсегда покинул свой дворец. Он отправился к давно оставленной им Жозефине в Мальмезон, где прошли лучшие дни их любви. Со времени развода Жозефина безвыездно проживала в этом имении, оставленном ей Наполеоном.

Это произошло 22 июня 1815 г. А уже 25-го из Парижа навстречу лавине союзных армий выехали две кареты. В них находились шесть человек, в том числе Лафайет, генерал Себастиани и герцог де Ларошфуко-Лианкур. Они были посланы палатой представителей с особой миссией — вступить в контакт с руководителями антифранцузской коалиции для предварительных переговоров о заключении перемирия. Кареты продвигались с большим трудом. Их останавливали буквально на каждом шагу, с недоверием рассматривали бумаги. В пути Лафайет встретил генерала Барклая де Толли, от которого узнал о местонахождении императора

Александра I. Лафайет возлагал на русского царя большие надежды.

11 суток провели в пути французские делегаты, прежде чем достигли штаб-квартиры союзников в Хагенау. Там их ожидало первое разочарование. Александр I, выказав свою неизменную симпатию к Лафайету, тем не менее отказался вступить с ним в официальные переговоры, сославшись на необходимость получить на это согласие своих союзников. Такова была их взаимная договоренность, которую он не мог нарушить. Это был результат стараний Меттерниха, недовольного откровенным франкофильством Александра I и русских офицеров. Под тем же предлогом французских представителей даже не допустили к другим лидерам антифранцузской коалиции.

А генералы союзных армий спешили первыми вступить в Париж. Блюхер опередил Веллингтона на два дня. Удрученные делегаты вернулись в столицу в обозе союзников. Туда же прибыли и Бурбоны, одержимые жаждой мести.

Английский дипломатический представитель лорд Стюарт предъявил Лафайету в качестве предварительного условия для возможных мирных переговоров немедленную выдачу Наполеона:

— Я должен вас предупредить, месье, что мир невозможен по меньшей мере до тех пор, пока вы нам не выдадите Бонапарта ⁶⁶.

— Я поражен, милостивый государь, — резко ответил Лафайет, — что для того, чтобы предложить подобную низость французскому народу, вы выбрали узника Ольмюца ⁶⁷.

Лорд Стюарт прервал все контакты с Лафайетом и его коллегами.

По возвращении в Париж Лафайет обнаружил, что Жозеф Фуше — бывший ревностный якобинец, член Конвента, голосовавший за казнь Людовика XVI, а затем министр полиции Наполеона, превратился в подобо-страстного шефа полиции при Людовике XVIII. Вместе с Талейраном он активно содействовал унижительной капитуляции Франции ⁶⁸. Именно с ними, а не с Лафайетом и его единомышленниками предпочли иметь дело победители. Правда, император Александр поручил графу И. Каподистрия поддерживать постоянный контакт с Лафайетом, но это было проявлением вежливости и личной симпатии, а не политической линией.

Лафайету не оставалось ничего другого, как с трибуны палаты представителей заклеить позором предателей родины, вступающих в сговор с интервентами и внутренней реакцией. Он требовал, чтобы все вопросы, связанные с капитуляцией, предварительно рассматривались парламентом. Выступления Лафайета встречались аплодисментами депутатов и растущим раздражением со стороны интервентов и Бурбонов.

8 июля 1815 г., подойдя к зданию, где заседала палата представителей, Лафайет обнаружил, что двери закрыты и охраняются солдатами. Оказывается, Людовик XVIII распустил палату.

На Францию опускалась белая ночь роялистской реакции. С этого времени 58-летний ветеран революции уединяется в Лагранже. Но уже очень скоро он возобновит борьбу за свободу, на этот раз против режима Реставрации.

ЗАГОВОРЩИК

РЕСТАВРАЦИЯ

Начало второй Реставрации было отмечено широким наступлением клерикально-роялистской реакции, признанным вождем которой считался младший брат короля 58-летний граф д'Артуа. К августу 1815 г. в тюрьмах королевства оказалось 70 тыс. политических заключенных, осужденных за республиканские или бонапартистские настроения. Военные суды и чрезвычайные трибуналы вынесли 10 тыс. обвинительных приговоров. Проводилась основательная чистка административного аппарата, затронувшая 100 тыс. чиновников¹, и командного состава армии. Был расстрелян маршал Ней, перешедший на сторону Наполеона в памятные Сто дней. Жертвой самосуда роялистов в Авиньоне стал маршал Брюн. Маршал Бертье покончил жизнь самоубийством. Из армии были уволены маршалы Даву, Массена, Султ и другие видные военачальники.

Реакция намеревалась покончить с Конституционной хартией и восстановить Старый порядок. Вновь избранная палата депутатов, оставшаяся в истории Франции под названием Бесподобной палаты, оказалась настолько реакционной, что Людовик XVIII по совету главы своего кабинета, друга Александра I герцога де Ришельё и министра полиции графа Деказа, опасавшихся новой революции, вынужден был уже в сентябре 1816 г. распустить ее.

Избирательный закон, опубликованный 5 февраля 1817 г., представлял собой попытку восстановления компромисса между дворянством и крупной буржуазией, зафиксированного в Хартии 1814 г. По этому закону право участия в выборах имели только лица, достигшие 30 лет и уплачивающие не менее 300 фр. прямых налогов (т. е. обладающие состоянием не менее 45 тыс. фр.). Это означало, что из 33 млн французов только 80 тыс. человек имели право голоса. Право быть избранными получили лица не моложе 40 лет, платящие налоги в размере 1000 фр. (их число не превышало 18 тыс. человек).

Тем не менее ультрароялисты в своих нападках на кабинет Ришелье утверждали, что избирательный закон недостаточно ограждает интересы аристократии. Новый взрыв недовольства с их стороны вызвало прекращение в сентябре 1818 г. оккупации союзниками территории Франции, которого сумел добиться через Александра I герцог де Ришелье, в недавнем прошлом одесский генерал-губернатор. Роялисты опасались, что «преждевременный» уход союзников усилит позиции противников Реставрации. Нападки на Ришелье, объявленного «опасным либералом», приняли столь острый характер, что он вынужден был подать в отставку.

«Французская революция, — отмечал В. И. Ленин, — хотя ее и разбили, все-таки победила, потому что она всему миру дала такие устои буржуазной демократии, буржуазной свободы, которые были уже неустранимы»².

Выборы, состоявшиеся в октябре 1818 г., завершились избранием в палату 23 либералов. Их список возглавлял генерал Лафайет. Несмотря на активное противодействие властей, он был выдвинут кандидатом сразу от двух избирательных округов и одержал блестящую победу над своими противниками. В конце 1818 г. 60-летний Лафайет вернулся к политической деятельности, заняв место на депутатской скамье как представитель департамента Сарт. Время не изменило его, он остался столь же энергичным и твердым в своих убеждениях, как и в молодые годы.

Людовик XVIII с крайним неудовольствием воспринял избрание в парламент своего давнего противника. Парижане оспаривали друг у друга право присутствовать на гостевых скамьях при торжественном открытии палаты депутатов. Те, кому повезло, с любопытством рассматривали двух пожилых мужчин, олицетворявших враждебные миры — революцию и контрреволюцию. Ультрароялисты сжимали от ненависти кулаки, когда 22 марта 1819 г. ветеран революции поднялся на трибуну и потребовал восстановления попранных свобод. «Сегодня, как и 30 лет назад, — говорил Лафайет, — Франция все еще не обрела свободы и покоя. Она выражает свое возмущение всем, что задерживает наше продвижение к намеченной конституционной цели...»³

С этого дня — и в течение шести лет — в палате звучал голос Лафайета, обличавший реакцию. Его разящие удары по режиму всегда достигали цели. Его

холодный сарказм приводил в бешенство роялистов и клерикалов. Лафайет в эти годы едва ли не самый популярный оратор палаты. Хотя справедливости ради отметим, что палата депутатов времен Реставрации имела мало общего с Национальным собранием эпохи Великой французской революции, где каждый третий (если не второй) депутат блистал ораторским талантом. Иные времена, иные люди...

Лафайет не ограничивался активной парламентской деятельностью. Он не упускал случая, чтобы и за пределами палаты возбуждать общественное мнение против Бурбонов. Со своей стороны роялистская реакция выбрала Лафайета своей главной мишенью. В палате роялисты всякий раз устраивали ему обструкцию, мешали выступать, даже оскорбляли его. Реакционные газеты, и прежде всего «*Ami du Roi*» («Друг короля»), щедро изливали на Лафайета ядовитую желчь.

Письма Лафайета к американским друзьям, относящиеся к этому периоду, полны грустной иронии и сожаления о «тяжелых временах», вместе с тем в них звучит твердая вера в социальный прогресс. Тяжелые тучи реакции могут, конечно, задержать на время зарю свободы, но они бессильны помешать восходу солнца.

13 февраля 1820 г. произошло событие, использованное реакцией для развязывания открытого белого террора. Вечером этого дня парижский ремесленник Лувель убил у входа в «Гранд-Опера» племянника короля, сына графа д'Артуа, герцога Беррийского. Это убийство развязало руки оголтелой реакции, усилиями которой пал «умеренный» кабинет Деказа. Вслед за этим началось наступление на остатки свобод, гарантированных Хартией: были существенно расширены и без того большие права цензуры, срочно подготовлен новый избирательный закон, имевший целью увеличить представительство в палате депутатов крупных землевладельцев за счет средней буржуазии. Французский гражданин опять превращался в подданного короля, а Франция — в полуабсолютистское государство с полицейским правительством.

Лафайет с тревогой наблюдал за резким поворотом вправо. Но роль наблюдателя никогда не устраивала его, тем более в кризисные моменты. И Лафайет одним из первых устремился на защиту попранной демократии. Он принял самое активное участие в создании

«Общества за свободу печати». Протестуя против полицейского террора, Лафайет говорил с трибуны палаты 8 марта: «Вопрос поставлен четко: с одной стороны, революция со всеми ее моральными, политическими и материальными достижениями, с другой – контрреволюция с ее привилегиями и угрозами... Господа! Тридцать три года назад, на Ассамблее нотаблей в 1787 г., я потребовал отмены «lettres de cachet»; сегодня я голосую против их восстановления»⁴. «Повиновение может быть только законному порядку, а не угнетению, – говорил Лафайет в палате спустя несколько дней, – потому что деспотизм, под какой бы маской он ни скрывался, есть самый наглый из всех возможных мятежей...»⁵

Когда в июне 1820 г. в палату был внесен законопроект, еще больше ограничивающий избирательное право, Лафайет подверг его беспощадной критике. «Этот закон, – заявил он, – есть не что иное как объявление войны на смерть всем завоеваниям Революции. Роялисты хотят окончательно покончить с началом свободы и равенства. С ними может быть один только способ разговора – из дула ружья»⁶.

В течение 1820 г. Лафайет многократно выступал по таким вопросам, как демократизация избирательной системы, защита индивидуальных свобод от полицейского произвола, отмена цензуры, реорганизация Национальной гвардии на демократических началах и т. д. В обстановке разгула клерикально-роялистской реакции, поставившей целью вытравить из памяти народа само воспоминание о революции, Лафайет дерзко напомнил: «Революция – это победа права над привилегией; революция – это эмансипация и развитие человеческих способностей, это возрождение народов...»⁷

Подавляя легальную оппозицию, режим Реставрации не оставлял ей иной возможности продолжения политической борьбы, кроме подполья. «Партия трехцветного знамени, ссеченная в палате к бессильному меньшинству, – отмечал в связи с этим профессор Ш. Сеньобос, – отказалась от агитации законными средствами и стала готовить революцию»⁸.

Затишье во Франции, как и в Европе, достигнутое стараниями Священного союза и его вдохновителя князя Меттерниха, было обманчивым и недолговечным. Под покровом этого внешнего спокойствия в Мадриде и Пе-

тербурге, Неаполе и Амстердаме возникают многочисленные тайные организации (венты) — общества карбонариев, подготовившие революции в Италии и Испании. Имя Лафайета пользовалось среди европейских карбонариев высоким уважением. На своем нелегальном съезде Общество карбонариев избрало Лафайета членом Верховной венты и Верховного исполнительного совета. «Торжество реакции в 1820 г. окончательно бросило его в ряды заговорщиков, — отмечал русский историк французского либерализма В. А. Бутенко. — Лафайет и в эпоху Реставрации оставался всецело человеком XVIII века, полным филантропических идей времени Людовика XVI и поглощенным в воспоминания о борьбе американцев за независимость и о великодушных нравах французского общества в 1789 г. Человек безукоризненно нравственный в своей частной жизни и беззаветно преданный идее свободы, он был для (либеральной. — П. Ч.) партии живым воплощением лучших моментов великой революции, славным генералом Национальной гвардии 1789 г. И его роль в партии именно была ролью ветерана 1789 г.»⁹.

Замок Лафайета в Лагранже превратился в один из центров движения карбонариев. Сюда сходились нити многих заговоров. Здесь скрывались те, кого усиленно разыскивала полиция. Во времена Реставрации, вспоминал видный историк той поры Ф. Гизо, Лафайет «находился в рядах крайних ее противников. С 1820 по 1823 г. он был если не главой, то во всяком случае душой и украшением всех тайных обществ, всех заговоров, всех планов свержения...»¹⁰. «Если Лафайет, — отмечал его биограф, — который в ущерб себе и в ущерб делу свободы, всегда сражался с открытым лицом, вдруг в 65 лет окунулся в конспирацию, то этим он обязан исключительно своим противникам»¹¹.

Из Лафайета получился плохой конспиратор. Он мало заботился о своей безопасности. Крупный парижский банкир Лаффит, политический противник Бурбонов, посвященный в дела Лафайета, однажды заметил ему: «Вы — статуя, которая ищет себе пьедестал. Вас даже мало заботит, если это будет эшафот»¹². «Я уже много пожил, — сказал по этому поводу Лафайет, — и мне кажется, что я достойно смог бы завершить мой жизненный путь на эшафоте, как жертва свободы». Это не было пустое бахвальство, в принци-

не чуждое сдержанной натуре Лафайета. Эшафот в те годы отнюдь не стал достоянием истории. Королевские суды и военные трибуналы нередко выносили смертные приговоры противникам режима.

Ламартин как-то заметил, что идеи произрастают на человеческой крови. Свобода, подобно мифическому Минотавру, во все времена забирала лучших людей, по большей части молодых и благородных.

...Несмотря на усилившиеся репрессии, революционное движение во Франции не ослабевало. К концу 1821 г. общая численность карбонариев в стране достигла 50–60 тыс. Был подготовлен план общенационального восстания, которое должно было начаться 1 января 1822 г. в крепости Бельфор. Лафайет принимал самое активное участие в разработке этого плана. Он думал о путях развития Франции после свержения Бурбонов. В его бумагах сохранились три записки, относящиеся к 1821–1822 гг., которые Лафайет, судя по всему, готовил для тайных съездов карбонариев. В этих записках он выступает с позиций 1791 г., когда была принята первая конституция Франции. Лафайет пишет о восстановлении департаментских свобод и децентрализации, обосновывает необходимость многопартийной системы и принятия демократического избирательного закона, высказывается за всеобщую воинскую повинность и свободное избрание офицерского и унтер-офицерского состава Национальной гвардии и т. д.¹³ Лафайет лично участвовал в нелегальных совещаниях заговорщиков, проходивших в Париже.

Когда подготовка восстания была завершена, Лафайет покинул Лагранж и в сопровождении своего сына отправился в Бельфор для того, чтобы возглавить вооруженное выступление. В тот самый момент, когда его карета выезжала со двора замка, в нее на полном ходу вскочил старый слуга Лафайета Бастьен.

«— В чем дело?! — воскликнул Лафайет.

— Я и мой сын, мы рискуем жизнью. Ты подвергаешь себя смертельной опасности, и мой долг — предупредить тебя об этом.

— Пусть вас это не беспокоит. Я знаю, что делаю, и я буду вместе с вами, поскольку разделяю ваши убеждения»¹⁴.

Лафайету и его спутникам оставалось проделать два десятка километров до намеченной цели, когда

они встретили двух молодых людей на взмыленных лошадях. Это были студенты де Корсель и Базард, посланные предупредить старого генерала, что заговор раскрыт, а его главные участники арестованы. Лафайет изменил маршрут и вскоре неожиданно объявился в доме своего коллеги по палате депутатов Мартэна, у которого провел несколько дней, после чего возвратился в Лагранж.

Арестованные заговорщики отвечали упорным молчанием на все вопросы следователей относительно генерала Лафайета. Ни один из них не выдал его.

Вслед за Бельфором провалились и другие центры подготавливавшегося восстания — в Марселе, Тулоне, Туаре. Их руководители, в числе которых были генералы Бертон и Дюпон, были казнены. В сентябре 1822 г. был раскрыт «заговор сержантов» в Ларошели. Четыре сержанта 45-го полка — Бори, Губен, Помье и Рауль — были казнены. Один из сержантов, Бори, был тесно связан с Лафайетом и неоднократно бывал у него, но он не выдал следствию генерала.

Лафайет предпринял попытку спасти четверых сержантов от ожидавшей их смертной казни. Комендант тюрьмы, в которой они содержались, согласился устроить им побег при условии, что он получит 70 тыс. фр. золотом и возможность выехать в Америку. Лафайет мобилизовал все свои ресурсы и предоставил 40 тыс.; остальные 30 тыс. собрали друзья и единомышленники приговоренных к смерти. В момент, когда происходила передача собранных денег, неожиданно нагрянула полиция и арестовала всех участников встречи. Как оказалось, комендант тюрьмы был полицейским провокатором. И вновь, в который раз, властям не удалось получить формальные улики против Лафайета, причастность которого к заговорам карбонариев не вызывала у правительства сомнений. Но одно дело — подозрения, другое — конкретные доказательства, дающие возможность организовать показательный судебный процесс. В течение 15 лет, вплоть до Июльской революции 1830 г., Лафайет ни разу не был предан своими единомышленниками, хотя нелегальная оппозиция намечала его в качестве главы Временного правительства после свержения Бурбонов.

Не имея возможности начать прямое преследование Лафайета, правительство Людовика XVIII ограничилось публичным осуждением его и некоторых других депута-

тов оппозиции за их «дурное» влияние на молодые, горячие головы.

Открытая схватка правительства и оппозиции произошла весной 1823 г. в связи с военной интервенцией Франции против революционной Испании с целью восстановления там феодально-абсолютистского режима свергнутых революцией испанских Бурбонов. Депутаты оппозиции решительно осудили вмешательство Франции в испанские дела, а правительство со своей стороны добилось лишения депутатского мандата Манюэля — одного из главных оппозиционных ораторов, рисовавшего в своих выступлениях картины кровавого террора, творимого Бурбонами в Испании.

4 марта 1823 г. председатель палаты получил приказ вывести из зала заседаний под конвоем депутата Манюэля за его «оскорбительное» поведение. В момент, когда наряд Национальной гвардии приступил к своим обязанностям, неожиданно прозвучал гневный голос 66-летнего Лафайета: «Что вы делаете? Вы бесчестите Национальную гвардию!»¹⁵ Гвардейцы пришли в замешательство, а начальник караула сержант Мерсье растерянно и виновато смотрел на основателя Национальной гвардии, возвышавшегося над ним словно живой памятник революции. Под гневным взглядом генерала сержант совершенно растерялся, а затем приказал наряду покинуть зал заседаний, оставив Манюэля на его скамье. Депутаты оппозиции скандировали: «Да здравствует Национальная гвардия!» Среди депутатов правительственного большинства началась настоящая паника. Председатель палаты послал за жандармами, которые и вывели Манюэля из зала. Вслед за своим товарищем зал заседаний покинули все депутаты оппозиции, предводительствуемые Лафайетом.

На следующий день правительственный официоз газета «Монитёр» опубликовала сообщение о том, что приказом командира 4-го легиона Национальной гвардии полковника Полиссара сержант Мерсье и его товарищи подвергнуты наказанию. Оппозиционная «Конститусьонель» 9 марта опубликовала протест Лафайета, отметившего «прекрасное поведение месье Мерсье и его достойных товарищей» и осудившего «незаконные» действия властей в отношении национальных гвардейцев¹⁶.

На основании закона о цензуре правительство предъявило главному редактору «Конститусьонель»

обвинение в «косвенном подстрекательстве к бунту» за публикацию протеста Лафайета. Редактору грозило тюремное заключение. Тогда Лафайет взял на себя одного всю ответственность за публикацию. Он потребовал, чтобы наказали его, а не журналиста. Однако двор и правительство испугались открытой «дуэли» с человеком, чьи твердость и решительность были общеизвестны. Его можно попытаться обмануть (это не раз удавалось), но не запугать. В конце концов правительство отступило, отказавшись от преследования редактора «Конститусьонель».

А Лафайет продолжал борьбу. Выступая перед избирателями в марте 1823 г., он говорит: «Во Франции... нет больше никаких свободных выборов — ни муниципальных, ни административных; не существует ни свободной печати, ни независимого судопроизводства, ни национального представительства; всех этих гарантий, данных в 1789 и 1791 гг., более не существует. Правительство пошло по пути предшествовавших режимов, укрепления институции императорского деспотизма...»¹⁷ В письме к президенту США Дж. Монро от 25 ноября 1823 г. Лафайет говорил об «узурпации прав народа» Бурбонами¹⁸.

На очередных выборах в палату депутатов, состоявшихся в феврале 1824 г., победу одержали ультрароялисты. Либералы получили в новой палате только 19 мест (из 430). Правительство мобилизовало все средства для того, чтобы не допустить переизбрания Лафайета. В конечном счете ему удалось провести своего кандидата в округе, где баллотировался Лафайет.

После шести лет напряженной борьбы Лафайет вновь уединился в Лагранже. Людовик XVIII мог наконец вздохнуть спокойно. Он не будет более видеть и слышать своего давнего врага.

Родные и близкие генерала, разумеется по другим причинам, едва скрывали свою радость в связи с возвращением Лафайета в круг семьи, хотя, зная его характер, опасались, что, лишенный парламентской неприкосновенности, он может стать легкой добычей для «правосудия».

Эти опасения разделяли и американские друзья Лафайета, никогда не терявшие контакта с ним. Они хотели оторвать Лафайета, хотя бы на время, от французских дел. Президент Монро от имени Конгресса и

всей нации направил Лафайету приглашение посетить Соединенные Штаты и непосредственно увидеть плоды революции, которой он оказал столько услуг. Президент просил своего почетного гостя самому назвать европейский порт, куда будет послан американский военный корабль для доставки Лафайета в Новый Свет¹⁹.

Для Лафайета, наблюдавшего в Европе повсеместное попрание свободы и демократии, Соединенные Штаты были тогда единственным демократическим государством в мире, и он не мог отказать себе в удовольствии совершить поездку в страну его молодости. Не дожидаясь, пока правительство и Конгресс США завершат необходимые приготовления, и, опасаясь, что возраст может помешать осуществлению его планов, Лафайет 13 июля 1824 г. поднялся в Гавре на борт простого торгового судна, направляющегося в Америку. В этой четвертой, и последней, поездке в США Лафайета сопровождали сын Жорж Вашингтон, секретарь Левассер и верный камердинер Бастьен²⁰.

Поездку в Америку Лафайет рассматривал как передышку перед новыми сражениями, которые, как он был убежден, ожидали его во Франции. Передышка эта продолжалась чуть более года — ровно столько, сколько он пробыл в Америке, где набрался физических и душевных сил.

16 августа 1824 г. витрины магазинов и окна домов Нью-Йорка буквально сотрясались в честь «гостя нации» от звуков салюта, раздававшихся с форта Лафайет. Героя Американской революции встречали вице-президент США, мэр Нью-Йорка и сотни жителей города. Четыре дня в Нью-Йорке продолжались торжества. Пышные банкеты на тысячи кувертов неожиданно напомнили Лафайету голодную зимовку в Вэлли-Фордж.

Из Нью-Йорка Лафайет начал свою продолжительную поездку по Соединенным Штатам, сопровождаемый почетным эскортом из ветеранов Войны за независимость. Он еще раз убедился в разительном контрасте двух миров — полуабсолютистского Старого Света и буржуазного Нового. Здесь Лафайет встретил свое 67-летие.

Решением Сената и палаты представителей в знак признания выдающихся заслуг генерала Лафайета перед Соединенными Штатами ему было предоставлено в ка-

честве дара 200 тыс. долларов. Кроме того, ему и его наследникам передавался в вечное пользование земельный участок на одной из освоенных на Западе земель. Различные штаты, принимавшие Лафайета, соперничали друг с другом в гостеприимстве.

Лафайет навестил в Маунт-Верноне племянника Вашингтона; его часто можно было видеть у могилы своего друга. Он познакомился и с новой столицей США — городом Вашингтоном. На том месте, где полвека назад шумели леса, теперь возвышались Белый дом и Капитолий — резиденции президента и Конгресса.

Узнав о приезде своего давнего друга, восьмидесятилетние Томас Джефферсон и Джон Адамс поспешили встретиться с ним. Ветераны вспоминали прошлое и размышляли о будущем Америки.

Лафайет заложил первый камень в основание памятника другому своему другу — барону Кальбу, павшему на поле боя за независимость США.

26 сентября 1824 г. в Нью-Джерси произошла встреча Лафайета с его давним и добрым знакомым Жозефом Бонапартом, проживавшим после Ватерлоо под именем графа де Сюрвилле на берегу Потомака в собственном имении с двумя дочерьми и зятем. Пока Жорж Вашингтон вел светский разговор с младшей дочерью Жозефа, Лафайет и Бонапарт в соседней комнате вели неторопливую беседу за отборным французским коньяком ²¹.

В Америке Лафайет встретил Рождество впервые за долгие годы не в комнате покойной жены. Но и здесь он не забывал о ней. В письмах дочерям, внукам и правнукам он сожалел, что переживает свой триумф в Америке без Адриены.

5 марта 1825 г. Лафайет посетил город в Северной Каролине, названный его именем. Затем он отправился в Чарлстоун, к Хьюггеру-младшему, своему незадачливому похитителю из ольмюцкой тюрьмы.

В ночь на 8 мая 1825 г. Лафайет чуть было не погиб во время испытания последнего чуда техники — парохода — на реке Огайо. Небольшой пароход налетел на огромное затопленное дерево и стал быстро тонуть. Лафайета едва успели посадить на спасательную шлюпку, но весь его багаж, включая личные вещи, многочисленные подарки, путевые дневники, безвозвратно погиб. Лафайет порывался вернуться на тонущее судно для того, чтобы спасти до-

рогую для него реликвию — табакерку Вашингтона. С большим трудом его удалось остановить. За табакеркой отправились сын и секретарь. Рискуя жизнью, они все же сумели отыскать ее на пароходе, который уже покинула вся команда во главе с капитаном.

Истек год пребывания Лафайета в Соединенных Штатах. Он стал готовиться в обратный путь. Незадолго до отъезда в честь Лафайета был устроен официальный прием, на котором присутствовали члены Конгресса, вновь избранный президент США Джон Куинси Адамс и два бывших президента — Мэдисон и Монро.

Отметив 7 сентября 1825 г. свое 68-летие, Лафайет на следующий же день отправился в обратный путь. От имени всех штатов его напутствовал мэр Нью-Йорка. Лафайет произнес прощальную речь перед многотысячной толпой, собравшейся на его проводы. Под гром артиллерийского салюта из форта Лафайет он поднялся на борт фрегата, названного по этому случаю «Брендивайн» — в память о первом сражении, где Лафайет пролил свою кровь за независимость Америки.

«Брендивайн» выходит из Гудзонова залива. Лафайет понимает, что навсегда прощается с Америкой. Его охватывает глубокое волнение. Он просит оставить его одного.

Берега уже едва различимы, а на капитанском мостике в полном одиночестве все еще стоит пожилой человек, губы которого чуть слышно шепчут: «Прощай, прощай...»

КАРЛ X

3 октября 1825 г. «Брендивайн» бросил якорь в бухте Гавра. Известие о возвращении Лафайета с быстротой молнии облетело город, жители которого устроили генералу радостную встречу. Полиция оказалась бессильна воспрепятствовать этому стихийному выражению симпатий к ветерану двух революций. Зато ей удалось сорвать аналогичную встречу в Руане, через который проследовал Лафайет. Не заезжая в Париж, Лафайет 10 октября вернулся к себе в Лагранж.

За время его отсутствия во Франции произошли важные перемены. Еще 16 сентября 1824 г. умер Людовик XVIII, и его место на троне под именем Карла X занял 67-летний граф д'Артуа, с которым в юные годы Лафайет гарцевал на манежах Версаля. Ультрароялисты

и клерикалы торжествовали: наконец-то их вождь занял желанный трон.

Карл X с самого начала проявил себя как суверенный монарх, покончив с имевшими место колебаниями своего менее решительного брата. Он не скрывал намерений порвать Хартию, навязанную Людовику XVIII русским императором. «Роялисты, — отмечал Н. Г. Чернышевский, — могли теперь действовать отважнее прежнего благодаря иезуитам, совершенно ослепившим нового короля»²². Первой их крупной победой и одновременно нарушением Хартии стал закон о возмещении бывшим владельцам стоимости национализированной в годы революции недвижимой собственности за счет обложения населения Франции чрезвычайным налогом в 1 млрд франков.

Франция Карла X, управляемая духовенством и полицией, заняла «подобающее» место в европейской системе Меттерниха.

Первое время Лафайет совсем не выезжал из Лагранжа. Он занимался хозяйством и одновременно вел оживленную переписку с многими выдающимися деятелями Старого и Нового Света. Ему писали из Италии, Испании, Бельгии, Польши... В числе его корреспондентов — Симон Боливар. Лафайет радостно приветствовал рождение независимых государств в Латинской Америке — Аргентины, Гватемалы, Колумбии, Мексики, Перу.

Дом Лафайета вновь становится пристанищем для всех преследуемых за политические убеждения. Полиция не рисковала совать туда свой нос. Очень скоро средства, выделенные Лафайету Конгрессом США, будут потрачены на помощь борцам за свободу.

А Лафайету все чаще приходилось хоронить друзей. Сначала княгиню д'Энон, поддерживавшую его в трудные годы заключения, потом генерала Фуа, его соратника по палате депутатов, оставившего семью без средств. Одним лишь призыва Лафайета на могиле друга оказать помощь его детям было достаточно, чтобы сумма общественных пожертвований достигла 1 млн франков. 4 июля 1826 г. одновременно умерли два американских друга Лафайета — Адамс и Джефферсон. Все чаще Лафайета посещали грустные мысли, но природный оптимизм и железная воля не позволяли ему расслабиться и утратить интерес к жизни, а следовательно, и к борьбе. В обстановке наступившей

реакции он не терял надежды, как не терял ее в годы тюремного заточения или в период Империи. У Карла X были все основания сказать о Лафайете тех лет: «Я должен отдать ему справедливость: после 1789 года он изменил своим убеждениям не больше, чем я»²³. В устах фанатичного приверженца дореволюционного режима это была высшая «похвала».

Реакция вела наступление по всем направлениям. В апреле 1825 г. был принят средневековый закон о суровых карах (вплоть до смертной казни) за «преступления» против предметов религиозного культа. 1 млрд франков, собранных с буржуазии и крестьянства, был распределен среди 25 тыс. дворян, бывших эмигрантов.

30 апреля 1827 г. Карл X распустил Национальную гвардию, считавшуюся в роялистских кругах недостаточно надежной, а 24 июня того же года король восстановил цензуру, отмененную под давлением общественного мнения Людовиком XVIII незадолго до смерти. Усилилось влияние клерикалов, и особенно иезуитов, в частности, в системе народного образования. Была закрыта Эколь Нормаль — главное высшее педагогическое учебное заведение Франции. С государственной службы были уволены все противники восстановления цензуры.

Действия ультрароялистов вызывали растущее сопротивление буржуазии. Набирала силы либеральная оппозиция, расширявшая влияние на все социальные слои общества.

В это время Карл X и его правительство совершили грубую ошибку, распустив палату в надежде одержать более убедительную победу на внеочередных выборах. Расчет оказался неверным. На волне всенародного недовольства выборы в палату, состоявшиеся в ноябре 1827 г., принесли победу противникам режима Реставрации. В новой палате оказалось 190 левых депутатов, среди которых и 70-летний генерал Лафайет.

Избрание Лафайета и его появление на парламентской трибуне вызвали неудержимую ярость ультра, для которых он с давних пор был сокрушителем монархических устоев, ответственным за все лишения и унижения, пережитые ими в эмиграции. В начале февраля 1828 г. Лафайет возобновил свою парламентскую деятельность, неумоимо разоблачая авторитарный режим.

Будучи не в силах непосредственно расправиться с Лафайетом, правительство запретило газетам публиковать его выступления и строго карало издателей и редакторов, нарушавших этот запрет.

«Умеренный» кабинет графа Мартиньяка, сформированный после выборов, был принят в штыки как роялистами, так и либералами, что парализовало его действия. Престиж королевской власти, и без того невысокий, падал с каждым днем. Пытаясь его укрепить, Карл X летом 1828 г. совершил поездку по нескольким департаментам, где стараниями префектов его встречали «восторженные» толпы «благодарных» подданных. Король не гнушался никакими средствами, включая лесть, для того чтобы укрепить пошатнувшийся трон. При посещении избирательного округа Лафайета в Мо Карл X спросил префекта, окаменевшего от ужаса: «Не здесь ли, случайно, избирательный округ месье де Лафайета?» И, видя всеобщее замешательство, он нарочито громко заявил: «Я его хорошо знал. Мы с ним одноклассники. Когда-то мы вместе сидели на лошади в версальском манеже, и он был членом моей комиссии в Ассамблее нотаблей. Он оказал нашей семье услуги, которые я не могу забыть» 24.

Попытки Карла X укрепить устой режима успеха не принесли. Окруженный ультрароялистами и иезуитами, стремящийся вернуть страну к временам Старого порядка, Карл X сам приближал день своего падения.

...6 декабря 1828 г. Лафайет писал одному из своих корреспондентов: «Я хотел бы начать приводить в порядок мои воспоминания, но не хватает времени...» 25 В самом деле, он был целиком поглощен активной политической деятельностью. В то время развернулась борьба против попыток ультрароялистов изменить избирательный закон в направлении еще большего ограничения и без того узкого круга избирателей. Лафайет принимал в этой борьбе самое деятельное участие. Одним из первых он потребовал введения всеобщего избирательного права. «Все, платящие налоги, — говорил он, — должны участвовать лично или через своих представителей в государственном управлении» 26.

В августе 1829 г. Лафайет отправился в поездку по Оверни и Дофине, превратившуюся в серию антиправительственных манифестаций. Первоначально он предполагал ограничиться посещением замка своего дет-

ства в Шаваньяке, где проживал с семьей его сын Жорж Вашингтон, но в пути его планы неожиданно изменились. Население городов, через которые проезжал Лафайет, устраивало ему восторженные встречи, демонстрируя тем самым свое отношение и к правящему режиму. На этот раз французы словно состязались с американцами в изъявлении своих симпатий к ветерану революции. Лафайет сразу же почувствовал антиправительственный настрой общественного мнения и не мог не присоединить свой голос к голосам недовольных режимом. В Пюи, где в его честь был устроен банкет, Лафайет выступил с речью, в которой сказал: «Будьте уверены, что если существует заговор против общественной свободы, то палата депутатов вместе со всей нацией найдет силы для обуздания заговорщиков» 27.

Выступая на банкете в Гренобле, Лафайет говорил: «Здесь развеялось первое знамя свободы, здесь же найдется, в случае необходимости, и якорь спасения» 28.

Наибольший резонанс получило выступление Лафайета в Лионе 5 сентября 1829 г. «Я нахожусь среди вас в момент, который я назвал бы критическим, — говорил Лафайет, — если бы я не видел повсеместно, где я проезжал, в том числе и в вашем великом городе, этой спокойной и даже презрительной твердости великого народа, который знает о своих правах, чувствует свою силу и будет верен своим обязанностям. Вы можете рассчитывать на меня до моего последнего вздоха» 29. Лафайет подверг резкой критике правительственную политику и существующую избирательную систему. В настоящее время, заявил Лафайет, «едва ли один француз из ста имеет право голоса» 30. Осуждая антидемократическую практику принятия ордонансов, Лафайет заявил, что «ордонансы — это инструмент незаконной власти». «Французская нация узнала свои права, и она сумеет их отстоять», — сказал он в заключение 31.

При дворе это выступление было расценено как объявление войны режиму Реставрации. Роялистско-клерикальные круги убедили Карла X в необходимости покончить со всеми проявлениями умеренности, свойственной кабинету Мартиньяка, и взять жесткую линию.

9 августа 1829 г. главой нового, крайне правого

кабинета был назначен доверенный человек Карла X князь де Полиньяк, махровый реакционер. «Назначение Полиньяка министром, — отмечал Н. Г. Чернышевский в своей работе о режиме Реставрации, — было принято всей Францией как следствие решимости Карла X выйти из границ законности для упрочения колебавшегося господства роялистов» ³².

Новый глава правительства имел весьма слабое представление о стране, которой ему поручили управлять. В девятилетнем возрасте его вывезли из охваченной революцией Франции. Он вырос в удушливо-ядовитой атмосфере эмиграции. Вместе со своим старшим братом Полиньяк принимал участие в заговоре против Бонапарта и более 10 лет провел в заключении. Это был законченный мизантроп, ненавидевший всех и все, что было связано с революцией. С первых дней своего управления Полиньяк заслужил единодушную ненависть со стороны политических противников Реставрации — от демократов и революционеров до умеренных монархистов.

Общественное недовольство обострялось экономической депрессией, ростом безработицы и цен на хлеб. На 1 января 1830 г. во Франции насчитывалось более 1,5 млн человек, имевших право на пособие по бедности. В одном только Нанте насчитывалось 14 тыс. безработных ($\frac{1}{6}$ населения). Заработная плата местных рабочих по сравнению с 1800 г. уменьшилась на 22%. За это время цены на предметы первой необходимости повысились в среднем на 60% ³³.

С весны 1829 г. в ряде департаментов не прекращались крестьянские выступления. Буржуазно-либеральная оппозиция призывала своих сторонников отказываться от уплаты налогов. Рупором либералов стала основанная в начале 1830 г. в Париже К. Каррелем, Л.-А. Тьером и Ф. Минье газета «Насьональ». В либеральных кругах росла популярность молодого историка Ф. Гизо.

Что касается Лафайста, то он в ту пору находился где-то между либералами и республиканцами. Любопытно, что ни герцог Орлеанский, ставший вождем либеральной партии, ни Тьер, ни Гизо в позднейших публикациях не признавали Лафайста «за своего», хотя в июльские дни 1830 г. они всячески демонстрировали свою близость к нему, и, как мы увидим, не без пользы. Зато республиканцы — многие из них ранее

числились в карбонариях — считали Лафайета не только союзником, но и в какой-то степени своим лидером. «В Париже, — отмечал профессор Ш. Сень-обос, — уже существовала небольшая республиканская партия, состоявшая главным образом из студентов и рабочих, малоизвестная, так как у нее не было ни депутатов, ни газет, но она находилась в сношениях с Лафайетом и была готова к борьбе»³⁴. Тесные отношения с Лафайетом поддерживали вожак парижского студенчества Г. Кавеньяк, брат известного в недалеком будущем генерала-карателя, доктор Трела, журналист О. Фабр, будущие руководители буржуазно-демократической революции 1848 г. Л.-А. Гарнье-Пажес, Ж.-Ш. Дюпон де Л'Эр и другие республиканцы, число и влияние которых на рубеже 20–30-х гг. были еще незначительны.

2 марта 1830 г. открылась парламентская сессия. Карл X в своей тронной речи обрушился на оппозицию, угрожая ей расправой за неповиновение. В речи короля содержались прямые указания на его намерение править самовластно, без оглядки на оппозицию и общественное мнение. Лафайет следующим образом прокомментировал выступление Карла X: «Как бы ни было плохо правительство, не в этом корень зла. Король желает управлять самовластно. Его министры даже не советники, а простые орудия. ...Я думаю, что надо быть готовым ко всему»³⁵.

Предостережение 72-летнего Лафайета оказалось пророческим. Стоило палате депутатов 16 марта направить королю адрес, в котором содержалась резкая критика политики Полиньяка, как Карл X объявил ее заседания прерванными до 1 сентября, а 16 мая того же 1830 г. вообще распустил палату и назначил новые выборы. На прощальном банкете 221 депутат оппозиции подписал протест против этого решения, объявленного ими незаконным. Депутаты объявили, что если король не уважает обязательства перед нацией, вытекающие из Хартии 1814 г., то нация со своей стороны может считать себя свободной от верности трону³⁶.

Карл X и Полиньяк, одинаково узко мыслявшие, не желали прислушаться к предостережениям более осторожных сановников против использования в создавшихся условиях методов прямого насилия. А такие предостережения раздавались не только внутри страны, но и за ее пределами. Даже Николай I, известный

ревнитель монархических устоев, неоднократно предупреждал Карла X от покушений на Хартию. Российский посол в Париже граф К. О. Поццо ди Борго в беседе с французским министром М. Курвуазье заметил, что «император Николай усматривает безопасность Бурбонов только в соблюдении Хартии»³⁷.

На аудиенции, данной послу Франции в России герцогу де Мортемару, Николай I говорил, что «нарушение Хартии приведет к катастрофе. Если же король попытается совершить государственный переворот, то вся ответственность за это ляжет на него одного»³⁸.

В таком же духе высказывался и князь Меттерних, заявивший французскому послу в Вене де Райневалю, что «государственный переворот погубил бы династию»³⁹.

Однако призывы к здравомыслию не были услышаны в Тюильри. Карл X в душе оставался все тем же графом д'Артуа, который накануне 14 июля 1789 г. советовал Людовику XVI разогнать Национальное собрание и подавить революционные выступления. Теперь, в мае 1830 г., в ответ на робкие советы немногих министров пойти на компромисс с либеральной оппозицией Карл X, указав пальцем в направлении площади, где был казнен Людовик XVI, заявил: «Я не намерен отступать, как мой несчастный брат. У меня в этом отношении слишком большой опыт»⁴⁰.

Пытаясь разрядить накал политических страстей и отвлечь внимание общественности от внутренних проблем, Карл X санкционировал давно запланированную операцию — захват Алжира. В последних числах мая 1830 г. из Тулона в направлении алжирского побережья вышла огромная французская эскадра, имевшая на борту около 38 тыс. солдат и офицеров. 5 июля, после месячной осады, белое знамя Бурбонов было водружено на бастионах г. Алжира.

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЛАФАЙЕТ! ДОЛОЙ БУРБОНОВ!»

ИЮЛЬСКИЕ ДНИ

Надежды правительства Карла X на колониальные успехи не оправдались. Внутренняя напряженность продолжала нарастать. Выборы в палату, проходившие под грохот орудий французской армии в Алжире, тем не менее завершились убедительной победой оппозиции. Вместо 221 в палате оказалось 274 депутата оппозиции, в то время как число сторонников режима сократилось до 143¹. В числе вновь избранных депутатов был и Лафайет, проводивший лето у себя в Лагранже.

Правительство охватила паника. Крайне правые требовали роспуска только что избранной палаты. Полиньяк, возомнивший себя Жанной д'Арк, всюду рассказывал, что ему явилась Дева Мария и призвала спасти Францию от внутреннего врага. Во время торжественного богослужения по случаю победы в Алжире архиепископ Парижский говорил о необходимости укрепления основ монархии и католической веры в стране. Роялисты советовали королю использовать для подавления антиправительственных выступлений войска де Бурмона, одержавшие победу в Алжире.

Европейские монархии уже порядком утомились от бессмысленной траты сил на спасение Бурбонов. Войны многочисленных антифранцузских коалиций и две оккупации достаточно хорошо познакомили их с независимым характером французского народа, познавшего, что такое свобода. Недаром даже Николай I и Меттерних предупреждали Карла X о невозможности восстановления Старого порядка во Франции. Меттерних не без юмора писал австрийскому послу в Париже графу Алпони: «Я был бы более спокоен, если бы король и князь Полиньяк проявляли побольше беспокойства»².

Однако ультрароялисты не утруждали себя серьезными размышлениями над создавшейся обстановкой. Они толкали Карла X на дальнейшее обострение его конфликта с обществом, приближая тем самым гибель всей

системы. Об их самоуверенности и близорукости свидетельствует хотя бы то, что в момент спровоцированного ультра кризиса в Париже находилось всего лишь 14 тыс. более или менее надежных солдат. Этого оказалось совершенно недостаточно для того, чтобы подавить вспыхнувшее в городе 27 июля 1830 г. стихийное восстание, сразу же переросшее в революцию.

Непосредственным поводом для вооруженного выступления парижан стала публикация 26 июля в правительственной газете «Монитёр» королевских ординансов, по существу отменявших Хартию 1814 г.: распускалась только что избранная палата и вводился новый, реакционный избирательный закон, по которому право голоса предоставлялось почти исключительно крупным землевладельцам; права палаты депутатов существенно урезались, а ее численность сокращалась с 428 членов до 258; цензура получала дополнительные широкие полномочия, сделавшие практически невозможным издание оппозиционных газет. Специальным ординансом герцог Рагузский, он же маршал Мармон, назначался военным губернатором Парижа и командующим войсками Парижского района. Подготовка ординансов проводилась в обстановке полной секретности. Даже маршал Мармон узнал о своем назначении только из публикации в «Монитёр» с опозданием на один день.

Отношение самого Карла X к утвержденным им ординансам было довольно странным. С одной стороны, он как будто понимал ответственность момента, когда, подписывая ординансы, сказал присутствовавшим при этом министрам: «Теперь, господа, мы связаны не на жизнь, а на смерть»³. Но уже на следующий день он совершенно спокойно отправился на охоту в Рамбуйе, что свидетельствовало о явной недооценке им всей серьезности положения. Он даже не отдал распоряжения усилить гарнизон Парижа. Полиньяк тоже проявлял полную беспечность: покинув загородную резиденцию короля в Сен-Клу, он вернулся в свой парижский дом. Беззаботность короля и первого министра передалась и двору.

Маршал Мармон — тот самый Мармон, который в свое время отдал союзникам ключи от Парижа, узнав о своем новом назначении, хотел было подробно ознакомиться с тем, какие обязанности возлагаются на него ординансом, но единственный экземпляр «Монитёр», имевшийся в Сен-Клу, находился в кабинете отбывшего

на охоту короля, а входить в кабинет в отсутствие хозяина было категорически запрещено. Мармону не оставалось ничего другого, как отправиться в Париж и там изучить интересующий его номер «Монитёр». В Париже он почувствовал первые признаки надвигающейся бури и поспешил обратно в Сен-Клу предупредить короля.

— Что нового, Мармон? — поинтересовался Карл X, вернувшийся наконец с охоты.

— В Париже тревожно, сир. На бирже наблюдается резкое падение акций.

— Они поднимутся вновь, — беззаботно заметил дофин, сын убитого герцога Беррийского, присутствовавший при разговоре⁴.

Уставший на охоте король отправился спать, не выслушав даже ежевечернего полицейского доклада, в котором, между прочим, сообщалось, что возбужденная толпа разбила окна в доме Полиньяка, а на улицах Парижа уже пролилась кровь.

Точно так же, как никто до сих пор не знает имени человека, который крикнул 14 июля 1789 г.: «На Бастилию!», никто не знает, кто 27 июля 1830 г. первым бросил клич: «Долой Бурбонов!» Достоверно одно — это сделали не либералы. Скорее всего это были студенты во главе с Годфруа Кавеньяком, которые еще в 1827 г., в момент проведения выборов в палату депутатов, возвели баррикады на улицах Парижа.

Принятие ордонансов было единодушно оценено в Париже как начало государственного переворота, задуманного роялистской реакцией с целью ликвидировать всякую оппозицию и возродить режим абсолютной монархии. Вечером 26 июля депутаты оппозиции и либеральные журналисты собрались в помещении редакции «Насьональ» и составили протест против последних мер правительства, сочтя их противозаконными.

Пока либералы ломали головы над формулировками своего протеста, в Париже разгоралось пламя стихийного вооруженного восстания, в котором самое деятельное участие принимали немногочисленные пока республиканцы. С утра 27 июля между восставшими и правительственными войсками уже велись ожесточенные уличные бои.

А Лафайет, живший в своем замке, еще ничего не знал о событиях, происходивших в столице, до тех

пор пока утром 27 июля Шарль де Ремюза, начинающий писатель, женатый на внучке Лафайета, не доставил в Лагранж «Монитор» от 26 июля. Одного лишь взгляда достаточно было старику, чтобы оценить всю серьезность положения. Он немедленно приказал закладывать экипаж и устремился в Париж.

Когда вечером 27 июля старый мятежник появился на поле сражения, войска маршала Мармона занимали главные площади города, а население окраин воздвигало баррикады. Лафайет сразу же отправился к своему коллеге по палате Одри де Пюираво, в доме которого собрались депутаты, находившиеся в тот момент в Париже, — всего человек тридцать. Это было странное общество — смесь открытых оппозиционеров и видных представителей режима: банкир Лаффит, генерал Себастиани, герцог де Шуазель, маршал Лобо, генерал Жерар, несколько пэров, редакторы оппозиционных газет...

Пока в доме Пюираво шли жаркие дебаты, на Больших бульварах, площади Карусель и улицах Сент-Антуанского предместья лилась кровь. Лозунг «Долой Бурбонов!» сразу же нашел горячую поддержку у парижан, особенно у жителей рабочих окраин. Словно грибы после теплого июльского дождя, выросли сотни баррикад. Солдаты Мармона не успевали разрушать одни, как появлялись другие баррикады. Из окон на головы продвигавшихся по узким улочкам правительственных солдат падала мебель, лилась кипящая вода. В конце концов Мармону пришлось вывести войска из рабочих предместий и сосредоточить их в центральной части города, вокруг Тюильри и Лувра.

Стихийное выступление парижан хотя и обрадовало «представителей нации», терявших время в бесплодных дискуссиях, но в то же время и напугало их. Правые либералы все еще надеялись на компромисс с троном и не решались поддержать лозунг «Долой Бурбонов!». Казимир Перье предложил начать переговоры с Мармоном об условиях прекращения кровопролития. Он выдвинул единственное условие — отмену ордонансов от 26 июля и отставку Полиньяка.

Лафайет решительно отверг идсю Перье. Он считал, что нужно направить Мармону ультиматум о немедленном прекращении огня и выводе войск из города. «Разворачивающиеся события, — говорил Лафайет, — не позволяют более ограничиваться строгими рамками за-

конности; речь идет о революции. Необходимо сформировать временное правительство»⁵. Единственный из присутствовавших на совещании Лафайет произнес слово «революция». Прибыв в Париж, он сразу же понял, что 27 июля здесь началась именно революция, а не обычные волнения.

Тем временем по городу распространились слухи о том, что Карл X бежал и власть перешла к Временному правительству с участием Лафайета, генерала Жерара и Шуазеля. Когда эти слухи дошли до дома Пюираво, испуганные депутаты во главе с Перье, Гизо и Тьером потребовали их немедленно и публично опровергнуть. Праволиберальная оппозиция в критический момент оказалась неспособной на решительные действия. Ее страшил союз с вооруженным народом. Решимость придет к ней чуть позже, когда уже никто не будет сомневаться, что дни и даже часы режима Реставрации сочтены. Именно в этот момент верхушка буржуазии поспешит воспользоваться плодами победы, одержанной народом на баррикадах.

Тогда же, днем 28 июля, подавляющее большинство ее представителей, собравшихся в доме Пюираво, испуганию реагировали на предложение Лафайета, который заявил, что «готов возглавить восстание при условии, если присутствующие дадут на это согласие»⁶. «Но, — добавил он, — если до завтрашнего дня я не получу согласия, то буду считать себя свободным и буду действовать от своего имени»⁷. Последние слова Лафайета вызвали настоящий переполох у депутатов, прервавших свои дискуссии. Заседания были перенесены в дом Лаффита на Вандомской площади. Большинство все еще отказывалось вступить в контакты с инсургентами.

Узнав о приезде Лафайета, маршал Мармон с санкции Полиньяка подписал ордер на арест 73-летнего генерала. Лафайет понял, что напрасно теряет время среди своих респектабельных коллег. Он покинул дом Лаффита и отправился на баррикады — туда, где решалась судьба Франции. Появление ветерана революции в стане восставших было встречено восторженными приветствиями: «Да здравствует Лафайет! Лафайет с нами!» Эта новость с быстротой молнии облетела восставший Париж. Одно его имя вызывало волну дезертирств в правительственных войсках. Отдельные подразделения уже вечером 28 июля начали переходить на

сторону народа, которому так недоставало в тот момент авторитетного руководителя. Стихийно восставшими парижанами двигали скорее эмоции, нежели политическое сознание. Они менее всего думали о взятии власти. Республиканцы, сражавшиеся в первых рядах, были малочисленны, а их вожаки в большинстве своем люди совсем молодые и неопытные. «Беда в том, — отмечает советский историк Н. Молчанов, — что у них (у республиканцев. — П.Ч.) тоже не было не только конкретной политической программы, но и простого плана действий на ближайшие дни. Все сводилось к вдохновляющему призыву: «Долой Бурбонов!»» 8

Весь вечер 28-го и ночь с 28 на 29 июля Лафайет провел на баррикадах, давая советы неопытным в военном деле рабочим и студентам, поощряя их на продолжение борьбы до победного конца. Как он представлял себе эту победу? Как и большинство бойцов в те дни, он мало думал о том, что будет после. Главное — свергнуть ненавистный режим Бурбонов. В отличие от многих депутатов палаты Лафайет отвергал возможность компромисса с Карлом X. Он настаивал на его отречении, но не знал, что это произойдет так скоро, и потому оказался неподготовленным к последующему развитию событий, чего нельзя сказать об умеренных либералах.

Когда ранним утром 29 июля Лафайет вернулся в дом Лаффита, там все еще продолжались дискуссии; тон задавали генерал Себастиани, молодой Гизо, которому Лафайет помог получить депутатский мандат, и совсем юный Тьер, начинающий журналист из «Насьональ». Депутаты все определеннее склонялись в пользу герцога Луи Филиппа Орлеанского, давно претендовавшего на роль вождя всей либеральной партии.

Сын активного деятеля 89-го года Филиппа Эгальто, бывший национальный гвардеец и офицер в штабе Северной армии Лафайета, участник сражения при Вальми, близкий одно время к Дантону, Луи Филипп после казни отца долгое время зарабатывал на хлеб преподаванием французского языка и географии в Швейцарии и США. После 1815 г. он продолжал играть в демократа, давая понять, что не забыл свою юность, прошедшую под трехцветным знаменем. Луи Филипп держался в стороне от двора, терпеливо выжидая своего часа, когда он сможет занять трон.

Как только 27 июля в Париже начались волнения. Луи Филипп благоразумно исчез из города. Никто, кроме ближайших родных и друзей, не знал его местонахождения. Не ввязываясь в события, он предоставил действовать своим сторонникам (орлеанистам), ожидая, когда желанная власть, как спелое яблоко, сама упадет к его ногам.

С раннего утра 29 июля уличные бои между восставшими и правительственными войсками возобновились с новой силой. Рвение солдат Мармона, одетых в полную форму, парализовала не только невиданная, буквально тропическая жара, но и, что более важно, нежелание сражаться за непопулярных Бурбонов. Мармону стоило больших усилий выбить инсургентов из собора Парижской Богоматери, над которым развевалось трехцветное знамя.

Некоторые историки утверждали, что, если бы Карл X, вместо того чтобы отсиживаться в Сен-Клу, лично возглавил подавление восстания в Париже, режим Реставрации мог быть спасен. С этим мнением трудно согласиться, так как оно явно недооценивает того огромного потенциала общенационального недовольства и даже ненависти к Бурбонам, который сделал неизбежной Июльскую революцию. Подобное предположение, по-видимому, основано на том, что трудно было найти более непопулярную фигуру для подавления восстания, чем маршал Мармон.

Действительно, личность герцога Рагузского с давних пор вызывала единодушное презрение у парижан, не забывших, как поднятый Наполеоном из неизвестного лейтенанта в маршалы Франции Мармон, словно Иуда, продал союзникам и свою шпагу, и своего императора, и Париж. В разговорном языке парижских окраин в те годы бытовал глагол «raguser», служивший синонимом подлого предательства.

Итак, лагерь правящего режима в дни горячих июльских схваток олицетворял Мармон, а лагерь восставших — Лафайет. Сравнение было явно не в пользу герцога, а, как известно, в дни революций авторитет и нравственный облик вождей противоборствующих сторон имеют не меньшее значение, чем численность и вооружение их армий.

Еще до того как Лафайет публично объявил о своем присоединении к восстанию, в Париже широко распространились слухи, будто он призвал под знаме-

на распущенную Карлом X Национальную гвардию. В различных районах Парижа начали собираться бывшие национальные гвардейцы, ожидавшие лишь приказа начать действовать. Кто мог отдать им такой приказ? Разумеется, только генерал Лафайет.

Когда Лафайет узнал о стихийном воссоздании Национальной гвардии, он, не колеблясь, согласился возглавить ее. «Господа, — заявил он депутатам, продолжавшим заседать в доме Лаффита, — сегодня утром (29 июля. — П.Ч.) я узнал о моем назначении командующим Национальной гвардией. Я убедился в том, что воля большого числа граждан обязывает меня согласиться не как депутата, а как человека и возложить на себя эту миссию... Старое знамя 89-го года может принести пользу в тех серьезных обстоятельствах, которые мы в настоящее время переживаем. Атакуемые со всех сторон, мы обязаны защищаться...»⁹

Заявление Лафайета вызвало замешательство среди депутатов. В это время прибывший в дом Лаффита офицер сообщил, что восставшие готовы к штурму Лувра и Тюильри, но у них недостаточно сил и опытных командиров. Наступило молчание. Его нарушил Лафайет: «Не думаете ли вы, что в минуту чрезвычайной опасности бездействие совместимо с моей прошлой жизнью и с моим характером? Нет, мое поведение и в 73 года будет таким же, каким оно было в 32. Я чувствую, что представители палаты бездействуют. Мне же как гражданину долг предписывает отдать себя общему делу»¹⁰.

Решимость Лафайета не на шутку испугала либералов. Все знали о симпатии к нему республиканцев и о его близости к ним. Кто знает, как повернется развитие событий, если старый генерал окажется под влиянием Годфруа Кавеньяка и радикально настроенных студентов Политехнической школы?

Приближение конца Бурбонов, которое почувствовали наконец собравшиеся в доме Лаффита, и реальная угроза упустить власть из своих рук вернули представителям буржуазии способность мыслить и действовать. Орлеанисты не желали оставлять всю инициативу старому демократу.

Лафайета неожиданно поддержал Гизо. «Безопасность Парижа зависит от решимости почтенного генерала», — заявил он и предложил сформировать мунци-

ципальную комиссию для обеспечения обороны и снабжения революционного Парижа ¹¹. Лафайет продолжал настаивать на формировании Временного правительства, но его предложение отклонили.

В учрежденную муниципальную комиссию вошли пять депутатов — Казимир Перье, граф де Лобо, Шонен, Одри де Пюираво и Могюэн. Генерал Лафайет был утвержден в должности главнокомандующего Национальной гвардией. «В условиях возбуждения, которое царит на улицах, — говорилось в резолюции, — важно, чтобы генерал Лафайет предстал перед гражданами и принял командование над Национальной гвардией» ¹².

Орлеанисты, и прежде всего Тьер, пытались назначить на пост главнокомандующего войсками Парижского гарнизона генерала Жерара, поставив его над Лафайетом. Они уже не скрывали своей боязни неисправимого старого мечтателя.

Однако профессиональный вояка, слабо разбиравшийся в политике, неожиданно спутал карты своим друзьям-политикам. Жерар заявил, что будет счастлив служить под началом Лафайета. Оба генерала одновременно покинули дом Лаффита и отправились в Ратушу. По дороге они встретили два королевских гвардейских полка, перешедшие на сторону восставших. Узнав Лафайета и Жерара, солдаты устроили в их честь импровизированный салют.

При звуках ружейной стрельбы депутаты с криками «Измена! Нас пришли арестовать!» мгновенно разбежались по комнатам. Многие попрятались в саду за густым кустарником, где просидели до тех пор, пока не выяснилось, что солдаты пришли заявить о присоединении к восстанию. Вошедшие в дом офицеры, к своему удивлению, обнаружили лишь необычайно бледного Лаффита, которого страх буквально приковал к председательскому креслу. Узнав о цели визита, старый банкир принял подобающее выражение лица и выразил от имени палаты признательность солдатам и офицерам за их патриотизм. Тем временем сконфуженные депутаты один за другим возвращались в зал заседаний, на ходу поправляя сбившиеся галстуки.

А в это время Лафайет осматривал в Ратуше кабинет, куда он впервые вошел как хозяин 41 год назад. «Не утруждайте себя напрасно, я хорошо знаю этот дом», — говорил он неведомо откуда взявшимся добровольным проводникам с угодливыми улыбками ¹³.

Вскоре из этого кабинета во все районы Парижа разошелся приказ:

«Мои дорогие сограждане и храбрые товарищи!

Народ Парижа оказал мне честь, призвав меня вновь возглавить его вооруженную силу. С преданностью и радостью я соглашаюсь на это, и, как в 1789 году, я чувствую в себе силы от поддержки моих коллег, собравшихся сегодня в Париже. Я не буду излагать моих убеждений. Они известны. Мужество парижан в эти дни испытаний наполняет меня гордостью от сознания того, что я поставлен во главе их. Или Свобода победит, или мы погибнем вместе.

Да здравствует Свобода! Да здравствует Родина!»¹⁴

Вторым приказом, помеченным тем же 29 июля 1830 г., генерал Лафайет призвал всех офицеров Национальной гвардии немедленно прибыть в Ратушу для получения соответствующих указаний. «Унтер-офицеры и национальные гвардейцы должны собраться по первому удару в барабан», — говорилось в приказе¹⁵.

На следующий день Лафайет обратился с призывом ко всем городам Франции формировать отряды Национальной гвардии и выступить в поддержку восставшего Парижа.

«С его приходом, — отмечал историк Июльской монархии П. Тюрро-Данжен, — Ратуша стала центром восстания: сюда поступали все новости и петиции; здесь принимали депутации; отсюда расходились прокламации и приказы. Лафайет был организатором всего этого движения; он дал ему имя, но не направление...»¹⁶ Последнее замечание маститого историка подразумевало тот бесспорный факт, что Лафайет, сыгравший огромную роль в Июльской революции, был не в состоянии определять ее политическое направление. Здесь сказался и возраст. Но главное — неопределенность его политического идеала: республиканизм был окрашен в монархические тона. Наконец, сама должность Лафайета предполагала, что он обязан заниматься исключительно военными вопросами, а вопросы политического характера находились в компетенции муниципальной комиссии, предусмотрительно созданной у него под боком дальновидным Гизо. По мере того как все более очевидным становилось неминуемое падение Бурбонов, либеральные депутаты обретали смелость и энергию. Возложив на себя функции распушенной пала-

ты, либеральная фракция все более определенно выражала законодательные претензии. Лафайет же с того момента, как обосновался в Ратуше, не принимал участия в заседаниях палаты, довольствуясь информацией о принимаемых ею решениях и выполняя ее указания.

Появление Лафайета в Ратуше было с радостью встречено восставшими. На площади перед Лувром многочисленная толпа вооруженных парижан скандировала: «Да здравствует Лафайет! Долой Бурбонов!»

Однако торжествовать победу днем 29 июля было бы преждевременно. Мармон еще удерживал Тюильри и часть Лувра, а также другие опорные пункты в центральной части города. Вместе с ним находился князь Полиньяк. Все атаки восставших были отбиты. Они несли большие потери.

Даже Мармон понял, что режим можно попытаться спасти только отменой злополучных ордонансов. Одно-го за другим он посылал курьеров в Сен-Клу с призывами к королю объявить о возвращении к Хартии, но Карл X упрямо твердил: никаких уступок. Аналогичную позицию занимал и Полиньяк; ее не поколебал даже переход на сторону восставших части правительственных войск. «Мы пропали, — говорил маршалу Мармону офицер, посланный им к Полиньяку. — Наш первый министр не понимает даже французского языка. Когда я ему сказал, что войска братаются с народом, он мне ответил: «Ну что ж, надо стрелять также и по войскам»» 17.

В ожидании подкреплений Мармон приказал сконцентрировать линейные войска во дворе Лувра и Тюильри, чтобы попытаться «уберечь» их от «революционной инфекции». Участвовавшие случаи перехода солдат и офицеров на сторону восставших всерьез беспокоили Мармона. Он еще не знал, что часть правительственных войск, находившаяся в других районах Парижа, под влиянием революционной пропаганды самовольно покинула город, а на улицах появлялось все больше вооруженных мужчин в форме распущенной три года назад Национальной гвардии. В четверг 29 июля, во второй половине дня, восставшие окружили Лувр и Тюильри в ожидании приказа к штурму.

Единственной надежной опорой трона оставались швейцарские наемники, набранные в германоязыч-

ных кантонах. В отличие от солдат французских линейных войск швейцарцы равнодушно стреляли в восставших парижан из дворцовых окон.

По ошибке приказ Мармона собраться во внутреннем дворе был передан и швейцарцам, которые покинули свои импровизированные амбразуры.

...В лагере восставших шныряло множество мальчишек, послуживших Виктору Гюго прототипами в создании его знаменитого Гавроша. Один из них — Пьер-Шарль Петит-Пэр, сбежавший в те дни из приюта, — увидел своим зорким глазом, что окна Тюильри опустели. Любопытство взяло верх над осторожностью, и парижский гамен ловко поднялся по водосточной трубе с целью заглянуть в покои короля. «Народ! Народ в Тюильри!» — в ужасе закричал швейцарец, первым увидевший силуэт ребенка на фоне сгущавшихся сумерек. Этот вопль пробудит у швейцарцев воспоминания об ужасных рассказах их уцелевших соотечественников о памятном 10 августа 1792 г., когда восставшие парижане ворвались в Тюильри. Среди швейцарцев началась невообразимая паника, охватившая и французских защитников дворца. Мармон был не в силах ее прекратить.

Услышав беспорядочную стрельбу внутри дворца, инсургенты начали штурм Тюильри. Когда над Парижем опустилась ночь, над королевским дворцом уже развевалось трехцветное знамя революции. Мармону с небольшим отрядом едва удалось вырваться из кольца окружения.

В ночь с 29 на 30 июля вся власть в городе фактически перешла к главнокомандующему Национальной гвардией, которому подчинялся и Парижский гарнизон. Победивший народ соглашался выполнять лишь приказы, подписанные генералом Лафайетом.

Победители, в лохмотьях и по большей части босые, вошли во дворец Карла X. Завтра они окажутся в такой же бедности, но сегодня ни один из них не протянул руку к окружавшим его сокровищам. Даже копия герцогини Ангулемской, племянницы короля, набитая золотыми дукатами, осталась неприкосновенной. Ничто не осквернило памяти парижан, погибших за дело революции. К слову сказать, герой штурма Тюильри Петит-Пэр остался жив. Он был ранен в руку и упал из окна с криком «Да здравствует Хартия! Да здравствует Франция!». Врачам удалось спасти жизнь

ставшему знаменитым на весь Париж гамену, но руку все же пришлось ампутировать.

А Лафайет встретил утро 30 июля в душной, набитой людьми Ратуше. Его осаждали со всех сторон французы и иностранцы, требующие выдать им заграничные паспорта. Здесь же ждали приказаний командиры частей и подразделений, сустились представители гражданских властей...

А Карл X спокойно спал в Сен-Клу, не ведая, что он перестал быть сувереном Франции. Накануне вечером он наконец, поддавшись на уговоры, согласился отменить злополучные ордонансы, а заодно отправить в отставку Полиньяка. Новым главой правительства был назначен герцог де Мортемар, бывший посол Франции в Петербурге.

Герцог немедленно отправил в Париж своего личного представителя де Сюсси, поручив ему прежде всего встретиться с Лафайетом и склонить его к поддержке нового правительства.

Тогдашний адъютант Лафайета Бернар Сарран, автор двухтомной биографии генерала, оставил подробное описание этой встречи. Прибыв в Ратушу, де Сюсси попросил Лафайета о конфиденциальной беседе. «Я здесь среди моих друзей, от которых у меня нет секретов», — ответил Лафайет и, распечатав пакет, вслух прочитал письмо герцога Мортемара, извещавшее об отмене ордонансов и призывавшее к верности трону.

— Итак, что мы на это ответим? — обратился Лафайет к присутствовавшим.

— Никаких сделок! Довольно! — раздались единодушные крики десятков людей.

— Вы слышите? — спросил Лафайет посланца Мортемара.

— Слишком поздно ¹⁸.

Потерпев неудачу в Ратуше, эmissар Мортемара устремился к дому Лаффита, где собрались депутаты распушенной палаты. Даже теперь, после победы восстановленного народа, либералы все еще не решались порвать с Карлом X. Одни, после того как король пошел на уступки, предлагали возобновить сотрудничество с тронем. Другие настаивали на полном разрыве с Карлом X. Эти последние действовали в пользу представителя младшей ветви Бурбонов — герцога Орлеанского. Пользуясь слабостью республиканцев, орлеанисты

начиная с 29 июля резко активизировали свои действия. Стремясь помешать достижению согласия палаты с королем, один из лидеров орлеанистов, Тьер, 30 июля распространил прокламацию, в которой говорилось: «Карл X не может более вернуться в Париж, он пролил потоки народной крови. Республика приведет нас к страшным раздорам, она рассерит нас с Европой. Герцог Орлеанский — принц, преданный делу революции... Это король-гражданин. Он освятил огнем национальные трехцветные цвета, он один только может их носить. Он ожидает выражения наших желаний. Провозгласим эти желания, и он примет Хартию, как мы этого всегда желали. Он получит свою корону от французского народа»¹⁹.

Орлеанисты сделали все, чтобы палата отвергла предложения эмиссара из Сен-Клу. После короткой дискуссии Лаффиг от имени депутатов заявил де Сюсси: «Война объявлена. Карл X более не король Франции»²⁰. Сменить короля и сохранить монархию — таков был смысл действий орлеанистов в июльские дни 1830 г.

Отказ восставшего народа, Ратуши и палаты признавать его власть вынудил Карла X пойти на последнюю из возможных уступок. Он объявил, что готов отказаться от трона в пользу своего малолетнего внука — герцога Бордоского, сына убитого в 1820 г. герцога Беррийского. Ловкий маневр короля вызвал новые раздоры в стане либералов. Их правая фракция во главе с К. Перье изъявила готовность принять предложение Карла X. Орлеанисты, не отвергая на первых порах такую возможность, настаивали на регентстве Луи Филиппа Орлеанского, которого Лаффит предложил объявить «наместником королевства».

Наиболее горячие молодые головы из числа республиканцев, окружавших Лафайета в Ратуше, убеждали генерала провозгласить республику, а себя — ее президентом. «Популярность, — с улыбкой отвечал своим юным друзьям старый Лафайет, — как и всякое сокровище, должна расходоваться только в интересах Отечества»²¹. Он прекрасно сознавал, что полная энтузиазма вооруженная толпа в любой момент может провозгласить его президентом или диктатором. Кто-нибудь другой, наверное, мог бы поддасться соблазну, но только не он — неисправимый идеалист. Лафайет по-прежнему убежден, что ни отдельная личность, ни

группа вооруженных людей, ни даже Париж не имеют права навязывать всей стране ту или иную форму государственного устройства. Это право принадлежит только нации в целом в лице ее законно избранных представителей. Опять, как в 1791–1792 гг., законник победил в Лафайете революционера.

Справедливости ради следует напомнить, что республиканский лагерь в июле 1830 г. далеко уступал по силе и влиянию как роялистам, так и либералам. Кроме студентов, мало кто в те дни произносил слово «республика». Даже убежденный республиканец Беранже – народный поэт Франции – подал в те дни голос за герцога Орлеанского. «Вскормленный идеями республиканскими... – вспоминал впоследствии Беранже, – я считал тогда необходимым, в силу обстоятельств, ничем не преодолимых, поступить против своих убеждений ради общественного блага. Это было результатом пятнадцати лет размышлений»²².

Сходными мотивами руководствовался тогда и Лафайет. В свои 73 года он не мог не думать о близком конце. Что же станет с республикой да и с самой Францией после его смерти? Имеет ли он право взять на себя одного ответственность за ее судьбу? Эта мысль не давала покоя все эти дни, и, как ни старался он представить себе радужную картину, здравый смысл подсказывал ему ужасную перспективу гражданской войны и иностранной интервенции.

А деловая жизнь в столице четвертый день была полностью парализована. Никто не работал. Не выдавались деньги, не заключались сделки. Буржуазия все более настойчиво требовала наведения порядка: биржа не может функционировать, пока в Париже нет устойчивой власти.

Парижане с надеждой смотрели на Ратушу; Лафайет и муниципальная комиссия – на Бурбонский дворец, куда днем 30 июля из дома Лаффита перебралась палата депутатов, а та в свою очередь была занята лихорадочными поисками герцога Орлеанского.

Орлеанисты были обеспокоены затянувшимся «правлением» Лафайета в Ратуше. Никто из них не мог поручиться, что старик вместе с Кавеньяком не провозгласит республику.

Наибольшую активность проявлял Тьер, который поддерживал через курьеров тайную связь с Луи Фи

липпом, скрывавшимся в своем охотничьем доме в Нейи — на полдороге между Парижем и Сен-Клу. Здесь он получил срочный вызов от Тьера немедленно прибыть в столицу: яблоко созрело и готово упасть к ногам герцога. Луи Филипп не заставил себя долго ждать и уже в ночь с 30 на 31 июля тайно прибыл в свой парижский дом. Здесь он принимал многочисленных агентов, действовавших все эти дни в его пользу. Все они настойчиво советовали герцогу выйти из тени. Решающим оказалось слово престарелого Талейрана, к которому обратился за советом осторожный Луи Филипп. «Нужно соглашаться!» — ответил многоопытный политикан ²³.

Луи Филипп заверил Тьера и генерала Себастиани, что готов действовать. Тьер отправился составлять текст обращения герцога к нации, а терзаемый сомнениями Луи Филипп на рассвете 31 июля тайно принял первого министра — герцога Мортемара. Он все еще не верил в окончательную победу народа и со страхом думал о возможных последствиях своего преждевременного выступления на стороне революции. «Если вы увидите короля раньше, чем я, — дрожащим голосом говорил Луи Филипп герцогу Мортемару, — то скажите ему, что меня силой доставили в Париж, но что я скорее дам разрубить себя на части, чем позволю водрузить на мою голову корону» ²⁴.

Мортемар едва не прослезился от слов коварного Орлеана. Покидая Луи Филиппа, он унес спрятанное под галстуком письменное обязательство будущего «наместника королевства», в котором, между прочим, говорилось: «Если в этом ужасном беспорядке случится так, что меня заставят принять титул, которого я никогда не добивался, то, Ваше Величество, Вы должны быть уверены, что я приму всякую власть только временно и только в интересах нашего дома, в чем беру на себя формальное обязательство перед Вашим Величеством» ²⁵.

Мортемар уже предвкушал удовольствие, которое он доставит Карлу X, отсиживавшемуся в Сен-Клу, как к нему неожиданно явились посланцы Луи Филиппа и потребовали вернуть письмо, адресованное свергнутому королю. Это был результат вмешательства Гизо и Тьера, узнавших утром 31 июля о малодушии наместника королевства и уговоривших его любой ценой изъять компрометирующий документ у Мортемара. Вместо вер-

ноподданнического обязательства теперь уже бывший глава кабинета должен был передать Карлу X настоящий совет неоявленного наместника как можно быстрее покинуть Францию, дабы избежать встречи с восставшими парижанами, которые намерены двинуться на Сен-Клу.

Утром 31 июля Луи Филипп подписал обращение к населению Парижа, составленное умелой рукой Тьера. Дело подавалось таким образом, что герцог вынужден откликнуться на волеизъявление представителей нации, т. е. депутатов, собравшихся в Бурбонском дворце. «Я не колебался, — утверждал в обращении к парижанам Луи Филипп, — приняв решение разделить вашу судьбу; присоединиться к героическому населению и употребить все мои усилия для того, чтобы не допустить гражданской войны и анархии. Вернувшись в город Париж, я с гордостью надел эти победоносные цвета, которые вы вернули к жизни и которые я сам носил когда-то. Вскоре должны собраться палаты; они позаботятся о средствах, способных обеспечить соблюдение законов и сохранение прав нации» 26.

Сорок лет, прошедшие со времени первой французской революции, изгладили из памяти простых парижан «революционные заслуги» сына Филиппа Эгалитэ. Для подавляющего большинства он был таким же Бурбоном, как и Карл X. Многие с трудом отличали «младшую ветвь» от давно прогнившего ствола, ведь боевым лозунгом восставшего Парижа в течение пяти последних дней был «Долой Бурбонов!».

Поэтому либеральной прессе и ораторам пришлось изрядно потрудиться на ниве пропаганды «исторических» заслуг и личных достоинств наместника королевства. Одновременно из того же источника велась кампания против республиканцев. Запугивая обывателя самым словом «республика», либеральная пропаганда напоминала ему о комитетах общественного спасения, о терроре, о гильотине, об иностранной интервенции. Все это вновь ожидает Францию, если ей сумеют навязать республику, внушали своей аудитории орлеанисты. Единственное спасение от неизбежной гражданской войны и интервенции — Луи Филипп, герцог Орлеанский, который только и может обеспечить стране конституционные свободы и признание со стороны европейских дворов. Его «революционное прошлое» и

принадлежность к дому Бурбонов дают эту двойную гарантию.

В Ратуше декларация герцога Орлеанского встретила более чем холодный прием. Студенты и рабочие — герои баррикад, составлявшие окружение Лафайета, выражали возмущение неожиданной вылазкой ловкого герцога. «Назначение герцога Орлеанского вызвало живую оппозицию у июльских бойцов», — вспоминал адъютант Лафайета Б. Сарран²⁷. Они видели в нем все того же Бурбона. Револьюционная молодежь считала, что нужно либо немедленно провозгласить республику, либо в самые короткие сроки провести национальный референдум о будущем государственном устройстве Франции.

Оживились бонапартисты, требуя возведения на престол 19-летнего сына Наполеона и Марии-Луизы, проживавшего в Вене.

Вожди орлеанистской партии понимали, что без одобрения Лафайета все усилия Луи Филиппа будут бесплодны. Гизо, Тьер и Лаффит советовали ему добывать корону в «пасти льва», т. е. у враждебно настроенной Ратуши. Только Лафайет мог склонить возбужденных и — что самое главное — вооруженных парижан к поддержке Луи Филиппа. Но захочет ли он? Этого никто не знал, и в первую очередь сам Луи Филипп.

Отношение Лафайета к пятидесятилетнему герцогу было скорее сдержанным, нежели враждебным. Он не питал к нему той глубокой неприязни, какую некогда испытывал по отношению к его отцу, но и особых симпатий Луи Филипп у него не вызывал. По существу Лафайет не встречал его с тех пор, как расстался с 19-летним офицером в Северной армии в далеком 1792 году. К Орлеанам же Лафайет всегда относился с подозрением, зная об их затаенном желании основать собственную династию.

Лафайета продолжали обуревать сомнения, которые усиливались от постоянного давления на него и орлеанистов и республиканцев. Утром 31 июля его посетил в Ратуше муж его внучки Шарль де Ремюза, который поставил вопрос ребром: «Либо сохранится монархия, и герцог Орлеанский будет королем; либо учредят республику, и вы будете ее президентом. Готовы ли вы взять на себя такую ответственность?»²⁸ Генерал не ответил, но в душе он уже принял решение.

Поскольку малочисленная республиканская партия, которой он симпатизировал, не могла выдвинуть из своей среды ни одной авторитетной фигуры национального масштаба, кроме его собственной, и поскольку обе палаты — депутатов и пэров — уже одобрили кандидатуру Луи Филиппа в качестве наместника королевства, старый генерал после долгих колебаний решил поддержать ее, но при условии, что герцог гарантирует широкие конституционные свободы.

ПРОГРАММА РАТУШИ

А в это время бледный как полотно Луи Филипп верхом на коне направлялся в Ратушу, с трудом преодолевая еще не разобранные многочисленные баррикады. По мере его приближения к Ратуше все чаще он ловил на себе недоброжелательные взгляды и слышал нелестные отзывы о своей особе. Герцог вздохнул с облегчением, увидев Лафайета, спускающегося ему навстречу по лестнице Ратуши. «Господа, — громко сказал Луи Филипп обступившим их с Лафайетом людям, — вы видите старого национального гвардейца, который прибыл с визитом к своему бывшему генералу»²⁹. Затем в кабинете Лафайета между ними произошел следующий диалог:

— Вы знаете, — начал Лафайет, — что я республиканец и оцениваю конституцию Соединенных Штатов как самую совершенную из всех, какие только существовали.

Герцог, проживший некоторое время в Америке, с энтузиазмом поддержал хозяина кабинета.

— Я думаю так же, как и вы. Невозможно не прийти к этому мнению, проведя два года в Америке.

— Но как вы думаете, созрела ли Франция для такой же системы? — с тревогой спросил Луи Филипп.

— Нет, — ответил Лафайет. — Сегодня французскому народу нужна народная монархия, окруженная республиканскими институтами.

— Это полностью соответствует и моему убеждению, — с радостным облегчением произнес герцог и неожиданно пылко пожал руку Лафайета³⁰. Он заверил главнокомандующего Национальной гвардией в искреннем желании возродить лучшие традиции 1789 г. «Я обещаю посвятить себя счастью Франции», — сказал Луи Филипп, прощаясь³¹.

Лафайет был удовлетворен, будто он получил от будущего короля письменное обязательство. Вложив в руку Луи Филиппа трехцветное знамя, он вывел его на балкон и на виду у многотысячной толпы обнял его. Эта сцена произвела должное впечатление — любящие неожиданные эффекты парижане начали кричать: «Да здравствует Лафайет! Да здравствует герцог Орлеанский!»

Путь к короне для Луи Филиппа был открыт. Осталось лишь принудить Карла X покинуть Францию.

Своей поддержкой герцога Орлеанского Лафайет разочаровал студентов и других героев июльских баррикад, которые взирали на вестерана революции с абсолютным доверием. Когда один из них упрекнул его, что он не провозгласил республику и не стал президентом, Лафайет ответил фразой, которая может быть ключом к разгадке его судьбы: «За свою долгую жизнь я понял, что, когда стоишь перед важным выбором, самое надежное — исключить собственные интересы»³².

Характерно, что критиковали Лафайета в основном рядовые республиканцы. Лидеры партии, как и Лафайет, полагали, что время для республики во Франции еще не наступило. Эту мысль достаточно четко выразил Годфруа Кавеньяк. Когда либеральный депутат Дювержье д'Оран высказал благодарность молодым республиканцам за то, что 31 июля они пожертвовали своими идеалами ради интересов Франции, Кавеньяк возразил ему: «Вы не правы, что благодарите нас. Мы уступили только потому, что у нас не было сил»³³.

Выбор Лафайета в пользу «республиканской монархии» обескуражил наиболее решительных приверженцев республики, но не обманул истинных монархистов, продолжавших считать его «неисправимым республиканцем». Об этом, в частности, свидетельствуют донесения из Парижа российского посла графа К.О. Поццо ди Борго, который был уверен, что своим падением Бурбоны обязаны исключительно республиканцам. «Эта партия, — писал он 8 августа 1830 г., — особенно сильна в столице; она состоит из пылкой и неопытной, но активной молодежи, имеющей влияние на значительную часть населения Парижа и всегда готовой к действиям. Своим вождем она признает г-на де Лафайета...»³⁴

После встречи с герцогом Орлеанским генерал Лафайет подписал два обращения — к французской армии

и к населению Парижа. В них он известил о назначении Луи Филиппа наместником королевства и о данном им обещании вернуться к принципам революции 1789 г. «Призванный палатой наместник королевства был одним из молодых патриотов 89-го года, одним из первых генералов, одержавших победы под трехцветным знаменем, — заверял Лафайет своих сограждан и добавлял: — Свобода, равенство и общественный порядок всегда были моим девизом, которому я останусь верен до конца»³⁵.

Беседа Луи Филиппа с Лафайетом 31 июля, ставшая достоянием гласности, вскоре стала называться «программой Ратуши». Ее смысл сводился к расширению конституционных свобод. Лафайет решительно отрицал приписанные ему впоследствии слова, якобы обращенные к Луи Филиппу: «Вы — лучшая из республик!» Биографы Лафайета считают, что в действительности эти слова принадлежали Одилону Барро ³⁶.

После встречи с Лафайетом Луи Филиппу оставалось убрать последнее препятствие, отделявшее его от трона, — Карла X. Король попытался собрать верные ему войска и двинуть их на Париж, но потерпел неудачу.

Чтобы предотвратить новые вылазки контрреволюции, Лафайет и командующий войсками Парижского гарнизона генерал Жерар вечером 31 июля направили в Сен-Клу корпус в составе линейных войск и батальонов Национальной гвардии. Начальником штаба корпуса был назначен Жорж Вашингтон де Лафайет.

Как только до загородной королевской резиденции дошли известия о приближении революционных войск, герцогиня Беррийская, невестка Карла X, настояла на немедленном отъезде из Франции. В ночь с 31 июля на 1 августа король и его семья спешно покинули Сен-Клу и переселись в Версаль, а оттуда — в Рамбуйе. На следующий день, 2 августа, в Рамбуйе Карл X подписал окончательный акт отречения от престола за себя и за дофина, поручив королевство наместнику — герцогу Орлеанскому. Затем королевская семья отбыла в Шербур, откуда 12 августа отправилась в изгнание в Англию.

3 августа на заседании палаты депутатов и части палаты пэров решался вопрос о пересмотре Хартии 1814 г., навязавшей Франции династию Бурбонов. Из 430 депутатов и пэров в заседаниях участвовали

только 252 человека. Остальных либо не было в Париже, либо они отказались обсуждать вопрос о смене династии. Среди последних подавляющее большинство составляли роялисты — сторонники Бурбонов, называвшие себя отныне легитимистами.

Острые дебаты развернулись и в связи с требованиями ликвидировать наследственную палату пэров.

На этом настаивали левые либералы и республиканцы. В числе самых решительных противников наследственной палаты пэров был и Лафайет. Выступая с трибуны палаты, он говорил: «Будучи приверженцем американской школы, я всегда считал, что законодательный корпус должен состоять из двух палат с соответствующими различиями в их организации. В то же время я никогда не мог понять смысла в существовании потомственных законодателей и судей. Аристократия, господа, — это ненужный ингредиент в государственных институтах. Со всей силой убежденности я высказываюсь за отмену наследственного пэрства...»³⁷

На пятый день дебатов, 7 августа, палаты объявили трон вакантным и обратились к герцогу Орлеанскому с просьбой принять корону. За это высказались 219 человек, против — 33. Всеобщее одобрение вызвало выступление члена палаты пэров виконта де Шатобрена, истого католика, всегда отстаивавшего идею божественного происхождения королевской власти. Осудив нарушение Карлом X Хартии, Шатобриан заявил, что «народ Парижа поднялся не против закона, а в защиту закона»³⁸.

9 августа палаты вновь собрались на совместное заседание, где Луи Филипп должен был быть провозглашен «королем французов». Сам Луи Филипп и два его сына в начале заседания подчеркнуто скромно сидели на простых стульях. Внимательно выслушав текст присяги, который зачитал председатель Собрания, Луи Филипп встал; одну руку он поднял вверх для клятвы, другую положил на левую сторону груди. Он торжественно обещал строго соблюдать условия пакта между ним и нацией. По окончании церемонии герцог Орлеанский направился к трону и занял его. Отныне он король Луи Филипп I. Самые знатные дворяне, некоторые из которых шесть лет назад преклоняли колена в Реймском соборе при передаче Карлу X шпаги, скипетра и других символов

королевской власти, теперь вручали их новому хозяину.

Старый Лафайет был очень доволен. Ему казалось, что наконец исполнилась его давняя мечта — король-гражданин получил корону из рук представителей нации и дал клятву служить общему делу.

В письме одному из друзей, написанном 12 августа 1830 г., Лафайет поделился своими настроениями: «Мы хотели королевской республики, и мы ее добились, я надеюсь на последующие улучшения. Хотелось бы верить, что мы не ошиблись в выборе короля...»³⁹ В другом письме, отправленном в тот же день, он сообщал: «Победа народа была настолько восхитительной, быстрой и полной, что этого не могло себе представить даже самое романтическое воображение... Мужество, разумность, отсутствие корыстолюбия, милосердие по отношению к побежденным. Какой контраст по сравнению даже с первыми днями 89-го года! Наша республиканская партия — хозяйка положения...»⁴⁰

Однако недаром Стендаль сказал о Луи Филиппе, что у него «лукавый и хитрый ум»⁴¹. Очень скоро Лафайет убедился, насколько он обманулся в своих надеждах, обманулся уже в те минуты, когда, поверив герцогу Орлеанскому, обнимал его на виду у восставшего Парижа на балконе Ратуши.

ВETERAN

PAЗPЫB

Как говорил Виктор Гюго, «1830 год — это революция, остановившаяся на полдороге. Половина прогресса, подобие права! Но логика не признает половинчатости точно так же, как солнце не признает огонька свечи.

Кто останавливает революции на полдороге? Буржуазия.

Почему?

Потому что буржуазия — это удовлетворенное вожделение. Вчера было желание поесть, сегодня это сытость, завтра настанет пресыщение.

То, что случилось в 1814 году после Наполеона, повторилось в 1830 году после Карла X»¹.

В этих словах дана если не исчерпывающая, то во всяком случае очень точная оценка Июльской революции во Франции, закрепившей победу буржуазии, а вернее, ее верхушки — финансовой аристократии над дворянством. Устами своего героя господина Левена Стендаль говорил: «...с июльских дней банк стоит во главе государства. Буржуазия вытеснила Сен-Жерменское предместье, а банковские круги — это высший слой буржуазии»². Далеко не случайным был тот факт, что формирование первого правительства Июльской монархии было поручено крупному парижскому банкиру Лаффиту. «Легитимная монархия, — писал К.Маркс в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», — была лишь политическим выражением наследственной власти собственников земли, подобно тому как Июльская монархия — лишь политическим выражением узурпаторской власти буржуазных выскочек»³.

Права победившего класса были зафиксированы в новой Хартии, подписанной Луи Филиппом 14 августа 1830 г., которая существенно расширяла prerogatives палаты депутатов. Была принята новая редакция ст. 14 Хартии — статьи, которую Карл X пытался использовать для осуществления государственного переворота. Новая редакция выглядела следующим образом: «Король делает распоряжения, необходимые для испол-

нения законов, но он никогда не может ни отменять законов, ни разрешать кому бы то ни было их нарушать» 4*.

Таким образом, во Франции официально провозглашалась конституционная монархия. «Переход от абсолютной монархии к конституционной, — отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс в 1850 г. в рецензии на книгу Гизо, — повсюду совершается лишь после жестоких битв и после прохождения через республиканскую форму правления и что даже и тогда старая династия, будучи неприемлемой, должна уступить место боковой узурпаторской линии» 5. В июле 1830 г. Бурбоны вынуждены были уступить власть Орлеанам. Палата пэров сохранилась, но утратила наследственный характер. Имущественный ценз для избирателей снижался с 300 до 200 франков, а возрастной — с 30 до 25 лет для избирателей и с 40 до 30 лет для кандидатов в депутаты. Значительно были ограничены права католического духовенства, которому, в частности, запрещалось владение земельной собственностью. Постепенно прекращалась выплата денежного возмещения бывшим эмигрантам, установленная законом 1825 г. Вводилось местное и областное самоуправление, отменялась цензура. Восстанавливалась распущенная Карлом X Национальная гвардия с выборными офицерами (до капитана) и унтер-офицерами. Она объявлялась не только главной военной силой в стране, но и политическим институтом. Приветствия, которыми национальные гвардейцы встречали короля на смотрах, принято было считать выражением действительных настроений народа.

В связи с этим пост, занимаемый Лафайетом, приобретал очень важное значение, тем более что 2 августа генерал был назначен главнокомандующим Национальной гвардией Франции. «В настоящее время Национальная гвардия создается по всей Франции, — сообщал 14 августа 1830 г. в Петербург Поццо ди Борго. — Это будет вооруженная нация... Месье де Лафайет, ее главнокомандующий, находит удовольствие в республиканских формах и, судя по всему, не намерен отказываться ни от одной из утопий времен своей молодости...» 6

* Старая редакция ст. 14-й гласила: «Король издает правила и указания, необходимые для проведения в действие законов и для безопасности государства».

Первое время Луи Филипп оказывал старому генералу особые знаки внимания. Режим Июльской монархии был еще непрочен, и король нуждался в Лафайете. По указанию Луи Филиппа невиданным в ту пору 600-тысячным тиражом была распространена брошюра о жизненном пути Лафайета. Ее можно было найти во всех читающих семьях Франции, а литографии с изображением Лафайета украшали стены самых бедных лачуг. Лафайет стал важной персоной. С ним искали знакомства, добивались его расположения, перед ним заискивали, ему льстили...

В июльские дни 1830 г. была очень популярна песенка «Парижанка» с таким припевом:

Кто же ведет на гибель врагов
Наши стяги, впитавшие крови цвет?
Это — Свобода Двух Миров
И седовласый Лафайет!*

А что же Лафайет? Он помимо своих обременительных в 73 года обязанностей главнокомандующего Национальной гвардией был поглощен давнишней мечтой — запрещением рабства и работорговли во французских колониях. Он представил в палату соответствующий законопроект и отстаивал его от снисходительной критики своих «благоразумных» коллег, считавших, что время для отмены рабства еще не настало.

Другая идея, захватившая Лафайета, — отмена смертной казни. 17 августа 1830 г. с трибуны палаты депутатов он призвал принять закон, отменяющий смертную казнь во Франции. Он был убежден, что в цивилизованном обществе ей не место. «Какое несчастье, господа, — говорил ветеран революции, — что смертная казнь не была отменена еще Учредительным собранием. Скольких невыносимых страданий мы избежали бы!»⁷ 8 октября 1830 г. он вновь обратился к этой теме, но не встретил поддержки со стороны государственных мужей, не мысливших себе управления государством без такого, проверенного веками инструмента политического господства, как смертная казнь.

Лафайет выступил с предложением воздвигнуть па-

* Пер. Н. Александровой.

мятник четверым сержантам Ла-Рошели — жертвам роялистской реакции.

Не боясь вызвать недовольство, на этот раз в низах — среди вдов, сирот и матерей двух тысяч погибших в июльские дни бойцов, требовавших казни Полиньяка и других министров, Лафайет сделал все возможное, чтобы не допустить самосуда над арестованными представителями свергнутого режима. Везде, где только представлялась возможность, он внушал, что казнь министров Карла X не может воскресить мертвых, что зло, даже «во имя», не способно искоренить зло, что революция должна быть великодушной, что правосудие не может опускаться до мщения и т.д. Бывший узник Ольмюца хорошо знал, на что способны реакционные европейские режимы: под предлогом мести за казнь министров свергнутого «законного» режима они могут принести страдания на голову целого народа.

Мнение Лафайета, хотя и по иным соображениям, разделял Луи Филипп. Он был весьма озабочен проблемой признания своих прав монархической Европой и опасался вызвать ее гнев казнью Полиньяка и других бывших сановников Карла X.

В октябре 1830 г. возбужденные толпы парижан из городских окраин осадили Венсеннский замок, где содержались в ожидании суда бывшие министры. Лишь личное вмешательство главнокомандующего Национальной гвардией предотвратило неминуемую расправу. Когда парижане предприняли попытку ворваться в Пале-Руаяль и вынудить Луи Филиппа отдать им министров, повинных в гибели их родных и товарищей, Лафайет вновь сумел успокоить разгоревшиеся страсти. Он обещал парижанам, что суд над министрами будет строгим и объективным.

Лафайет с радостью встретил революцию в Бельгии и восстание в Польше. Он радушно принимал представителей революционных организаций из самых разных стран, что вызывало растущее раздражение у нового двора, озабоченного поддержанием хороших отношений с Европой. Луи Филипп еще нуждался в Лафайете и потому приказал политической полиции закрыть по меньшей мере один глаз на вызывающее поведение главнокомандующего Национальной гвардией.

И все же один раз король не смог отказать себе в удовольствии дезавуировать неисправимого старика.

Все еще веривший в приверженность Луи Филиппа делу свободы, Лафайет обещал руководителю испанских повстанцев генералу Мина надежное убежище во Франции. Когда же испанский республиканец решил воспользоваться любезным приглашением Лафайета, то король запретил ему въезд во Францию, сославшись на данное якобы ранее обещание Мадридскому двору не предоставлять политического убежища во Франции испанским карбонариям.

Лафайету ничего не оставалось, как извиниться перед испанским генералом. Он послал ему значительную сумму из личных средств для проживания в другой стране.

С тем чтобы подсластить Лафайету горькую пилюлю, Луи Филипп согласился удовлетворить его настойчивую просьбу об амнистии всем политическим заключенным времен Реставрации независимо от их убеждений и партийной принадлежности. Лафайет устроил в королевской резиденции торжественный прием в честь освобожденных и обратился к ним со словами: «Господа политические заключенные!»⁸

Во время открытия процесса Полиньяка и других министров (середина декабря 1830 г.) Лафайет лично доставил их из Венсеннского замка в Люксембургский дворец, куда на время суда он перевел свой штаб. Люксембургский дворец напоминал в те дни осажденную крепость. Лафайету неоднократно приходилось выходить к возбужденному народу и успокаивать его. Процесс, продолжавшийся пять дней, завершился осуждением министров Карла X на пожизненное заключение в крепости Ам, куда их лично доставил Лафайет.

Едва за заключенными затворились тяжелые тюремные двери, Луи Филипп перешел в наступление. Теперь он чувствовал себя достаточно сильным, чтобы обойтись без услуг Лафайета, который мог стать для него опасным. «Король-гражданин» все более откровенно обнаруживал недовольство ограничениями, навязанными ему Хартией 14 августа 1830 г., и желание освободиться от этих ограничений.

Кто мог воспротивиться его намерениям? Прежде всего республиканцы и неисправимый идеалист Лафайет с его Декларацией прав и американской конституцией.

Опасность со стороны республиканцев не представлялась в тот момент Луи Филиппу серьезной, хотя уже

через полтора года он вынужден будет изменить свое мнение. А вот Лафайет во главе Национальной гвардии да в союзе с республиканцами — это была реальная сила, с которой приходилось считаться.

Луи Филипп уже подумывал о том, как избавиться от упрямого старика с республиканскими замашками. Знавший об этих намерениях короля граф К. О. Поццо ди Борго сообщал 26 ноября 1830 г. в Петербург министру иностранных дел К. В. Нессельроде: «Г-н де Лафайет все еще поддерживает идеи и людей первых дней Июльской революции и, к сожалению, оказывает давление на Королевский совет (правительство. — П.Ч.) своим личным влиянием и через некоторых министров — своих креатур. Тем не менее в подавляющем большинстве обеих палат и в здоровой части общества существует недовольство этой тиранией. Король... вынужденный сотрудничать с г-ном де Лафайетом, намерен впоследствии убрать его, как только переживаемый кризис будет пройден. К сожалению, его намерение недостаточно сохраняется в тайне... что может затруднить реализацию этого плана»⁹.

Луи Филиппу не надо было занимать политической ловкости. Он полностью оправдывал характеристику, данную ему Стендалем. Накануне восшествия на престол ловкий герцог сумел оформить дарственную своим детям на громадные родовые имения Орлеанского дома, уклонившись тем самым от выполнения древнего закона, согласно которому все имущество человека, восходящего на французский престол, становится государственной собственностью. Чем дальше, тем больше Луи Филипп представлял не как король-гражданин, а как король-буржуа. «Манеры он усвоил при Старом порядке, а привычки при новом: то была смесь дворянина и буржуа, подходящая для 1830 года... — говорил симпатизировавший ему В.Гюго и очень верно добавлял: — Луи Филипп — это 1830 год, ставший человеком»¹⁰.

По своей природе он не был деспотом, но пережитые потрясения, и прежде всего судьба отца, сложившего голову на эшафоте, предостерегали Луи Филиппа и от неосторожного заигрывания с демократией и демократами. Более всего его волновало будущее основанной им династии. Это также подметил автор «Отверженных»: «В короле Луи Филиппе слишком громко говорило отцовское чувство; высиживание семьи, из

которой должна вылуниться династия, связано с боязнью перед всем и нежеланием быть потревоженным; отсюда крайняя нерешительность, навязываемая народу, у которого в его гражданских традициях было 14 июля, а в традициях военных — Аустерлиц»¹¹.

Луи Филипп с самого начала ощущал недоверие и даже враждебность легитимных монархов Европы, и особенно Николая I, по отношению к себе — королю не Божьей милостью, а милостью Июльской революции. Он делал все, чтобы рассеять это недоверие и обеспечить устойчивость своему трону. Ради этого Луи Филипп шел на самые широкие дипломатические уступки в Европе, стремясь со всеми поладить и всем угодить; этим же он руководствовался и в колониальной политике, характерной особенностью которой была крайняя осторожность и постоянная оглядка на Англию — главного соперника Франции в этой области. Он шел даже на конфликты с банковскими кругами, поддержавшими его. Свидетельством этого служила отставка Лаффита в марте 1831 г. Более того, коварный Луи Филипп немало содействовал последующему разорению знаменитого банкира.

Ущемление демократических завоеваний Июльской революции осуществлялось Луи Филиппом не только для внутреннего укрепления его режима, но и в расчете на соответствующее понимание в Вене, Берлине, Петербурге и Лондоне, т. е. в надежде на упрочение внешних позиций Июльской монархии.

Наивный Лафайет, так и не ставший до глубокой старости искусственным политиком, не понимал всех внутренних пружин политики Луи Филиппа. Но он знал одно: король-гражданин обязан выполнять обещания, данные в Ратуше 31 июля и подтвержденные в Хартии 14 августа. Он хотел верить, что Луи Филипп намерен их выполнять, хотя и видел, что все идет не так, как представлялось.

Лафайет размышлял над тем, как укрепить и расширить завоевания Июльской революции. В своем штабе в Ратуше он составлял записки, которые направлял королю и министрам. В одной из них, продиктованной в ноябре или декабре 1830 г., он сформулировал программу действий на будущее: дальнейшее снижение имущественного избирательного ценза и приобщение в той или иной форме всех граждан к участию в выборах; расширение полномочий местных (коммунальных и

департаментских) органов самоуправления за счет ограничения власти префектов — представителей правительства; проведение выборов в палату депутатов на основе нового избирательного закона; сокращение размера так называемого гражданского листа, т. е. сумм, выделяемых на содержание короля, его семьи и двора; демократизация уголовного кодекса и всего судопроизводства¹².

В то время как Лафайет размышлял над тем, как обеспечить своим соотечественникам более достойное существование, Луи Филипп тщательно готовил план устранения главнокомандующего Национальной гвардией с занимаемого им поста. Расчет был сделан на общеизвестную щепетильность генерала в вопросах гражданского долга и чести.

Заручившись поддержкой в палате пэров, всегда враждебно относившейся к Лафайету, а также большей части министров, король санкционировал реорганизацию Национальной гвардии, важнейшим элементом которой стало ее переподчинение министру внутренних дел с ликвидацией должности главнокомандующего. Подготовка реформы осуществлялась в строжайшей тайне, прежде всего от самого главнокомандующего.

24 декабря 1830 г., через два дня после окончания процесса Полиньяка, в канун Рождества — времени многих важных событий для Лафайета, правительство внесло в парламент законопроект о реорганизации Национальной гвардии, по которому за Лафайетом оставалось пышное, но лишённое всякого реального значение звание «почетного командующего».

Как только Лафайет узнал о внесенном законопроекте, он немедленно подал прошение об отставке, не дожидаясь окончательного решения вопроса. Когда его старые товарищи попытались его отговорить от предпринятого шага, Лафайет ответил: «Нет, нет, я принял решение, мне пора уходить. Я знаю, что действую на Пале-Руаяль как кошмарный сон»¹³.

Получив прошение об отставке, Луи Филипп вызвал к себе генерала и разыграл перед ним настоящую комедию. Он сокрушался по поводу решения, принятого Лафайетом, заранее зная, что тот не сделает обратного хода. В своем лицемерии Луи Филипп дошел до того, что выразил удивление в связи с внесенным законопроектом, сказав, что «еще не читал газет». «Это было ненатурально, неправдоподобно, — писал

об этом эпизоде Н. Г. Чернышевский в своей работе об Июльской монархии, — все знали, что Луи Филипп принимает самое живое участие в государственных делах и что ни одно важное решение не принимается министрами без его согласия... Опять мы видим хитрость, доходящую до оскорбительного двоедушия»¹⁴.

Воспользовавшись вызовом в Пале-Руаяль, Лафайет высказал королю все сомнения и претензии, накопившиеся у него за последние пять месяцев. В ответ на предложение короля принять унижительную для него синекуру «почетного командующего» Лафайет заявил: «Сир, ваша система управления не соответствует более моим принципам... Я вижу, что свобода находится под угрозой, она скомпрометирована, а я не желаю участвовать в обмане...»¹⁵

Король уверял Лафайета, что он заблуждается относительно его намерений, и настойчиво предлагал ему принять почетную должность. Цель Луи Филиппа не вызвала сомнений даже у доверчивого Лафайета — сгладить в глазах общественности неблагоприятное впечатление об отставке популярного генерала, чье нахождение в иерархии режима должно было служить символом верности Июльской монархии идеалам революции 1830 г. Отказ же Лафайета принять предложенное ему звание был бы понят всеми как его переход в республиканскую оппозицию. Именно поэтому Луи Филипп настаивал на своем предложении. Он даже обещал подумать над некоторыми критическими замечаниями Лафайета о его политике. Старый генерал требовал гарантий завоеваниям Июльской революции, но король уклонялся от прямого ответа. Вместо этого он попытался прельстить генерала какими-то личными выгодами — для него, для его сына и внуков. Здесь Луи Филиппу явно изменило чувство реальности; он забыл, что перед ним ветеран трех революций, а не искатель королевских милостей.

«Сир, — твердо заявил Лафайет, — вы делаете слишком много уступок лично мне, но ни одной — интересам общественного блага, а именно о нем, а не обо мне идет сейчас речь... Все для свободы, ничего для меня!» — так резюмировал Лафайет свою позицию и, откланявшись, вышел из кабинета короля¹⁶.

Этот разговор состоялся 25 декабря, а 27-го газеты опубликовали королевскую декларацию следующего содержания:

«Храбрые национальные гвардейцы, дорогие мои соотечественники!

Вы разделите мою скорбь, узнав, что генерал Лафайет нашел нужным выйти в отставку. Я льстил себя надеждой, что он останется вашим командиром, одушевляя ваше усердие своим примером и воспоминанием о великих услугах, оказанных им делу свободы. Его удаление от должности тем огорчительнее для меня, что достойный генерал еще совсем недавно принимал деятельное участие в поддержании общественного спокойствия, которое вы столь благородно и столь успешно охранили при последних волнениях. Потому я утешаю себя мыслью, что сделал все зависящее от меня, дабы предотвратить то, что будет для Национальной гвардии предметом глубокого огорчения, а для меня — истинной печали.

Луи Филипп»¹⁷.

«Но ни эта прекламация, ни тонкость, с какою была ведена вся интрига, не обманули никого, — отмечал Н.Г. Чернышевский, — для всех был ясен истинный ход дела. Ясен был и смысл его: разрыв с Лафайетом был окончательным разрывом с тою частью либералов, которая желала придать Июльской монархии демократический характер. Дюпон-Делёр, единственный представитель этой партии в министерстве, подал в отставку вслед за Лафайетом... Теперь король считал себя уже столь сильным, что не видел надобности беречь для себя опору в монархистах с демократическим направлением»¹⁸.

Вслед за левыми либералами настала очередь умеренных, также недовольных поворотом в политике Луи Филиппа. 13 марта 1831 г. король отправил в отставку правительство Лаффита и поручил формирование нового кабинета лидеру правых либералов Казимиру Перье, считавшему, как Гизо или де Бройль, что революция давно закончилась и что опасность для режима теперь не справа, а слева, со стороны республиканцев и демократов.

В наибольшей степени обманутым оказался простой народ, ощутивший возросшую тяжесть налогового гнета и лишенный, как и прежде, возможности апеллировать к закону и справедливости. «Не для себя с незапамятных времен проливал свою кровь и страдал народ, не для себя, а для других, — писал Генрих Гейне, современник Июльской революции. — В июле

1830 года он доставил победу той буржуазии, которая так же ничтожна, как и аристократия, на чье место она стала, и так же эгоистична... Народ ничего не достиг своей победой, кроме сожалений и еще большей нужды. Но будьте уверены, — пророчески утверждал Гейне, — когда снова ударят в набатный колокол и народ схватится за ружья, на этот раз он будет бороться для себя и потребует честно заслуженной платы» 19.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Обманутый в своих надеждах, семидесятитрехлетний Лафайет не опускает руки и не замыкается в старческом брюзжании. Он начинает новый тур борьбы. Правительство не может предпринять ни одного шага в духе, противоречащем августовским обещаниям, без того, чтобы упрямый старик, пересевший на скамьи левой оппозиции, не появился на трибуне Бурбонского дворца, будто тень забытого прошлого, со своими обличениями, упреками и обвинениями. В своем выступлении в палате 28 января 1831 г. он заявил: «Я уже говорил с этой трибуны, что делю мир только на две категории — угнетателей и угнетаемых; сегодня я хочу к этому добавить, что Европу разделяют два принципа — суверенное право народов и божественное право королей; с одной стороны — свобода, равенство; с другой — деспотизм и привилегии» 20.

Лафайет энергично отстаивал идею всеобщего избирательного права. «Право голоса, — заявил он в палате 24 февраля 1831 г., — не даруется сверху; оно принадлежит всем гражданам, и исключения должны делаться лишь в отношении тех, кто не способен осуществлять это право» 21. Он выступил против сохранения имущественного ценза для избирателей. «Французам, — утверждал Лафайет, — нет никакой необходимости платить по двести франков, чтобы быть здравомыслящими и избирать честных депутатов... Имущество вовсе не гарантия здравого смысла, благоразумия и мудрости... Обучение, — добавил Лафайет, — должно быть свободно... Отечество обязано давать всякому первоначальное образование...» 22

Генрих Гейне, наблюдавший выступления Лафайета в палате депутатов, оставил нам ценное свидетельство: «Лафайет, пожалуй, — самый выдающийся оратор ны-

нешней палаты депутатов, — писал Гейне 19 января 1832 г. — Когда он говорит, он всегда попадает не в бровь, а в глаз, и враги от этого слепнут. Когда надо, когда решается один из великих вопросов человечества, всякий раз поднимается Лафайет, словно юноша, рвущийся в бой. Только тело — слабое и дрожащее, надломленное временем и битвами века, подобно изрубленной и разбитой железной броне; и трогательно бывает видеть, как он плетется к трибуне и, очутившись на ней, на своем старом посту, тяжело переводит дух и улыбается. Эта улыбка, речь и весь облик его, пока он говорит с трибуны, не поддаются описанию. Во всем этом столько прелести и вместе с тем столько тонкой иронии, что чувствуешь себя словно зачарованным каким-то странным любопытством, как бы сладостной загадкой. Не знаешь, что это: утонченные ли манеры французского маркиза или честная прямота американского гражданина. Все лучшее, что было в старом режиме, — рыцарство, вежливость, такт, — дивным образом сливается здесь со всем, что есть лучшего в новой гражданственности, — с любовью к равенству, скромностью и честностью»²³.

В своих частых выступлениях Лафайет неоднократно упоминал о «программе Ратуши», чем приводил Луи Филиппа в крайнее раздражение. Он постоянно делал акцент на слове «гражданин» применительно к королю. В письмах Лафайета, относящихся к 1831-1832 гг., все чаще мелькало выражение «июльская контрреволюция». Одному из своих корреспондентов он писал, что «не желает иметь ничего общего с июльской контрреволюцией»²⁴. «С тех пор как король занял трон, — сообщал он другому, — он стал отрицать свои обещания, данные мне; это, наверно, не очень важно для Франции, но очень важно для меня лично...»²⁵

Лафайет с трибуны палаты активно поддержал революционные выступления в Бельгии, Польше и Италии. Ему было не понятно, почему правительство, приведенное к власти Июльской революцией, не протягивает руку помощи революционерам в других странах. Сначала он не понимал, а поняв мотивы действий Луи Филиппа, боявшегося вызвать недовольство монархической Европы, вознегодовал и подверг его политику самой резкой критике. Лафайет направил послание солидарности в восставшую Польшу и даже изъяснил

готовность лично отправиться туда. Его избрали почетным национальным гвардейцем Польши.

Посол Николая I в Париже, стремившийся предотвратить выступление Франции на стороне восставшей Бельгии, сообщал в Петербург, что «агенты Лафайета тысячами устремляются в Бельгию на помощь инсургентам», что превращает объявленное Луи Филиппом невмешательство в бельгийские дела в фикцию ²⁶.

Растущее народное недовольство режимом Июльской монархии выразилось в ряде вооруженных выступлений, крупнейшим из которых было знаменитое восстание лионских ткачей в ноябре-декабре 1831 г. Восстание было потоплено в крови маршалом Сультом. Кровавые призраки расстрелянных ткачей не давали покоя отзывчивому сердцу старого Лафайета. Он ощущал себя невольным пособником Луи Филиппа и окружавших «народный трон» крупных биржевых спекулянтов. С глубокой грустью он наблюдал, как те, кто еще вчера столь восторженно рассуждали о свободе и равенстве, сегодня, достигнув власти, спешат отгородиться от народа стеной привилегий, которым могли бы позавидовать куртизаны старого Версальского двора. Неужели когда-то он мог принимать за представителей народа всех этих нуворишей с их неистребимой и ненасытной мещанской жадой обогащения и привилегий?

«Лафайет теперь болен от горя, — писал хорошо его знавший Гейне. — Ах, благороднейшее сердце Старого и Нового Света — как мучительно должно оно ощущать этот королевский обман! Тщетно Лафайет напоминал в первое время о «Programme de l'Hôtel de Ville» *, о республиканских установлениях, которые должны были окружить королевскую власть, и подобных же обещаниях. Но его перекричали те болтуны-доктринеры, которые примером английской революции 1688 года хотят доказать, что в июле 1830 года в Париже сражались только за сохранение хартии и что все жертвы и бои имели целью лишь возвести на престол младшую линию Бурбонов взамен старшей, подобно тому как в свое время в Англии все кончилось возведением на престол Оранского дома взамен Стюартов» ²⁷.

...А вокруг один за другим уходили старые

* «Программе городской ратуши». (фр.)

друзья — Латур-Мобур, Бенжамен Констан, генерал Ламарк...

Похороны Ламарка — генерала Империи, непримиримого противника Бурбонов, состоявшиеся 5 июня 1832 г., превратились в мощную антиправительственную манифестацию.

Когда траурная процессия, во главе которой шел Лафайет, достигла Аустерлицкого моста, здесь состоялась стихийная гражданская панихида. После речи, произнесенной Лафайетом, раздались многочисленные призывы, переросшие в один мощный крик: «Ламарка в Пантеон! Лафайета в Ратушу!» В это время показались драгуны, преградившие путь катафалку, который демонстранты хотели доставить в Пантеон. Вспыхнула перестрелка. Студенты поспешили на помощь Лафайету, крайне утомленному четырехчасовым шествием по городу во главе траурной процессии. «Народ, — сообщал в этот день из Парижа Генрих Гейне, — выпряг лошадей и собственными руками, при громких криках одобрения, повез по Бульварам своего старого и самого верного друга. Многие рабочие вырывали из земли молодые деревья и, словно дикие, бежали с ними подле экипажа, которому, казалось, каждую минуту грозила опасность быть опрокинутым этой неукротимой толпой. Говорят даже, будто два выстрела попали в экипаж» 28.

Описание событий того дня дополняет Виктор Гюго: «Тем временем на левом берегу двинулась вперед муниципальная кавалерия и загородила мост, на правом драгуны тронулись от Целестинцев и развернулись на Морландской набережной. Народ, сопровождавший катафалк Лафайета, внезапно заметил их на повороте набережной и закричал: «Драгуны!» Драгуны, с пистолетами в кобурах, саблями в ножнах, мушкетами в чехах при седлах, молча, с мрачно выжидающим видом двигались шагом.

В двухстах шагах от маленького моста они остановились. Фиакр Лафайета достиг их, они разомкнули ряды, пропустили его и снова сомкнулись. В это время драгуны и толпа вошли в соприкосновение. Женщины в ужасе бросились бежать» 29.

Лафайет, к радости его близких, был доставлен домой живым и невредимым. Дом его был окружен многочисленной толпой парижан, ожидавших, что Лафайет возглавит восстание. «Друзья мои, — слабым

голосом отвечал семидесятипятилетний генерал, — найдите место, где можно было бы поставить стул, и я ваш»³⁰. «Лафайет, — отмечал по этому поводу Н. Г. Чернышевский, — выразил согласие присоединиться к ним (инсургентам. — П. Ч.). Но сам он был так дряхл, что не мог ничего сделать без помощи своих приближенных, а они не хотели подвергать опасности его седую голову...»³¹

Насмерть перепуганный Луи Филипп непрерывно спрашивал, не встал ли Лафайет во главе восстания. Конечно, самое лучшее было бы арестовать несносного старика, но как бы это не подлило масла в огонь народного недовольства, уже выплеснувшегося на улицы Парижа...

Вооруженные столкновения продолжались два дня. Лишь к вечеру 6 июня правительственным войскам, численность которых в Париже составляла примерно 25 тыс., удалось оттеснить рабочих и студентов в район улицы Сен-Мартен, где обреченные республиканцы дали свой последний бой.

Восстание было подавлено, но Июльская монархия получила второе после событий в Лионе серьезное предупреждение. С этого времени во Франции наблюдается подъем демократического движения, усиливается влияние республиканцев, все более настойчиво заявляет о себе в качестве самостоятельной силы рабочий класс.

Лафайет принимал самое активное участие в создании и деятельности двух республиканских организаций — Общества прав человека и гражданина и Июльского союза — прообразов республиканской политической партии. После июля 1830 г. Лафайет, по всей видимости, преодолел свои монархические иллюзии и с полным правом мог теперь называть себя республиканцем. Он использовал все случаи для обличения режима Луи Филиппа. Выступая в палате 3 января 1833 г., он говорил о «контрреволюционной тенденции в Июльской революции», прямо указывая на правительство и короля³². «Подлинный республианизм, господа, — провозглашал он с трибуны парламента, — это суверенитет народа... Национальный суверенитет выше любых второстепенных правительственных комбинаций»³³.

А 23 января 1833 г. он отстаивал в палате законопроект о предоставлении пенсий участникам штурма Бастилии. Это было не простое дело, так как мно-

гие депутаты высказывались против материального поощрения «мятежников», утверждая, что 14 июля они направили по «неверному» пути революцию, начавшуюся, по их мнению, созывом Генеральных штатов 5 мая 1789 г. Лафайет решительно отверг эту концепцию, заявив, что «именно народ спас революцию»³⁴. «...Взятие Бастилии, — говорил Лафайет, — сразу же было понято как сигнал к европейскому освобождению, задержавшемуся в силу многочисленных препятствий. Но ничто, — убежденно продолжал ветеран революции, — не сможет в конечном счете помешать ему свершиться»³⁵.

Лафайет не довольствовался парламентской трибуной. В то время в Париже вошло в моду устраивать банкеты, которые быстро приобрели характер политических акций. Лафайета часто приглашали туда, и он всякий раз использовал возможность высказать свое нелицеприятное мнение о правительственной политике. Выступления Лафайета получали широкий общественный резонанс. О них сообщали в свои столицы иностранные послы при дворе Луи Филиппа. Их изучали в Палее Руаяле и в министерстве внутренних дел.

По поводу одного выступления Лафайета на банкете, устроенном немецкими студентами, Меттерних писал австрийскому послу в Париже: «Немецкий банкет, на котором председательствовал герой двух миров, достоин внимания... Теперь уже нет никаких сомнений в том, что центр всех революций находится в Париже. Пропаганда никогда не обнаруживала более наглым образом свои планы и свои надежды»³⁶.

Меттерних не мог быть спокойным до тех пор, пока старый Лафайет будоражит сердца и умы молодежи, пополнявшей ряды революционных бойцов.

Лафайет в те годы — самая популярная фигура в политической жизни Франции, в широких слоях населения. «Его добродушие, — писал в 1832 г. из Парижа Генрих Гейне, — действует даже на детей, и они понимают его величие, пожалуй, еще лучше, чем взрослые... Когда совсем недавно я стоял на углу перед Пантеоном как обычно, созерцая это прекрасное здание, погрузился в думы, маленький овернец попросил у меня су, и я, чтобы скорей отвязаться от него, дал ему монету в десять су. Однако после этого он еще доверчивее приблизился ко мне и спросил: «Est-ce que vous connaissez le général

Lafayette?»*, а когда я ответил утвердительно на этот странный вопрос, на простодушном грязном лице красивого мальчишки изобразилось самое горделивое удовлетворение, и он сказал с забавной важностью: «Il est de mon pays»**. Он, верно, думал, что человек, давший ему десять су, должен быть и почитателем Лафайета, и тут заодно он счел меня заслуживающим того, чтобы отрекомендоваться мне его земляком.

Таким образом, и сельское население проникнуто самым нежным уважением к Лафайету...

Но еще более, чем во всяком другом классе народа, почитание Лафайета господствует, собственно, в среднем сословии, среди ремесленников и мелких торговцев. Они боготворят его...

Да, он Наполеон для «petite bourgeoisie»***, для этих честных платежеспособных людей, для кума-портного и кума-перчаточника, которые днем, правда, слишком заняты, чтобы думать о Лафайете, но зато вечером прославляют его с удвоенным энтузиазмом, так что с уверенностью можно утверждать, что в одиннадцать часов, когда большинство лавок закрыто, слава Лафайета достигает своего апогея»³⁷.

Свое последнее лето 1833 г. Лафайет проводил в Лагранже. Обстановку, окружавшую его, рисует нам все тот же Гейнс, друживший с Лафайетом: «В поместье, где Лафайет проводит лучшее время года, он обычно окружен энергичными юношами и прекрасными девушками. Там гостеприимный стол и приветливые сердца, там много смеются и танцуют, там двор суверенного народа, там может быть представлен всякий, кто является сыном своих деяний и кто не вступал в мезальянс с ложью. И Лафайет там — церемониймейстер»³⁸.

Здесь, в Лагранже, Лафайет встретил свое семидесятишестилетие, здесь же он провел Рождество — как обычно, в комнате Адриены. Отсюда он отправлял письма многочисленным друзьям во Франции и за рубежом. Среди его корреспондентов был Фенимор Купер, с которым он обсуждал вопросы государственного

* «Вы знаете генерала Лафайета?» (фр.)

** «Он мой земляк» (фр.).

*** «Мелкой буржуазии» (фр.).

устройства Америки, Англии и Франции. Последнее свое письмо Лафайет написал 1 мая 1834 г., уже будучи прикованным к постели. Оно было адресовано г-ну Мюррею, президенту Общества освобождения негров в Глазго. Лафайет писал о своей «давней и постоянной симпатии к этому великому делу (запрещению рабства и работорговли. — П.Ч.)»³⁹. Между тем жить ему оставалось всего девятнадцать дней.

В конце зимы Лафайет получил известие о том, что его старый соратник генерал Дюлон убит на дуэли генералом Бюжо. Он немедленно собрался в дорогу — отдать последний долг другу. Весь путь до кладбища Лафайет шел за катафалком с непокрытой головой. Уже на следующий день он почувствовал недомогание. Простуда обернулась пневмонией. Более трех месяцев закаленный в суровых испытаниях организм сопротивлялся болезни. Временами казалось, что болезнь отступила, но неожиданно она возвращалась вновь и производила свою разрушительную работу. Последние дни перед смертью Лафайет находился в полубессознательном состоянии: он уже не говорил и как будто никого не узнавал. В самую последнюю минуту безжизненные руки умирающего стали искать что-то на груди, а губы чуть слышно шептали нечто бессвязное. Сын Лафайета понял последнее желание отца и вложил ему в руку медальон с миниатюрным портретом и локоном волос Адриены, который генерал носил на золотой цепочке шестьдесят долгих лет. Последним усилием холодящая рука поднесла медальон к губам, и прощальный поцелуй стал последним вздохом Лафайета. Это произошло 20 мая 1834 г.

По воле покойного его должны были похоронить на кладбище Пикпюс рядом с мадам Лафайет. Правительство не скрывало удовлетворения: генерал сам освободил его от неприятной обязанности помещать его прах в Пантеон. «Монитор» опубликовал прочувствованный некролог.

Последняя забота, вызывавшая опасения при дворе и в правительстве, была связана с организацией похорон героя трех революций. Полиция опасалась повторения, только в гораздо больших масштабах, истории с похоронами Ламарка. Накануне похорон Лафайета были приняты чрезвычайные меры безопасности.

Отделанный бронзой гроб генерала Лафайета несли польские революционеры-эмигранты, поселившиеся во

Франции после подавления восстания в 1831 г. За гробом шли все маршалы Франции в парадных мундирах. Почетный эскорт Национальной гвардии численностью 3 тыс. человек возглавлял маршал Лобо. Далее шли министры, высшие сановники, депутаты. Море венков и цветов заполнило улицы, по которым следовала траурная процессия. Некая Амабль Тастю, бывшая на похоронах, в тот же день написала стихотворение ⁴⁰:

Посмотри на печальный corteж:

И король

Позавидует здесь гражданину.

Старой Польши и юной Америки

боль

В тихом марше слились воедино.

Пантеона бессмертье не взявший, герой,

Чем обязан он доле завидной?

Императора славой, Вольтера пером

Или кистью искусной Давида?

Нет, душою и плотью, беспечной

судьбой,

Что давалась ему от рожденья,

Заплатил за свои убежденья

И за право быть честным с собой *.

Правительство сознательно придало похоронам Лафайета официальный характер, с тем чтобы ими не воспользовались противники Июльской монархии.

Три плотных кольца линейных войск при полном оружии окружали corteж. Были мобилизованы весь Парижский гарнизон и полки из провинции. Но Национальная гвардия по личному приказу короля была без оружия. «Для того чтобы приблизиться к гробу Лафайета, — писал в «Конститусьонель» Арман Каррель, — пришлось бы выдержать настоящее сражение...»⁴¹ «Число военных было столь внушительно, — отмечал 31 мая 1834 г. в «Ревю де дё монд» Бюло, — что невольно приходила мысль о том, что они здесь не столько для того, чтобы воздать почести умершему, сколько для устрашения живых»⁴².

А так описывал в донесении от 24 мая 1834 г. похороны Лафайета российский посол Поццо ди Борго графу Нессельроде: «Похороны генерала Лафайета про-

* Пер. Н. Александровой.

шли спокойно, под защитой большого количества войск. Если бы он умер при Реставрации, то ему воздали бы по заслугам, как зачинщику волнений, беспорядков и несчастий на протяжении пятидесяти лет. Его партия, прекратившая свое существование после Июльской революции, несомненно, обожествовала бы его, если бы она находилась у власти. Луи Филипп и его министры вынуждены были принести свои лицемерные похвалы на его могилу, для того чтобы не войти в противоречие со своим прошлым...»⁴³

Луи Филипп попытался превратить похороны Лафайета в военный парад, чтобы запугать противников режима. Он забыл, как забывали многие правители до него, старую истину, что штыки и картечь в конечном счете всегда беспомощны перед бессмертной силой мысли и духа.

1848 год еще раз подтвердил эту истину.

«...Мир дивится тому, что некогда жил честный человек, — его место остается вакантным...» — такую запись сделал Гейне в дневнике за 1834 г.⁴⁴

* * *

Генерал де Голль как-то заметил, что нельзя остаться чистым, профессионально занимаясь политикой. Если принять это замечание на веру, то Лафайет — редкий пример политического деятеля, который прошел долгий путь с минимальными издержками для своей совести. Правда, сам Лафайет не считал себя профессиональным политиком. «Мне нередко удавалось производить большое впечатление на возбужденные или предубежденные аудитории, но я никогда не был ни государственным деятелем, ни оратором», — признавался Лафайет ⁴⁵.

Кто знает, может быть, Лафайет сберег свое доброе имя как раз потому, что он не был политиком-профессионалом, несмотря на десятилетия активной политической деятельности? А может, он не стал таковым именно по той причине, что был чистой воды идеалистом, а идеализм, как известно, несовместим с политикой.

Лафайет нередко ошибался в людях и в оценках событий, но ни разу в жизни он не поступился своими убеждениями, сколь бы заманчивые перспективы для его карьеры это ни сулило. Ему было бесконечно чуж-

до вульгарное понимание карьеры как карабканья по ступенькам власти до ее заветной вершины, с которой открывалась опьяняющая возможность властвовать, повелевать, обогащаться...

История изобилует примерами, когда провозглашаемые политическими деятелями высокие идеи и принципы скрывали тщеславие, эгоизм, своекорыстие, равнодушие к людям и к судьбам человечества.

Более 150 лет прошло со дня смерти Лафайета, но он и сегодня остается одним из самых почитаемых национальных героев Франции и США. В чем же секрет бессмертия человека, который не был даже по-настоящему у власти, хотя имел много случаев сделаться диктатором или респектабельным главой государства?

История доказала, что сила Лафайета как раз в том, что всегда считалось его слабостью, в чем его всю жизнь упрекали, одни пренебрежительно, другие с сожалением, — в его идеализме, оставившем пример редкой гражданской нравственности, верности себе и идеалам юности. Всю жизнь, год за годом, день за днем, — в ореоле славы, на белом коне или в полном забвении, в тюремных казематах — он доказывал, что Свобода, Независимость, Справедливость, Равенство — это не пустые фразы и тем более не предметы выгодного торга. Всю свою жизнь он с упорством обреченного опровергал ложную истину, что Господь Бог создал этот мир для немногих избранных, которые только и имеют право пользоваться его благами за счет остальных. «Его вера в триумф Свободы может быть сравнима только с верой набожного человека в загробную жизнь», — писала о Лафайете мадам де Сталь⁴⁶. «Правда, он всегда был односторонен, — добавлял Гейне, — но односторонен, как магнитная стрелка, указывающая всегда на север и никогда, хотя бы для разнообразия, на юг или на восток»⁴⁷.

Когда большинство французов отдают предпочтение Лафайету перед всеми деятелями Великой французской революции, они подтверждают свой выбор в пользу национального единства, демократических свобод и прав человека, отвергая все формы угнетения и тоталитаризма, насилие и раскол нации. Не с этим ли связана и меньшая по сравнению с Лафайетом популярность в современной Франции деятелей 1792–1794 гг., чьи имена идентифицируются с расколом нации и терро-

ром?.. Лафайет — это 1789 год, время надежд и национального согласия. В сущности фигура Лафайета олицетворяет собой не столько даже саму революцию, сколько мечту о ней — мечту о том, какой она могла бы быть, но каковой не стала.

Все знавшие Лафайета, даже его политические противники, отмечали его благородство, доброту, искреннее и глубокое сочувствие униженной части рода человеческого. «А для нас, знающих, что в истории доброта — редкая жемчужина, — утверждал автор «Отверженных», — тот, кто добр, едва ли не стоит выше того, кто велик» ⁴⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

ОТ АВТОРА

- 1 Большая Советская энциклопедия (далее: I БСЭ). М., 1953. Т. 24. С. 367.
- 2 БСЭ. М., 1973. Т. 14. С. 219; Историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 8. С. 489.
- 3 Черкасов П. П. Генерал Лафайет: Исторический портрет. М., 1987.
- 4 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 14. С. 464.
- 5 Там же. Т. 21. С. 20.

ГЛАВА 1

- 1 Rousselot J. La Vie passionnée de La Fayette. P., 1957. P. 11-12.
- 2 Bouillé A. de. Un conseiller de Charles VII le marechal de La Fayette 1380-1463. Lyon, 1955.
- 3 Gaxotte P. Le Siecle de Louis XV. Ed. revue et corrigée. P., 1933. P. 313-357.
- 4 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette, publiés par sa famille. T. 1-12. Bruxelles, 1837-1839. T. 1. P. 20.
- 5 Ibidem.
- 6 Ibidem.
- 7 Ibid. P. 18.
- 8 La Fuye M. de, Babeau E. A. La Fayette, soldat des deux patries. P., 1953. P. 14.
- 9 Русский дипломат во Франции: (Записки Андрея Матвеева). Л., 1972. С. 127-128.
- 10 Там же. С. 129.
- 11 Там же. С. 127.
- 12 Goncourt E. et Z. Les Maitresses de Louis XV. T. 1-2. P., 1860.
- 13 Latzko A. Le Général Lafayette. P., 1935. P. 8.
- 14 Ségur Comte de. Mémoires ou souvenirs et anecdotes. T. 1. P., 1825. P. 21-22.
- 15 Latzko A. Op. cit. P. 8.
- 16 Шиковский Д. Люди и нравы французской революции. Пг., 1922. С. 12.
- 17 Grand Dictionnaire universel du XIX siècle/par Pierre Larousse. T. 2. P., s.a. P. 270.
- 18 Egret J. Louis XV et l'opposition parlementaire 1715-1774. P., 1970.
- 19 Vandal M., Lesourd P. Lafayette ou «Le sortilège de l'Amérique». P., 1976. P. 16.
- 20 Ségur Comte de. Op. cit. P. 44.
- 21 Ibid. P. 23-24.
- 22 Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Mark pendant les années 1789, 1790 et 1791. T. 1-3. P., 1851. P. 64.

- 23 *Ségur Comte de*. Op. cit. T. 1. P. 123.
- 24 Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Mark... T. 1. P. 62-63.
- 25 *Ségur Comte de*. Op. cit. T. 1. P. 122-123.
- 26 *Lasteyrie Mme de*. Vie de Madame de Lafayette. P., 1868. P. 39.
- 27 Ibid. P. 42.
- 28 Ibid. P. 43.
- 29 Ibid. P. 47-48.
- 30 Рокэн Ф. Движение общественной мысли во Франции в XVIII веке. 1715-1789 гг. СПб., 1902. С. 336-337.
- 31 Цит. по: *Geffroy et d'Arneth*. Marie Antoinette. T. 2. P., 1875. P. 231.

ГЛАВА 2

- 1 Faÿ B. Louis XVI ou la fin d'un monde. P., 1966.
- 2 Latzko A. Op. cit. P. 27-29.
- 3 Vandal M., Lesourd P. Op. cit. P. 21.
- 4 Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Mark... T. 1. P. 63.
- 5 Latzko A. Op. cit. P. 25.
- 6 *Ségur Comte de*. Op. cit. P. 26.
- 7 Grimm. Correspondance littéraire. P., 1829-1831. T. 8. P. 383.
- 8 Рокэн Ф. Указ. соч. С. 340-341.
- 9 Там же. С. 361.
- 10 Там же. С. 353.
- 11 Там же. С. 372.
- 12 Фор Э. Опала Тюрго. 12 мая 1776 г. М., 1979.
- 13 *Voltaire*. Correspondance générale. P., 1784-1785. T. XVI. P. 177.
- 14 *Castries Duc de*. La Fayette, pionnier de la liberté. P., 1974.
- 15 Latzko A. Op. cit. P. 21.
- 16 *Lasteyrie Mme de*. Op. cit. P. 195.
- 17 Цит. по: *Speeches and Documents in American History*. Vol. 1. 1776-1815. L.; N.Y.; Toronto, 1962. P. 2.
- 18 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 1. P. 22.
- 19 Ibid. P. 272-273.
- 20 Ibid. P. 21.
- 21 Ibid. P. 24.
- 22 *Ségur Comte de*. Op. cit. T. 1. P. 87.
- 23 Ibid. P. 90.
- 24 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 1. P. 24-25.
- 25 Цит. по: Latzko A. Op. cit. P. 44.
- 26 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 1. P. 25-26.
- 27 Latzko A. Op. cit. P. 44.
- 28 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 1. P. 26.
- 29 Ibidem.
- 30 Ibidem.
- 31 Цит. по: Vandal M., Lesourd P. Op. cit. P. 33.

- 32 *La Fuye M. de, Babeau E.A.* Op. cit. P. 23.
- 33 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 1. P. 107-109.
- 34 *Ségur Comte de.* Op. cit. T. 1. P. 123-124.
- 35 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 1. P. 27.
- 36 *Ségur Comte de.* Op. cit. T. 1. P. 124-125.
- 37 Ibid. P. 126.
- 38 *Lasteyrie Mme de.* Op. cit. P. 198.
- 39 Ibid. P. 55-56.
- 40 *Vandal M., Lesourd P.* Op. cit. P. 40.
- 41 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 1. P. 30.
- 42 Ibid. P. 110-113.
- 43 Ibid. P. 114-117.
- 44 Ibid. P. 29-30.
- 45 *Lasteyrie Mme de.* Op. cit. P. 198.
- 46 Цит. по: *Latzko A.* Op. cit. P. 57.
- 47 *Ségur Comte de.* Op. cit. T. 1. P. 128.

ГЛАВА 3

- 1 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 1. P. 34.
- 2 Lafayette in the Age of the American Revolution: Selected Letters and Papers 1776-1790. Ithaca; London, 1977. Vol. 1. December 7, 1776 - March 30, 1778. P. 51.
- 3 Ibid. P. 88.
- 4 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 1. P. 36.
- 5 Lafayette in the Age of the American Revolution. Vol. 1. P. 104.
- 6 О сражении при Брендивайне см.: Encyclopedia of the American Revolution by Mark Mayo Boatner III. Bicentennial Ed. N.Y., 1976. P. 104-110.
- 7 Об этом свидетельствуют, в частности, депеши поверенного в делах России в Лондоне Лизакевича. См.: Архив внешней политики России (далее: АВПР). Ф. Сношения России с Англией. 1777 г., 35/6, д. 281.
- 8 The London Gazette Extraordinary, 2 December, 1777.
- 9 АВПР. Ф. Сношения России с Францией. 1777 г., оп. 93/6, д. 322, л. 176.
- 10 Encyclopedia of the American Revolution by Mark Mayo Boatner III. P. 109.
- 11-12 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 1. P. 129.
- 13 Ibid. P. 134.
- 14 *Яковлев Н.* Вашингтон. М., 1973. С. 193-194.
- 15 См.: Война за независимость и образование США. М., 1976. С. 161-163.
- 16 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 1. P. 50-51.
- 17 Lafayette in the Age of the American Revolution. Vol. 1. P. 158.
- 18 Ibid. P. 165.

- 19-20 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 1. Р. 166.
- 21 Яковлев Н. Указ. соч. С. 206-207.
- 22 Цит. по: Война за независимость и образование США. С. 163.
- 23 Яковлев Н. Указ. соч. С. 203.
- 24 См. там же. С. 205.
- 25 The Letters of Lafayette to Washington 1777-1799. N.Y., 1944. Р. 16.
- 26 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 1. Р. 173-174.
- 27 Цит. по: Bardoux A. La jeunesse de La Fayette 1757-1792. Р., 1892. Р. 65.
- 28 Цит. по: Война за независимость и образование США. С. 428-429.
- 29 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 1. Р. 96.
- 30 Ibid. Р. 95.
- 31 Ibidem.
- 32 Buckman P. Lafayette: A biography. N.Y.; L., 1977. Р. 67.
- 33 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 1. Р. 60.
- 34 Vandal M., Lesourd P. Op. cit. Р. 84.
- 35 Ibid. Р. 86-87.
- 36 Ibid. Р. 85.
- 37 См. подробнее: Castries Duc de. La France et l'Indépendance américaine. Р., 1975.
- 38 Война за независимость и образование США. С. 166.
- 39 История дипломатии. М., 1959. Т. 1. С. 386.
- 40 См.: Война за независимость и образование США. С. 170.
- 41 См. подробнее: Черняк Е.Б. Пять столетий тайной войны. М., 1972. С. 256-272.
- 42 См.: Антекер Г. Американская революция 1763-1783. М., 1962. С. 233-234.
- 43 АВПР. Ф. Сношения России с Францией. 1778 г., оп. 93/6, д. 330, л. 22-23.
- 44 Vandal M., Lesourd P. Op. cit. Р. 79.
- 45 АВПР. Ф. Сношения России с Францией. 1778 г., оп. 93/6, д. 330, л. 15.
- 46 Там же, л. 36.
- 47 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 1. Р. 65-67.
- 48 Woodward W. E. Lafayette. N.Y.; Toronto, 1938. Р. 97.
- 49 The Letters of Lafayette to Washington. Р. 67-68.
- 50 Vandal M., Lesourd P. Op. cit. Р. 98.
- 51 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 1. Р. 293-294.
- 52 Ibid. Р. 290.
- 53 Ibid. Р. 291.
- 54 Ibid. Р. 298-299.
- 55 АВПР. Ф. Сношения России с Францией. 1779 г., оп. 93/6, д. 341, л. 14.
- 56 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 1. Р. 84-85.

- 1 АВПР. Ф. Сношения России с Францией. 1779 г., оп. 93/6, д. 341, л. 13-14.
- 2 Там же, л. 79.
- 3 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 1. Р. 86.
- 4 АВПР. Ф. Сношения России с Францией. 1780 г., оп. 93/6, д. 352, л. 75-76.
- 5 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 1. Р. 86-87.
- 6 Ibid. Т. 2. Р. 91-95.
- 7 Ibid. Р. 88.
- 8 Цит. по: *Latzko A.* Op. cit. Р. 101.
- 9 АВПР. Ф. Сношения России с Францией. 1780 г., оп. 93/6, д. 352, л. 108.
- 10 Lafayette in the Age of the American Revolution: Selected Letters and Papers 1776-1790. Vol. 3. April 27, 1780 - March 29, 1781. L., 1980. Р. 466-467.
- 11 См. подробнее: *Черняк Е.Б.* Указ. соч. С. 247-256.
- 12 Цит. по: *Latzko A.* Op. cit. Р. 110.
- 13 См.: Война за независимость и образование США. С. 185-187.
- 14 Lafayette in the Age of the American Revolution... Vol. 3. Р. 524.
- 15 Цит. по: *Latzko A.* Op. cit. Р. 112.
- 16 *Rousselot J.* Op. cit. Р. 135-136.
- 17 Ibid. Р. 134-135.
- 18 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 2. Р. 30-31.
- 19 Ibid. Р. 27.
- 20 История США. Т. 1. 1607-1877. М., 1983. С. 162.
- 21 Война за независимость и образование США. С. 192.
- 22 См.: История США. Т. 1. С. 163.
- 23 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 3. Р. 19.
- 24 Ibid. Р. 20.
- 25 *Bardoux A.* Op. cit. Р. 145.
- 26 Цит. по: *Vandal M., Lesourd P.* Op. cit. Р. 159.
- 27 *Rousselot J.* Op. cit. Р. 146.
- 28 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 3. Р. 26.
- 29 Цит. по: *Bardoux A.* Op. cit. Р. 158.
- 30 Articles préliminaires de paix entre le Roi et le Roi La Grande-Bretagne signée à Versailles le 20 Janvier 1783 à Paris L'Imprimerie Royale 1783//АВПР. Ф. Сношения России с Францией. 1783 г., оп. 93/6, д. 393.
- 31 *Latzko A.* Op. cit. Р. 121; *Rousselot J.* Op. cit. Р. 152.
- 32 *Vandal M., Lesourd P.* Op. cit. Р. 124, 167.
- 33 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 3. Р. 100.
- 34 АВПР. Ф. Сношения России с Францией. 1783 г., оп. 93/6, д. 394, л. 126-127.
- 35 Описание поездки дается в мемуарах Лафайета (Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 3. Р. 113-126).
- 36 Ibid. Т. 4. Р. 81.

- 37 Цит. по: *Богучарский В.Я.* Маркиз Лафайет — деятель трех революций: (Исторический очерк). М., 1899. С. 72.
- 38 The Letters of Lafayette to Washington. P. 288.
- 39 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 3. Р. 199.
- 40 Ibid. Т. 1. Р. 273.
- 41 Ibid. Р. 218.
- 42 Гейне Г. Собр. соч.: В 10 т. М., 1958. Т. 5. С. 156.

ГЛАВА 5

- 1 *Богучарский В.Я.* Указ. соч. С. 74.
- 2 АВПР. Ф. Сношения России с Францией. 1785 г., оп. 93/6, д. 424, л. 15-16.
- 3 Там же, л. 16.
- 4 Там же.
- 5 Там же, л. 16-17.
- 6 См.: *Манфред А.З.* Великая французская революция. М., 1983. С. 25.
- 7 С оригинальной трактовкой роли Ш.-А. де Калонна накануне революции выступила Е.И. Лебедева, в значительной степени пересматривающая сложившиеся в историографии негативные оценки его личности. Она характеризует Калонна как незадачливого реформатора и приверженца школы физиократов, фактического продолжателя идей Тюрго и Неккера (см.: *Лебедева Е.И.* К истории политического кризиса накануне Великой французской буржуазной революции: (План реформ Ш.-А. де Калонна) // Проблемы новой и новейшей истории. М., 1982).
- 8 *Манфред А.З.* Указ. соч. С. 25.
- 9 *Latzko A.* Op. cit. P. 130-131.
- 10 Положение французского крестьянства накануне революции детально исследовано в работе: *Адо А.В.* Крестьяне и Великая французская революция. Крестьянское движение в 1789-1794 гг. М., 1987. С. 23-74.
- 11 *Кропоткин П.А.* Великая французская революция 1789-1793. М., 1979. С. 17.
- 12 *Манфред А.З.* Указ. соч. С. 30.
- 13 *Адо А.В.* Указ. соч. С. 84-85.
- 14 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 3. Р. 140.
- 15 О путешествии Лафайета по Европе подробно рассказывается в кн.: *Gottschalk L.* Lafayette between the American and the French Revolutions (1783-1789). Chicago, 1950. P. 181-201.
- 16 *Rousset J.* Op. cit. P. 163.
- 17 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 3. Р. 151.
- 18 Подробнее об этом «деле» см.: *H. d'Ygnac.* Scènes et tableaux du règne de Louis XVI. P., 1934. P. 82-102.
- 19 *Кожокин Е.М.* Государство и народ: От Фронды до Великой французской революции. М., 1989. С. 112.
- 20 Отношение французского дворянства к абсолютной монархии подробно освещается в работе: *Пименова Л.А.* Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986.
- 21 Там же. С. 64.
- 22 *Шере Э.* Падение Старого порядка 1787-1789. Т. 1. СПб., 1907; *Egret J.* La Pré-révolution française. P., 1962;

- Soboul A.* La Civilisation et la Révolution française. T. 1: La crise de l'ancien régime. P., 1970; *Idem.* La France à la Veille de la Révolution. P., 1974; *Vovelle M.* La Chute de la monarchie. 1787-1792. P., 1974.
- 23 *Latzko A.* Op. cit. P. 136-137.
- 24 *Токвиль А.* Старый порядок и революция. Пг., 1918. С. 150.
- 25 Цит. по: *Bardoux A.* Op. cit. P. 193-194.
- 26 *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette...* T. 3. P. 160.
- 27 *Ibid.* P. 174.
- 28 *Ibid.* P. 164.
- 29 См. письмо Вашингтона - Лафайету от 1 января 1788 г.// Россия и США: Становление отношений 1765-1815. М., 1980. С. 165.
- 30 Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный. Т. 1-4. СПб., 1790-1791.
- 31 *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette...* T. 3. P. 181.
- 32 *Ibid.* P. 218.
- 33 Цит. по: *Castries Duc de.* La Fayette, pionnier de la liberté. P., 1974. P. 119.
- 34 *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette...* T. 3. P. 219-220.
- 35 *Ibid.* P. 223.
- 36 *Séguir Comte de.* Mémoires, souvenirs et anecdotes. T. 3. P., 1826. P. 60.
- 37 Discours prononcé de l'ordre du Roi et en sa présence par M. de Calonne, Contreleur Général des Finances, dans L'Assemblée des Notables tenue à Versailles, le 22 Février 1787. A Versailles, De l'Imprimerie de Ph.-D. Pierres, Premier Imprimeur Ordinaire du Roi. M. DCC LXXXVII.
- 38 *Ibid.* P. 6.
- 39 *Ibid.* P. 5-6.
- 40 *Ibid.* P. 20.
- 41 Цит. по: *Latzko A.* Op. cit. P. 138.
- 42 АВПР. Ф. Сношения России с Францией. 1787 г., оп. 93/6, д. 447, л. 152.
- 43 *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette...* T. 3. P. 239.
- 44 Полный текст выступления Лафайета см.: *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette...* T. 3. P. 187-189.
- 45 *Ibid.* P. 189.
- 46 *Кропоткин П.А.* Указ. соч. С. 30.
- 47 Déclaration du Roi. Pour la liberté du Commerce des Grains. Donnée à Versailles le 17 juin 1787. P., 1787.
- 48 Edit du Roi, portant création d'Assemblées Provinciales, Donné à Versailles au mois de juin 1787. P., 1787.
- 49 *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette...* T. 3. P. 203.
- 50 *Ibidem.*
- 51 *Ibid.* P. 113, 203.
- 52 *Ibid.* P. 226-227.
- 53 *Ibid.* P. 225.
- 54 *Ibid.* P. 238-240.
- 55 *Ibid.* P. 251.

- 56 Ibid. P. 240.
- 57 Ibid P. 262.
- 58 Цит. по: *Castries Duc de*. Op. cit. P. 129–130.
- 59 О парламентской оппозиции королевской власти см.: *Лебедева Е.И.* Парижский парламент и абсолютизм накануне Великой французской буржуазной революции: (программа парламентской оппозиции)//Проблемы новой и новейшей истории. М., 1982. С. 49–63.
- 60 Цит. по: *Iatzko A.* Op. cit. P. 147.
- 61 *Staël Mme de*. Considération sur les principaux événements de la Révolution Française. Т. 1. P., 1818. P. 159.
- 62 *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette...* Т. 3. P. 211.
- 63 Цит. по: *Адо А.В.* Указ. соч. С. 386.
- 64 Там же. С. 94.
- 65 *Олар А.* Политическая история французской революции. 1789–1804. М., 1938. С. 44.
- 66 Там же. С. 39–40.
- 67 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 17.

ГЛАВА 6

- 1 *Staël Mme de*. Op. cit. P. 187.
- 2 См.: *Жорес Ж.* Социалистическая история французской революции. М., 1976. Т. 1: Учредительное собрание (1789–1791). Кн. 1. С. 311.
- 3 Цит. по: *Castries Duc de*. Op. cit. P. 119.
- 4 *Олар А.* Указ. соч. С. 50.
- 5 Цит. по: *Жорес Ж.* Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 322.
- 6 *La Fuye M. de, Babeau E.A.* Op. cit. P. 71.
- 7 Цит. по: *Манфред А.З.* Три портрета Великой французской революции. М., 1978. С. 216.
- 8 Там же. С. 217.
- 9 *Олар А.* Указ. соч. С. 52.
- 10 *Ковалевский М.* Происхождение современной демократии. Т. 2. М., 1985. С. 55.
- 11 *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette...* Т. 4. P. 15–16.
- 12 Ibid. P. 17–18.
- 13 *Bardoux A.* Op. cit. P. 246.
- 14 Цит. по: *Шиковский Д.* Указ. соч. С. 60.
- 15 *Жорес Ж.* Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 340.
- 16 Обстоятельное описание взятия Бастилии содержится в кн.: *Godechot J.* La Prise de la Bastille 14 juillet 1789. P., 1965.
- 17 *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette...* Т. 4. P. 91.
- 18 *Iatzko A.* Op. cit. P. 177.
- 19 *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette...* Т. 4. P. 180.
- 20 Цит. по: *Castries Duc de*. Op. cit. P. 138.
- 21 Русская культура и Франция. Часть I//Литературное наследство. Т. 29–30. М., 1937. С. 400.
- 22 *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette...* Т. 4. P. 34.
- 23 *Castries Duc de*. Op. cit. P. 137.

- 24 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 669-670.
- 25 Манфред А.З. Указ. соч. С. 71.
- 26 *Sainte-Beuve* С.-А. de. Portraits littéraires. P., 1892. Т. 2. Р. 146-147.
- 27 Гейне Г. Указ. соч. Т. 5. С. 263.
- 28 L'Express, N 1676. 26 août 1983. P. 14.
- 29 *Staël Mme* de. Op. cit. P. 214.
- 30 Литературное наследство. Т. 29-30. М., 1937. С. 400.
- 31 Цит. по: *Latzko* А. Op. cit. P. 178.
- 32 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 4. Р. 45.
- 33 Ibid. P. 48-49.
- 34 Цит. по: *Castries Duc de*. Op. cit. P. 139.
- 35 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 4. Р. 100.
- 36 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 5. С. 299.
- 37 Цит. по: *Latzko* А. Op. cit. P. 181.
- 38 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 4. Р. 62.
- 39 Ibid. P. 63.
- 40 Марат Жан-Поль. Избр. произв. М., 1956. Т. 2. С. 83.
- 41 *Latzko* А. Op. cit. P. 180.
- 42 См.: Робеспьер М. Избр. произв.; В 3 т. М., 1965. Т. 1. С. 149-154.
- 43 Цит. по: Ковалевский М. Указ. соч. Т. 2. С. 290-291.
- 44 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 4. Р. 69-70, 98-99.
- 45 Кропоткин П.А. Указ. соч. С. 117-118.
- 46 Литературное наследство. Т. 29-30. С. 410.
- 47 Там же. С. 410-411.
- 48 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 4. Р. 115.
- 49 Жорес Ж. Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 421.
- 50 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 4. Р. 118.
- 51 *Castries Duc de*. Op. cit. P. 142.
- 52 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 4. Р. 120-121.
- 53 Ibid. P. 123.
- 54 Ibid. P. 106-108, 113.
- 55 Ibid. P. 139.
- 56 АВПР. Ф. Сношения России с Францией. 1789 г., оп. 93/6, д. 467, л. 222. См. также: Литературное наследство. Т. 29-30. С. 412.
- 57 Кропоткин П.А. Указ. соч. С. 124.
- 58 Жорес Ж. Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 429-430.
- 59 Французская буржуазная революция 1789-1794. М.; Л., 1941. С. 67.
- 60 *Latzko* А. Op. cit. P. 194.
- 61 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 4. Р. 211-212.
- 62 Цит. по: Кропоткин П.А. Указ. соч. С. 192.
- 63 Олар А. Указ. соч. С. 37.
- 64 *Staël Mme* de. Op. cit. P. 270-271.
- 65 *Bardoux* А. Op. cit. P. 247.
- 66-67 *Castries Duc de*. Op. cit. P. 144.

- 68 Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Mark... Т. 1. Р. 417.
- 69 Ibid. Р. 418.
- 70 Манфред А. З. Три портрета Великой французской революции. С. 241.
- 71 Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Mark... Т. 1. Р. 421-422.
- 72 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 4. Р. 141.
- 73 Ibid. Р. 148.
- 74 Ibid. Р. 218-219.
- 75 Ibid. Р. 242.
- 76 Цит. по: *Castries Duc de*. Оp. cit. Р. 148.
- 77 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 4. Р. 237.
- 78 Ibid. Р. 170-171.
- 79 Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Mark... Т. 2. Р. 11-13.
- 80 Манфред А.З. Три портрета Великой французской революции. С. 241-242.
- 81 Там же. С. 242.
- 82 Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Mark... Т. 2. Р. 25-32.
- 83 Ibid. Р. 19-22.
- 84 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 4. Р. 245-246.
- 85 Ibid. Р. 247-257.
- 86 Ibid. Р. 201.
- 87 Цит. по донесению И.М. Симолина от 25 июня 1790 г.: АВПР. Ф. Сношения России с Францией. 1790 г., оп. 93/6, д. 478, л. 142.
- 88 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 4. Р. 310.
- 89 Кроноткин П.А. Указ. соч. С. 139.
- 90 АВПР. Ф. Сношения России с Францией. 1790 г., оп. 93/6, д. 478, л. 184-184б. Этот документ опубликован в сб.: Литературное наследство. Т. 29-30. С. 435.
- 91 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 5. Р. 13.
- 92 Богучарский В.Я. Указ. соч. С. 101-102.
- 93 Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Mark... Т. 2. Р. 103.
- 94 Ibid. Р. 111.
- 95 См.: Марат Жан-Поль. Указ. соч. Т. 2. С. 91.
- 96 Там же. С. 169.
- 97 *Staël Mme de*. Оp. cit. Т. 2. Р. 87.
- 98 Марат Жан-Поль. Указ. соч. Т. 2. С. 133-135.
- 99 См.: Богучарский В.Я. Указ. соч. С. 93.
- 100 Марат Жан-Поль. Указ. соч. Т. 2. С. 169.
- 101 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 5. Р. 161.
- 102 Mémoires du Marquis de Bouillé. Р., 1823. Р. 139.
- 103 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 5. Р. 166.

- ¹ Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 5. Р. 170–171.
- ² Ibid. Р. 171.
- ³ Кроноткин П.А. Указ. соч. С. 178.
- ⁴ Mémoires du Marquis de Bouillé. Р. 165–167. В своих мемуарах маркиз де Буйе подробно описал подавление восстания в Нанси.
- ⁵ Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 5. Р. 66.
- ⁶ Latzko A. Op. cit. Р. 213; *Castries Duc de*. Op. cit. Р. 157.
- ⁷ Марат Жан-Поль. Указ. соч. Т. 2. С. 217.
- ⁸ *Castries Duc de*. Op. cit. Р. 157.
- ⁹ Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Mark... Т. 2. Р. 171.
- ¹⁰ Mémoires du Marquis de Bouillé. Р. 187.
- ¹¹ Ibid. Р. 191.
- ¹² *Castries Duc de*. Op. cit. Р. 160–161.
- ¹³ Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Mark... Т. 3. Р. 10.
- ¹⁴ Ibidem.
- ¹⁵ Ibid. Р. 9.
- ¹⁶ Жопес Ж. Указ. соч. Т. 1. Кн. 2. С. 278.
- ¹⁷ Там же. С. 285–286.
- ¹⁸ Цит по: *Castries Duc de*. Op. cit. Р. 164.
- ¹⁹ Ibidem.
- ²⁰ Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 5. Р. 85–87.
- ²¹ АВПР. Ф. Сношения России с Францией. 1791 г., оп. 93/6, д. 488, л. 39 об.
- ²² Там же, л. 47–47 об.
- ²³ Там же, л. 47 об.
- ²⁴ Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 5. Р. 86–87.
- ²⁵ Ibid. Р. 87.
- ²⁶ АВПР. Ф. Сношения России с Францией. 1791 г., оп. 93/6, д. 488, л. 56.
- ²⁷ Там же, л. 57.
- ²⁸ См.: Марат Жан-Поль. Указ. соч. Т. 2. С. 270–278.
- ²⁹ Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 5. Р. 213.
- ³⁰ Черкасов П.П. Судьба империи: Очерк колониальной экспансии Франции в XVI–XX вв. М., 1983. С. 23.
- ³¹ Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 5. Р. 89.
- ³² См. выступление Робеспьера в Учредительном собрании 12 мая 1791 г.//Робеспьер М. Указ. соч. Т. 1. С. 146–149
- ³³ Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 5. Р. 90–91; *Castries Duc de*. Op. cit. Р. 165–166.
- ³⁴ Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 5. Р. 91.
- ³⁵ Ibid. Р. 217–218.
- ³⁶ Mémoires du Marquis de Bouillé. Р. 233.

- 37 Описание часовой беседы И.М. Симолина с королевой содержится в его реляции в Петербург от 11 февраля 1792 г. См.: АВПР. Ф. Сношения России с Францией. 1792 г., оп. 93/6, д. 497, л. 4-9.
- 38 В мемуарах Лафайет подробно описывает обстоятельства ватинского бегства. См.: *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette...* Т. 5. Р. 92-126.
- 39 *Castries Duc de*. Op. cit. Р. 168.
- 40 *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette...* Т. 5. Р. 99.
- 41 Цит. по: *Castries Duc de*. Op. cit. Р. 168.
- 42 Цит. по: *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette...* Т. 5. Р. 97.
- 43 Кроноткин П.А. Указ. соч. С. 179, 224.
- 44 Жорес Ж. Указ. соч. Т. 1. Кн. 2. С. 289-290.
- 45-46 Цит. по: Там же. С. 287.
- 47 *Castries Duc de*. Op. cit. Р. 168.
- 48 *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette...* Т. 5. Р. 97.
- 49 *Saint-Amand I. de. Marie-Antoinette aux Tuilleries. 1789-1791. P., 1882. P. 191.*
- 50 *Mémoires du marquis de Bouillé (Cte Louis) sur le départ de Louis XVI au mois de Juin 1791 avec les notes et observations. 2ème éd. P., 1827. P. 90-92.*
- 51 Жорес Ж. Указ. соч. Т. 1. Кн. 2. С. 287.
- 52 *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette...* Т. 5. Р. 101.
- 53 Жорес Ж. Указ. соч. Т. 1. Кн. 2. С. 326-327.
- 54 Цит. по: *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette...* Т. 5. Р. 106.
- 55 Цит. по: *Castries Duc de*. Op. cit. Р. 169.
- 56 *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette...* Т. 5. Р. 104.
- 57 *Faÿ B.* Op. cit. Р. 328.
- 58 *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette...* Т. 5. Р. 120.
- 59 Ibid. Р. 113.
- 60 *Saint-Amand I. de*. Op. cit. Р. 249.
- 61 Литературное наследство. Т. 29-30. С. 462.
- 62 АВПР. Ф. Сношения России с Францией. 1791 г., оп. 93/6, д. 488, л. 217.
- 63 *Lettre de M. de Bouillé à Assemblée Nationale à Luxembourg, le 25 juin 1791. Paris, de l'Imprimerie de Cussac// Mémoires du Marquis de Bouillé. P. 252-253.*
- 64 Ibid. Р. 7.
- 65 *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette...* Т. 5. Р. 120.
- 66 Ibid. Р. 123.
- 67 *Faÿ B.* Op. cit. Р. 331.
- 68 Манфред А.З. Великая французская революция. С. 97.
- 69 Описание этого дня см. в мемуарах Лафайета: *Mémoires, correspondance du général Lafayette...* Т. 5. Р. 127-135.
- 70 АВПР. Ф. Сношения России с Францией. 1791 г., оп. 93/6, д. 488, л. 384 об.
- 71 Там же.
- 72 Жорес Ж. Указ. соч. Т. 1. Кн. 2. С. 353-354.

- 73 Олар А. Указ. соч. С. 192–193.
- 74 Манфред А.З. Великая французская революция. С. 98.
- 75 Faÿ В. Op. cit. P. 332.
- 76 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 5. P. 254–255.
- 77 Ibid. P. 135, 142–144.
- 78 Ibid. P. 145–146.
- 79 В качестве примера можно указать на фундаментальное исследование крупного французского правоведа М. Прело, в котором дан детальный анализ конституции 1791 г. См.: Прело М. Конституционное право Франции. М., 1957. С. 41–81.
- 80 Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 209.
- 81 Там же.
- 82 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 5. P. 147.
- 83 Ibid. P. 150–151.
- 84 Ibid. P. 151.

ГЛАВА 8

- 1 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 5. P. 228.
- 2 Ibid. P. 228–229.
- 3 Цит. по: Богучарский В.Я. Указ. соч. С. 114.
- 4 История дипломатии. Т. 1. С. 428.
- 5 Latzko A. Op. cit. P. 251.
- 6 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 6. P. 32.
- 7 Ibid. P. 32–33.
- 8 Ibid. P. 186–187.
- 9 Ibid. P. 29.
- 10 Ibid. P. 18–19.
- 11 См.: История дипломатии. Т. 1. С. 430.
- 12 Там же. С. 431.
- 13 Цит. по: Castries Duc de. Op. cit. P. 177.
- 14 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 6. P. 186, 192.
- 15 Робеспьер М. Указ. соч. Т. 1. С. 228–229.
- 16 Oeuvres poétique de André Chénier. P.; Flammarion, s. a. P. 28–29.
- 17 Кропоткин П.А. Указ. соч. С. 189.
- 18–19 История дипломатии. Т. 1. С. 431.
- 20 Цит. по: Latzko A. Op. cit. P. 255; Castries Duc de. Op. cit. P. 178.
- 21 Робеспьер М. Указ. соч. Т. 1. С. 239.
- 22 Текст письма см.: Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 6. P. 72–80.
- 23 Ibid. P. 70.
- 24 Цит. по: Castries Duc de. Op. cit. P. 182.
- 25 Робеспьер М. Указ. соч. Т. 1. С. 301.
- 26 Там же. С. 305.
- 27 Цит. по: Latzko A. Op. cit. P. 257.
- 28 Castries Duc de. Op. cit. P. 184.
- 29 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 6. P. 82.

- 30 Ibid. P. 83–84.
- 31 Ibid. P. 84.
- 32 Ibid. P. 85.
- 33 Цит. по: *Богучарский В.Я.* Указ. соч. С. 125–126.
- 34 См. об этом: *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette...* Т. 6. P. 95–98.
- 35 Цит. по: *Castries Duc de.* Op. cit. P. 186.
- 36 Цит. по: Ibid. P. 186.
- 37 *Робеспьер М.* Указ. соч. Т. 1. С. 318, 322.
- 38 *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette...* Т. 6. P. 89–90.
- 39 Цит. по: *Castries Duc de.* Op. cit. P. 187.
- 40 *Робеспьер М.* Указ. соч. Т. 1. С. 349.
- 41 *Марат Жан-Поль.* Указ. соч. Т. 3. С. 89.
- 42 *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette...* Т. 6. P. 230.
- 43 Цит. по: *Богучарский В.Я.* Указ. соч. С. 129.
- 44 Там же. С. 129–130.
- 45 Lettre à la noblesse française au moment de sa rentrée en France, sous les ordres de M. le Duc de Brunswick, Généralissime des armées de l'Empereur et du Roi de Prusse. Bruxelles, 1792//АВПР. Ф. Сношения России с Францией. 1792 г., оп. 93/6, д. 498, л. 128–135 об.
- 46 См.: *Ревуненков В.Г.* Очерки по истории Великой французской революции: Падение монархии 1789–1792. Л., 1982.
- 47 См.: *Ревуненков В.Г.* Парижская коммуна 1792–1794. Л., 1976. С. 13–24.
- 48 *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette...* Т. 6. P. 146.
- 49 Ibid. P. 144.
- 50 Ibid. P. 242.
- 51 См.: *Робеспьер М.* Указ. соч. Т. 1. С. 336.
- 52 Цит. по: *Castries Duc de.* Op. cit. P. 190.
- 53 Цит. по: Ibid. P. 190–191.
- 54 *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette...* Т. 6. P. 165.
- 55 См., например: *Манфред А.З.* Великая французская революция. С. 125.
- 56 *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette...* Т. 6. P. 166.
- 57 АВПР. Ф. Сношения России с Францией. 1792 г., оп. 93/6, д. 498, л. 143–143 об.
- 58 Там же, л. 145; *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette...* Т. 6. P. 173–174.
- 59 АВПР. Ф. Сношения России с Францией. 1792 г., оп. 93/6, д. 498, л. 145.
- 60 *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette...* Т. 6. P. 172.
- 61 АВПР. Ф. Сношения России с Францией. 1792 г., оп. 93/6, д. 498, л. 154.
- 62 *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette...* Т. 6. P. 52.
- 63 Ibid. P. 247–250.

- 1 Цит. по: *Latzko A. Op. cit. P. 267.*
- 2 *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 6. P. 178.*
- 3 *Chambrun R. de. Les Prisons des La Fayette. P., 1977. P. 98.*
- 4 *Богучарский В.Я. Указ. соч. С. 136; Latzko A. Op. cit. P. 267.*
- 5 *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 6. 259–260.*
- 6 *Chambrun R. de. Op. cit. P. 104.*
- 7 *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 7. P. 278–281.*
- 8 Из письма от 22 июня 1793 г. (*Ibid. T. 7. P. 298–299*).
- 9 *Ibid. P. 301.*
- 10 *Ibid. P. 311.*
- 11 *Chambrun R. de. Op. cit. P. 156.*
- 12 *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 7. P. 324–325.*
- 13 *Ibid. P. 325–326.*
- 14 *Latzko A. Op. cit. P. 294; Chambrun R. de. Op. cit. P. 174.*
- 15 *Latzko A. Op. cit. P. 294.*
- 16 *Chambrun R. de. Op. cit. P. 183.*
- 17 *Latzko A. Op. cit. P. 297.*
- 18 *Maurois A. Adrienne, ou la Vie de Madame de La Fayette. P., 1960.*
- 19 Цит. по: *Lasteyrie Mme de. Op. cit. P. 243–245.*
- 20 *Latzko A. Op. cit. P. 270.*
- 21 *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 6. P. 271–272.*
- 22 *Maurois A. Op. cit. P. 280–281; Lasteyrie Mme de. Op. cit. P. 280–282.*
- 23 Цит. по: *Богучарский В.Я. Указ. соч. С. 142.*
- 24 *Grand Larousse encyclopédique en dix volumes. P., 1961. T. 10. Art. «Terreur»; Greer D. The Incidence of the Terror during the French Revolution: A Statistical Interpretation. Camb., 1935. P. 26, 27, 37, 165.*
- 25 *Sur la mort de M^{ine} la duchesse d'Ayen//Lasteyrie Mme de. Op. cit. P. 180–181.*
- 26 *Lasteyrie Mme de. Op. cit. P. 321–323.*
- 27 *Maurois A. Op. cit. P. 315–316.*
- 28 *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 7. P. 330.*
- 29 *Chambrun R. de. Op. cit. P. 349.*
- 30 *Lasteyrie Mme de. Op. cit. P. 157–158.*
- 31 *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 7. P. 338.*
- 32 *Lasteyrie Mme de. Op. cit. P. 376–377; Mémoires, correspondance et et manuscrits du général Lafayette... T. 7. P. 346.*
- 33 *Notice sur Mme la duchesse d'Ayen par Mme de Lafayette, sa fille//Lasteyrie Mme de. Op. cit. P. 1–186.*
- 34 *Staël Mme de. Correspondance général. P., 1960. T. 2. Première partie. P. 104, 203.*

- 35 Цит. по: *Богучарский В.Я.* Указ. соч. С. 163.
- 36 Motion faite le 16 décembre 1796 dans la Chambre des Communes du Parlement de la Grand-Bretagne en faveur du général La Fayette et de ses compagnons d'infortune. Hambourg, 1797.
- 37 Ibidem.
- 38 *Latzko A.* Op. cit. P. 313.
- 39 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 7. P. 359-360.
- 40 Ibid. P. 354.
- 41 Ibid. P. 355-356.
- 42 Ibid. P. 361-364.
- 43 *Lasteyrie Mme* de. Op. cit. P. 386.
- 44 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 8. C. 81-82.
- 45 *Chambrun R.* de. Op. cit. P. 292-293.

ГЛАВА 10

- 1 Мémorial de Sainte-Hélène, par Las Cases. P., 1968. P. 318.
- 2 *Белинский В.Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1981. Т. 7. С. 597.
- 3 *Гейне Г.* Указ. соч. Т. 5. С. 263-264.
- 4 *Богучарский В.Я.* Указ. соч. С. 188.
- 5 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 8. P. 117.
- 6 Ibid. T. 8. P. 293.
- 7 Ibid. P. 322.
- 8 Ibid. P. 325.
- 9 Ibid. T. 10. P. 84.
- 10 Ibid. T. 8. P. 323-324.
- 11 Ibid. T. 9. P. 14.
- 12 Mémoires de M. de Bourrienne, ministre d'Etat sur Napoléon, la Directoire, le Consulat. l'Empire et la Restauration. T. 5. P., 1830. P. 61.
- 13 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 9. P. 29-30.
- 14 Цит. по: *Chanson P.* Lafayette et Napoléon: un duel historique ignoré. Lyon; P., 1958. P. 1077.
- 15 Mémoires de M. de Bourrienne. T. 4. P. 367-370; T. 5. P. 59-62.
- 16 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 9. P. 52.
- 17 Mémoires de M. de Bourrienne. T. 5. P., 1830. P. 59.
- 18 Ibid. P. 61-62.
- 19 Цит. по: *Latzko A.* Op. cit. P. 334.
- 20 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 9. P. 51-52, 59.
- 21 *Maurois A.* Op. cit. P. 470; *Chanson P.* Op. cit. P. 140-144; Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 9. P. 62-90.
- 22 Цит. по: *Latzko A.* Op. cit. P. 336.
- 23 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 9. P. 66-68; Mémoires de M. de Bourrienne. T. 4. P. 370.

- 24 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 9. P. 37.
- 25 Latzko A. Op. cit. P. 337.
- 26 Maurois A. Op. cit. P. 484; Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 9. P. 77-78.
- 27 Chanson P. Op. cit. P. 162; Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 9. P. 185.
- 28 Latzko A. Op. cit. P. 338, 340.
- 29 Maurois A. Op. cit. P. 513.
- 30 Lasteyrie Mme de. Op. cit. P. 416.
- 31 Maurois A. Op. cit. P. 522.
- 32 Ibidem.
- 33 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 9. P. 155-158; Maurois A. Op. cit. P. 520.
- 34 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 10. P. 8.
- 35 La Police secrete du Premier Empire. Bulleins quotidiens adressés par Fouchè à l'Empereur. Nouvelle serie. T. IV: 1808-1809. P., 1963. P. 244, 249, 277; T. V: 1809-1810. P., 1964. P. 82-83.
- 36 Туган-Барановский Д.М. Наполеон и республиканцы. Саратов, 1980. С. 120, 121, 129.
- 37 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 10. P. 11.
- 38 Latzko A. Op. cit. P. 343.
- 39 Mémoires et relations politiques du baron de Vitrolles. P., 1884. P. 119.
- 40 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 9. P. 190.
- 41 Отечественная война и русское общество. 1812-1912. М., 1912. Т. 6. С. 16.
- 42 Берамже Пьер Жан. Соч. М., 1957. С. 543-544.
- 43 Россия и США: Становление отношений 1765-1815. М., 1980. С. 651.
- 44 Там же.
- 45 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 9. P. 195-196.
- 46 Ibid. P. 198.
- 47 Ibidem.
- 48 Ibid. P. 310-311.
- 49 Ibid. P. 311.
- 50 Ibid. P. 295.
- 51 Ibid. P. 313.
- 52 Ibid. P. 314-316.
- 53 Ibid. P. 317.
- 54 Chanson P. Op. cit. P. 277-278; Maurois A. Op. cit. P. 526; Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 10. P. 32-33.
- 55 Ibid. P. 33.
- 56 См.: Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1971. С. 701-702.
- 57 Les Mémoires de Fouchè. P., 1945. P. 469, 494.
- 58 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 9. P. 354.
- 59 Богучарский В.Я. Указ. соч. С. 214.
- 60 Mémorial de Sainte-Hélène, par Las Cases. P. 318.

- 61 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 9. Р. 346.
- 62 Les Mémoires de Fouché... Р. 494.
- 63 *Latzko A.* Op. cit. Р. 354.
- 64 *Богучарский В.Я.* Указ. соч. С. 215.
- 65 *Chanson P.* Op. cit. Р. 336; Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 10. Р. 56.
- 66 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 9. Р. 377-378.
- 67 Ibidem.
- 68 Детали своих секретных переговоров с Людовиком XVIII и герцогом Веллингтоном сообщает сам Фуше: Les Mémoires de Fouché. Р. 500-502, 510-517.

ГЛАВА 11

- 1 См.: История Франции: В 3 т. М., 1973. Т. 2. С. 178-179.
- 2 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 367.
- 3 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 10. Р. 104.
- 4 Ibid. Р. 153-154.
- 5 Ibid. Р. 169.
- 6 Цит. по: *Богучарский В.Я.* Указ. соч. С. 219.
- 7 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 10. Р. 213-214.
- 8 *Сеньобос Ш.* Политическая история современной Европы 1814-1896. СПб., 1898. Т. 1. С. 110.
- 9 *Бутенко В.А.* Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации. Т. 1. 1814-1820. СПб., 1913. С. 445.
- 10 *Guizot F.* Mémoires pour servir à l'Histoire de mon temps. Р., 1858. Т. 1. Р. 239.
- 11 *Latzko A.* Op. cit. Р. 364.
- 12 Цит. по: *Bardoux A.* Les Dernières années de La Fayette 1792-1834. Р., 1893. Р. 293.
- 13 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 10. Р. 243-255.
- 14 Цит. по: *Bardoux A.* Op. cit. Р. 286-287.
- 15 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 10. Р. 270.
- 16 Ibid. Р. 271-272.
- 17 Ibid. Р. 274-275.
- 18 Ibid. Р. 279.
- 19 Ibid. Р. 280-281.
- 20 Левассер оставил подробное описание этой поездки: *Levasseur A.* Lafayette en Amérique, en 1824 et 1825, ou Journal d'un voyage aux Etats-Unis. Bruxelles, 1829. См. также: *Barbaroux C.* Voyage du général Lafayette aux Etats-Unis d'Amérique en 1824. Р., 1824.
- 21 *Vandal M., Lesourd P.* Op. cit. Р. 208-214.
- 22 *Чернышевский Н.Г.* Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X//Полн. собр. соч. М., 1950. Т. 5. С. 251.
- 23 *La Fuye M. de, Babeau E.A.* Op. cit. Р. 245.
- 24 Цит. по: *Latzko A.* Op. cit. Р. 382-383.
- 25 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 11. Р. 122.
- 26 Цит. по: *Богучарский В.Я.* Указ. соч. С. 230.

- 27 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 11. Р. 174.
- 28 Ibid. Р. 178.
- 29 Ibid. Р. 182-183.
- 30 Ibid. Р. 185.
- 31 Ibid. Р. 186.
- 32 Чернышевский Н.Г. Указ. соч. Т. 5. С. 277.
- 33 См.: История Франции. Т. 2. С. 216.
- 34 Сеньобос III. Указ. соч. Т. 1. С. 115.
- 35 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 11. Р. 217-220.
- 36 Полный текст «Протеста 221» приведен в кн.: Guizot F. Op. cit. Т. 1. Р. 359-360.
- 37 Ibid. Р. 366.
- 38 Цит. по: Guizot F. L'Histoire de France depuis 1789 jusqu'en 1848. Т. 2. Р., 1879. Р. 621.
- 39 Ibidem.
- 40 Latzko A. Op. cit. Р. 385.

ГЛАВА 12

- 1 Buckman P. Op. cit. Р. 267.
- 2 Цит. по: Latzko A. Op. cit. Р. 386.
- 3 Guizot F. L'Histoire de France depuis 1789 jusqu'en 1848. Т. 2. Р. 623.
- 4 Ibid. Р. 624.
- 5 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 11. Р. 244.
- 6 Ibidem.
- 7 Ibidem.
- 8 Молчанов Н. Огюст Бланки. М., 1984. С. 53.
- 9 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 11. Р. 249-250.
- 10 Ibid. Р. 250.
- 11 Ibidem.
- 12 Latzko A. Op. cit. Р. 394.
- 13 Sarrans B. Lafayette et la Révolution de 1830. Bruxelles, 1832. Т. 1. Р. 250.
- 14 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 11. Р. 253.
- 15 Ibid. Р. 254.
- 16 Thureau-Dangin P. Histoire de la Monarchie de juillet. 4eme éd. Р., 1909. Т. 1. Р. 5.
- 17 Цит. по: Latzko A. Op. cit. Р. 396.
- 18 Sarrans B. Op. cit. Р. 258.
- 19 Цит. по: Сеньобос III. Указ. соч. Т. 1. С. 118-119.
- 20 Sarrans B. Op. cit. Р. 259.
- 21 Bardoux A. Les Dernières années de La Fayette 1792-1834. Р. 362.
- 22 Беранже Пьер-Жан. Указ. соч. С. 581.
- 23 Sarrans B. Op. cit. Р. 266.
- 24 Latzko A. Op. cit. Р. 400.
- 25 Ibid. Р. 401.
- 26 Thureau-Dangin P. Op. cit. Т. 1. Р. 13.
- 27 Sarrans B. Op. cit. Р. 288.

- 28 Guizot F. L'Histoire de France depuis 1789 jusqu'en 1848. T. 2. P. 630.
- 29 Ibid. P. 635.
- 30 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 11. P. 279-280.
- 31 La Fuye M. de, Babeau E.A. Op. cit. P. 262.
- 32 Sarrans B. Op. cit. T. 2. P. 142.
- 33 Thureau-Dangin P. Op. cit. T. 1. P. 23.
- 34 АВПР. Ф. Канцелярия. 1830, оп. 469, д. 201, л. 57.
- 35 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 11. P. 276-277.
- 36 La Fuye M. de, Babeau E.A. Op. cit. P. 263.
- 37 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 11. P. 291.
- 38 Цит. по: Latzko A. Op. cit. P. 408.
- 39 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 11. P. 293.
- 40 Ibid. P. 294-295.
- 41 Стендаль. Собр. соч.: В 12 т. М., 1978. Т. 3. С. 272.

ГЛАВА 13

- 1 Гюго В. Отверженные. М., 1979. Т. 2. С. 140-141.
- 2 Стендаль. Указ. соч. Т. 3. С. 303.
- 3 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 145.
- 4 Сеньобос III. Т. 1. С. 117, 120.
- 5 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 221.
- 6 АВПР. Ф. Канцелярия. 1830 г., оп. 469, д. 201, л. 163.
- 7 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 11. P. 299.
- 8 Latzko A. Op. cit. P. 412.
- 9 АВПР. Ф. Канцелярия. 1830 г., оп. 469, д. 202, л. 338-339.
- 10 Гюго В. Указ. соч. Т. 2. С. 145, 147.
- 11 Там же. С. 146.
- 12 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 11. P. 411.
- 13 Цит. по: Latzko A. Op. cit. P. 413.
- 14 Чернышевский Н.Г. Указ. соч. Т. 7. С. 85-86.
- 15 Sarrans B. Op. cit. T. 2. P. 118.
- 16 Ibid. P. 119.
- 17 Ibid. P. 124.
- 18 Чернышевский Н.Г. Указ. соч. Т. 7. С. 86.
- 19 Гейне Г. Указ. соч. Т. 7. С. 55.
- 20 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 12. P. 21-22.
- 21 Ibid. P. 40-41.
- 22 Богучарский В.Я. Указ. соч. С. 233.
- 23 Гейне Г. Указ. соч. Т. 5. С. 267.
- 24 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... T. 12. P. 212.
- 25 Ibid. P. 226.
- 26 АВПР. Ф. Канцелярия. 1830 г., оп. 469, д. 202, л. 316.
- 27 Гейне Г. Указ. соч. Т. 5. С. 260.
- 28 Там же. С. 381-382.
- 29 Гюго В. Указ. соч. Т. 2. С. 385-386.
- 30 Цит. по: Latzko A. Op. cit. P. 416.

- 31 Чернышевский Н.Г. Указ. соч. Т. 7. С. 149.
- 32 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 12. Р. 323.
- 33 Ibid. Р. 328.
- 34 Ibid. Р. 265.
- 35 Ibidem.
- 36 Цит. по: Latzko A. Op. cit. Р. 416.
- 37 Гейне Г. Указ. соч. Т. 5. С. 265–266.
- 38 Там же. С. 266.
- 39 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 12. Р. 336.
- 40 La Fuye M. de, Babeau E.A. Op. cit. Р. 285.
- 41 Цит. по: Latzko A. Op. cit. Р. 284.
- 42 Цит. по: La Fuye M. de, Babeau E.A. Op. cit. Р. 284.
- 43 АВПР. Ф. Канцелярия. 1834 г., оп. 469, д. 114, л. 352.
- 44 Гейне Г. Указ. соч. Т. 9. С. 182.
- 45 Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... Т. 9. Р. 72.
- 46 Stael Mme de. Op. cit. Т. 1. Р. 270–271.
- 47 Гейне Г. Указ. соч. Т. 5. С. 263.
- 48 Гюго В. Указ. соч. Т. 2. С. 149.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА	4
ГЛАВА 1. Черный мушкетер	9
Замок Шаваньяк	—
Париж	13
Версаль	17
Женитьба	25
ГЛАВА 2. Волонтер республики	29
Людовик XVI: обманутые надежды	—
Выбор	38
Отъезд	47
ГЛАВА 3. Герой Нового Света	53
Знакомство с Америкой	—
Испытания	57
Франко-американский союз	66
ГЛАВА 4. Аргонавт свободы	77
Год во Франции	—
Возвращение	82
Полевой маршал	89
ГЛАВА 5. «Самый опасный противник».	100
Кризис верхов	—
Ассамблея нотаблей	114
Да здравствуют Генеральные штаты!	119
ГЛАВА 6. Генерал революции	127
Прелюдия	—
Командир Национальной гвардии	133
Поход на Версаль	147
Лафайет и Мирабо	157
Праздник Федерации	165
ГЛАВА 7. Защитник конституции	174
Избиение в Нанси	—
Девяносто первый год	178
Вареннский кризис	186
Расстрел на Марсовом поле	195
ГЛАВА 8. «Изменник, враг свободы»?	203
Командующий армией	—
Падение монархии	213
Бегство	222
ГЛАВА 9. Узник антифранцузской коалиции	229
Тюрьмы	—
Адрисна	242
Свобода	253
ГЛАВА 10. «Несносный упрямец»	262
Изгнанник	—
«Дуэль» с Бонапартом	268
И снова в бой	280

ГЛАВА 11. Заговорщик	293
Реставрация	—
Карл X	304
ГЛАВА 12. «Да здравствует Лафайет! Долой Бурбонов!»	312
Июльские дни	—
Программа Ратуши	330
ГЛАВА 13. Ветеран	335
Разрыв	—
Последние годы	345
ПРИМЕЧАНИЯ	357

Черкасов П.П.

Ч-48   Лафайет: Политическая биография.—М.: Мысль,
1991. — 376[3] с., [8] л. ил.
ISBN 5-244-00505-7

В книге рассказывается о Жильберсе де Лафайете — участнике трех революций: Американской 1774–1783 гг., Великой французской 1789–1799 гг. и Июльской революции во Франции 1830 г., в каждой из которых он играл видную роль. В его судьбе переплелись романтические приключения и суровые тяготы, прижизненная слава и забвение. Политическая биография Лафайета дана на широком фоне бурных исторических событий. Выразительно представлена портретная галерея современников Лафайета: Дж. Вашингтона и Б. Франклина, Людовика XVI и Марии Антуанетты, Мирабо, Дантона, Александра I и др.

0503030000-051

Ч ————— 33-91

004(01)-91

ББК 63. 3 (4Фр) 5

Монография

ПЕТР ПЕТРОВИЧ ЧЕРКАСОВ

ЛАФАЙЕТ

Политическая биография

Редактор Н.И. Калашникова

Младший редактор А.П. Овсепян

Оформление художника В.И. Харламова

Художественный редактор Н.В. Илларионова

Технический редактор Ж.М. Голубева

Корректор Т. М. Шпиленко

ИБ № 3866

Сдано в набор 20.11.90. Подписано в печать 11.07.91. Формат 84 × 108 1/32. Бумага типографская № 1. Печать высокая. Гарнитура «Таймс». Усл. печатных листов 21 с вкл. Усл. кр.-отт. 21. Учетно-издательских листов 22,02 с вкл. Тираж 80 000 экз. Заказ № 668. Цена 4 р. 20 к.

Издательство «мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский пр., 15.

Московская типография № 11. 113105, Москва, Нагатинская, 1.

PIOTR TCHERKASSOV

LAFAYETTE

La biographie politique

L'historiographie soviétique de la Grande Révolution française a été toujours très favorable aux jacobins et en même temps a été très critique aux tous les autres acteurs de ce drame héroïque — les feuillants, les girondins, les thermidoriens et les royalistes bien sûr. C'est pourquoi le général Lafayette a été présenté dans les encyclopédies soviétiques et dans les ouvrages historiques comme le traître de la révolution, le contre-révolutionnaire et le royaliste. Par ailleurs, ni un seul livre n'a pas été publié à l'URSS sur l'héros des Deux Mondes pendant soixante-dix ans.

L'ouvrage de M. Piotr Tcherkassov, docteur ès sciences, directeur de recherches à l'Institut d'histoire universelle auprès l'Académie des sciences de l'URSS, c'est la première biographie soviétique du général Lafayette. L'auteur a utilisé les nombreux documents publiés en France et aux Etats-Unis, l'héritage épistolaire de M. Lafayette et surtout les documents non publiés de l'ambassade russe à Paris dès 1777 jusqu'à 1834.

Барг М. А. Английская революция XVII в. в портретах ее деятелей. 25 л., ил.

Книга посвящена истории Английской революции XVII в., написана в жанре исторических биографий наиболее известных деятелей этой революции – Кромвеля, Лильберна, Уинстенли. Каждый из этих деятелей символизирует особый тип революционности и тип революционера XVII в., позицию определенного социального класса на различных этапах революции. Высокий уровень научного исследования, использование богатейшего документального материала, трудов отечественной и зарубежной историографии, образный эмоциональный язык – отличительные особенности этого произведения. Книга снабжена оригинальным иллюстративным материалом.

В поисках Британии короля Артура/Под ред. Дж. Эша. Пер. с англ. 20 л., ил.

В книге освещаются истоки легенды о короле Артуре, собравшем в своем замке Камелот отважных и благородных рыцарей, готовых помочь любому обиженному. Историческая основа легенды – борьба кельтского народа Британии V–VI вв. с германскими племенами. В работе использованы новые материалы, проливающие свет на экономику, социальное устройство, быт и культуру «Артуровой Британии».

Райцес В. И. Две жизни Жанны д'Арк. 20 л., ил.

В книге сделана своеобразная попытка связать воедино две интересные темы: жизнеописание легендарной героини Франции Жанны д'Арк и то, как менялся ее образ в исторической мысли с конца средневековья до наших дней. Опираясь на обширный документальный материал, автор дает подлинную, свободную от искажений и мифологизации картину подвигов Жанны д'Арк. Большое внимание уделяется также ее образу в литературе и искусстве. Впервые освещается тема «Жанна д'Арк в России». Патриотический подвиг Жанны д'Арк раскрывается на широком фоне истории Франции XV в., изобилующей захватывающими событиями. Книга богато иллюстрирована.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Наиболее полную информацию о готовящихся к выпуску книгах издательства «Мысль» по философии, истории, географии можно получить из ежегодных аннотированных тематических планов выпуска литературы, имеющихся во всех книжных магазинах страны.

Сведения о выходящих в свет изданиях регулярно публикуются в газете «Книжное обозрение».

